РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

3

Орёл
2015

РУССКОЕ ПОЛЕ

**РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

**2015
№3**

выходит два раза в год

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Главный редактор **Леонард Золотарёв,**
Владимир Коротеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

РЕДАКЦИЯ
Коротеев Владимир Ильич –
ответственный за аграрно-публицистический блок
Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художественный блок
Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь
Золотарёв Игорь Леонардович –
ответственный за науку, литературную критику
Катанов Василий Михайлович –
отдел очерка и прозы
Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения
Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Коротеев Владимир Ильич –
руководитель Департамента сельского хозйства Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Логвинов Владимир Николаевич –
Глава Орловского района,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (г. Пушкин, Подмосковье),
Шендаков Андрей Игоревич –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo@yandex.ru

ББК 92
УДК 3 (2)
З-80

Русское поле. Российский аграрно-публицистический и литературно-художественный журнал. – №3: – Орёл: Департамент сельского хозяйства Орловской области и писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2015. – 288 с., илл.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва творческими коллективами аграриев и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В аграрно-публицистическом блоке выступают руководители, специалисты сельского хозяйства, видные работники культуры, историки, краеведы.

В литературно-художественном, публицистическом блоке свои лучшие произведении представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2015

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Год 2015-й объявлен Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным Годом литературы. Что за этим стоит, какой смысл несут эти два слова? На мой взгляд, он объёмный, многозначный, в нём важны возрождение и преображение, о чём говорил и Глава администрации Болховского района Михаил Леонидович Дорофеев, встречаясь с читателями на заседании клуба интеллигенции «Светлица» в библиотеке имени Бунина в Орле.

Итак, возрождением духовности, преображением человека, народа – этим и занимается литература. Слово поэта, писателя призвано служить укреплению нравственных устоев общества, мотивируя человека двигаться к совершенствованию. Даже в XX веке «Моральный кодекс строителя коммунизма» не нашёл ничего другого, как опереться на лучшие нравственные традиции, на то, что издавна было одухотворено и освящено православной верой и что было сохранено в недрах нашего народа, а именно, в «Заповедях жития» (десять) и «Заповедях блаженства» девять), на чём зиждилась наша классическая литература.

Вот что говорил в Колонном зале Дома Союзов на одном из писательских съездов первый директор пушкинского музея в Михайловском С. Гейченко:

– Александр Сергеевич Пушкин знал «Заповеди блаженства» и претворял их в своём творчестве.

Заповедь пятая

Блаженны – милостивы те,
Кто милосердны, сострадальцы.
Ведите падших к красоте,
Как к алтарям бредут скитальцы.
Скрываясь в тернии души,
В никем невидимые слёзы,
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.
Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех, –
Они несут тебе надежды,
Что ты ведь тоже Человек.
За подвиг их, великий труд
Им боги руку подадут.

Духовное возрождение, нравственное совершенствование, укрепление семьи, общества, государства – вот чем испокон веков занималась русская литература. Ещё со «Слова о полку Игореве», повести о житии святых Петра и Февронии Муромских. В чём же состоял их духовный подвиг, «чудотворение?» У князя Игоря – в защите границ Руси от наседавших степняков, у святых Петра и Февронии – в укреплении семейных устоев. Повесть о житии муромских святых – одно из первых произведений о любви, созданных когда-либо на Руси. Любовь тут побеждает всё: соблазны,

болезни, горе, беды, разлуку и торжествует как тайная сила жизни, естественное и прекрасное чувство. Это неодолимая стихия придаёт жизни смысл, устраняет страхи смерти как слепой и разрушительной силы. Человек уже не шаткий тростник перед вечностью, а венец творения, данного свыше, от Бога.

Идея спасения души была настолько сильна на Руси, что, пройдя через века, она оказалась действенной и значимой позже, например, в XIX веке, при отражении нашествия Наполеона. Недаром кафедральный храм в Москве посвятили героям 1812 года, а сам храм увенчали именем Спасителя – Иисуса Христа. Входишь в смысл повести о житии муромских святых, и возникает мысль из заповедей жития о долготерпении: как не отступить перед злом, преодолеть препятствия и осуществить свою мечту?

Заповедь девятая

Блаженны те, кто, претерпев гоненья,
И путь торя, свой беззаветный путь,
Не потеряли радости, горенья,
Кому любовь ещё вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолеваешь.
Готов страдать, давая жизнь другим.
Так сам себя, свой крест и понимаешь.
Стоишь за Правду, можешь и моги!

Останься благ в кипящих сонмах зла!
Останься светел во грядущей тьме!
Идёшь босым по терниям, кроме –

Кровь по следам твоим ещё тепла…
И подвиг твой, тот дом, который будет,
Признают, наконец – то, люди!

Смотришь, к примеру, на ту же Ефросинью, и возникает мысль из «Заповедей жития» о долготерпении. Как не отступить, преодолеть и постичь, осуществить свою мечту? Если, как Ефросинья, одолеешь невзгоды, не изменишь себе, своим внутренним силам, данным свыше, только в таком случае постигнешь законы мироздания, общества, сможешь жить в согласии с совестью. Препятствия будут побеждены силой духа, непоколебимой нравственностью. Свобода воли Ефросиньи – это любовь к супругу, служение семье, людям, это долготерпение. Поэтому так лучезарен её образ в русской литературе, подобен пушкинскому образу Татьяны Лариной в романе «Евгений Онегин».

Отмечая в 2015 году Год литературы, мы, безусловно, опираемся на такое имя в нашей литературе, которое очень много значит для нас, – это Пушкин. Эталон, термометр, высокий градус, достояние нации. С него мы начинаем отсчитывать новое время в истории русского языка, русской литературы. Недаром в день рождения поэта мы проводим двойной праздник: День русского языка и День появления на свет солнца нашей поэзии – Пушкина. Каждый год по всей России, как и у нас на Орловщине, отмечается эта дата: и в самом Орле – у памятника Пушкину, что у здания филологического факультета госуниверситета, и в Малоархангельске, тоже у памятника Пушкину, где мы с мэром, выступая перед жителями Малого города, говорим о значении для русского языка Пушкина и значении Пушкина для русского языка.

Вот какие пушкинские стихи звучат у высокого пьедестала.

19 октября

Друзья мои, прекрасен наш Союз.
Он, как судьба, неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью добрых муз.

И поневоле в душе возникают многие слова нашего Пушкина, которого знаем с детства. Вот, на мой взгляд, одно из лучших его стихотворений.

Поэту

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдёт ненужный шум.
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою холодной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай тоска его бранит
И плюнет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник (1830).

Так уж исторически получилось, что всё в культуре у нас связывается с именем Пушкина, а не только литература. Чуть что – так строчка из Пушкина возникает вдруг в тебе ни с того, ни с сего.

«Приветствую тебя, пустынный уголок!»
«Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!»
«Редеет облаков летучая гряда».

И тут же в тебе рождаются слова о нём, о Пушкине. Пишу с таким восхищением, что слова сами сбиваются в строки, в ритмические волны, накатывающие в тебя.

Пушкину

Я молодой, душа ещё жива!
Испив своё, пленяться не устала.
От Пушкина кружится голова,
Пью и хмелею от его фиала.

Я молодой, мы с Пушкиным вдвоём
То тонем в восхищении своём,
То в синях неба, как орлы, летаем,

Основы бессловесные шатаем,
В плену любви, в кругу своём живём,
Из ничего свободу созидая.

И тут из-за Пушкина выглядывает Лермонтов. Ещё один прекрасный поэт.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

А там Есенин вдруг возникает, как из колодца, из которого я готов пить и пить на коленях.

Не жалею, не зову, не плачу.
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым,
Увяданьем золота охвачен,
Я не буду больше молодым.

И пошло, покатило от Пушкина через весь век девятнадцатый, двадцатый, в наше время.

Вот Николай Заболоцкий.

Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно…
Когда потёмки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Её прекрасные глаза.

И так много, очень много можно вспомнить – и настоящих поэтов, и настоящие строки. В чём чудеса, почему они возникают? Искренне, от всей души слагают строки свои прекрасные поэты всех времён и народов. И особенно тут у нас, на Серединной Руси, где творили Есенин, Фет, Тютчев. Отчего? В высоконравственной душе их малая, а за ней и наша великая Родина, за которую все русичи готовы сложить свои головы, что и делали в последней, самой кровопролитной войне.

Когда на всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

И это всё о нём – о таланте, о русском слове, о поэзии, а проза? И проза движется, можно сказать, по тем же рельсам, законам. Возьмите Гоголя – поэзия, музыка, недаром свои «Мёртвые души» назвал он поэмой. А строки Тургенева – такие поэтичные, ритмичные, стихи в прозе. А Бунин?..

Возрождение духовности несут писатели людям, надежду на спасение, а это всё нравственность: и Лев Толстой, и Тургенев, и Лесков. Однако в последние годы куда-то дели мы гуманизм. Какие же ценности исповедуем? Откуда берём их? Из говорящего ящика телевизора, из интернета? А где душа, где твоя малая родина, да и великая. Как и в каких словах, в каких молитвах живут они, наша родина, родные края? Краеведение есть и тут, в нашем журнале. Патриотическая тема, и она

существует, конечно, в статьях наших авторов, в хороших стихах, которых немало на страницах «Русского поля».

Так что сказать о том, откуда вечный источник, с чего браться поэзии, хорошей литературе? А сверху – от Бога. Талант – дар божественный. Беречь его надо и людям, и поэту самому в себе. Главное – будь аккуратен, не хватай деньги всуе, не делай из них фетиша, они, как правило, не связаны с талантом, с песнопением гения. В них – сатанизм. А талант чист, это божественный дар. А что мы часто видим? Как гоняется кто-то за благами, за всяческими званиями, лезут за премиями, как тараканы, карабкаются вверх по иерархической лестнице. И думает этот некто, что он заводит грамофон. Графоманы, графы! Вы не Толстые. Лев Николаевич Толстой пренебрёг даже Нобелевской премией, говорят, в пользу бедных – одного необеспеченного, но достойного поэта из Франции – Сюлли – Прюдома. Тургенев же подкармливал французских друзей своим звонким золотым рублём.

Хочется закончить эту колонку главного редактора, на оптимистической ноте. К примеру, «Утром туманным» (В дороге) Ивана Сергеевича Тургенева, этим гимном русской интеллигенции.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.
Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первая встреча, последняя встреча,
Тихого голоса звуки любимые.
Вспомнишь разлуку с улыбкою странною,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

О, Русская земля! Ты уже за холмом.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..

Что это? Вздох древнего летописца при виде княжеской междоусобицы перед полымем вражеского нашествия? Или голос поэта в годину беды, когда фашистские танки лавиной подминали под себя просторы Родины?

Или это раздумья сегодняшнего молодого человека, предчувствующего, какую ответственность возлагают ему на плечи история и современность, какие тревоги и победы суждено ещё пережить его отечеству?

О, Русская земля!

Многое видела ты на своем веку за долгие свои столетия. Бесчисленные кони кочевых племен соединялись в необоримый поток — всемирный потоп татаро-мон-

гольской конницы. Западные захватчики чёрной оспой ядер пятнали прекрасные башни Пскова, Изборска, Новгорода. С севера шли ярлы и конуги. С юга — ханы и паши...

Отовсюду! Из века в век! Но. не знающая покоя под набатом колоколов, в зареве сигнальных огней и несчитанных пожарищ, ты на удивление врагам подымалась перед ними всё могущественней и величественней.

Почему?

Не было, казалось, у тебя ни клочка земли, неведомой твоим недругам. До новгородских болот долетали с Керулена стрелы Чингиза. В глухих костромских лесах блуждали польско-шведские отряды. Побывал в Москве Наполеон. Но, уходя из Москвы, русские люди гением Кутузова верили в окончательную победу. В глухих костромских лесах неугасимой под метелью верой билось — и бьётся в поучение нам доныне! — сердце Ивана Сусанина. И когда Средняя Русь откупалась ясаком от жадных баскаков, накапливал свежие силы господин Великий Новгород...

Заповедный край русской земли недругам только снился. Её чистое небо и живая вода. Её книга голубиная. Заповедная область народного духа, национального самосознания.

Как ручьи и ручейки, продираясь сквозь лесные чащобы, сливаясь в речки и реки, образуют великую Волгу, так трудно и долго сплачивалась и укреплялась — да сплачивалась и укреплялась! — Русская земля. Вольные песни одевались белоснежным камнем звонниц и храмов, подымавших свои кресты, как боевые мечи. Колокола гремели то в честь победы Александра Невского на Чудском озере, то в честь победы Димитрия Донского на Куликовом поле, то в честь победы Петра Первого под Полтавой. Русский человек учился быть гордым подвигами соотечественников.

«Я — русский!» — говорил он себе, когда налетала очередная грозовая туча, которую нельзя было удивить многочисленностью воинов, которую можно было усмирить лишь крепостью и единством народного духа.

«Я — русский!» — так говорил он не только сам себе.

Гражданственностью и патриотизмом издревле славилось русское слово. Перечитайте «Поучение Владимира Мономаха», страницы русских летописей. Вспомните начало всех начал — «Слово о полку Игореве». «Кукушкой плачет на путивльской стене» — и сейчас скорбной песне Ярославны откликается любое истинно русское сердце. Разорена страна, в плену её сокол, далеко разносится плач, но звучит в нём надежда, слышится вера... Русское слово всегда было под стать своему великому народу!

Так было и в трудные времена становления Русского государства.

Так было и в блистательном девятнадцатом веке, когда гением Пушкина русское слово раскрылось в обновленном величии. Солнцем нашей поэзии остался на века великий Пушкин. От него, как от солнца, идут световые ливни.

Так было и на памяти сегодняшних ветеранов.

Так было и в незабываемые годы Великой Отечественной войны, когда вновь качнулись весы истории...

Утверждение исторического и культурного значения русской нации, любви к Родине и патриотизма явилось могучим духовным оружием. 27 июня 1941 года в «Правде» появилась статья Алексея Толстого «Что мы защищаем»: «Это — моя родина, моя родная земля, моё отечество, — и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...». 7 ноября, когда фашисты стояли под Москвой, «Правда» напечатала статью А. Толстого «Родина»: «Земля отчич и дедич немало поглотила полчищ, наезжавших на неё насильников... Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть её... Так было, так будет. Ничего, мы сдю-

жим...». Наш солдат наряду с традициями революционной борьбы наследовал и традиции русского патриотизма прошлых веков, обратившись к именам и деяниям русских полководцев, вселявших уверенность в победе, русских поэтов, напоминавших о величии русской культуры. Ибо вокруг традиций организуется наше национальное самосознание.

Как оно свежо и сейчас, патриотическое слово грозовых лет!

И слово «русский» поистине синонимом слова «освободитель» звучало на всех языках мира!

Что для истории двадцать лет? Но и они прошли, снова — Россия впереди, снова — слава России! Первым в космос подымается русский парень из старинного русского города, сегодняшнее воплощение и олицетворение России — Юрий Гагарин. И десять веков отечественной истории, обнажив головы и подняв к небу изумленные очи, рукоплещут России нынешней.

И снова сердца поэтов полнятся гордостью за свою страну, за народ, и эта гордость плещется, как из полного медового кубка...

Сложны порой пути поэзии. Но у великого народа может быть только великое Слово – народное, вдохновенное, патриотическое. В нём не только звон боевого щита, в нём биение вешних ручьев, дуновение волжского ветра, отзвук таёжных проводов, колыхание безбрежных нив.

Народ растёт, строит, помнит и любит своё прошлое, мечтает о будущем... О, Русская земля!..

ВЛАДИМИР ТОЛСТОЙ

РЕКА НАРОДНАЯ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

Беседовала Ольга Шевлякова

Владимир Толстой – праправнук Льва Николаевича, в начале творческого пути – журналист, почти 20 лет хранитель и созидатель знаменитого яснополянского музея-усадьбы. А с 2012 года – советник президента В.В. Путина. На старте Года литературы, коим объявлен 2015-й, мне довелось побеседовать с Владимиром Ильичом в Ясной Поляне.

«Основы» объединяющие

– Владимир Ильич, совсем недавно на официальном уровне был завершён Год культуры. О каких результатах и значимых инициативах, принятых и реализованных на государственном уровне, можно говорить? Не стала ли эта акция лишь формальностью?

– Нет, по счастью, на мой взгляд, не стала. В отличие от многих других «годов», которые объявлялись раньше, вроде Года семьи, русского языка или, например, экологии... Люди не очень чувствовали, чем один отличался от другого. Год культуры прошёл, по моему ощущению, очень неформально и был воспринят на местах с воодушевлением. Люди поверили: культура действительно возвращается на какое-то важное место в жизни общества и государства. Как никогда много об этом говорил и президент, и руководители регионов, прошло очень много региональных форумов, посвящённых культуре: в Ульяновске, Хакасии, Оренбурге... Да

практически по всей России. Было построено довольно много крупных знаковых объектов... Дан старт большим долгосрочным преобразованиям.

Для меня же, конечно, главным результатом года стало то, что Владимир Владимирович Путин подписал ключевой документ «Основы государственной культурной политики», который разрабатывался практически весь год. 24 декабря 2014-го состоялось совместное заседание Государственного совета и Совета по культуре, посвященное этому событию.

– Упомянутый документ готовился с вашим непосредственным участием. В своё Время он вызвал немало споров, широко обсуждался в Интернете и не раз дорабатывался. Но к консенсусу прийти, как видно, удалось. Какими «Основы» получились в итоге?

– Действительно, разные редакции «Основ» вызвали очень много споров. Но президент поставил совершенно понятную и чёткую задачу: «Основы государственной культурной политики» должны стать документом, консолидирующим общество, не вызывающим раздражения у различных групп населения. Задача оказалась очень непростой: мнения приходилось учитывать разные, зачастую полярные, подбирать цели, задачи, принципы, слова, с которыми согласилось бы большинство граждан России. Я доволен итоговым текстом, который прошёл абсолютно честное и очень широкое обсуждение.

Как известно, он был опубликован в конце мая 2014 года и до 30 сентября обсуждался на самых разных площадках: на государственных заседаниях, профессиональных конференциях и форумах, в Сети, наконец. Все это стекалось в нашу рабочую группу. Представьте – почти 12 тысяч самостоятельных предложений, которые нужно было изучить, проанализировать... Окончательный текст в итоге довольно сильно отличался от первоначального варианта, именно потому что было учтено большинство разумных замечаний, которые высказывались в ходе прений. Но даже те предложения, которые по тем или иным причинам не могли войти в итоговый текст «Основ», пригодятся на следующем этапе работы, то есть уже сейчас.

Сами «Основы» лишь формулируют главные принципы, концепты. А дальше, уже к концу этого года, необходимо разработать стратегию реализации проекта. Этот процесс уже запущен. И тем более удачно получилось, что 2015-й был объявлен Годом литературы. Это стало в символическом смысле эстафетной палочкой, дающей возможность дальнейшего усиления внимания культуре в целом. Так что все те хорошие, значимые проекты и инициативы, которые были начаты в 2014 году, в 2015-м, надеюсь, получат развитие. Немного огорчает только, что всё это будет происходить в условиях довольно суровой экономической ситуации.

В центре – человек

– К вопросу финансирования проектов.

Будет ли всё же создан Фонд культурного развития, на который возлагаются большие надежды?

– Сейчас решать эти вопросы гораздо сложнее, чем, допустим, было бы год назад. Тем не менее, осуществление наших задумок возможно. Во-первых, потому что они не однодневки. Если говорить о реализации «Основ государственной культурной политики», объективно для этого нужно лет 20-25. Тогда мы получим ощутимые результаты. Глобальные задачи рассчитаны на достаточно серьёзную перспективу. А Фонд – да будет создан.

– А какие они, эти глобальные задачи, о которых вы говорите?

– Впервые культура рассматривается не как деятельность учреждений культуры, а как фундаментальная ценность. Она объединяет и вопросы воспитания, просвещения, образования, и деятельность средств массовой информации, и архитек-

турные аспекты, имеющие отражение в облике наших городов и поселений. Если говорить о сверхзадаче, в центре этой новой концепции – человек. У нас огромная страна, с огромной территорией, с очень разными возможностями, разным уровнем жизни и, самое главное, разной степенью доступа к культуре, культурным ценностям. В крупных городах столичного уровня – Москве, Санкт- Петербурге, Казани, в городах-миллионниках есть большой выбор театров, фестивальных, концертных площадок, иных учреждений культуры. В городах поменьше выбор существенно сужается, в малых городах, поселениях выбора этого зачастую нет вовсе. Вместе с тем во всех этих населенных пунктах живут граждане одной страны. И задача государства – найти способы обеспечить доступ каждого к культуре. Это очень важно, потому что от того, насколько у человека с детства выработана привычка соприкасаться с образцами прекрасного, настолько он будет развиваться дальше. Если первоначально не иметь для этого возможности, со временем исчезнет и потребность. К сожалению, таких примеров сейчас немало.

Не по законам рынка

– Владимир Ильич, кажется, в этой же плоскости находится вопрос рентабельности культуры. Совместимо ли, на ваш взгляд, одно с другим?

– Как мне кажется, мы впервые предприняли попытку говорить о том, что не всё регулируется законами рынка. У государства есть задачи очень важные, которые невозможно решить с помощью рыночных механизмов. К примеру, киносеть сейчас полностью отдана в руки частному бизнесу. Итог – в маленьких городах зачастую нет кинотеатров: частнику невыгодно их открывать, потому что не окупятся. Но это не значит, что этого не нужно делать. Другой пример – производство документального кино, которое никогда не будет рентабельным. Опять же, это не означает, что такой вид киноискусства не нужен государству. То же самое можно сказать о качественной, высокой литературе...

Издательский бизнес опять же отдан в рынок. Поэтому сегодня вы с трудом найдёте на полках книжных магазинов произведения, например, блистательного Вампилова, Тендрякова, Трифонова, Абрамова. А это большая литература, формирующая национальную культуру. И без продуманной государственной поддержки она начинает исчезать.

Меня часто спрашивают: зачем вообще нужна государственная политика в сфере культуры? Так вот, она нужна только для того, чтобы понять, какие из её, культуры, элементов, выполняющие важные общественные функции, не способны выжить без госрегулирования, поддержки, причём даже не всегда финансовой. Потерь за последнюю четверть века довольно много. И сейчас мы находимся на такой черте, за которой может быть утрачена, скажем, передача мастерства от старшего поколения следующему. Поэтому мы посчитали, что нужно выделить определенные направления, обозначить приоритеты.

Тонкости господдержки

– Вы затронули тему господдержки в сфере культуры. Вспоминается недавний не очень приятный скандал в этой связи вокруг фильма Андрея Звягинцева «Левиафан». Есть ли критерии отбора: что войдёт в золотой фонд, а что нет, выполняет ли то или иное произведение искусства важную общественную функцию или нет?

– В этом случае главное – избегать узости взглядов. Любой кинофильм, спектакль, литературное произведение и т.п. – продукт творческого поиска художника. Запуская проект, никто точно не может знать, что будет в результате.

Возможно, итогом станет творческая неудача, даже у самого известного и опытного автора. Словом, очень много есть разных составляющих. Скажу лишь, что чем

больше государство пытается запрещать, тем большее желание протеста возникает у художника. Лично я противник прямых запретительных мер. Видеть нужно шире и дальше. В противном случае возникает главный вопрос: а судьи кто? В любом случае, никто из тех, кто принимает решение, кого поддержать, не вправе руководствоваться своим личным вкусом.

Кстати, что у нас тоже почти исчезло – это честная критика, а без этого творческий процесс хромает. Можно воспеть любое, не обладающее никакими серьёзными художественными достоинствами произведение, вложив большие деньги в раскрутку. Зачастую нынешние «медийные лица» создаются искусственно, они образуют кланы и группы, которые порой вершат судьбы других, получая доступ к распределению финансирования. В итоге не финансируются дебюты, талантливые молодые люди вынуждены уходить из профессии... Складываются системные кризисы. И только системно можно попытаться их разрешить. Задача государства здесь – помочь создать такие формы отношений, чтобы выстроить более справедливые системы оценки и, самое главное, дать равные большие возможности для старта максимально широкой аудитории. Если государство выстраивает разумные правила игры, оно может позволить ускоренными темпами развиваться позитивным процессам и осторожно сдерживать негативные. Хотя тема эта очень тонкая и деликатная. Здесь нельзя влетать с шашкой наголо. Иначе разрушается главное – содержательная основа деятельности. Разрушается мгновенно. А создавать всё заново приходится очень долго.

Могу привести пример Ясной Поляны. Мне понадобилось 18 лет работы, для того, чтобы последовательно и постепенно выстроить систему в том виде, в котором она существует сейчас. Конечно, какие-то успехи были заметны и через два-три года, более глобальные – лет через пять-семь. На этом уровне мы закрепились, стали развивать, расширять полученные результаты. Всё это приобретало системный характер, включая, кстати, и наши образовательные проекты. Сегодня в Ясной Поляне есть детский сад, дом культуры, который является реальным центром здешней культурной жизни. Мы вообще никогда не занимались здесь разовыми акциями. Все проекты носили и носят долгосрочный характер, набирают обороты, постепенно выходят на новый уровень.

Судьба Ясной

– Кстати, о Ясной Поляне. Вы столько лет пробыли её директором – подняли из упадка до нынешнего процветания, преодолевая сопротивление времени и среды. Не жаль было оставлять? Нет ли тоски по дому?

– Я получил предложение от президента, на которое должен был ответить за одну ночь. И ответил согласием. Да по-другому и невозможно было. Дело в том, что я тогда своей критикой отчасти сам такой поворот событий спровоцировал. Я как бы бросил вызов, который был принят. И тут уже мне необходимо было отвечать: попытаться сделать что-то самому, доказав, что могу не только критиковать. С другой стороны, я не мог допустить, чтобы здесь (в Ясной Поляне. – Прим. ред.) всё, что выстраивал так долго, начало разрушаться. Поэтому было принято решение, очень сложное для семьи, но единственное спасительное для музея-усадьбы – оставить в качестве директора мою жену, Екатерину Александровну.

– А сейчас вы принимаете какое-то участие в судьбе Ясной Поляны?

– Очень аккуратно. Я точно не вмешиваюсь в процесс руководства, потому что руководитель всегда должен быть уверен в том, что он принимает решение, а не является марионеткой. Но когда Катя со мной советуется, естественно, я что-то подсказываю, делюсь своим взглядом на ситуацию. По каким-то вопросам мы спорим... Но в целом такая вот «смена руководства» стала очень позитивной вехой в жизни

Ясной Поляны. 18 лет все-таки большой срок. И какие-то вещи за это время перестаешь остро чувствовать и замечать. Катя пришла со свежим взглядом, хотя и до своего назначения работала в музее-усадьбе, рядом со мной. В результате из музея не ушёл ни один человек, организм продолжил работать, возможно, даже с какими-то новыми импульсами. Такой вот пример удачного стечения обстоятельств.

– А вам было сложно вдруг оказаться в несколько несвойственной роли – советника президента?

– Скорее непривычно. В том смысле, что здесь, в Ясной Поляне, работа у меня была очень творческая, несмотря на то, что она была управленческой. А на новом посту деятельность гораздо более чиновничья. Есть определенная система иерархий, взаимоотношений с правительством, ведомствами, министерствами, внутри администрации президента, в которую необходимо было встроиться. Но могу сказать, что реальность оказалась лучше, чем мои первоначальные предположения. Системный подход не позволяет быстро достигать успехов, но работа в команде даёт множество плюсов.

В Год литературы

– Владимир Ильич, 2015-й – Год литературы. Планируется ли на государственном уровне создание какого-либо механизма поддержки литературного процесса?

– Могу сказать, что мне хотелось бы, чтобы было реализовано. Если о совсем глобальном – выйти на системные изменения методики преподавания литературы в школе. На мой взгляд, в своё время был выбран не совсем верный вектор. Преподавание литературы в школе сейчас носит скорее литературоведческий характер. Детей заставляют разбираться в том, чем ямб отличается от хорея, а метафора от гиперболы. Но не это важно, особенно в русской литературе. Самое главное – это смысл, эмоциональное воздействие на человека, его душу, мировоззрение. Гораздо полезнее, с моей точки зрения, было бы в самых начальных классах просто читать с детьми вслух и обсуждать прочитанное. Нужен процесс общения. И произведения необходимо выбирать те, которые затрагивают что-то в детской душе. Главная задача школьного обучения – не напичкать голову знаниями, а увлечь, пробудить интерес к познанию.

Хотелось бы ещё, чтобы удалось преодолеть искусственные, на мой взгляд, распри между писательскими союзами. В ноябре 2013 года произошло очень важное событие – литературное собрание, где присутствовали не только писатели, поэты, переводчики, но и издатели, библиотекари, музейщики – все, кто имеет отношение к слову. Тогда появилась идея создания всероссийского литературного общества, которое бы объединяло, а не разделяло людей. Очень хорошая, мне кажется, идея. Но смысл в этом есть только в том случае, если у вновь образованной структуры будет понятная ресурсная база. Потому что собираться только для того, чтобы делить портфели, бессмысленно. Если же появится возможность давать гранты на издательские проекты, поддерживать литературные дебюты, устраивать интересные встречи, выступления писателей в школах, университетах – это будет замечательно.

Словом, если к итогу Года литературы мы выйдем на несколько таких крупных изменений, я буду доволен.

Мир книг

– Что вы сейчас читаете?

– Читаю я очень много. Одна из причин – это литературная премия «Ясная Поляна», членом жюри которой я являюсь (как, кстати, и «Большой книги», и Горьковской литературной премии. – Прим. ред.). В этом году она будет вручаться уже

в четырнадцатый раз, мы решили увеличить количество номинаций. Так вот, как член жюри я прочитываю каждый год по 50-60 романов, которые номинируются. Кроме того, я дружу со многими писателями, они дарят книги, и я стараюсь их тоже успеть прочитать.

Из последнего... Один из участников яснополянских встреч Василий Голованов написал огромный труд... Даже не знаю, как точно определить жанр – скорее всего, путевые заметки. О Каспии, всех странах, к нему примыкающих. На мой взгляд, очень интересное и художественно, и психологически, и философски, и геополитически литературное исследование. Только что вышла третья книга Павла Басинского о Толстых «Лев в тени Льва» – имеется в виду сын Льва Николаевича, Лев Львович. Это уже такая семейная сага, для меня, конечно, тоже представляющая большой интерес. Тем более Басинский – очень талантливый, на мой взгляд, автор. Также хочу отметить последнюю книгу Алексея Варламова «Мысленный волк». Это из того, что сейчас лежит у меня на столе.

– А что вы как советник по культуре советовали бы почитать Владимиру Владимировичу Путину?

– У Владимира Владимировича, совершенно точно, есть что почитать. Да и я в такой степени не рискую вмешиваться в его выбор. Но мне приятно, что в своих выступлениях он достаточно свободно и очень уместно цитирует и Лермонтова, и Есенина, и Пушкина, и Ильина, и Николая Фёдорова, и других русских мыслителей. Это говорит о том, что он видит ситуацию шире и чётко понимает: литература и философия помогают поднимать уровень решения поставленных задач.

Биография

Владимир Ильич Толстой – советник Президента Российской Федерации, секретарь Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, праправнук Льва Толстого. Родился 28 сентября 1962 года в с. Троицкое Московской области. Окончил факультет журналистики МГУ. В 1982-1992 годах работал в газете «Студенческий меридиан». В 1992-1993 годах был ведущим экспертом отдела музеев Министерства культуры России. В 1994-2012 годах директор музея-усадьбы «Ясная Поляна». С 2012 года – советник Президента РФ. В 2012 году награждён орденом Дружбы «За большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность». Лауреат премии Владимира Высоцкого «Своя колея». Заслуженный работник культуры РФ.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

АННА КАРЕНИНА

Из романа

Личное дело, занимавшее Левина во время разговора его с братом, было следующее: в прошлом году, приехав однажды на покос и рассердившись на приказчика, Левин употребил свое средство успокоения — взял у мужика косу и стал косить.

Работа эта так понравилась ему, что он несколько раз принимался косить; выкосил весь луг пред домом и нынешний год с самой весны составил себе план — косить с мужиками целые дни. Со времени приезда брата он был в раздумье: косить

или нет? Ему совестно было оставлять брата одного по целым дням, и он боялся, чтобы брат не посмеялся над ним за это. Но, пройдясь по лугу, вспомнив впечатления косьбы, он уже почти решил, что будет косить. После же раздражительного разговора с братом он опять вспомнил это намерение.

«Нужно физическое движенье, а то мой характер решительно портится», — подумал он и решился косить, как ни неловко это будет ему перед братом и народом.

С вечера Константин Левин пошел в контору, сделал распоряжение о работах и послал по деревням вызвать на завтра косцов, с тем чтобы косить Калиновый луг, самый большой и лучший.

— Да мою косу пошлите, пожалуйста, к Титу, чтоб он отбил и вынес завтра; я, может быть, буду сам косить тоже, — сказал он, стараясь не конфузиться.

Приказчик улыбнулся и сказал:

— Слушаю-с.

Вечером за чаем Левин сказал и брату.

— Кажется, погода установилась, — сказал он. — Завтра я начинаю косить.

— Я очень люблю эту работу, — сказал Сергей Иванович.

— Я ужасно люблю. Я сам косил иногда с мужиками и завтра хочу целый день косить.

Сергей Иванович поднял голову и с любопытством посмотрел на брата.

— То есть как? Наравне с мужиками, целый день?

— Да, это очень приятно, — сказал Левин.

— Это прекрасно, как физическое упражнение, только едва ли ты можешь это выдержать, — без всякой насмешки сказал Сергей Иванович.

— Я пробовал. Сначала тяжело, потом втягиваешься. Я думаю, что не отстану...

— Вот как! Но скажи, как мужики смотрят на это? Должно быть, посмеиваются, что чудит барин.

— Нет, не думаю; но это такая весёлая и вместе трудная работа, что некогда думать.

— Но как же ты обедать с ними будешь? Туда лафиту тебе прислать и индюшку жареную уж неловко.

— Нет, я только в одно время с их отдыхом приеду домой.

На другое утро Константин Левин встал раньше обыкновенного, но хозяйственные распоряжения задержали его, и когда он приехал на покос, косцы шли уже по второму ряду.

Ещё с горы открылась ему под горою тенистая, уже скошенная часть луга, с сереющими рядами и чёрными кучками кафтанов, снятых косцами на том месте, откуда они зашли первый ряд.

По мере того как он подъезжал, ему открывались шедшие друг за другом растянутою вереницей и различно махавшие косами мужики, кто в кафтанах, кто в одних рубахах. Он насчитал их сорок два человека.

Они медленно двигались по неровному низу луга, где была старая запруда. Некоторых своих Левин узнал. Тут был старик Ермил в очень длинной белой рубахе, согнувшись, махавший косой, тут был молодой малый Васька, бывший у Левина в кучерах, с размаха бравший каждый ряд. Тут был и Тит, по косьбе дядька Левина, маленький, худенький мужичок. Он, не сгибаясь, шёл передом, как бы играя косой, срезывая свой широкий ряд.

Левин слез с лошади и, привязав её у дороги, сошёлся с Титом, который, достав из куста вторую косу, подал её.

— Готова, барин; бреет, сама косит, — сказал Тит, с улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левин взял косу и стал примериваться. Кончившие свои ряды, потные и весёлые косцы выходили один за другим на дорогу и, посмеиваясь, здоровались с барином. Они все глядели на него, но никто ничего не говорил до тех пор, пока вышедший на дорогу высокий старик со сморщенным и безбородым лицом, в овчинной куртке, не обратился к нему.

— Смотри, барин, взялся за гуж, не отставать! — сказал он, и Левин услыхал сдержанный смех между косцами.

— Постараюсь не отстать, — сказал он, становясь за Титом и выжидая времени начинать.

— Мотри, — повторил старик.

Тит освободил место, и Левин пошёл за ним. Трава была низкая, придорожная, и Левин, давно не косивший и смущённый обращёнными на себя взглядами, в первые минуты косил дурно, хотя и махал сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь, ему сгибаться как, — сказал один.

— Пяткой больше налягай, — сказал другой.

— Ничего, ладно, настрыкается, — продолжал старик. — Вишь, пошёл... Широк ряд берёшь, умаешься... Хозяин, нельзя, для себя старается! А вишь, подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левин, слушая, но не отвечая и стараясь косить как можно лучше, шёл за Титом. Они прошли шагов сто. Тит всё шёл, не останавливаясь, не выказывая ни малейшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что он не выдержит: так он устал.

Он чувствовал, что махает из последних сил, и решился просить Тита остановиться. Но в это самое время Тит сам остановился и, нагнувшись, взял травы, отёр косу и стал точить. Левин расправился и, вздохнув, оглянулся. Сзади его шёл мужик и, очевидно, также устал, потому что сейчас же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Тит наточил свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На втором приёме было то же. Тит шёл мах за махом, не останавливаясь и не уставая. Левин шёл за ним, стараясь не отставать, и ему становилось всё труднее и труднее: наступала минута, когда он чувствовал, у него не остается более сил, но в это самое время Тит останавливался и точил.

Так они прошли первый ряд. И длинный ряд этот показался особенно труден Левину; но зато, когда ряд был дойдён и Тит, вскинув на плечо косу, медленными шагами пошёл заходить по следам, оставленным его каблуками по прокосу, и Левин точно так же пошёл по своему прокосу. Несмотря на то, что пот катил градом по его лицу и капал с носа и вся спина его была мокра, как вымоченная в воде, ему было очень хорошо. В особенности радовало его то, что он знал теперь, что выдержит.

Его удовольствие отравилось только тем, что ряд его был нехорош. «Буду меньше махать рукой, больше всем туловищем», — думал он, сравнивая как по нитке обрезанный ряд Тита со своим раскиданным и неровно лежащим рядом.

Первый ряд, как заметил Левин, Тит шёл особенно быстро, вероятно желая попытать барина, и ряд попался длинен. Следующие ряды были уже легче, но Левин все-таки должен был напрягать все свои силы, чтобы не отставать от мужиков.

Он ничего не думал, ничего не желал, кроме того, чтобы не отстать от мужиков и как можно лучше сработать. Он слышал только лязг кос и видел пред собой удалявшуюся прямую фигуру Тита, выгнутый полукруг прокоса, медленно и волнисто склоняющиеся травы и головки цветов около лезвия своей косы и впереди себя конец ряда, у которого наступит отдых.

Не понимая, что это и откуда, в середине работы он вдруг испытал приятное ощущение холода по жарким вспотевшим плечам. Он взглянул на небо во время

натачиванья косы. Набежала низкая, тяжёлая туча, и шёл крупный дождь. Одни мужики пошли к кафтанам и надели их; другие, точно так же, как Левин, только радостно пожимали плечами под приятным освежением.

Прошли ещё и ещё ряд. Проходили длинные, короткие, с хорошею, с дурною травой ряды. Левин потерял всякое сознание времени и решительно не знал, поздно или рано теперь. В его работе стала происходить теперь перемена, доставлявшая ему огромное наслаждение. В середине его работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко, и в эти же самые минуты ряд его выходил почти так же ровен и хорош, как у Тита. Но только что он вспоминал о том, что он делает, и начинал стараться сделать лучше, тотчас же он испытывал всю тяжесть труда, и ряд выходил дурен.

Пройдя ещё один ряд, он хотел опять заходить, но Тит остановился и, подойдя к старику, что-то тихо сказал ему. Они оба поглядели на солнце. «О чём это они говорят и отчего он не заходит ряд?» — подумал Левин, не догадываясь, что мужики не переставая косили уже не менее четырех часов и им пора завтракать.

— Завтракать, барин, — сказал старик.

— Разве пора? Ну, завтракать.

Левин отдал косу Титу и с мужиками, пошедшими к кафтанам за хлебом, чрез слегка побрызганные дождём ряды длинного скошенного пространства пошёл к лошади. Тут только он понял, что не угадал погоду, и дождь мочил его сено.

— Испортит сено, — сказал он.

— Ничего, барин, в дождь коси, в погоду греби! — сказал старик.

Левин отвязал лошадь и поехал домой пить кофе.

Сергей Иванович только что встал. Напившись кофею, Левин уехал опять на покос, прежде чем Сергей Иванович успел одеться и выйти в столовую.

После завтрака Левин попал в ряд уже не на прежнее место, а между шутником-стариком, который пригласил его в соседи, и молодым мужиком, с осени только женатым и пошедшим косить первое лето.

Старик, прямо держась, шёл впереди, ровно и широко передвигая вывернутые ноги, и точным и ровным движеньем, не стоившим ему, по-видимому, более труда, чем маханье руками на ходьбе, как бы играя, откладывал одинаковый, высокий ряд. Точно не он, а одна острая коса сама вжикала по сочной траве.

Сзади Левина шёл молодой Мишка. Миловидное молодое лицо его, обвязанное по волосам жгутом свежей травы, всё работало от усилий; но как только взглядывали на него, он улыбался. Он, видимо, готов был умереть скорее, чем признаться, что ему трудно.

Левин шёл между ними. В самый жар косьба показалась ему не так трудна. Обливавший его пот прохлаждал его, а солнце, жёгшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крепость и упорство в работе: и чаще и чаще приходили те минуты бессознательного состояния, когда можно было не думать о том, что делаешь. Коса резала сама собой. Это были счастливые минуты. Ещё радостнее были минуты, когда, подходя к реке, в которую утыкались ряды, старик обтирал мокрою густою травой косу, полоскал её сталь в свежей воде реки, зачёрпывал брусницу и угощал Левина.

Ну-ка, кваску моего! А, хорош? — говорил он, подмигивая.

И действительно, Левин никогда не пивал такого напитка, как эта тёплая вода с плавающею зеленью и ржавым от жестяной брусницы вкусом. И тотчас после этого наступала блаженная медленная прогулка с рукой на косе, во время которой можно было отереть ливший пот, вздохнуть полною грудью и оглядеть всю тянущуюся вереницу косцов и то, что делалось вокруг, в лесу и в поле.

Чем долее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой всё сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты.

Трудно было только тогда, когда надо было прекращать это сделавшееся бессознательным движенье и думать, когда надо было окашивать кочку или невыполонный щавельник. Старик делал это легко. Приходила кочка, он изменял движенье и где пяткой, где концом косы подбивал кочку с обеих сторон коротенькими ударами. И, делая это, он всё рассматривал и наблюдал, что открывалось перед ним; то он срывал кочеток, съедал его или угощал Левина, то отбрасывал носком косы ветку, то оглядывал гнёздышко перепелиное, с которого из-под самой косы вылетала самка, то ловил козюлю, попавшуюся на пути, и, как вилкой подняв её косой, показывал Левину и отбрасывал.

И Левину и молодому малому сзади его эти перемены движений были трудны. Они оба, наладив одно напряжённое движение, находились в азарте работы и не в силах были изменять движение и в то же время наблюдать, что было перед ними.

Левин не замечал, как проходило время. Если бы спросили его, сколько времени он косил, он сказал бы, что полчаса — а уж время подошло к обеду. Заходя ряд, старик обратил внимание Левина на девочек и мальчиков, которые с разных сторон, чуть видные, по высокой траве и по дороге шли к косцам, неся оттягивавшие им ручонки узелки с хлебом и заткнутые тряпками кувшинчики с квасом.

— Вишь, козявки ползут! — сказал он, указывая на них, и из-под руки поглядел на солнце.

Прошли ещё два ряда, старик остановился.

— Ну, барин, обедать! — сказал он решительно. И, дойдя до реки, косцы направились через ряды к кафтанам, у которых, дожидаясь их, сидели дети, принёсшие обеды. Мужики собрались — дальние под телеги, ближние — под ракитовый куст, на который накидали травы.

Левин подсел к ним; ему не хотелось уезжать.

Всякое стеснение перед барином уже давно исчезло. Мужики приготавливались обедать. Одни мылись, молодые ребята купались в реке, другие прилаживали место для отдыха, развязывали мешочки с хлебом и оттыкали кувшинчики с квасом. Старик накрошил в чашку хлеба, размял его стеблем ложки, налил воды из брусницы, ещё разрезал хлеба и, посыпав солью, стал на восток молиться.

— Ну-ка, барин, моей тюрьки, — сказал он, присаживаясь на колени перед чашкой.

Тюрька была так вкусна, что Левин раздумал ехать домой обедать. Он пообедал со стариком и разговорился с ним о его домашних делах, принимая в них живейшее участие, и сообщил ему все свои дела и все обстоятельства, которые могли интересовать старика. Он чувствовал себя более близким к нему, чем к брату, и невольно улыбался от нежности, которую он испытывал к этому человеку. Когда старик опять встал, помолился и лёг тут же под кустом, положив себе под изголовье травы, Левин сделал то же и, несмотря на липких, упорных на солнце мух и козявок, щекотавших его потное лицо и тело, заснул тотчас же и проснулся, только когда солнце зашло на другую сторону куста и стало доставать его. Старик давно не спал и сидел, отбивая косы молодых ребят.

Левин оглянулся вокруг себя и не узнал места: так все переменилось. Огромное пространство луга было окошено и блестело особенным, новым блеском, со своими уже пахнущими рядами, на вечерних косых лучах солнца. И окошенные кусты у реки, и сама река, прежде не видная, а теперь блестящая сталью в своих извивах, и движущийся и поднимающийся народ, и крутая стена травы недокошенного

места луга, и ястреба, вившиеся над оголённым лугом, — всё это было совершенно ново. Очнувшись, Левин стал соображать, сколько скошено и сколько ещё можно сделать нынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорок два человека. Весь большой луг, который кашивали два дня при барщине в тридцать кос, был уже скошен. Нескошенными оставались углы с короткими рядами. Но Левину хотелось как можно больше скосить в этот день, и досадно было на солнце, которое так скоро спускалось. Он не чувствовал никакой усталости; ему только хотелось ещё и ещё поскорее и как можно больше сработать.

— А что, ещё скосим, как думаешь, Машкин Верх? — сказал он старику.

— Как бог даст, солнце не высоко. Нечто водочки ребятам?

Во время полдника, когда опять сели и курящие закурили, старик объявил ребятам, что «Машкин Верх скосить — водка будет».

— Эка, не скосить! Заходи, Тит! Живо смахнём! Наешься ночью. Заходи! — послышались голоса, и, доедая хлеб, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись! — сказал Тит и почти рысью пошёл передом.

— Иди, иди! — говорил старик, спеша за ним и легко догоняя его, — срежу! Берегись!

И молодые и старые как бы наперегонки косили. Но, как они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались так же чисто и отчетливо. Остававшийся в углу уголок был смахнут в пять минут. Ещё последние косцы доходили ряды, как передние захватили кафтаны на плечи и пошли через дорогу к Машкину Верху.

Солнце уже опускалось к деревьям, когда они, побрякивая брусницами, вошли в лесной овражек Машкина Верха. Трава была по пояс в середине лощины, нежная и мягкая, лопушистая, кое-где по лесу пестреющая иваном-да-марьей.

После короткого совещания — вдоль ли, поперёк ли ходить — Прохор Ермилин, тоже известный косец, огромный черноватый мужик, пошёл передом. Он прошёл ряд вперёд, повернулся назад и отвалил, и все стали выравниваться за ним, ходя под гору по лощине и на гору под самую опушку леса. Солнце зашло за лес. Роса уже пала, и косцы только на горке были на солнце, а в низу, по которому поднимался пар, и на той стороне шли в свежей, росистой тени. Работа кипела.

Подрезаемая с сочным звуком и пряно пахнущая трава ложилась высокими рядами. Теснившиеся по коротким рядам косцы со всех сторон, побрякивая брусницами и звуча то столкнувшимися косами, то свистом бруска по оттачиваемой косе, то весёлыми криками, подгоняли друг друга.

Левин шёл все так же между молодым малым и стариком. Старик, надевший свою овчинную куртку, был так же весел, шутлив и свободен в движениях. В лесу беспрестанно попадались берёзовые, разбухшие в сочной траве грибы, которые резались косами. Но старик, встречая гриб, каждый раз сгибался, подбирал и клал за пазуху. «Ещё старухе гостинцу», — приговаривал он.

Как ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутым косогорам оврага. Но старика это не стесняло. Махая всё так же косой, он маленьким, твёрдым шажком своих обутых в большие лапти ног влезал медленно на кручь и, хоть и трясся всем телом и отвисшими ниже рубахи портками, не пропускал на пути ни одной травинки, ни одного гриба и так же шутил с мужиками и Левиным. Левин шёл за ним и часто думал, что он непременно упадёт, поднимаясь с косою на такой крутой бугор, куда и без косы трудно влезть; но он взлезал и делал, что надо. Он чувствовал, что какая-то внешняя сила двигала им.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

МАЛИНОВАЯ ВОДА

Из «Записок охотника»

В начале августа жары часто стоят нестерпимые. В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идёт за ним шагом, болезненно прищурив глаза и преувеличенно высунув язык, а в ответ на укоризны своего господина униженно виляет хвостом и выражает смущение на лице, но вперёд не подвигается. Именно в такой день случилось мне быть на охоте. Долго противился я искушению прилечь где-нибудь в тени, хоть на мгновение; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустам, хотя сама, видимо, ничего не ожидала путного от своей лихорадочной деятельности. Удушливый зной принудил меня, наконец, подумать о сбережении последних наших сил и способностей. Кое-как дотащился я до речки Исты, уже знакомой моим снисходительным читателям, спустился с кручи и пошёл по жёлтому и сырому песку в направлении ключа, известного во всем околотке под названием «Малиновой воды». Ключ этот бьёт из расселины берега, превратившейся мало-помалу в небольшой, но глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с весёлым и болтливым шумом впадает в реку. Дубовые кусты разрослись по скатам оврага; около родника зеленеет короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа, на траве лежала черпалка из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую. Я напился, прилег в тень и взглянул кругом. У залива, образованного впадением источника в реку и оттого вечно покрытого мелкой рябью, сидели ко мне спиной два старика. Один, довольно плотный и высокого роста, в тёмно-зелёном опрятном кафтане и пуховом картузе, удил рыбу; другой, худенький и маленький, в мухояровом заплатанном сюртучке и без шапки, держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой своей головке, как бы желая предохранить её от солнца. Я вгляделся в него попристальнее и узнал в нем шумихинского Стёпушку. Прошу позволения читателя представить ему этого человека.

В нескольких верстах от моей деревни находится большое село Шумихино, с каменною церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана. Напротив этой церкви некогда красовались обширные господские хоромы, окружённые разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющих, цветочными оранжереями, качелями для народа и другими, более или менее полезными, зданиями. В этих хоромах жили богатые помещики, и всё у них шло своим порядком, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла. Господа перебрались в другое гнездо; усадьба запустела. Обширное пепелище превратилось в огород, кое-где загроможденный грудами кирпичей, остатками прежних фундаментов. Из уцелевших брёвен на скорую руку сколотили избенку, покрыли её барочным тесом, купленным лет за десять для построения павильона на готический манер, и поселили в ней садовника Митрофана с женой Аксиньей и семью детьми. Митрофану приказали поставлять на господский стол, за полтораста вёрст, зелень и овощи; Аксинье поручили надзор за тирольской коровой, купленной в Москве за большие деньги, но, к сожалению, лишённой всякой способности воспроизведения и потому со времени приобретения не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатого дымчатого селезня, единственную «господскую» птицу; де-

тям, по причине малолетства, не определили никаких должностей, что, впрочем, нисколько не помешало им совершенно облениться. У этого садовника мне случилось раза два переночевать; мимоходом забирал я у него огурцы, которые, бог ведает почему, даже летом отличались величиной, дрянным водянистым вкусом и толстой жёлтой кожей. У него-то увидал я впервые Стёпушку. Кроме Митрофана с его семьёй да старого глухого ктитора Герасима, проживавшего Христа ради в каморочке у кривой солдатки, ни одного дворового человека не осталось в Шумихине, потому что Стёпушку, с которым я намерен познакомить читателя, нельзя было считать ни за человека вообще, ни за дворового в особенности.

Всякий человек имеет хоть какое бы то ни было положение в обществе, хоть какие-нибудь да связи; всякому дворовому выдаётся если не жалованье, то, по крайней мере, так называемое «отвесное». Стёпушка не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании. У этого человека даже прошедшего не было; о нём не говорили; он и по ревизии едва ли числился. Ходили тёмные слухи, что состоял он когда-то у кого-то в камердинерах; но кто он, откуда он, чей сын, как попал в число шумихинских подданных, каким образом добыл мухояровый, с незапамятных времен носимый им кафтан, где живёт, чем живет, – об этом решительно никто не имел ни малейшего понятия, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дедушка Трофимыч, который знал родословную всех дворовых в восходящей линии до четвёртого колена, и тот раз только сказал, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный барин, бригадир Алексеи Романыч, из похода в обозе изволил привезти. Даже, бывало, в праздничные дни, дни всеобщего жалованья и угощения хлебом-солью, гречишными пирогами и зелёным вином, по старинному русскому обычаю, – даже и в эти дни Стёпушка не являлся к выставленным столам и бочкам, не кланялся, не подходил к барской руке, не выпивал духом стакана под господским взглядом и за господское здоровье, – стакана, наполненного жирною рукою приказчика; разве какая добрая душа, проходя мимо, уделит бедняге недоеденный кусок пирога.

В светлое воскресенье с ним христосовались, но он не подворачивал замасленного рукава, не доставал из заднего кармана своего красного яичка, не подносил его, задыхаясь и моргая, молодым господам или даже самой барыне. Проживал он летом в клети, позади курятника, а зимой в предбаннике; в сильные морозы ночевал на сеновале, где его привыкли видеть, иногда даже давали ему пинка, но никто с ним не заговаривал, и он сам, кажется, от роду рта не разинул. После пожара этот заброшенный человек приютился, или, как говорят орловцы, «притулился» у садовника Митрофана. Садовник не тронул его, не сказал ему: живи у меня — да и не прогнал его. Стёпушка и не жил у садовника: он обитал, витал на огороде. Ходил он и двигался без всякого шуму; чихал и кашлял в руку, не без страха; вечно хлопотал и возился втихомолку, словно муравей, — и все для еды, для одной еды. И точно, не заботься он с утра до вечера о своем пропитании, – умер бы мой Стёпушка с голоду. Плохое дело не знать поутру, чем к вечеру сыт будешь! То под забором Стёпушка сидит и редьку гложет, или морковь сосёт, или грязный кочан капусты под себя крошит; то ведро с водой куда-то тащит и кряхтит; то под горшочком огонек раскладывает и какие-то чёрные кусочки из-за пазухи в горшок бросает; то у себя в чуланчике деревяшкой постукивает, гвоздик приколачивает, полочку для хлебца устраивает. И все это он делает молча, словно из-за угла: глядь, уж и спрятался. А то вдруг отлучится дня на два; его отсутствия, разумеется, никто не замечает... Смотришь, уж он опять тут, опять где-нибудь около забора под таганчик щепочки украдкой подкладывает. Лицо у него маленькое, глазки жёлтенькие, волосы вплоть до бровей, носик остренький, уши пребольшие, прозрачные, как у летучей мыши, борода словно две недели

тому назад выбрита, и никогда ни меньше не бывает, ни больше. Вот этого-то Стёпушку я встретил на берегу Исты в обществе другого старика.

Я подошёл к ним, поздоровался и присел с ними рядом. В товарище Стёпушки я узнал тоже знакомого: это был вольноотпущенный человек графа Петра Ильича, Михайло Савельев, по прозвищу Туман. Он проживал у болховского чахоточного мещанина, содержателя постоялого двора, где я довольно часто останавливался. Проезжающие по большой орловской дороге молодые чиновники и другие незанятые люди (купцам, погружённым в свои полосатые перины, не до того) до сих пор ещё могут заметить в недальнем расстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом в два этажа, совершенно заброшенный, с провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. В полдень, в ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины. Здесь некогда жил граф Петр Ильич, известный хлебосол, богатый вельможа старого века. Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительном громе доморощенной музыки, трескотне бураков и римских свечей; и, вероятно, не одна старушка, проезжая теперь мимо запустелых боярских палат, вздохнёт и вспомянет минувшие времена и минувшую молодость. Долго пировал граф, долго расхаживал, приветливо улыбаясь, в толпе подобострастных гостей; но именья его, к несчастью, не хватило на целую жизнь. Разорившись кругом, отправился он в Петербург искать себе места и умер в нумере гостиницы, не дождавшись никакого решения. Туман служил у него дворецким и ещё при жизни графа получил отпускную. Это был человек лет семидесяти, с лицом правильным и приятным. Улыбался он почти постоянно, как улыбаются теперь одни люди екатерининского времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигал и сжимал губы, ласково щурил глаза и произносил слова несколько в нос. Сморкался и нюхал табак он, тоже не торопясь, словно дело делал.

– Ну, что, Михайло Савельич, – начал я, – наловил рыбы?

– А вот извольте в плетушку заглянуть: двух окуньков залучил да голавликов штук пять... Покажь, Степа.

Стёпушка протянул ко мне плетушку.

– Как ты поживаешь, Степан? — спросил я его.

– И... и... и... ни... ничего-о, батюшка, помаленьку, – отвечал Степан, запинаясь, словно пуды языком ворочал.

– А Митрофан здоров?

– Здоров, ка... как же, батюшка.

Бедняк отвернулся.

– Да плохо что-то клюет, – заговорил Туман, – жарко больно; рыба-то вся под кусты забилась, спит... Надень-ко червяка, Степа. (Стёпушка достал червяка, положил на ладонь, хлопнул по нём раза два, надел на крючок, поплевал и подал Туману.) Спасибо, Стёпа... А вы, батюшка, – продолжал он, обращаясь ко мне, – охотиться изволите?

– Как видишь.

– Так-с... А что это у вас песик аглицкий али фурлянский какой?

Старик любил при случае показать себя: дескать, и мы живали в свете!

– Не знаю, какой он породы, а хорош.

– Так-с... А с собаками изволите ездить?

– Своры две у меня есть.

Туман улыбнулся и покачал головой.

– Оно точно: иной до собак охотник, а иному их даром не нужно. Я так думаю, по простому моему разуму: собак больше для важности, так сказать, держать следует... И чтобы всё уж и было в порядке: и лошади чтоб были в порядке, и псари как следует,

в порядке, и всё. Покойный граф — царство ему небесное! — охотником отродясь, признаться, не бывал, а собак держал и раза два в год выезжать изволил. Соберутся псари на дворе в красных кафтанах с галунами и в трубу протрубят; их сиятельство выйти изволят, и коня их сиятельству подведут; их сиятельство сядут, а главный ловчий им ножки в стремена вденет, шапку с головы снимет и поводья в шапке подаст. Их сиятельство арапелышком этак изволят щёлкнуть, а псари загогочут, да и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графом поедет, а сам на шелковой сворке двух любимых барских собачек держит и этак наблюдает, знаете... И сидит-то он, стремянный-то, высоко, высоко, на казацком седле, краснощекий такой, глазищами так и водит... Ну, и гости, разумеется, при этом случае бывают. И забава, и почёт соблюден... Ах, сорвался, азиятец! — прибавил он вдруг, дернув удочкой.

– А что, говорят, граф-таки пожил на своём веку? — спросил я.

Старик поплевал на червяка и закинул удочку.

– Вельможественный был человек, известно-с. К нему, бывало, первые, можно сказать, особы из Петербурга заезжали. В голубых лентах, бывало, за столом сидят и кушают. Ну, да уж и угощать был мастер. Призовёт, бывало, меня: «Туман, говорит, мне к завтрашнему числу живых стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь?» — «Слушаю, ваше сиятельство». Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколон первого сорта, табакерки, картины этакие большущие, из самого Парижа выписывал. Задаст банкет, – господи, владыко живота моего! фейвирки пойдут, катанья! Даже из пушек палят. Музыкантов одних сорок человек налицо состояло. Кампельмейстера из немцев держал, да зазнался больно немец; с господами за одним столом кушать захотел; так и велели их сиятельство прогнать его с богом: у меня и так, говорит, музыканты своё дело понимают. Известно: господская власть. Плясать пустятся — до зари пляшут, и всё больше лакосез-матрадура... Э... э... э... попался, брат! (Старик вытащил из воды небольшого окуня.) На-ко, Стёпа. – Барин был, как следует, барин, – продолжал старик, закинув опять удочку, – и душа была тоже добрая. Побьёт, бывало, тебя, – смотришь, уж и позабыл. Одно: матрёсок держал. Ох, уж эти матрёски, прости господи! Оне-то его и разорили. И ведь всё больше из низкого сословия выбирал. Кажись, чего бы им ещё? Так нет, подавай им что ни на есть самого дорогого в целой Европии! И то сказать: почему не пожить в своё удовольствие, – дело господское... да разоряться-то не след. Особенно одна: Акулиной её называли; теперь она покойница, – царство ей небесное! Девка была простая, ситовского десятского дочь, да такая злющая! По щекам, бывало, графа бьёт. Околдовала его совсем. Племяннику моему лоб забрила: на новое платье щеколат ей обронил... и не одному ему забрила лоб. Да... А всё-таки хорошее было времечко! — прибавил старик с глубоким вздохом, потупился и умолк.

– А барин-то, я вижу, у вас был строг? — начал я после небольшого молчания.

– Тогда это было во вкусе, батюшка, – возразил старик, качнув головой.

– Теперь уж этого не делается, – заметил я, не спуская с него глаз.

Он посмотрел на меня сбоку.

– Теперь, вестимо, лучше, – пробормотал он и далеко закинул удочку.

Мы сидели в тени; но и в тени было душно. Тяжёлый, знойный воздух словно замер; горячее лицо с тоской искало ветра, да ветра-то не было. Солнце так и било с синего, потемневшего неба; прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где проросшее полынью, и хоть бы один колос пошевельнулся. Немного пониже крестьянская лошадь стояла в реке по колени и лениво обмахивалась мокрым хвостом; изредка под нависшим кустом всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставив за собою лёгкую зыбь. Кузнечики трещали в порыжелой траве; перепела кричали как бы нехотя; ястреба плавно носились над полями и часто останавливались на месте, быстро махая крылами и распустив хвост веером. Мы сидели неподвижно, подавленные жаром. Вдруг, позади нас, в овраге

раздался шум: кто-то спускался к источнику. Я оглянулся и увидал мужика лет пятидесяти, запыленного, в рубашке, в лаптях, с плетёной котомкой и армяком за плечами. Он подошел к ключу, с жадностью напился и приподнялся.

– Э, Влас? — вскрикнул Туман, вглядевшись в него. – Здорово, брат. Откуда бог принёс?

– Здорово, Михайла Савельич, – проговорил мужик, подходя к нам, – издалеча.

– Где пропадал? — спросил его Туман.

– А в Москву сходил, к барину.

– Зачем?

– Просить его ходил.

– О чём просить?

– Да чтоб оброку сбавил аль на барщину посадил, переселил, что ли... Сын у меня умер, — так мне одному теперь не справиться.

– Умер твой сын?

– Умер. Покойник, – прибавил мужик, помолчав, – у меня в Москве в извозчиках жил; за меня, признаться, и оброк взносил.

– Да разве вы теперь на оброке?

– На оброке.

– Что ж твой барин?

– Что барин? Прогнал меня. Говорит, как смеешь прямо ко мне идти: на то есть приказчик; ты, говорит, сперва приказчику обязан донести... да и куда я тебя переселю? Ты, говорит, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчал вовсе.

– Ну, что ж, ты и пошёл назад?

– И пошёл. Хотел было справиться, не оставил ли покойник какого по себе добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: «Я, мол, Филиппов отец»; а он мне говорит: «А я почём знаю? Да и сын твой ничего, говорит, не оставил; ещё у меня в долгу». Ну, я и пошёл.

Мужик рассказывал нам всё это с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съёженные его глазки навёртывалась слезинка, губы его подёргивало.

– Что ж ты, теперь домой идёшь?

– А то куда? Известно, домой. Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит.

– Да ты бы... того... – заговорил внезапно Стёпушка, смешался, замолчал и принялся копаться в горшке.

– А к приказчику пойдёшь? — продолжал Туман, не без удивления взглянув на Степу.

– Зачем я к нему пойду?.. За мной и так недоимка. Сын-то у меня перед смертию с год хворал, так и за себя оброку не взнёс... Да мне с полугоря: взять-то с меня нечего... Уж, брат, как ты там ни хитри, – шалишь: безответная моя голова! (Мужик рассмеялся.) Уж он там как ни мудри, Кинтильян-то Семёныч, а уж...

Влас опять засмеялся.

– Что ж? Это плохо, брат Влас, – с расстановкой произнёс Туман.

– А чем плохо? Не... (У Власа голос прервался.) Эка жара стоит, – продолжал он, утирая лицо рукавом.

– Кто ваш барин? — спросил я.

– Граф, Валериан Петрович.

– Сын Петра Ильича?

– Петра Ильича сын, – отвечал Туман. – Петр Ильич, покойник, Власову-то деревню ему при жизни уделил.

– Что, он здоров?

– Здоров, слава богу, – возразил Влас. – Красный такой стал, лицо словно обложилось.

– Вот, батюшка, – продолжал Туман, обращаясь ко мне, – добро бы под Москвой, а то здесь на оброк посадил.

– А почем с тягла?

– Девяносто пять рублев с тягла, – пробормотал Влас.

– Ну вот, видите; а земли самая малость, только и есть что господский лес.

– Да и тот, говорят, продали, – заметил мужик.

– Ну, вот видите... Степа, дай-ка червяка... А, Стёпа? Что ты, заснул, что ли?

Стёпушка встрепенулся. Мужик подсел к нам. Мы опять приумолкли. На другом берегу кто-то затянул песню, да такую унылую... Пригорюнился мой бедный Влас...

Через полчаса мы разошлись.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

ЛЕВША
(Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)
Главы из повести

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нём был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, всё государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома своё не хуже есть, – и чем-нибудь отведёт.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить: но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать своё над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, – Платов сказал себе:

– Ну уж тут шабаш. До этих пор ещё я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

– Так и так, завтра мы с тобою едем на их оружейную кунсткамеру смотреть. Там, – говорит, – такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый нос в лохматую бурку спустил, а пришёл в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки, дерябнул хороший стакан, на дорожний

складень Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее.

Глава четвёртая

Удивительная блоха из аглицкой воронёной стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав её попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна посмотрела блохины вероятности и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

– Моё, – говорит, – теперь дело вдовье, и мне никакие забавы не обольстительны, – а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из неё табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нём нашёл стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился:

– Что это ещё за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

– Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую хлад, как от крепкого металла». А потом зубом её слегка помял и объявил:

– Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, – но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, – никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был ещё жив и даже всё ещё на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услыхал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

– Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

– Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, – говорит, – пришёл доложить насчет этой нимфозории, которую отыскали: это, – говорит, – так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, – и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны вероятности делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

– Это, – говорит, – ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть её русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, – тогда ещё Сестрорецк Сестербеком звали, – не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

– Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю

проверить. Мне эта коробочка всё равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми её с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал её тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

– Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

– Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против неё, – говорят, – надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые приял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, – остановись и спосылай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо своё смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

– Мы ещё и сами не знаем, что учиним, а только будем на Бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

– Ну, нечего делать, пусть, – говорит, – будет по-вашему; я вас не знаю, какие вы, ну, одначе, делать нечего, – я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортьте, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдёт, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу, – тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

– Тонкой работы, – говорят, – мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе *что-нибудь* государеву великолепию достойное представить.

А *что именно* , этого так-таки и не сказали.

Глава седьмая

Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется

картина «Вечерний звон», а если кто из них посвятит себя большому служению и пойдёт в монашество, то таковые слывут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики. На святом Афоне знают, что туляки – народ самый выгодный, и если бы не они, то тёмные уголки России, наверно, не видали бы очень многих святостей отдалённого Востока, а Афон лишился бы многих полезных приношений от русских щедрот и благочестия. Теперь «афонские туляки» обвозят святости по всей нашей родине и мастерски собирают сборы даже там, где взять нечего. Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная» икона Св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида «грозного и престрашного» – святитель Мир-Ликийский изображен на ней «в рост», весь одеян сребропозлащенной одеждой, а лицом тёмен и на одной руке держит храм, а в другой меч – «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался весь смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к Левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, всё молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют – ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не сказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются – неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, – не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этих хитрых мастеров; один раз только Левша высунулся по плечи и крикнул:

– Горите себе, а нам некогда, – и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул, и за своё дело принялися.

Только сквозь малые щёлочки было видно, как внутри дома огонёк блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, всё дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во всё это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики – те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалилися, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не подались, дёрнули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу

сняли, да и сами сейчас повалилися, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

– Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да ещё этакою спиралью ошибать смеете! Или в вас после этого Бога нет!

А те отвечают:

– Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьём, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

– Он нас до того часу живьём съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

– Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несём.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застегивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у Левши, в зелёном чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава одиннадцатая

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный – ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошёл во дворец со шкатулочкою да потихонечку её в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответствовать, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без сроку посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чём не забывал, и чуть Платов насчёт междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

– А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

– Нимфозория, – говорит, – ваше величество, всё в том же пространстве, и я её назад привёз, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

– Ты – старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как всё дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

– Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с неё суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, – а в нём блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

– Что за лихо! – Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

– У тебя на руках персты тонкие – возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

– Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо ещё, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил Левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

– У меня и так все волосья при учёбе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

– Это за то, – говорит Платов, – что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

– Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а Левше только погрозился:

– Я тебе, – говорит, – такой-сякой-этакой, ещё задам.

И велел свистовым, чтобы Левше ещё крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву «Благого Царя Благая Мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, – потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довёл Платов Левшины слова государю, тот сейчас с радостию говорит:

– Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. – И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил её под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, – словом сказать, на все стороны её повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

– Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

– Его бы приодеть надо – он в чём был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

– Ничего – ввести как он есть.

Платов говорит:

– Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А Левша отвечает:

– Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? – думает. – Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошёл Левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

– Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А Левша отвечает:

– Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

– Оставьте над ним мудрить, – пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

– Мы, – говорит, – вот как клали. И положил блоху под мелкоскоп. – Смотри, – говорит сам, – ничего не видно.

Левша отвечает:

– Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь вопросил:

– А как же надо?

– Надо, – говорит, – всего одну её ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

– Помилуй, скажи, – говорит государь, – это уже очень сильно мелко!

– А что же делать, – отвечает Левша, – если только так нашу работу и заметить можно: тогда всё и удивление окажется.

Положили, как Левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял – взял Левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

– Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а Левша доложил, что и это ещё не всё удивительное.

– Если бы, – говорит, – был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, – говорит, – увидать, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

– И твоё имя тут есть? – спросил государь.

– Никак нет, – отвечает Левша, – моего одного и нет.

– Почему же?

– А потому, – говорит, – что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, – там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

– Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А Левша ответил:

– Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что Левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

– Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.

Левша отвечает:

– Бог простит, – это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить

и отослать назад в Англию – вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вёз блоху особый курьер, который на все языки учён, а при нём чтобы и Левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

– Пусть, – говорит, – над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал – прислал.

А граф Кисельвроде велел, чтобы обмыли Левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нём какой-нибудь жалованный чин есть.

Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовскою кисляркою, затянули ременным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с Левшой и пошли заграничные виды.

Глава шестнадцатая

Взяли англичане Левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учён, но они им не интересовались, а Левшою интересовались, – и пошли они Левшу водить и всё ему показывать. Он смотрел всё их производство: и металлические фабрики, и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчёт рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка: всё, что который мастер делает, – на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цыфирях написано, то и на деле выходит. А придёт праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на всё их житьё и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколь то, как старые в каком виде состоят. Всё обойдет и хвалит, и говорит:

– Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдёт, – засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

– Это, – говорит, – против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое Левша замечает, а он спрашивает:

– Не могу ли, – говорит, – я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

– Которые тут были, те, должно быть, глядели.

– А как, – говорит, – они были: в перчатке или без перчатки?

– Ваши генералы, – говорят, – парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

– Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и всё, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

– Мы на буреметр, – говорят, – смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное море.

– Это всё равно, – отвечает, – где умереть, – всё единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: напитали, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли Левшу на корабль, который в Россию шёл. Тут поместили Левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдёт на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнёт, а он туда лицом оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли из буфты в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водопление стало ужасное, а Левша всё вниз в каюты нейдёт – под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в тёплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

– Нет, – отвечает, – мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колтыхания морская свинка сделается.

Так всё время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному полшкиперу, который, на горе нашего Левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

– Молодец, – говорит, – рус! Выпьем!

Левша выпил.

А полшкипер говорит:

– Ещё!

Левша и ещё выпил, и напились.

Полшкипер его и спрашивает:

– Ты какой от нашего государства в Россию секрет везёшь?

Левша отвечает:

– Это моё дело.

– А если так, – отвечал полшкипер, – так давай держать с тобой аглицкое парей.

Левша спрашивает:

– Какое?

– Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьёт, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится, – скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно – пари держать всё-таки веселее будет.

– Хорошо, – говорит, – идёт!

– Только чтоб честно.

– Да уж это, – говорит, – не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили.

Глава восемнадцатая

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в тёплую ванну всадить, а аптекарь

сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле его изголовья на столик положили и ушли.

А Левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

– Кто такой и откудова, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пёстрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повёл городовой Левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А Левша всё это время на холодном парате лежал; потом поймал городовой извозчика, только без тёплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли Левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут – ухи рвут, чтобы в память пришёл. Привезли в одну больницу – не принимают без тугамента, привезли в другую – и там не принимают, и так в третью, и в четвёртую – до самого утра его по всем отдалённым кривопуткам таскали и всё пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городовому везти его в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а Левшу до разборки на полу в коридор посадить.

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на лёгкий завтрак курицу с рысью съел, ерфиксом запил и говорит:

– Где мой русский камрад? Я его искать пойду.

Оделся и побежал.

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро Левшу нашёл, только его ещё на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

– Мне бы, – говорит, – два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:

– Разве так можно! У него, – говорит, – хоть и шуба овечкина, так душа человечкина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человечкину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову – он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про Левшу вспомнил.

– Как же, братец, – говорит, – очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию получил – теперь меня больше не уважают, – а ты беги скорее к коменданту Скобелеву, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полшкипер пошёл к Скобелеву и всё рассказал: какая у Левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

– Я эту болезнь понимаю, только немцы её лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, Левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

– Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью Левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

– Знай, – говорит, – своё рвотное да слабительное, а не в своё дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка всё продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о Левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

– Пошел к чёрту, плезирная трубка, не в своё дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал, – тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрётся», – так и молчал.

А доведи они Левшины слова в своё время до государя, – в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

Глава двадцатая

Теперь всё это уже «дела минувших дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер её главного героя. Собственное имя Левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворённый народною фантазиею миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный Левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвётся в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душою».

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нём цветов благовония слышны,

Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, –
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предаётся:
Мне близ тебя хорошо и поётся.
Свеж и душист твой роскошный венок.

ФЁДОР ТЮТЧЕВ

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

* * *

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая, –
Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Всё, что в душе дорогого, святого,
Всё от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, –
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы –
Всё для тебя!

ИВАН БУНИН

Одиночество

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.

Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.
Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...
Сегодня идут без конца
Те же тучи – гряда за грядой.
Твой след под дождём у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.
Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить...

* * *

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике берёзовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

* * *

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Выть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.
На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.
И весело мне думать, что поэт
Меня поймёт. Пусть никогда в долине
Его толпы не радует привет!
На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

ПРАЗДНИК ХЛЕБА В ОРЛЕ

На южной окраине Орла, в многофункциональном комплексе «Гринн», 29-31 октября 2015 года проходил Праздник хлеба Центрального федерального округа. В нём принимали участие представители хлебопечения многих областей ЦФО, в том числе и Орловской. Участников и гостей праздника встретили выставки – ярмарки хлебобулочной и кондитерской продукции, оборудования, упаковки и ингредиентов, всевозможные мастер – классы. Была организована дегустация продукции, прошла благотворительная ярмарка хлебобулочных и кондитерских изделий. В бизнес – центре Мегакомплекса «Гринн» работал круглый стол «Селекция, выращивание и переработка зерновых культур». В центре внимания оказались такие темы, как «Безопасность и качество зерна ЦФО», «Инновационные технологии и оборудование для субъектов мукомольного – крупяного производства» и другие. Участники и гости праздника посетили предприятия хлебопечения, кондитерского и мукомольного производства Орла и Орловской области. Праздник хлеба проходил при поддержке Аппарата полномочного представителя Президента РФ и ЦФО, обеих палат парламента России, Министерства сельского хозяйства страны, правительства Орловской области.

Праздник хлеба в Орле представлял отборочный этап XVI Кубка России по хлебопечению «Хлеб – это мир», а также отборочный этап V Кубка России по хлебопечению среди молодёжи «Пекарь – профессия будущего». В заключительный день праздника состоялось награждение команд – участниц соревнований. Орловскую область представлял облпотребсоюз, который организовал выставки хлебопечения и кондитерских изделий многих районов области, в том числе Ливенский, Мценский, Малоархангельский, Глазуновский, Свердловский и другие. Особенно интересными, на наш взгляд, были экспонаты «Хлебное дерево» (Глазуновка), «Яблочный хлеб» (Малоархангельск), «Тульские пряники» (Тула) и другие. Надо отметить, что всё это проходило в Год литературы и именно в Орле, который многие называют «третьей» литературной столицей России. Некоторые мероприятия праздника хлеба, например, круглый стол на тему «Селекция, выращивание и переработка зерновых культур» принимал Лесковский зал, бизнес – центр, расположенный неподалёку от площадки, где установлены скульптурные фигуры классиков, писателей-орловцев И.С. Тургенева – охотника со своей собакой Дианкой, А.А. Фета, читающего стихи, лауреата Нобелевской премии И.С. Бунина, сидящего на скамье и как бы приглашающего к себе любого присесть с ним рядом и подумать о жизни, о хлебе насущном. И вспомнить о том любимые свои стихи. Ну и как не прийти на память Николаю Рубцову с его строками, связанными с тем же хлебом? Поэт собрался в дальнюю дорогу. Поклажа лишняя при этом не нужна. И потянулся он рукой уже, чтобы выложить хлеб из кармана, и что слышит внутри себя от умудрённого жизнью, старого человека? А вот что.

Всё же бабка сунула краюху,
Всё на свете зная наперёд.
Так сказала: «Слушайся старуху.
Хлеб, родимый, сам себя несёт».

А кругом Мегакомплекса «Гринн», что на южной окраине Орла, поля да поля. Серединная Русь. Хлебные поля, зерновые. Озимые, дружные этой осенью зелёные всходы. «Зеленя», – так назвал их когда – то Тургенев. А это уже мы, в наше время про них.

Ветер рвёт кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего –
Зеленя, зеленя, зеленя по отчизне.

Для нас, детей войны, хлеб ржаной всегда праздник.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
– Не таскайте,
пусть дойдут…

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе…

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

КОРОТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
Руководитель Департамента сельского хозяйства Орловской области

ОЗИМЫЕ. РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Беседу вёл Леонард Михайлович Золотарёв

Вопрос. Какие итоги текущего года по зерновым, как это выглядит в сравнении с прошлым, 2014 годом? Что получается в финансовом отношении, какую долю вносит в бюджет области?

Ответ. По итогам. Итоги пока ещё, можно сказать, промежуточные. На сегодня из 884 тыс. гектаров зерновых культур у нас обмолочено 800, 5 тысяч гектаров, из них не обмолочено 72, 5 тысячи га кукурузы и остатки гречихи и люпина на зерно. Намолот составляет 2327 тыс. тонн. Это несколько ниже, чем в 2014 году. Но есть ряд моментов, которые повлияли и на валовый сбор, и на урожайность. Осень 2014 года была очень тяжёлой. Не было дождей, почва оказалась сухой. Но сельхозтоваропроизводители сеяли. Осталось в живых 448 тысяч га посевов, практически 100 тысяч га были под сомнением. Мы понимали, что Должанский, Колпнянский, Ливенский, Краснозоренский районы находились в тяжёлом положении. Если судить по центральным и западным районам, то здесь положение было несколько лучше. Выпадали дожди, в полях была влага. Сев проходил нормально, то есть он прошёл с удобрениями, протравленными семенами. Здесь появились более – менее нормальные всходы, а там всходы появились «рваные». И только когда прошли дожди, частично положение выправилось, а всходы уходили в зиму ростом в один сантиметр, едва наклюнувшись.

Осень была вроде неплохой, но тоже были то морозы, то оттепели. Некоторые посевы ушли в зиму значительно ослабленными. Зима – это снег, морозы, – всё законсервировала. По весне озимые стали всходить на полях, началась вегетация. Но опять-таки прошли морозы на почве от восьми до двенадцати градусов. Они тоже делали своё дело, нанеся, так сказать, второй удар по озимым. И третий удар был нанесён, когда оказались несколько засушливых дней в апреле. Мы радовались, что вегетация началась, но вегетация прекратилась. Почва просохла на глубину всего три – пять сантиметров, растения не смогли возобновить полноценную вегетацию. Вегетация опять-таки возобновилась только после прошедших дождей.

Иными словами, озимая пшеница не дала того кущения, что должна была дать. Хотя, надо отметить, сельхозтоваропроизводители делали всё, чтобы выправить положение. И всё-таки мы считаем, что 13 млн 385 тонн намолоченной пшеницы это хорошо. Все области вокруг (Курская, Белгородская, Липецкая) дали в среднем урожай примерно такой же, как и у нас. То есть на 10-11 центнеров с гектара ниже прошлогоднего. И всё это погодные «курьёзы».

Зато посевная площадь у нас возросла на 1, 211 тыс. га, что по сравнению с 2014 годом на 102 тыс. га больше. И вот эта, да ещё посеянная кукуруза (её тоже значительно больше, она лучше в этом году), компенсируют недобор, который оказался в этом году.

Вопрос. Что делается с осени для урожая будущего года?

Ответ. Уже посеяно 362 тыс. га озимых – цифра неплохая. Собираемся сеять 480 тыс. га. Сев до 15 сентября – это самые лучшие агротехнические сроки.

Естественно, изменился климат, появились новые сорта семян. В частности, селекции академика Сандухадзе Немчиновского института, которые, он сам откровенно говорит, можно сеять и позже. Строго смотрим за нормой высева. Сев не все проводят с удобрениями, фермеры борются за урожай за счёт паров. С осени кто-то вносит удобрения, кто-то не вносит… Думаю, что планируемую площадь

мы засеем. Прошедшие недавно дожди дали влагу почве, и там, где посеяно, уже появляются всходы. Это я о закладке урожая на будущее, на 2016 год. Озимые – это хорошо. Есть озимые, есть хлеб. С весны мы рассчитывали на ячмень, яровую пшеницу. Дескать, есть ячмень, есть яровая пшеница. Оказалось, ячмень дал меньше озимых… И всё же, если посеять в области 500 тыс. га, мы выйдем на приличные показатели.

Вопрос. Давайте поговорим на свободные темы, скажем, что такое куратор района. Даёт ли это что-то хозяйствам или это формальность? Скажем, в минувшем году в том же Малоархангельском районе куратором был сам губернатор области, а ныне один из его заместителей.

Ответ. Куратор района? В каждом районе есть глава, избранный народом, он и отвечает за район. Если сказать о своих районах, где я куратор, то это Орловский, Должанский районы. Конечно, у меня своя работа, у глав районов своя. Но я их проблемами интересуюсь, оказываю помощь. Конечно, нет смысла вмешиваться в дела руководителей районов, но их проблемы и наши проблемы. Посильную помощь тому или иному району куратор, по-моему, должен оказывать.

Вопрос. Этим летом в Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции проходило большое совещание аграриев области вместе с научными работниками. Что Вы можете сказать на этот счёт?

Ответ. О Шатиловке. Совещание проходило уже в 16-й раз. Важно отметить, что тут собирается цвет науки в области семеноводства и генетики. На опытных делянках в этом году возделывалось 336 сортов по 40 культурам. Сюда приезжают с Кубани, донская селекция, с других регионов. Людей было много: руководители, агрономы, инженеры. Они воочию видели сорта, если сорта им нравились, они могли купить какие-то из них и попробовать у себя на небольших площадях, посмотреть, что получится.

На больших площадях надо сеять те сорта, которые участвуют в сортоиспытании, когда комиссия даёт заключение, что в наших условиях, в нашей зоне они хороши. В «Дубовике» Малоархангельского района чем отличаются сортоиспытания? Там в основном работают с подсолнухом, кукурузой. А вот на следующий год пойдут кормовые культуры, это многолетние злаковые травы. Будем смотреть кормопроизводство. Учёные-селекционеры уже дали нам сюда свои экземпляры…

В следующем году Шатиловке будет 120 лет. Создаётся оргкомитет под председательством губернатора области Вадима Владимировича Потомского. В этот комитет пригласили из министерства сельского хозяйства страны, руководителей департаментов, представителей других регионов, из сельхозакадемии.

Шатиловка была создана в 1894 году. Тогда Василий Васильевич Докучаев, Павел Андреевич Костышев и ряд других – крупнейших учёных того времени – объездили многие места России и посчитали, что Орловская губерния, Новодеревеньковский район (тогда был в уезде Тульской губернии) консолидирует 7-8 регионов рядышком, что если здесь посеять сорта, то они будут произрастать и в Рязани, и в Белгороде, Курске, Воронеже…

Сейчас в Шатиловке есть свои учёные, директор – кандидат наук, молодой, талантливый, энергичный… Шатиловка является подразделением нашего Орловского института зернобобовых культур…

Вопрос. Ярмарки выходного дня в Орле – это четыре основных точки: на Приборостроительной улице, на Комсомольской площади, в Северном районе и в районе станции Лужки. Пятая точка на Центральной площади, а почему бы и нет? Жители живут поблизости, район густонаселённый. Хорошо ли это покупателям да и продавцам?

Ответ. На ярмарки приезжают не только фермеры, но даже дачники, которые привозят собственную продукцию и продают излишки людям.

С точки зрения импортозамещения, товапропроизводители как производили, так и производят. Некоторые увеличили производство продукции, появились новые виды, мясные изделия. Работают и наши мясокомбинаты. Например, в Змиёвке. Тут мясокомбинат, правда, не такой производительный. Оборудование устарело. Во Мценском районе работает современный завод по переработке гречихи. Он построен крупяной компанией по переработке 50 тысяч тонн гречки в год. Идёт модернизация сахарных заводов, их у нас четыре (Отрадинский, Колпнянский, Залегощенский, Ливенский). Ливенский завод делает собственную котельную, здесь получали пар с ТЭЦ, а это экономически невыгодно. На Колпнянском сахарном заводе ставят вторую линию по сушке жома. Завод вышел с 3000 тысяч на 6136 тысяч тонн.

Есть проблемы в области по другим сельскохозяйственным направлениям. Например, по молочному животноводству. В хозяйствах, а их осталось двенадцать, вынуждены ликвидировать скот (коров и тёлок), больных лейкозом. В то же время в целом по области надои молока повышаются. Сейчас надой от одной фуражной коровы вырос почти на 140 килограммов в год. Однако поголовье уменьшается. Проблема? Да, конечно. Мы ищем инвесторов, стараемся выправить положение. Всё не так просто. Государство помогает, оно дало пятнадцатилетние кредиты, и двадцать процентов стоимости с построенного животноводческого комплекса тебе возвращается… Все инструменты вроде бы созданы, ведём переговоры с компаниями, активно стараемся решить эту проблему.

Вопрос. И ещё, просто о человеческом. Однажды Вы, Владимир Ильич, сказали, что Вы очень занятой человек, иными словами, «государственный человек». Да, это так. А скажите, Вы любите свою работу, дело, которому посвятили всю свою жизнь? Что Вы думали, когда поступали в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в Москве? А книги находится время почитать? Скажем, в субботу, воскресенье. Ведь Орловщина испокон веков была сельскохозяйственной и литературной. Кстати, наш Тургенев, с которым мы любим связывать сочетания «Тургеневский край», «Орёл, третья литературная столица», так это он, Тургенев, внёс свою лепту в словарь аграриев, изобрёл слово «зеленя», – о посевах озимых.

Ответ. Конечно, времени на всё не хватает. Но всё же книги читаю, в первую очередь по специальности, например, по земледелию, по животноводству. Если не пополнять знания, не читать новинки, отстанешь от жизни. Конечно, семинары – это хорошо, но, когда читаешь сам, подчёркиваешь карандашиком, это очень важно. Ну, а художественная литература даёт широту, горизонт, развивает мышление, заставляет думать. Я всегда говорю: телевизор хорошо, ноутбук хорошо, но книга лучше.

Вопрос. Что Вы скажете о Годе литературы в области: что, по-вашему мнению, это даёт литературной Орловщине? Или это так, пустая формальность? Например, 5 сентября 2015 года я побывал в Малоархангельске на празднике города. Так там с трибуны только и говорили о своей сельскохозяйственной отрасли, о себе, а ведь перед трибуной на площади стояли приличные, даже замечательные поэты-мастера слова, авторы многих книг: Шитиков Алексей Федосеевич из Курска, Васичкин Валентин Митрофанович из соседней Глазуновки и я, Ваш покорный слуга, писатель-орловец, сам из Малоархангельска – земляк. Конечно, хлеб насущный нам важен, но ведь не хлебом единым жив человек. А духовность? Что можно услышать от Вас, Владимир Ильич, именно в Год литературы, обозначенный так нашим Президентом – Владимиром Владимировичем Путиным?

Ответ. Год литературы – это важно. Без литературы, без знания литературы жить невозможно, нельзя достигнуть серьёзных успехов ни в чём. В районе живут люди различных профессий: учителя, врачи, разные специалисты и даже писатели. Это культурный слой, с которым нас объединяет жизнь, и это даёт результаты. Люди мыслят, стремятся вперёд. Однобокость не ведёт ни к чему хорошему. Широкое общение, совместные проекты приносят свои плоды, обогащают всех. В любом районе есть исторические кладези, о которых полезно знать всем. Больше контактов, больше встреч с интересными людьми, писателями – это и есть движение в сторону духовности, это тоже часть жизни.

О журнале «Русское поле» скажу, что он нужен, своевременен, интересен. Думается, название это не случайно, оно замечательно, глубоко. Я читаю его, конечно. Он о делах, о людях земли, есть стихи и проза, которые я читаю с удовольствием и вспоминаю когда-то себя в родной деревне. Это здорово. Корни многих знаменитых людей, в том числе и маститых писателей, поэтов, идут от земли. Да, мы живём в городах, но питание наше в большом смысле корневое, подпитка идёт оттуда, где мы родились, вырастали и уходили в жизнь. Я, например, родом из Должанского района, из деревни Родники. Закончил Должанскую среднюю школу, и уже тогда созрело во мне неодолимое желание поехать в Москву, в Тимирязевскую сельхозакадемию, которую я закончил. Вот живу и в Орле, и в то же время как бы в деревне. Такая у меня профессия: деревню держать на плечах, людей кормить: земляков-орловцев, род человеческий.

Л.М. Золотарёв. Спасибо, Владимир Ильич. Успехов Вам как в личной жизни, так и на Вашем, важнейшем для Орловщины и страны, сельскохозяйственном поприще.

КНЯЗЕВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
Директор Всероссийского научно-исследовательского института селекции плодовых культур, доктор сельскохозяйственных наук

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ ПО ЯБЛОКАМ. САДАМ ЦВЕСТИ

Беседу вёл Л.М. Золотарёв

Пожалуй, наиболее шумная пропагандистская кампания, развёрнутая Западом против России в текущем году, сопровождала различные санкции на многие продовольственные товары (сыры, молочная и мясная продукция и т.д.). Мы вынуждены были адекватно ответить. Это коснулось особенно плодовых культур, в частности, яблок, которые мы в огромных количествах покупали у Франции, Польши, Молдавии и в других странах. Телевидение не уставало показывать, как то в Польше, то во Франции, то в Голландии аграрии везли в города свои непроданные нам яблоки и высыпали их прямо на асфальт под колёса автомашин и тракторов. Поневоле встаёт вопрос: какие у нас возможности по производству отечественных яблок? Так как у нас на Орловщине работает Всероссийский НИИ селекции плодовых культур, расположенный на северной окраине Орла, то ему и отвечать на вставшие перед страной вызовы. Мы обратились к Князеву С.Д., директору института, с просьбой ответить на наши вопросы.

Вопрос. Что Вы можете сказать об истории возникновения института у нас в Орле? Почему именно на Орловщине сельскохозяйственная наука занялась яблоками, плодово-ягодными культурами?

Ответ. Ранее это была плодово-ягодная станция проще говоря, «плодовка», которая сразу же заявила о себе авторитетно. Здесь стали выращивать саженцы, и пошли, зашумели большие яблоневые сады в Глазуновском, Колпнянском, Мценском районах. Повезли яблоки из Орловщины на Север, в Сибирь, на Урал. Почему занялись яблоками именно тут? Потому что у нас, на Руси Серединной, наилучшие природные условия, издавна занимались тут садами, исторически. Кому неизвестны «антоновские яблоки» у писателя И. А. Бунина?

Интересных фактов накоплено нами немало, возьмём хотя бы такой. Несколько лет назад вдруг стали пропадать вишни. Кто же не любит вишни, замечательное вишнёвое варенье? Известный учёный, доктор наук Аделина Фроловна Колесникова озаботилась этим, занялась вишней, и вишня была восстановлена, появились новые сорта, чеховские «вишневые сады» ныне под окнами, на огородах, везде.

Вопрос. Давайте, Сергей Дмитриевич, вернёмся к яблокам. Объясните, почему мы занимаемся их селекцией, то есть выведением новых сортов, и какие новые сорта яблок известны сейчас, имена каких учёных Вы назовёте? Например, что скажете об «орловском синапе»?

Какие ещё существуют сорта яблонь? Кто занимается ими? Не ушла ли традиционная «антоновка»? В чём её отличие от прежней «антоновки»?

Ответ. Так почему здесь, на Орловщине, в Серединной Руси, мы занимаемся селекцией плодово-ягодных культур? Повторяю ещё раз: тут подходящие погодно-климатические, почвенные условия. Одним словом, тут у нас хорошие почвы. Конечно, можно назвать много имён, занимающихся землёй и плодами на ней. Это Иван Владимирович Мичурин, Докучаев Василий Васильевич и др. Из нынешних крупных специалистов это доктор сельскохозяйственных наук Колесникова Аделина Фроловна, она занимается косточковыми культурами (вишня, слива, абрикосы). Она, можно сказать, и спасла в своё время вишню. И, конечно, гордость нашего института академик РАН Седов Евгений Николаевич. Он «автор», так сказать, сорта яблок «орловский синап» – замечательный, долго хранящийся сорт.

Вопрос. А груши? Какие новые сорта? Издавна знаем «дули», «бессемянку», «тонковетку», «бергамот». Помните рассказ писателя – орловца Леонида Андреева «Бергамот и Гараська»?

Ответ. Кто занимается грушами? Доктор сельскохозяйственных наук Долматов Евгений Алексеевич. Известны его сорта ранних и озимых груш под названием «Есенинская», «Тютчевская» и др.

Вопрос. Ну и как не поинтересоваться смородиной, особенно чёрной смородиной? Что Вы скажете также о белой, красной смородине? Красную смородину мне приходилось встречать в сибирской тайге, у Телецкого озера. Как Вы считаете, чем наша орловская, «окультуренная» красная смородина отличается от «дикой», таёжной?

Ответ. Конечно, хорошими вкусовыми качествами. Я лично занимаюсь селекцией чёрной смородины, это несравнимый ни с чем кладезь витамина «С» для нашей полосы. Сортов и названий тут много. Назову такие, как «Экзотика», «Очарование», «Искушение» и др. Смородиновые посадки, яблоневые, вишнёвые сады…

Вопрос. И опять Чехов, без литературы никуда. Хочется спросить также о крыжовнике, нашем «северном винограде». Занимаются в Вашем институте крыжовником? На рынке видел, его саженцы продавали.

Ответ. У нас на опытном, так называемом «карантинном» участке всё есть, берут оттуда и продают населению и саженцы яблонь, и саженцы смородины, крыжовника, абрикосов, даже персиков.

Вопрос. Даже персики? Неужели растут и у нас? На юге Украины, в Запорожье, например, и то персики вымерзают.

Ответ. Занимаемся и персиками, проводим акклиматизацию их к местным условиям. Виноград тоже был когда-то «чудом» для Орловщины, а сейчас прижился не только на юге, но и на севере области, во Мценском районе. Русский народ любопытен и изобретателен…

Вопрос. Кого Вы, Сергей Дмитриевич, можете отметить для себя из великих учёных-селекционеров? Василия Васильевича Докучаева? Он – почвовед.

Ответ. Конечно, как корифеев не знать.

Вопрос. У меня случайно оказались три тома Докучаева. Могу подарить, пригодится, не так ли? Кстати, корень нашей семьи воронежский, из Таловского района, если точнее, вблизи известного научно-исследовательского института имени Докучаева… И ещё, интересно: что побудило Вас, Сергей Дмитриевич, заняться селекцией плодовых культур? Каковы Ваши корни, научные интересы?

Ответ. Корни тоже воронежские, интересы самые широкие. Я доктор сельскохозяйственных наук.

Вопрос. А что Вы читаете? Какие книги любите, каких предпочитаете авторов? Ведь Орловщина – край литературный. Вон сколько имён было названо в разговоре: и Бунина, и Чехова, и писателя-орловца Леонида Андреева.

Ответ. Люблю книги по истории. Конечно, читаю классиков.

Вопрос. А что Вы скажете о Вашем институте? Каковы его перспективы?

Ответ. У института есть будущее. Здесь работают умные, грамотные специалисты, подрастает и молодёжь. У нас 7 докторов наук, свыше 30 кандидатов, 10 аспирантов. А защищаемся мы в Мичуринском плодово-ягодном институте, в Орловской, Брянской сельхозакадемиях.

Вопрос. И последнее. А лично у Вас есть дача, есть ли садик на даче? Или хотя бы участок, делянка какая-нибудь на земле институтской? Есть ли любимые культуры на этой делянке, за которыми Вы особо ухаживаете, уделяете им свободное время? «Хобби» есть ли у Вас, выражаясь по-современному?

Ответ. У меня «хобби» совпадает с работой. Есть, конечно, свой участок, где я занимаюсь многими видами культур, вплоть до винограда. Занимаюсь овощами, цветы выращиваю, у меня много роз…

Л.М. Золотарёв. Ну что ж, спасибо Вам, Сергей Дмитриевич за ответы на вопросы, спасибо за всё. Успехов Вам лично и возглавляемому Вами институту.

В конце хочу признаться, что яблоки я, особенно антоновку, с детства люблю. И это тоже «чудо», что судьба свела меня с теми, кто любит землю, сады, занимается ими научно вместе с другими последователями Мичурина, Докучаева, Вавилова Николая Ивановича. Недаром портрет Вавилова висит на стене у Вас в кабинете. Хотите, прочитаю Вам сонет из моей «Шекспирианы»?

Да здравствует зелёная Земля!
Росток – твой символ, дням потерян счёт.
Твой гномик пережил и короля,
Такусенький – и нас переживёт.

Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой злак – твой знак! Немного погодя,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрёт, мой бог, в тюрьме, сам не едя.

На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержцы.
Коль урожая на ладошку крохи,

Не жди добра, чернь выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зеленя Земли!

Люди земли в своих твореньях бессмертны.

ПОНИТКИН ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
Руководитель ЗАО «Славяновское» Верховского района

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ ПО МОЛОКУ. МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, КИСЕЛЬНЫЕ БЕРЕГА

Вопрос. В последнее время из всех видов сельскохозяйственной продукции производство молока упало наиболее сильно, что вызывает тревогу общества, критику населения, средств массовой информации. Как Вы, Дмитрий Михайлович, считаете, почему это происходит, в частности, снижение производства молока и молочной продукции, то есть молока как такового и всего связанного с ним (творог, сметана, масло и др.)?

Ответ. Вы сами ответили на свой же вопрос. Да потому что производство молока упало, но его потребление населением осталось на том же уровне, если не возросло. Скорее всего, возросло. Появились новые виды продукции, где употребляется молоко, например, в хлебопекарной промышленности. Более закономерен вопрос, почему упало производство молока, не так ли?

Вопрос. Действительно, что за этим стоит, Дмитрий Михайлович, ведь Вас это не касается, Ваше предприятие успешное. Наоборот, из года в год ЗАО «Славяновское» наращивает производство молока. Есть ли какие-либо затруднения со сбытом продукции? Ведь молоко – скоропортящийся продукт питания, оно требует быстрой и постоянной реализации, верно я говорю?

Ответ. Сначала я отвечу на первый вопрос: что стоит за тем, что упало производство молока, почему это произошло? Сами видите, как резко снизилось в стране, в регионе производство этого вида продукции. Да потому, что позакрывались МТФ – молочно-товарные фермы. Много дойных коров пошло под нож, значительно сократилось их поголовье. Это связано ещё и с тем, что в сельском хозяйстве страны всё ещё происходит перестройка, колхозно-совхозное производство заменяется частным, фермерскими хозяйствами, предприниматели ещё не встали на ноги, не наладили соответственно своего производства молока.

Вопрос. А как же Вы, Дмитрий Михайлович, Ваше предприятие «Славяновское»?

Ответ. Нас это не касается, мы давно работаем успешно. С положительной стороны о нас пишут в газетах, сообщают по телевидению, о нас знают. Мы имеем не только передовой опыт ведения молочной отрасли, в частности, не пустили под нож дойных коров, как другие, от бруцелёза и иных болезней, но и все эти годы

набирали положительный опыт и в своём регионе, и ездили за опытом за границу. Туда, где молока надаивают от каждой фуражной коровы и много, и оно имеет высокий процент жирности. Куда ездили, в какие области, в какие, так сказать, «заграницы»?

Отвечу Вам и на второй вопрос, а именно, о том, как налажена у нас быстрая и постоянная реализация молока, это ведь важно в нашем деле?

Вопрос. На мой взгляд, это связано с тем, что в вашем районе работает Верховский молочно-консервный завод, налажено производство «сухого молока». Я знаю, что в прежние времена в Верховье на этот завод везли молоко из соседних районов, например, из новосильских, новодеревеньковских, русско-бродских хозяйств, верно, я говорю?

Ответ. Конечно. Но не только от этого. Наша продукция имеет успех, потому что мы производим качественное молоко. Наше молоко, как говорится, нарасхват. Не секрет, что где-то кто-то непрочь добавить в молочную продукцию изрядную долю так называемого «пальмового масла». Люди говорят, им бы только рельсы смазывать, а его суют в пищу, в продукты питания. Посему наше ЗАО «Славяновское» приобретает ещё больший вес в глазах и производителей, и самого населения, людей, потребляющих молоко.

Вопрос. И всё-таки продолжают добавлять «пальмовое масло» в продукцию?

Ответ. А куда денешься? Не пускать же производителю по ветру своё производство. Ведь за этим стоят люди, рабочие места. Не так – то всё просто. И семьи есть у производителей, и руководителям районов, регионов не хочется терять показатели.

Производством молока мы занимаемся пятнадцать лет. До того работали на откорме КРС – крупного рогатого скота. И что мы, говорите, сделали, чтобы изменить направление в животноводстве? Построили новые помещения, применили новую технологию, постепенно изменяли сознание животноводов. Сказали сами себе: мы теперь работаем на производство молока. Ну вот и работаем уже без малого полтора десятка лет.

Вопрос. Надо, чтобы в народе знали больше о Вас, Дмитрий Михайлович, о том, как Вы начинали, с чего, какие испытали трудности? Что Вам мешало?

Ответ. Вопрос обширный, конечно, но постараюсь ответить кратко. Конечно, больше надо будет производить продукции, то есть молока, но с меньшими затратами. А средства, которые высвобождаются, будем вкладывать в производство опять-таки молока – основного вида нашей продукции. И это тоже наша работа на перспективу. Сейчас мы надаиваем 20 тонн ежедневно. В этом году надоили уже 6 тысяч тонн. К концу текущего года, надеюсь, мы выйдем на 6,5 тысяч тонн молока.

А трудности? Цены сейчас на молоко хорошие. Со сбытом тоже всё в порядке. Правильно Вы, Леонард Михайлович, говорите о наших связях с Верховским молочно-консервным комбинатом. Ну, а всё остальное, считаю, зависит от нас.

Вы говорите, что я, по мнению руководителя Департамента сельского хозяйства Коротеева Владимира Ильича, считаюсь лидером в молочно-товарной отрасли на Орловщине? Это лестно, конечно, слышать, но я человек скромный и не собираюсь почивать на лаврах. А в отношении развития отрасли могу сказать следующее. Всё возможно. При большом желании, прежде всего, важно начать со средств на производство молока. Определить, допустим, сто хозяйств в области, вложить в них деньги и следить, чтобы они эффективно работали на переориентацию МТФ с мясо-молочного производства на молоко. Конечно, молочное производство – сложный процесс. Кроме вложения средств, большое молоко требует большого труда.

Вот и мы все эти годы не жалели труда, вкладывали его в своё большое молоко. Конечно, легче посеять, допустим, гречиху, и всё. И ждать результата. А молоко – это каждодневный труд. Вставать чуть свет, доить коров, соблюдать рационы кормления и т.д., и т.п.

По области-то как вопрос решать? Определив тех же сто хозяйств, снять вопрос с их финансированием, дать кредит на столько-то лет. А когда хозяйства встанут на ноги, можно, как говорится, и простить те кредиты. И, думаю, дело пойдёт. Люди у нас есть, желание тоже. Бывал я и за границей. Допустим, в Голландии, Прибалтике, видел, как получают там у них большое молоко. Ну и что? Не боги горшки обжигают. И мы способны на многое. Государству начинать надо с кредитов на развитие молочной отрасли в регионе, а за нами, орловцами, верю в это, за большим молоком дело не станет.

Что касается производства молока в целом по стране, его импортозамещения? Что нам санкции с Запада? Да мы сами произведём молока, сколько нам надо. И что нужно для этого? Прежде всего, воля Президента РФ, активная позиция премьер–министра, министра сельского хозяйства. Принять специальную программу по молоку, определить её финансирование по регионам и следить, чтобы средства никуда в сторону не утекали. Чётко и сбалансированно шли только сюда, куда намечено, только на производство молока. Вот тогда и потекут у нас, как говорится, «молочные реки, кисельные берега».

Вопрос. Хватит духу у Вас, Дмитрий Михайлович, на всё, что Вы определили сами для себя лично, для своего ЗАО «Славяновское»?

Ответ. Насчёт здоровья? Это как Бог положит. А в отношение всего остального – желания и трудолюбия? Это, конечно, от нас самих зависит. А мы, конечно, будем стараться. И дело пойдёт.

ВЕРШИНИН ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ,
журналист

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ ПО ТЕХНИКЕ. МИТЮШКИН ЛОМАЕТ ТРАДИЦИИ

Когда такое было? Никогда, скажет любой житель Знаменского района. И будет прав. Никогда ещё на нашей земле не выращивали высочайший в Орловской области урожай озимой пшеницы. Конечно, в пересчёте на гектар посевной площади.

Очень долго нас приучали к тому, что достигнутое в этом году вообще невозможно. В прежние времена все районы области были поделены на три зоны. Главным критерием при этом делении было естественное плодородие почв. А лучшие почвы в южных районах Орловщины. Знаменцы вошли в третью, самую неурожайную зону. И очень долго такое деление подтверждалось практикой. Лидерами по урожайности не только пшеницы, но и других сельхозкультур были Ливенский, Должанский, Колпнянский районы. А для знаменских сельхозпредприятий урожайность зерновых в восемнадцать – двадцать центнеров считалась великолепным результатом.

В этом году читаем областную газету «Орловская правда» и радуемся. И есть чему. Знаменский район впервые в истории добился лучшей по области урожайности озимых культур. Эта весть приятна всем, хотя непосредственно причастна к успеху небольшая часть хлеборобов района. И среди них в первую очередь следует назвать коллектив СП «Знаменское-1» ООО «Авангард-Агро-Орёл».

Поговорить о делах сельхозпредприятия мы с директором Николаем Владимировичем Митюшкиным планировали в редакции. Но производственная ситуация внесла свои коррективы. Митюшкину срочно потребовалось перебросить комбайны с одного поля на другое. Поэтому встречу перенесли на новую базу предприятия. Возводится она недалеко от райцентра рядом с дорогой на Болхов.

Многие жители райцентра и окрестных сёл и деревень уже видели строящуюся базу ООО «Авангард-Агро-Орёл». Её нельзя не заметить. Уже введены в действие четыре металлических ангара, покрытие которых сверкает на солнце. Как оказалось, все они уже доверху заполнены зерном. Но весь урожай, выращенный земледельцами сельхозпредприятия, они не смогли в себя вместить.

На базу я приехал раньше Митюшкина. И только вступил за ворота, как был остановлен охранником. Он вежливо спросил, кто я такой и с какой целью приехал сюда на базу.

— Это свой, – послышалось из весовой. – Пропусти корреспондента.

Пока шли мы к весам, охранник рассказал, что база охраняется круглосуточно, что сам он из Залегощи, и сегодня его первое дежурство на этом объекте.

В весовой встретил я старых знакомых. Перед компьютером, обрабатывавшем данные с многочисленных автомобильных весов, сидела Любовь Александровна Гордюшина.

— Видишь, – сказала она, – теперь я весовщица.

Гордюшину я знаю ещё со времени образования района. Много лет работала она в профсоюзных органах по окончании академии госслужбы. Вот и на пенсии она оказалась востребованной.На вопрос, как идёт уборка, Любовь Александровна ответила, не задумываясь:

— Весы у нас точные. Их не обманешь. И показывают они отличные результаты. Пшеница и ячмень уже убраны. Ими заполнены новые ангары. А сейчас от комбайнов поступает гречиха. На обмолоте этой культуры занято сейчас большинство комбайнов.

Как бы в подтверждение слов Гордюшиной на весы въехал очередной КАМАЗ с полным кузовом гречихи. Взвешивание заняло несколько секунд, и автомашина отправилась на разгрузку. Пока мы беседовали с Гордюшиной, к нам подошла ещё одна хорошая знакомая – Валентина Сергеевна Плахова. На пенсию ушла она с должности главы Коптевской сельской администрации. Понятно, что знаний и опыта у неё немало, причём в самых разных профессиях. А на базе она работает учётчицей. Невелика должность, подумает кто-то. Но если принять во внимание то, что на учёте у Плаховой более девяти тысяч тонн пшеницы на многие миллионы рублей, видится всё по – иному.

И всё же пусть простят меня эти уважаемые женщины, но главные творцы отличного урожая, конечно, механизаторы и водители, которыми умело руководит Николай Владимирович Митюшкин. В сельхозпредприятие пришёл он не со студенческой скамьи. Прежде десять лет проработал агрономом в сельхозпредприятии «Русь».

Повезло ему, руководителем у него был один из лучших специалистов района, к сожалению, уже умерший Николай Васильевич Карпов. Многому научился у него молодой агроном. Твёрдо усвоил, что плохой земли не бывает. Просто каждое поле, как и каждый человек, индивидуально. И задача агронома, используя дости-

жения науки, весь свой профессиональный опыт, заметить особенности поля, дать ему всё необходимое для получения хорошего урожая той или иной культуры.

Перейдя на работу в ООО «Авангард-Агро-Орёл» Николай Владимирович получил возможность делать всё необходимое для каждого конкретного поля. Ведь денег на удобрения, средств защиты растений от вредителей и болезней выделяется достаточно. А технические возможности позволяют все агроприёмы, начиная от подготовки почвы и заканчивая уборкой, выполнять в самые лучшие сроки. Земля, как правило, в долгу не остаётся. Коллектив старается качественно выполнить работы, которые поручает им руководитель.

Наконец, решив все вопросы с комбайнёрами, Николай Владимирович приехал на базу. Я коротко посвятил его в то, что услышал на весовой.

— Правильно Вам всё рассказали, – отметил он. – Действительно, центр уборки сейчас на полях, отведённых под гречиху. Она занимает у нас шестьсот пятьдесят гектаров. Обмолот ведут восемь комбайнов. Три «Нью Холланда» и пять российских «Торумов». В отличие от пшеницы и ячменя урожайность не очень высокая, но и не маленькая. Сейчас с каждого гектара собирают не менее шестнадцати центнеров.

— Не удивляет ли Вас, что наш район по урожайности озимых вышел на первое место в области? – спросил я.

— Нет, – ответил Митюшкин. – Не удивляет. Среди предприятий холдинга «Авангард-Агро-Орёл», которые действуют во многих регионах России, по урожайности озимой пшеницы мы заняли второе место, а в Орловской области первое. Поэтому я считаю, что наш вклад в успехи района решающий.

Не согласиться с Митюшкиным невозможно. Да, есть у нас фермеры, которые тоже получили высокий урожай озимой пшеницы. Но объёмы у них и у СП «Знаменское-1» ООО «Авангард-Агро-Орёл» не сравнимы. Три тысячи пятьдесят гектаров были заняты тут под озимой пшеницей. Огромная по нашим меркам площадь. Причём естественным плодородием поля не блистали. Но Митюшкин верен своему убеждению в том, что плохой земли не бывает. Много лет у нас считалось, что получить высокие урожаи на пешковских полях невозможно. Но вот поступили они в распоряжение Митюшкина и преобразились.

— По пятьдесят шесть центнеров озимой пшеницы с гектара собрали мы на пешковских землях, – говорит Николай Владимирович. – Но ничего удивительного в этом нет. По крайней мере для нас. Мы хорошо знали, что нужно сделать для получения такого урожая. И качественно выполнили все агроприёмы по обработке почвы, подкормке, уходу за растениями. Достигнутое – не предел. Если я говорю, что нет плохой земли, то, к примеру, китайцы, которых следует уважать за трудолюбие и терпение, даже на камнях умудряются вырастить приличный урожай.

Четыре больших ангара на новой базе не смогли вместить всё зерно, намолоченное комбайнёрами. Как и в прошлом году, в сельхозпредприятии решили новую технологию «силбег». Напомню, что суть её заключается в том, что зерно засыпается в большие мешки из материала, похожего на полиэтилен, но более прочного. Длина мешков достигает нескольких десятков метров, а вмещают они около двухсот тонн зерна. Материал, из которого сделаны мешки, называется силбег. Так же стала называться и технология хранения зерна в мешках. В прошлом году «силбег» позволил сохранить урожай с минимальными потерями. На такой же результат рассчитывают в сельхозпредприятии и в этом году.

— Самое главное при использовании этой технологии, – говорит Митюшкин, – обеспечить оптимальную влажность зерна. Во время уборки погода в основном была сухой и жаркой. Поэтому и влажность пшеницы оказалась низкой. Лишь два-три дня с полей шла пшеница повышенной влажности, когда прошли дожди.

— А где же сушили его? – спросил я.

— У нас нет своей сушилки, – ответил Николай Владимирович. – Но зерно до нужной влажности мы довели. Воспользовались сушилкой предприятия нашего холдинга, расположенного в соседнем Урицком районе.

Теперь можно с уверенностью говорить, что уборка урожая в СП «Знаменское-1» ООО «Авангард-Агро-Орёл» проведена успешно. И, конечно, следует за это поблагодарить комбайнёров и водителей. Высоких намолотов добивались ежедневно Владимир и Сергей Мишины, Игорь Калинин, Виктор Волобуев, Николай Тельнов, Алексей Родичев и Алексей Ефанов. Не подвели и водители Алексей Степченков, Алексей Кобзев и другие.

Одновременно с уборкой в сельхозпредприятии ведут сев озимой пшеницы. Условия для него сложились благоприятные. Организационных задержек тоже нет. В хозяйство имеются высококлассные протравленные семена, удобрения в достатке.

— В этом году посев озимой пшеницы мы уменьшим на 1200 гектаров, – говорит Митюшкин. – Зато увеличим площади, отведённые под ячмень.

— С чем связаны такие перемены? – спросил я. – Разве ячмень дороже пшеницы?

— Такова политика нашего холдинга, – ответил Николай Владимирович. – А цены на наши пшеницу и ячмень я не знаю. У меня другая, совершенно чёткая задача – организовать выращивание и уборку тех или иных культур на площадях, определённых холдингом. Кстати, общая площадь пашни в нашем предприятии увеличилась за этот год на триста гектаров. Специальное подразделение, вооружённое мощной техникой, отняло их у леса, который вырос на бывших полях района. Эта тяжёлая работа ещё не закончена. Предстоит освоить более 1500 заросших гектаров. Все они расположены на территории Болховского района.

Увеличение посевов ячменя потребует выполнения больших объёмов работ на осенней вспашке.

— И с этой задачей мы справимся, – уверенно говорит Митюшкин. – Не зря к имеющимся тяжёлым тракторам мы прикупили ещё два «Кировца». На вспашке они эффективны, ни в чём не уступают импортной технике, к тому же они намного дешевле.

Курс на импортозамещение даёт свои результаты. На российскую сельхозтехнику стали сейчас обращать внимание многие даже хорошо обеспеченные предприятия. Изменилось не в лучшую сторону и снабжение импортных тракторов, комбайнов, других машин запасными частями. Если выйдет из строя, к примеру «Нью Холланд», то ремонт может растянуться на месяц. А «Кировцев» мы восстанавливаем значительно быстрее.

Чем ещё озадачен директор в эти сентябрьские дни?

— Скоро мы окончательно покинем базу в Красниково, – сказал Митюшкин.

— Не жалко? – спросил я.

— Там ничего нашего нет, – ответил директор. – Все помещения арендованы.

К этому следует добавить, что расположена база крайне неудобно для производства. Ведь Красниково – глухой тупик. Чтобы куда-то поехать, надо обязательно возвращаться в Знаменское. А от новой базы можно сразу же отправиться и в Орёл, и в Болхов, и в Брянск. И до большинства полей отсюда путь намного короче. Хоть в Пешково, хоть в Локно техника придёт быстрее. Чтобы полностью перевести технику, людей на новую базу, вопрос со строительством электролинии решается оперативно. Она уже спроектирована, выделены и деньги на строительство, но оно пока ещё не началось.

Несмотря на отсутствие централизованного снабжения электроэнергией на новой базе, я увидел работающие тут компьютеры, весы, другие механизмы, оборудованные электродвигателем.

— Используем три дизельных генератора, – поясняет Митюшкин. – С их помощью продержимся до завершения строительства электролинии.

Так получилось, что Митюшкин на некоторое время остался без помощников. Он и директор, и агроном. Не трудно ли везде успевать? Ведь до самого дальнего поля от базы почти сто километров.

— Мы крестьяне, – сказал Николай Владимирович. – А значит, привыкшие к трудностям. В конце года у меня будет отпуск. Тогда и отдохну. И на охоту, наконец, схожу.

Такой уж у человека характер – ломать устаревшие традиции, выходить на новые рубежи.

ДОРОФЕЕВ МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ
глава администрации Болховского района

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Беседу вёл Л.М.Золотарёв

В сентябре 2015 года, в Год литературы, в библиотеке имени Бунина в Орле состоялось заседание клуба творческой интеллигенции города «Светлица». На эту встречу с читателями пришли и выступили митрополит Антоний, игуменья Свято-Троицкого Оптина монастыря Евфалия и Глава Администрации Болховского района Михаил Леонидович Дорофеев. Каждый со своей стороны, они осветили вопросы духовного Возрождения и Преображения человека. Выделим Главу Администрации Болховского района и зададим ему несколько важных вопросов.

Вопрос. Возрождение духовности – что Вы, Михаил Леонидович, понимаете под этим? Что Вы для этого делается в городе и районе?

Ответ. В широком смысле возрождение духовности связано с верой. Возрождается монастырь, возрождается и город, нам без веры нельзя. Патриотическое воспитание на том и стоит.

Вопрос. Вы опираетесь на восстановление прежнего облика Болхова, который издавна был богат монастырями, церквями, так я Вас понимаю?

Ответ. Да, это так. Это для нас не отвлечённый момент, а конкретика фактов, наполненная глубоким содержанием и, прежде всего, духом патриотизма, историей Болхова и болховской земли с древнейших времён. Мы поставили православный крест у деревни Каменки, где в 1368 году происходила битва наших предков со степняками Давлет-Гирея, и наши болховчане тогда отстояли свою независимость. Люди будут приходить к кресту и поклоняться ему, осеняя перстом своих героических предков.

Вопрос. Возрождается Оптин монастырь. И это неразрывно связано с возрождением духовности. Вы сказали одну не совсем обычную вещь, что монастырь возродить дело не одного года, и спешить тут не надо. Ведь параллельно с тем идёт духовное возрождение человека, его духа, личности, а это процесс не очень-то быстрый. Воссоздавая монастырь, люди придут к завершению своего труда совсем другими, чем начинали свой путь, пропустив через себя, свои души то, чем они занимались тут долгие годы, не так ли?

Ответ. Да, действительно мы плотно работаем с молодёжью особенно в военно-патриотическом воспитании. У нас мощная ветеранская организация, её боевой актив во главе с отцом Василием Ермаковым. В этом году мы провели большую конкретную работу к 70-летию Победы. Зажгли четыре Вечного огня: два в Болхове и ещё два в районе, в частности, в селе Руднево, в окрестностях которого легли двадцать тысяч наших героев – освободителей. Отмечено нами и Бориловское танковое сражение…

Вопрос. Помню это село, я был там несколько лет тому назад вместе с ветераном войны Александром Ароновичем Руббом, приезжавшим из Москвы, где он в те времена организовывал массовые празднования, в том числе и праздники Победы на площадях и улицах столицы. Посерев лицом, он стоял перед памятником павшим на окраине села, последней тут значилась и его фамилия. Тут предстояло лежать и ему. А он остался жив. И прошёл дорогами войны до самого Берлина. Вот какая история. Об этом я писал в «Орловской правде», где тогда работал корреспондентом. Побывайте там, Михаил Леонидович, поклонитесь Бориловскому памятнику и от меня. Можете это сделать?

Ответ. Конечно, побываю и обязательно поклонюсь.

Вопрос. Митрополит Антоний, выступая в Орле, тогда же в той же бунинской библиотеке, произнёс высокодуховную речь, по сути своё проповедническое слово, тесно связанное с Заповедями блаженств. Что Вы на этот счёт скажете, Михаил Леонидович?

Ответ. Что о нём можно сказать? Это знающий, интеллигентнейший человек. С ним свободно можно говорить по вопросам не только веры, религии, но и по многим вопросам культуры, литературы. Его слово наполнено не только мыслями, взятыми из заповедей бытия и блаженств, но и с конкретными фактами из нашей истории, литературы, подводящими каждого слушающего его к мысли о духовности человека, о его патриотизме как одной из главных составляющих личности. Отец Антоний – цивилизованный, образованный служитель церкви, соприкасаясь с которым ловишь себя на мысли, что с ним тянет общаться, говорить по различным жизненным вопросам.

Вопрос. Матушка Евфалия, библиотекарь по образованию, работала прежде в этой же библиотеке имени Бунина. Затем она стала монашкой, игуменьей, то есть настоятельницей женского Оптина монастыря в Болхове. Создала благотворительный фонд, известный своими добрыми делами. Фонд этот оказывает адресную помощь нуждающимся, многодетным семьям, раздаёт бедным продукты питания, вещи. Организует уход за воинскими захоронениями, например, за Кривцовским мемориалом, где легли в 43-м московские ополченцы из района, где расположена Академия наук, это учёные, лучшие люди страны, ушедшие с оружием в руках защищать отечество.

Матушка-сподвижница, люди вокруг неё, своими глазами видят вокруг каждого человека, держат каждого прихожанина перед собой. Все вместе они живут полноценной, человеческой жизнью, одним большим трудовым подвигом.

Ответ. Что могу сказать о матушке Евфалии? Давно знаю её как игуменью Оптина монастыря да и просто как человека. Очень активная, очень нравственная, много знает, это прямо-таки кладезь идей, много сделано ею добрых дел в Болхове и на болховской земле. Хочется особо сказать об её участии в работе воскресной школы, где она работает с молодыми болховчанами. Часто приходится встречаться с ней в стенах этой школы. И опять-таки одна из главных тем в работе с молодёжью матушки Евфалии – это духовное, нравственное воспитание детей с малого возраста.

Вопрос. Это и есть духовное содержание всех в обществе и преображение каждого конкретного человека, добрые дела жителей города и района на пользу нашей великой Родины.

Что Вы, Михаил Леонидович, скажете на этот счёт? Лично Вы как человек православный, посещаете какой-либо храм? Знаете славную историю города Болхова – этого орловского Суздаля – с его монастырями, храмами и звонницами? Я когда-то, впервые увидев Болхов и поражённый его легендами, написал такие стихи.

НА ДЕВЯТИ ХОЛМАХ
(Болхов)

Весь деревянный, колокольный, звонный, -
Его не раз дотла стирал огонь.
Сакмой привычной, степью опалённый
Табунный набегал монгольский конь.

И вот опять слились людские реки
И воды Нугря выпили до дна.
Разъял великий хан тугие веки:
«Где этот град, ну, дикая страна!

Где крепость с валом, ни стены, ни улиц.
Он провалился, что ли, этот град?»
И меч воткнул, и дали содрогнулись
И, гулкие, ударили в набат.

Гудел, громада, колокол зарытый
Из-под горы, где Оптин монастырь.
На зов его сбегался люд сердитый.
В одной – коса, в другой руке – псалтырь.

Земля, двоясь, холмилась под ногами.
Взмолился хан: « О, небо! О, алла!
Тут заодно с шайтаном каждый камень.
Лети-лети назад, моя стрела!»

И дал отбой. И каркали вороны,
Что в этот раз поживу увели.
А звоны жили, к Богу звали звоны
И подымали град из-под земли.

…Пока колокола во глубине,
Земля всегда на нашей стороне.

Так что Вы, Михаил Леонидович, скажете об этих храмах, о колокольных звонах Болхова, об Оптином монастыре, возникшем в каком-нибудь километре от города?

Ответ. Храм встаёт из руин, а память – из забвения. У Оптина монастыря, как и при всех обителях, есть кладбище; тут лежат камни, а под камнями – святые, мощи святых. Таким святым был признан когда-то православный миссионер Макарий Глухарёв. Он прибыл сюда из Горного Алтая, где проповедовал православие, учил русской речи язычников-горноалтайцев, за что и произвёл его в лик святых Московский патриархат. И вот не так давно в наши места наведался писатель из горноалтайцев Брантой Бедюров, ставший не только современным поэтом, пишущим на русском языке, но даже министром культуры в Горноалтайске. А сам я хожу молиться в Оптин монастырь.

Вот такие метаморфозы происходят в наше непростое, быстротекущее время, такие-то возрождения и преображения.

Леонард Михайлович Золотарёв. Да, это так. Но что я хочу отметить особо, так это вот что. Моя малая родина – Малоархангельск, это на юге Орловщины. Здесь сражался Центральный фронт во главе с Рокоссовским. Вокруг Малоархангельска легло без малого 300 тысяч наших героев из «армии Рокоссовского». И что самое главное – во второй, наступательной фазе битвы на Орловско-Курской дуге наши войска южнее Орла совместно с нашими дивизиями севернее Орла, от Болхова наступая на Запад – на Хотынец, Брянск, выдавили врага из города Орла, став по сути дела его освободителями.

На такой ноте и хочется завершить диалог с Вами, Михаил Леонидович, главной темой которого и является тема патриотизма как основа нравственного, духовного воспитания, возрождения и преображения человека.

ТРУНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
Глава администрации г. Малоархангельска

КАКИМ ХОЧЕТСЯ ВИДЕТЬ НАШ МАЛЫЙ ГОРОД

Беседу вёл Л.М.Золотарёв

На днях по телевизору показали крохотный городок Плёс в Ивановской области, площадью всего в три квадратных километра, расположенный в живописной местности на Волге. Его открыл миру художник Левитан.

Вопрос. Как Вы, Александр Сергеевич, считаете, что значительного в судьбе, в истории малого города Малоархангельска? Что интересного в Вашей работе как мэра? Вам нравится Ваша работа?

Ответ. Вы начали с Плёса. Кстати, когда я учился в одном из петербургских вузов, во время практики мне удалось побывать в этом городке, воспетом знаменитым художником Левитаном, который показал в своей картине очень живописный уголок России на великой реке-матушке Волге.

Теперь ответ на вопрос по существу. Конечно, работа моя интересна. Быть главой администрации малого города, значит, быть всё время с народом, с людьми. Занимая эту должность, можно помочь чем-то каждому, кто живёт в этом городе, чтобы людям здесь жилось лучше, комфортно. Вот уже сколько лет городу, он стал городом в 1878 году, а сколько лет до того это было монастырское село Архангельское? История его богатая. А люди тут живут разнообразной жизнью. У каждого, конечно, свои проблемы. А власть на то и власть, чтобы помогать их решать. Для этого и выбирают люди главу, оказывая ему доверие.

Жителям нашим что надо? Они идут к нам с небольшими просьбами, в основном справляются сами, своими силами. В частном секторе хозяин всегда у себя наведёт порядок. Ну а нас просят то тротуар подремонтировать, то освещение улучшить, деревья аварийные помочь убрать. Главное, нужно быть внимательным и к людям, и к самому городу. Без этого нельзя. Часто обращаются к нам, кажется, по вопросам, которые не в нашей компетенции, люди идут порой просто посоветоваться. Надо выслушать человека, дать совет, куда обратиться, чтобы решить его

проблему. Конечно, всегда хочется сделать много, желание у меня большое, но мы не маги, не всемогущи. Есть и объективные причины, не всё мы можем. Прежде всего, это недостаток финансовых средств. Сейчас в стране финансовый кризис, и наш город он не обходит. Конечно, всякое сравнение хромает, однако можно сказать, что мы на передовой. Может быть, у нас тут чем-то труднее, мы ближе к земле. А бюджет формируется как? Люди здесь трудятся, зарабатывают средства, а средства эти уходят наверх, и там уже распределяются по местам. И что достанется такому малому городу? Из чего складывается наш бюджет? В основном это 10 процентов от НДФЛ, то, что раньше называлось подоходный налог. Ну, и незначительные поступления идут от этого подоходного налога.

Малоархангельск находится в чернобыльской зоне, для жителей существует определённая льгота. Социально-экономическая. Соответственно по земле, по имуществу. Но каких-то серьёзных финансовых поступлений ждать не приходится. У нас нет ни газа в недрах, ни нефти… Белая глина, которую везут в Орёл? Она не на территории города. Какой-то процент отчисления идёт подгородненскому муниципальному образованию, районной администрации…

Вопрос. Городок выглядит привлекательно, особенно центр. Свежепокрашенные крыши, стены домов, всюду цветники, это всё делает коммунхоз. Жители же сами заботятся о себе. Свои дома ремонтируют, огороды пашут. Почему бы не организовать службу, которая бы заявки горожан удовлетворяла, и служила бы источником поступления финансов в бюджет Малоархангельска, и это решало бы многие вопросы в нуждах малого города.

Ответ. Безусловно, мы занимаемся благоустройством города, особенно в центре: по улицам Маркса, Советской, в Парке Победы… Основная работа ложится на плечи коммунальной службы. Это наше подразделение по благоустройству. Здесь люди работают на совесть. Покупают и выращивают семена для цветов, свои семена собирают. Есть такие женщины, которые этим занимаются, особенно трое. Людмила Викторовна Хохлова – старейший работник… Это они в основном и сеют рассаду, и высаживают в разных уголках города. Посадка, прополка – всё на плечах этих женщин. Конечно, они заслуживают благодарности администрации и жителей города.

Хозяева частных домиков тоже стараются содержать их в порядке. И получается у них своего рода соревнование с коммунальщиками. Вы говорите, что в области нет других таких райцентров по своему внешнему виду – по чистоте и благоустройству. Можно сравнить только с курянами, с посёлком Коренной пустыни? Приятно слышать это от Вас, Леонард Михайлович…

Большинство жителей любят свой город, свою малую родину. Вот с работой тут проблематично, и они часто уезжают на заработки в Москву, в Орёл, а всё-таки возвращаются сюда, в родной город, вкладывают заработанное в свои дома, усадьбы. Строят, обустраивают, стараются, и улицы становятся лучше, а в целом и весь Малоархангельск. Получается современный город, благоустроенный. Если раньше редко были дома, которые имели бы воду, ванны, канализацию, то теперь в частных домах процентов на 90 – 95 современные удобства.

Администрация старается стимулировать этот процесс, держать всё под контролем. На Дне города объявляем лучших по номинациям среди коммунальных, среди частных домов. Определяем победителей, ежегодно фотографируем, размещаем на сайтах города, стенды делаем в кинотеатре «Колос». Люди смотрят и сравнивают: как у меня, а как у соседа? Имена торжественно объявляем, поощряем на различных праздниках, которые проходят в городе.

Мы сами лично у себя дома вырастили недавно ведро тюльпанов и рассадили по городу. Вы от людей слышали, да? Действительно, мы вдвоём с одним жителем нашего четырёхэтажного дома, что напротив рынка, создали скверик, это теперь

зона отдыха, целый ботанический сад, здесь более десяти пород деревьев. Школьников младших классов можно водить сюда на экскурсии, показывать, какие клёны наши, а какие канадские клёны, платаны, ясени. Не спутаешь после этого ясень с американским клёном. Хочу ещё посадить дуб и ёлку, чтобы к Новому году наряжать… Памятник Рокоссовскому, в самом деле, тут можно поставить…

Об автобусном движении? Это ещё когда было при Викторе Ивановиче Медведеве. Тогда пытались организовать внутригородское движение, не прижилось. Город наш компактный, всё доступно, люди ходят пешком. Это не то что Глазуновка, вытянута в длину.

Об электрическом свете. Это своего рода революция в освещении города, мы первые в области применили на практике энергосберегающую технологию. Нашли инвесторов, которые вложили в реконструкцию освещения около 3,5 млн рублей. Полностью заменили столбы, простые электролампы сменили на светодиодные, за счёт чего провели свет по всем улицам и переулкам, например, на Первомайском вообще не было освещения. Система отлично работает, график включения и выключения компьютер ведёт чётко. Заметили? Как стемнеет, свет включается и горит до двух часов ночи. Выключается, когда все уже дома, вернулись из гостей, с праздников, молодёжь с вечеринок. С 1 октября свет будет включаться и утром.

В Глазуновке подхватили нашу инициативу, но там свет горит только до двенадцати.

Вопрос. О свете говорите? Это, конечно, хорошо. Малоархангельск – моя малая родина. С удовольствием участвую в пушкинских днях, проводимых у памятника нашему национальному гению.

Говорят, Малоархангельск послужил прототипом создания знаменитого «Ревизора». В «Ревизоре» существовала лужа посреди города, а сейчас? Городской пруд превратился в подобную лужу. А ведь был довольно глубок и чист, здесь купались, был песчаный пляж, даже вышка была, с которой прыгали в воду, лодки ходили, рыбу ловили. А сейчас комары развелись, терроризируют ближние улицы, например, улицу Урицкого. От комаров вечерами нет спасу. Что делать? Тоже проблема.

Ответ. О «Ревизоре» Гоголя, о городском пруде? Леонард Михайлович, комары – это индикатор чистоты. Это говорит о том, что в нашем городском пруду качество воды не такое уж и плохое. Комар в грязной воде водиться не будет, а только в чистой, а она тут проточная.

Ну, а если всерьёз, то, конечно, хочется, чтобы пруд был по-настоящему окультурен, очищен от зарослей, служил бы местом отдыха для людей. Но это не так-то просто ещё и с точки зрения технологии – болотистая местность, и с финансовой. Когда я работал в санитарной службе, мы делали анализы воды в пруду, они давали неплохие данные. Вода обладает свойством самоочищения, особенно проточная. В пруду водится рыба, некоторые, рассказывают, вылавливают за лето по полусотне карпов.

Вопрос. Провели асфальтированную дорогу на Колпну, Долгое. Теперь через Малоархангельск идут автобусы, фуры грузы везут. Всем хорошо. А ведь издавна в курские Поныри была дорога, по ней в Курск когда-то проезжали императрица Екатерина Вторая, сам Пушкин. А ныне дорожка что-то заколодела. Отчего бы не восстановить движение, до Понырей каких-нибудь восемнадцать километров. Тем более что с курской стороны дорогу подвели почти до Сидоровки. А то из Малоархангельска в Курск ездят через Тросну, а до неё как – никак сорок километров. Конечно, пути-дороги не Ваша компетенция, а всё – таки как не помечтать и не передать мечтания горожан руководству района и области? И пассажирам легче было бы ездить в Курск, в Коренную пустынь, и грузы везли бы, и торговля с курянами была бы оживлённее.

Знаю я все эти проблемы, так сказать, изнутри. Потому что с детства тут живу, провёл долгие годы жизни. Знаю как тут, что и почём. И что вы на это скажете?

Ответ. О дороге? Конечно, если бы была дорога до Понырей, то это было бы прекрасно. И людям, и в отношение торговли между областями. Но какие средства для этого нужны, представляете?

Вопрос. Проводим в нашем малом городе Дни русского языка, Дни рождения Пушкина, это 6 июня каждый год, традиционно. В последнее время Вы как мэр принимаете активное участие в пушкинских днях. Конечно, дети приходят, школьники из малоархангельских школ, теперь и взрослые жители стали появляться у памятника Пушкину, слушать стихи поэта, живых современных авторов. Хорошо ведь, да?

Ответ. День рождения Пушкина? Это замечательно! Двойной получается праздник: и День рождения поэта, и День русского языка. Надо статус русского языка в стране поднимать. Многое упущено. Экзамены по литературе, сочинение отменили. Безграмотность пошла. Для нас Пушкин очень много значит, тем более для города, где он побывал когда-то и передал сюжет Гоголю, у тебя, мол, лучше получится, и получился «Ревизор». Сам Бог повелел нам принимать активное участие в пушкинских днях.

Вопрос. Вечный огонь горит в Парке Победы. 9 Мая проводится возложение венков. Вечерами небо окрашивает праздничный фейерверк. Я уже говорил о том, какое значение имела битва на Орловско – Курской дуге и какое значение имел Малоархангельск в этой битве. В округе много памятников павшим бойцам, почему бы не организовать туристические маршруты по памятным местам – малоархангельским, глазуновским, поныровским? Благородное, святое дело, особенно для молодёжи. Я знаю, немцы – потомки тех, что воевали тут когда-то, бывали тут, приезжали сюда из Германии. А мы? Поднимать на это народ наш надо… Туристической «Меккой» должен стать Малый город, имевший когда-то великое значение в минувшей войне. 70 лет прошло со дня Победы, эта дата вечная, навсегда должна врезаться в память, служить поколениям. Так, Александр Сергеевич? Служит же красота на Волге малому городу Плёсу, а нам так же служить должна наша Победа, врезаться в память о наших павших защитниках Родины.

Ответ. Туристические маршруты? Работа проводится большая, серьёзная. Из участников войны в городе осталась одна Сероплёкова Нина Александровна. В школах города ведётся работа по военно-патриотическому воспитанию детей с раннего возраста. То одно захоронение посетили, то другое. Но надо бы такую работу вести на таком уровне, чтобы, подрастая и уезжая из города в другие края, жители Малоархангельска с гордостью говорили, что они отсюда, с центра битвы на Орловско-Курской дуге, где произошла великая битва народов, что тут рождались герои, патриоты отечества, что они из Малого города с большими патриотическими традициями.

Вопрос. 5 сентября одновременно с Москвой в Малоархангельске проходит День города. Именно 5 сентября 1787 года Екатерина Вторая подписала Указ о преобразовании монастырского села Архангельское в уездный Малый город – Малоархангельск.

Обо всём говорят в этот день с трибуны руководители – о хлебе насущном, о его себестоимости и прочая, и прочая, и прочая, но только не о нём самом – о городе, о его немалой и гордой, героической истории. Кстати, почему бы памятные места малого города не отметить какими-нибудь знаками? Тут на перекрёстке ул. Ленина и Красноармейского переулка, близ больницы, помнится, в сорок третьем от бомбы погиб маршевый батальон; тут – у дома Ракитиных – стояла зачехлённая

брезентом «катюша»; на Косом переулке подорвались на мине трое моих школьных друзей: Гена Монастырёв, Толик Марков, Толик Харский.

Ответ. В самом деле, мы не должны забывать всё это. И детей войны остаётся не так уж много. Таких, как Вы, Леонард Михайлович. Нам надо спешить получить от Вас подробные, яркие сведения о страшных и героических эпизодах войны. Не так давно ушла из жизни жительница города Лариса Семёновна Козелкова и унесла с собой много чего, что она знала и помнила… О прошлом забывать нельзя, надо подумать о «знаках» по городу, как это сделать…Также живые истории, от вас, детей войны. Детская память замечательна…

Вопрос. Вы «самовыдвиженец», как ныне говорят. Вас люди выбрали, доверили Вам этот пост – быть руководителем жителей города. Малых подвигов не бывает, малых городов тоже. Малые они по количеству населения, по территории, а по своим задачам духовным, которые стоят сейчас перед нами, когда дрогнула демография, между Орлом и Курском ходит электричка всего в четыре вагона. Малоархангельск со своей историей не менее значим, чем те же Курск и Орёл.

Ответ. Да, я самовыдвиженец. Меня люди выбрали, как я уже говорил. Как глава города я должен чувствовать, чем дышат люди, и делать всё для них… Я живу в Малоархангельске уже 31 год. А до того жил и работал в Болхове. Это почти такой же, не такой уж большой город, он тоже прошёл через войну. Однако старинные, довоенные дома в нём сохранились почти полностью. Не то, что в Малоархангельске, от него, говорили, остались одни руины. Целы были только старая школа, почта и больница. Болхов не попал в полосу сплошных боевых действий, как наш Малоархангельск. Сражение в Болховском районе прошло стороной от города, есть там Кривцовский мемориал, лежат многие – цвет нации, лучшие люди страны…

Вопрос. Вот мы встретились и поговорили по душам, кажется, по всем позициям, так?

Ответ. Надо малым городам больше внимания уделять. Из малых городов состоит вся Россия. Из малого строится великое. Такие большие города, как Орёл, Курск, и такие, как столица наша Москва, подпитываются ими. Надо людям в малых городах помогать. Уничтожить всё это можно быстро. В самом деле, вон уже электрички между Орлом и Курском ходят всего в четыре вагона. А возродить былое попробуй. Как сейчас на Севере или на Востоке, где, например, Магадан. Какой отток оттуда? А попробуйте завезти туда вчерашнего студента, молодого специалиста, обустроить его там, укоренить. Так и здесь. Отсюда, бывало, брали людей, шёл оргнабор и на Сахалин, и в Калининградскую область, и в степной Крым.

В ельцинские годы уезжали отсюда люди, и всё-таки ничего, город безболезненно переживал трудности, но как-то с этим справлялся. В него переезжали люди на постоянное место жительство из окрестных сёл, деревень района, в них тогда хватало людей. Сейчас же дело совсем другое, очень сложно у нас тут найти квалифицированного рабочего, например, сварщика. А вузы, знай, клепают юристов, экономистов, а ПТУ с рабочими специальностями уничтожили. Требуются нашей коммунальной службе строитель, газовщик, электросварщик, а где его взять? Языком-то нужное дело не сделаешь.

Пенсионеров в нашем городе уже больше работающих. И кто будет на город трудиться, средства зарабатывать? Программы как таковой по развитию малых городов нет в стране, нет и у нас. И целину подняли, и плотины на Волге построили, и БАМ. И если отсюда будет только один отток, Срединная Русь рано или поздно иссякнет.

Программа развития малых городов должна быть в стране на президентском уровне.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки. Краеведение

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

У ТОЛСТОВСКОГО РОДНИКА

Кочеты лежали тремя отдельными деревнями. Главная дорога вводила меня в бывший помещичий сад, где теперь восьмилетняя школа.

Сад как сад, обветшалей обычных. Щемящее чувство заброшенности усиливается, лишь спустишься к пруду, на поддонный голос лягушек. Цветы водосбора – розовые, синие – колотят головками по коленям, плечо трогает куст волчьей ягоды, когда намекнувшейся тропкой врезаешься в околопрудные заросли.

С трёх сторон пруд охвачен зелёной подковой, с четвёртой – в отдалении хаты. Ивы, орешник, ракиты, береговая трава кое-где заходят в самую воду.

– Глядите: какая же синяя! – с восторгом говорит Егор Кириллович – из здешних, лет сорока пяти, лобастый, с живыми глазами, подрядившийся показать мне Кочеты.

– От глубины?

– Да. И от чистоты... Лев Николаевич Толстой наезжал сюда в последние годы к зятю-помещику Сухотину, к дочери, которая была за ним замужем. К Тане. Говорят, Толстой любил этот пруд. Сиживал здесь вечерами... Да вон на том бугре живёт Фроловна, она ему хоры и собирала.

И вновь мы идём через заросли. Предки Егора Кирилловича были здесь крепостными, гнули спину, может, и в этом саду, а вот он, Егор Кириллович, теперь в родимых местах учитель истории, директор той самой школы, что глянула на нас из-за старых лип большими и чистыми окнами. За разговором мы углубляемся в сад. Слабо угадываются аллеи, чернеют дубовые пни в два ряда – плоские, словно столы, на которых можно отобедать не меньше как пятерым. А кругом самосев, он развился в подлесок, в частые тощие клёны. Под ними ровная зелень хвоща. Сочится ключами берег. Всё тенисто и сумрачно, и немного таинственно. Где-то здесь похоронена внучка Толстого.

– А вот и родник, – останавливается Егор Кириллович. – В народе бают: если пить эту воду – укрепляется зрение, проясняется разум. Этой стёжке уже тыщу лет. Ходил к роднику и Толстой

Вода как вода. А смотришь в неё – как не задуматься? А задумаешься – обольёт она душу и заставит замедлиться в жизненном беге, просветлеть в мысли: а как и чем живёшь ты, человек?..

От родника стёжка выводит к школе. Липки перекрывают натоптанный двор, делают его зеленовато-тенистым, уютным. Давно уж пропали старые, сухотинские липы, это их отпрыски. В классах, куда заходим, на столах охапки сирени, белорозового водосбора. Шёл экзамен по литературе. На доске полустёрто написанное мелом – темы, наверно. Не по Толстому ль? Вот за этой партой сидел какой-то ко-

четовский мальчишка, морщил облупленный нос, и брезжил перед ним в своей смутности сложный человеческий путь...

Тележный след поднимался к строениям. Я поразился тому ощущению свободы и лёгкости, которое давалось простором и неоглядностью, открывшейся с сухотинской усадьбы, обсаженной дубняком. Даль синела слоями километров на двадцать, у горизонта пыхтел паровозик.

– Благодатное, Марьино, – кивнул неназойливый Егор Кириллович. – Лев Николаевич писал: если бы Наполеону пришлось давать сражение в этих местах, для своей ставки он непременно бы избрал Кочеты. А это амбар. Смотрите – замчище. Говорят, времён Льва Толстого. А здесь стоял каретный сарай. А вон там подвалы. Вековые. Думалось, не будет им слому....

Егор Кириллович как-то никнет. Энергия, которой полнилась вся его небольшая плотная фигура, пропадает, лицо становится мягким и вялым. Проходим мимо обветшалых подвалов. К флигелю. Здесь когда-то была библиотека, вот у этих оконцев читывал книги Толстой. Серый кругляк, обшивавший кирпичные стены, кое-где обвалился, обнажив бурую кладку. Время расшатывает и её. Один угол строения сгорел, другой подгнил и осаживается.

Егор Кириллович оживает, когда речь заходит о делах школы, совхоза, о передовых кочетовцах. Прошлое переплетается у него с настоящим, о прошлом он говорит так, словно это было недавно, вчера.

– А это вот что? – отвлекаюсь я, глядя на заросли диковинных растений у флигеля: лист разлапист, как у подсолнуха, но не шершав, глянцевит.

– Может, лекарственное? – гадаем мы с Егором Кирилловичем. – Иль декоративное?

– Груша это, – подходит старуха, – груша и есть... Земляная. Господа зря сажать не будут.

– Настасья Фроловна Федосеева, – наклоняется спутник ко мне, – урожденная Сенюшкина. Луке Артёмычу Сенюшкину, здешнему революционеру, двоюродная сестрица.

– Так вы сестрой ему будете? – спрашиваю я и настраиваюсь на долгий разговор.

– Да. Двоюродная, – поджимает сухие губы старуха.

– Старинную жизнь помните?

– А как же ж, помним. – Голос у Фроловны ещё сильный и ровный, глаза смотрят с прохладцей, словно бы изучают нового человека. Лицо строгое, с тонкой, прозрачной кожей. – Помним и братца своего, и Льва Николаевича. – И начинает сразу, как-то заученно:

– Я была у господ подрядчицей, набирала девок дорожки подбивать в парке, за цветниками ухаживать. Начинали от круговых дорожек у пруда и шли выше, сквозной аллеей, до господского дома.

А насчёт этой груши... Господа эту самую грушу частью тут потребляли, частью отсылали куда-то. И ещё спаржой занимались. Сеяли во-он на том месте, где сейчас Танька Скворцова живёт... Но, скажу, хоть и был у меня деверь в поварах у господ, а какие-такие бисквиты эта самая спаржа и груша – не знаю, не пробовала. Сурьёзный был наш хозяин – Михал Сергеич...

И вновь поджимает губы Фроловна. Они уходят куда-то внутрь, и тогда острее становится подбородок, выделительней нос, в уголках губ ложится жёсткая складка.

– И вот появляться у нас начал Толстой. – Старуха глядит, не мигая, и всё в одну точку, вызывая в памяти воспоминания. – Так, сам он вроде мужик: в длинной светлой рубахе, бородка надвое раскидывается... Приезжал со своим врачом Душаном Петровичем, до осени и гостил... Любил с Лукой Артёмычем, с моим братцем, бе-

седовать. Подрядился, помню, Лука крышу господскую красить. Слезет с крыши разводить краску, а Толстой разговор и затеет. И сидят на плетёных диванах под илим-деревом, всё толкуют да кофии ли, чай ли там пьют. А про что толковали – не знаю. Лука Артёмыч тогда уж с большевиками водился. А вскоре Лев Толстой пришел в деревню Весёлую, собрал всех мужиков да вот так и скажи:

– У помещиков, у зятя моего Сухотина, сейчас всего много, на серебре едят. А у народа куска нет. Нехорошо. К чему это привести может?

А вот и привело. Брат-то мой, Лука Артёмыч, ушёл из деревни в матросы, долго от него вестей не было, а потом пошли кругом митинги. Слышу: в уезд приехал мой братец. Побежала туда, а там в кумаче улицы и знамёна, словно хоругви, и Лука Артёмыч что тебе генерал: не подступись. Народ стеной за ним, и все с револьверами! Слух прошёл: власть Советскую Сенюшкин провозглашает... После к нам в Кочеты приехал коммуну устраивать. Жизнь всю прежнюю переиначили...

С какой-то тайной грустью говорит Фроловна о прежнем. Как все прежнее волнует её. Почему? Да ведь то её молодость, золотистые косы, голубые рассветы.

– А ещё хотела сказать, – шевелит губами старуха, – любил Лев Толстой слушать всякое. Сойдутся мужики у господского дома, присядут в кружок и затеют про то да про сё. Да вон деды, Квасов и Золотухин, соврать не дадут, их спросите...

Утром Егор Кириллович запрягал мерина, взятого ещё с вечера на совхозной конюшне. Мы отправлялись к дедам, на вторую деревню. Солнце уже припекало, препятствовало току сырости с пруда. По двору равнодушно ходили куры. Время от времени на яблоне встряхивался скворец, принимался бить крыльями и квохтать по-куриному, представляя куриную панику. Егор Кириллович швырнул на дрожки соломы. Сидел, поджав под себя по-татарски ноги, и снова был оживлён. А дрожки всё тряслись, всё звенели колесной чекой.

– Вон то, – показал он через минуту на приземистое, деревянное зданьице, – вон то была школа. Построена для крестьянских детей дочерью Льва Николаевича...

Взобравшись на бугор, проехали полем, въехали во вторую деревню. От колодца, видим, идёт старичок.

– Силён, гляжу, ты, полковник, сам ещё воду носишь, – здоровается Егор Кириллович и в полголоса мне: – Петрович. К нему и ехали.

– Почему полковник? – спрашиваю и я тихо.

– Да ить как не ходить, коли дело велить, – опускает вёдра старик и быстро взглядывает на меня. – У нас в деревне кто коров стережёт, тот и полковник. Вчера был мой черёд.

Проходим во двор, садимся на лавку.

Весь он – в рыжем своём пиджаке, в диагоналевых галифе, в растоптанных кирзовых сапогах – острый, сухонький, рыжеватый, словно провяленный солнцем. По тёмной шее разбегается сетка морщинок.

– Человек вот интересуется, – кивает на меня Егор Кириллович, – как ты, по просьбе Толстого, на свадьбе форейтором ездил?

– Ха-ха-а, – живо смеётся старик, и светло – зелёные глаза его влажнеют. – Нюшка! – кричит он неожиданно звонко супруге в сторону огорода. – Поди покличь Золотухина!.. Вдвоём будет сподручнее, – поворачивается Петрович ко мне.

– С Лёвом Толстым, – вздыхает, – как вот с вами встречался. Я ходил тогда уже в женихах. Лёв Толстой, говорили, супротив помещиков шёл... Нюшка, ты пошла к Золотухину?

– Сичас, – доносится с огорода.

– От дьяволица! – хлопает себя по коленке Петрович. – Не разгонится... Так вот, Лёв Толстой всё больше с нами вожжался, с крестьянами. Заходил что ни есть в бедную хату. Любил особливо к знахаркам. Была тут одна у нас – Любава Васильевна.

Святой водицей лечила. А другая, Ульяна, та слово знала от козюль и от бешенства. Нюшка! – кричит он опять на огород.

– Чего тебя мучит – ломает?! – жена его неожиданно выходит из сенцев и, невозмутимая, плывёт мимо нас, через выгон, к золотухинской хате.

– Книжонками снабжал нас, а то сам читал кой-когда. Поди сюда, скажет, Димитрий, послушай, что я тебе почитаю. А потом спросит: ну как, брат, понятно?

С того края выгона движется Золотухин – высокий, степенный, худой. Несёт тело ровно и бережно. Присаживается, гладит ладонями серебристо-чёрную бороду. Говорит он мало, давая выговориться дружку.

– Про свадьбу-то расскажите, – не терпится мне.

– Про свадьбу? – не спешит выпускать главный козырь Петрович. – Это можно. – Наконец начинает: – Давно это было. Ещё в женихах я был... Так вот, приехал Толстой к нам сюда, в Кочеты. И вздумалось ему сыграть крестьянскую свадьбу. Не настоящую, а так, посмотреть. И чтоб, так теперь рассуждаю, в книгу. Мы играли свадьбу, а Лёв Толстой всё записывал...

Закрыв глаза, я слушаю голос Петровича и вижу всё это так явственно.

На сей раз Лев Николаевич приехал сюда на целое лето. Скрылся у дочери от домашней опеки, от досадных расспросов Софьи Андреевны о завещании, от всего надоевшего... Отцветая, в парке ржавела сирень. Пахло майской землёй. Как всё было здесь просто и хорошо. И снова жилось надеждами, и близка была молодость, когда устами Оленина выразил он такие слова: «Счастье, вот что, – сказал он себе, – счастье в том, чтобы жить для других... В человеке вложена потребность в счастье. Удовлетворяя его эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства славы, удобства жизни, любви, может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невозможно будет удовлетворить этому желанию. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастия незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие! Любовь, самоотвержение!»

В этих крестьянских избах, на виду перелесков и долов, с прежней властью поднималась в нём потребность исканий, быть единым с людьми, думать их думами, любить их любовью.

В этот приезд, когда на душе было особенно смутно, он хотел видеть народное празднество, общее ликование. Может быть, новым страницам суждено будет стать лучшим из всего, что было писано прежде?

Зашумело игрище в Кочетах, томившихся до покоса в некотором неуделии. С женихом трудностей не было, а невесту сыскали не сразу. Наконец, уговорили одну из замужних- Анну, горничную. Послали сватов. Ударили по рукам.

Запестрел луг цветными платками, панёвами. На столах – черепняные чашки, деревянные ложки толщиной в детскую руку, из «казёнки» бутыли, немудрящая деревенская снедь: холодец с хреном, пшённая каша, варёное мясо, шипучие квасы...

Все ждут свадебный поезд. Десяток крестьянских подвод, украшенных лентами и кумачом, выехали в поле. За околицу. К хлебу. Гремит под дугой колокольчик – «дар Валдая». Первым на своем буланом – приосанившийся Димитрий. Летят мимо Душана Петровича, мимо Льва Николаевича. Встречают от венца мать – отец, провожают к столу молодых. Ни жива, ни мертва сидит Анна в своей жаркой панёве, в золотистом кокошнике. Величальную ей заводит девишник:

У нас ягодка красна,
Земляничка хороша,
На пригорочке росла,
Супротив солнца зрела.
Ах, кто ж у нас,
Ах, кто ж у нас разумница?

Ах, да Аннушка умна,
Аннушка да разумна...

А за столами – веселье. Звон бутылок да пересмешки. Кто-то с кем-то перебросился словом, кто-то залился краской, кто-то, захмелев, затевает невесте свою величальную: «Конопель ты моя, конопёлочка...»

На него шикают. Высоко и прозрачно ведут женские голоса величальную жениху:

Летел голубь, летел сизый
Со голубушкой.
У голубя да у сизого
Золотая голова,
У голубки, у голубки
Позолоченая.

Наливается силой, плывет молодым величальная, и в такт общей песне начинают качаться ряды – плечо в плечо, плечо в плечо:

У ворот сосёночка зелёная,
Зелёная сосёночка земляная.
У Захара жена молодая
У Яковлевича дорогая...
Белу свету сына породила,
Она свекору, свекрови угодила.

Долго ещё в уже потемневшее небо, в звёзды летят широкие крестьянские хоры, пересмеиваются балалайки, плачут пискуньи – ливенки. Плывут по лугу хороводы. Бежит карандаш по сереющим в сумерках строчкам. Лев Николаевич закрывает записную книжку, довольный – кладёт свободную руку за пояс блузы...

– Нюшка песни вам эти сейчас и представит, к-хе, – откашливается Петрович и возвращает меня в сегодняшнее. – Нюшка! Да где же она? – суетится Петрович. – А вон у золотухинской хаты лясы, гляди, с бабами точит. Нюшка-а!

– Сичас, – не спешит отзываться его супруга.

– А вон он, за хатами, – оживает степенный Золотухин, – лесок Бездонный. Там ложок двухрукавный. Порточки мы называем... Так вот в сенокос Лёв Толстой в те Порточки похаживал. Возьмёт у кого-либо косу, попробует. Не умеешь косу блюсти – враз поймёт. У тебя, говорит, незакладная. У другого возьмёт: у тебя хороша. И пройдёт несколько строчек. Умел мужицкую работу...

– Нюшка!! – перебивая его, опять суетится Петрович.

– Ну, сичас, сичас, – отвечает супруга с того края выгона. Наконец, приближается к нам. – Чего взмыкался?

– А ты спой человеку песни, какие на свадьбах певала.

– Дак это давно, – ломается Петровичева жена, – это ещё при Толстихе, когда она новую школу строила.

– Во-во, – вскидывается Петрович, – новую школу!.. А за то, что фалетором был, Лёв Толстой заплатил мне десятку, а жениху пятнадцать, а невесте двадцать пять рублей. А Анну мужик после бросил. Пошло про неё по деревне: Захарова, дескать, жена да Захарова, сам Толстой венчал. Так и бросил мужик её. И Захар не женился, бобылём всю жисть прокрутился. Так-то вот. Да... У меня в святом углу патрет Толстого. Смотрит этак сурьезно, ровно святой. А у сына, так у того есть железный столик, за которым Лёв Толстой сиживал. Из музея приезжали, просили – не отдал...

– Помрём скоро, – вздыхает Золотухин и трёт кулаком сырое, приотставшее веко. – Ничего не нужно будет.

– Как это не нужно? – подскакивает Петрович. – Пока живы, всё нужно. И стол, и патрет, и Лёв Толстой...

Прощаясь с Кочетами, я ещё раз пришёл к амбару, к обгорелому флигелю, к уютной, вместительной школе. Заглянул в окно: на доске детской нетвёрдой рукой было написано: «Широка страна моя родная». Со всех трёх деревень сюда, в запретный когда-то сад сухотинский, сходились ребятишки- потомки тех, давнишних крестьян. И снова виделось далеко. Дорога была вся в ракитах, струящихся на ветру серебром.

УТРО ТУМАННОЕ

Некогда эта дорога – от полустанка Бастыево – лебедино гнулась перед Львом Толстым, Фетом, Некрасовым, Щепкиным. И теперь идут по ней тысячи. В выходной садись в поезд, автобус да сюда, в косогоры, сады, перелески, в тургеневскую обитель, чтобы здесь хлебнуть голубиного света, оживиться душе после стеклистого марта, распахнуться первоапрелю. Жёстко-слякотное двоевластие уже заменилось всевластьем весны, всё обмякло, просветлилось, обтеплилось; деревья стоят накануне зелёного шума – притихшие, чуткие, утопив колени в слоинки тумана. Вскрикнув, скрылась за ними моя электричка, а в груди могуче, непобедимо и властно возникает родное, далёкое:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные...

И звенит всё в тебе весенне, ручьисто. В холодающих балках кончаются залежавшиеся снега. И вот оно, знаменитое Спасское-Лутовиново: сельской улицей упираешься в парк. В тот, конечно, тургеневский. Та же справа семейная церковь, тот же «флигель изгнанника». Только сзади него – розовит и пахуч – возвышается сруб из смолистого кругляка. Всё будет тут, как тогда, до пожара. Как в то давнее время, когда маленький Ваня мог часами плутать в переходах большого пустынного дома.

В парк уходишь весь как есть с головой, со всей своей думью-грустью. Бежит, мчится время; что годы – века; вот и парк, некогда юный, состарился, и теперь по-иному смотрятся липовые аллеи, образующие римскую цифру XIX – девятнадцатый век; тёмно-шершавые стволы стоят рядом, сплошной стеной; их сажали так близко не просто: чтоб гнали, тянули друг друга ввысь, и теперь они, густокронные, затеняют собою подсадки. Бежит, мчится время; когда-то на этих аллеях затевались и «Отцы и дети», и «Рудин», и многое из «Записок охотника». К краю своему, ржаному да ситцевому, обращалась страждущая душа: дубу, Родине поклонитесь... А сейчас занедужил тургеневский дуб, вот и лечат, и лечат. Бежит, мчится время, и у пруда Савиной, в загустевших туманах, вновь всплывает, колышется нескончаемое:

Вспомнишь обильные, страстные речи...
Первая встреча, последняя встреча...

У колодчика со знаменитой водой стоит женщина. Невысокая, крепкая, в годах. Наполняет бидон слезистой колодезной влагой.

– А что, нет к вам водицы поближе?

– Ближе нет-ти, – хитровато щурится женщина. – Есть, правда, напротив колонка, а мы любим вот эту воду, тургеневскую. От неё голос звончее да чище. У нас, почитай, всё село сюда...

– А на что вам голос, поёте?

– А как же ж! В клубном хоре. Вот как раз сегодня и спевка. Спросите на деревне Галину Яковлевну – я, значит, и буду.

День прошёл в ожидании, в разговорах да в знакомстве с апрельским селом. А оно обжитое, обстроенное, по широкой улице – чистые здания: Дом культуры с библиотекой, контора совхоза имени И. С. Тургенева, магазины, а в конце – двухэтажная школа.

С сумерками я уже шёл на околицу, где держались одна другой три сестры, в девичестве Пасынковы, знающие, как говорили мне, толк в русской песне. Собственно, рядом жили две из них – Галина и Аксинья. Младшая ж, Ефросинья, была «на деревне», поодаль, зато к этим двум прибилась, пристроилась сноха Аксиньина – Анна Прохоровна, совхозный ветврач. Так и живут своим крестьянским гнездом они на околице. Всё у них на глазах, перед окнами: кто вошел-въехал в село, а кто – на Бастыево. В эти окнушки виделось многое, жизнь мелькнула, как хоровод...

Старшая – Галина Яковлевна, по мужу Уваркина – живёт в третьем доме от края. Дом как дом: обшитый тёсом, глазастый, позавешенный яблонями, вишняком, а внутри привораживает русской печкой. Всё здесь вроде как и везде, но с особым, спасско-лутовиновским колером. На комоде чей -то портрет – узкое лицо, седоватые волосы, мягкий взгляд.

Галина Яковлевна ведёт речь легко и свободно, в меру плавно, спокойно. Бледное лицо её слегка розовеет, морщины растягиваются, но седая пыль на висках, водянисто-голубые глаза говорят, что крестьянская её жизнь была не из легких.

Наработавшись за день в совхозе, поуправившись дома, по одной да по парочкам тянутся к Уваркиным песельницы, перешучиваются, перемигиваются, приодетые, словно на праздник, зарумянившись, захмелевши в предвкушении песни. Сели по стенке, к столу, по душе да под голос, посерьёзнели, попритихли: ну, какую? Ветер, сорвавшись с Кобыльего Верха, где Бирюк когда-то изловил мужичонку-порубщика, швырнул в окна крупные капли дождя. И вдруг что-то сверкнуло, прогрохотало, прокатилось и покатилось куда-то за лес, за парк, за пруд Савиной... – гром! Первый, ранний такой, весенний. А вслед ему ещё и ещё. Наддай да покрепче, покрепче!.. И вдруг меж громами возник тонкий, трепетный голос:

Туман, туман при долине...

И громы затихли, словно прислушались, вздохнули ещё голоса, разошлись да подстроились, потянули, повели протяжно и грустно:

Туман, туман при долине.
Широкий лист на малине...

Звенит, серебрит голосом Галина Яковлевна, а напарница её, Ширяева Мария Николаевна, стелет медным, вторым, погуще. Тут же сестры... Песня, что за диво русская песня! И куда ты ведёшь нашу душу, в какие долины – туманы? И тебя захватила, и другого, десятого да собрала всех вместе в такой, извините, кулак, что попробуй-ка кто разогни – сила силой мы, коль душа в душу, огонь к огню, песня к песне. Только тот песне люб, кто воззнал её с детства, весь проникся её степной ширью, думной глыбью да болью сердечной, да радостью искренней.

По всей лавке, по стенке, гляжу, шевельнулись, задвигались песельницы, переглянулись, колыхнули плечами:

Заря, моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,

– живо и весело заводит уже другую Галина Яковлевна.

Иво-лели, яли-яли,
Яли-ле, яли-ле,

– озорновато, словно перекатывая лёгкие камушки, играют звуками песельницы.

Песня эта знакома, слышана мною и здесь, и во Мценске – одна из величальных Тургеневу, а опять же поди как волнует. За оконцем, во чистом поле, темнеет ду-

бовый мысок – Кобылий Верх. Голоса певуний утекают куда-то, тускнеют, и тогда отчетливей становится ровный голос Уваркиной, повествующий про житьё-бытьё.

– Отец мой, Яков Петрович, – недавнушко помер – годков сто пожил, помнил, милые мои, Ивана Сергеича. Все, бывало, рассказывал людям... А учился он на усадьбе, в Тургеневской школе. Тургенев сам в класс к ним захаживал, даривал карандаши да тетрадки, а отцу так букварик достался. Всё жив был букварик тот, пока мы с братишками, с сёстрами не растащили его на листочки... А у отца отец – дед, значит, наш, Петр Сергеич – был в селе вроде старостой. Когда умер Иван Сергеич, все в голос, в плач. Собрали копейки, купили венок с лентой «Земляку дорогому от спасско-лутовиновских крестьян», да и послали деда в столицу. А дед не шибко был грамотный, доехал до Москвы, искал-искал в белокаменной, где хоронят Тургенева, да так с венком и вернулся... А хоронили-то в Петербурге...

Все игривей, забористей песня, ведёт за собой голоса Галина Яковлевна, подголоски вьёт Матрена Упатова:

Через лес, через поле,
Через синее море...

– А когда приезжал наш Иван Сергеич из Франции, праздник случался на всю округу. Сходились крестьяне к усадьбе на большую поляну, карагоды водили, стон от песен стоял. Пели ему «Во рюмочке во серебряной», «Розу белорозовую», «Ах, кто ж у нас хорош» и эту вот – «Жёрдочку»:

Как на этом морюшке
Там лежала жёрдочка,
Иво-лели, яли-яли...

Вся светлица полна узорчатой песни, вперехлёст тешатся голоса.

Сидят рядом с Уваркиной сестры: по правую руку Аксинья, по левую – Ефросинья. Тоже в возрасте, круглоликие, крепкие. Сколько тягот легло на их плечи – и в совхозе и дома – да прошло за всю жизнь через сердце. Вон Аксинья хоть... Уж на что плясунья да песельница, а затеется песня, так и вздрогнет, затомится, до слезы закручинится:

Рассказать ли вам, подружки,
Про несчастье про своё...
Милый бился со врагами,
Эх, три ночи и три дня,
Положил свою головушку
На турецкой на земли.

Вспоминает Галина Яковлевна, как вернулся с войны хозяин Аксиньин израненный, пожил мало, оставил жену с четырьмя, саму – пяту. Да у них с Ефросиньюшкой было по-двое. Спасибо, жили одна к одной, друг за дружку. А коль врозь – разве б выжили?.. Война легла в душу камнем. Не выветрится, не обтолкается. Да и как забыть ту дождливую осень, когда, проводив своих мужиков на фронт, забились сестры с детишками в страхе, прослышав, что немцы будто идут просёлком на Чернь, на Москву? Как забыть ту разведку боем, когда, ворвавшись нежданно, немцы чуть не посекли из пулемёта в семейной тургеневской церкви всех односельчан? Как не помнить соседей своих – туляков, приютивших у себя их, тургеневцев, изгнанных ворогом с прадедовских пажитей? Как обычное дело, приняли не велик, но душевный дар, главное для обживания: зернеца да картошки на семена, на обзаведение – петуха да курёнка, на колхоз – одну-две лошадёнки. И, лишь дали команду, двинулись по просёлкам в обратную. Шли со скарбом, с детишками на горбу. Шли, чем ближе домой, всё быстрее, быстрее. Шли, обгоняя порой вереницы машин, припадая и падая в бессилии на снег, и вновь поднимаясь – вперёд и быстрее, быстрее! Заходили в Спасское-Лутовиново от Бастыево, глянули и

обмерли, всё сметено, лишь три дома в пустыне: в парке «флигель изгнанника», по селу – пятистенник Пасынкова да дом Дарьи Новиковой. От избы её, Галины Уваркиной, только рама осталась. А морозы трескучи, а детишки ведь... Но увидели женщины: жив тургеневский дуб да не сух колодец усадебный, тот, с малиновой водой. И откуда взялось вдруг. Завел кто-то песню – осторожно и сипло, прижала Уваркина к коленке меньшого своего, натянулась вся в прихлынувшей радости: «Ведь домой же, домой возвратились», да как выплеснет, поведёт звонко:

Эх, встрепенулась бела рыба на воде,
Стали рыбицу залавливати,
На желты пески вытаскивати...

Кто-то вскрикнул лихо: «Эх-ма!» Кто-то сбросил прямо на снег заплечную торбу, расстегнул видавший виды бушлат, закружился, уминая наст подшитыми валенками. Кто-то ринулся вприсядку. Поплыли в хороводе русские женщины – Упатовы, Ширяевы, Пасынковы.

Бегут на песню солдаты – холодали, голодали здесь в окопах долгие месяцы, а тут – песня. «Артисты приехали!»

– «Да какие артисты? Свои, лутовиновские!» Дробит наст, манит взглядом молодайка в телогрейке:

Хорошо ли тебе, рыба, без воды?
Хорошо ли тебе, красна девка, без дружка?
Эх, как я млада похаживала,
Чернобыль-траву заламывала,
Гуся серого залавливала.

– Эх -да! – бросается в круг молоденький лейтенантик.

– Ой, люли, яли -яли... Давай, Коля, по-нашенски, по-вологодски! – поют, кричат, гомонят вперебой сиплые от морозов и пороховой гари голоса, и взвивается разбойничий посвист.

Ой, мое личико разгарчатое,
Моя маменька догадливая.

Плывёт по кругу, прикрывает молодайка щеку свою обгорелой телогрейкой.

– Это ничего... хорошо, хорошо, – плачет-смеётся парнишка-солдат с забинтованной головой, и слёзы капают, жгут под ногами снега...

Долго ещё, распалясь, перебирают в светлице певуньи песни одну за другой – поэтические, давние, возникающие вдруг по какому-то слову в извивах памяти. Поют песни – веснянки, про то, когда тропинки только чернеют и снег начинает тревожиться.

Собираются уходить как-то все неожиданно сразу. Прощаются, перешучиваются, хлопают сенечной дверью, и на улице всё висит, погасая:

Во рюмочке во серебряной
Крутой бережочек.
У кого ж у нас
Золотой разумочек?
У Ивана-то у Сергеевича
Золотой разумочек...

Долго ещё сидит Галина, подперев виски, размышляет. О прошлом и будущем, просто о жизни. О сёстрах. Она теперь в семье старшая. Проснётся, бывает, вот так среди ночи, глядит в окно – заботушки ломят голову. Как им там, в Москве, сыновьям её? Что-то нет письма. Вон Лизаветин Алёша под боком, а своих, поди, не удержала... Строители. С того самого дня, как мальчишками взялись за топор. А кому было? Мужики на фронтах, а жить где, когда вместо изб головешки? «Первой будем Апроське, – рассудил старый отец. – У неё ребятёнков поболе... Потом

Ксюше... Потом Галине...» Подпряглись да возили семьёй блиндажное дерево да кирпич с погорелого. А как Валя с Алёшей взялись за топор, так и сердце зашлось: ну куда таким – тощие, от горшка два вершка? Всё бывало: спорили, ссорились – и как почту вязать, и как матицу класть. Но срубили всё ж к осени один да другой срубы, посложили и печи. И пошли с того-то по плотницкой. Сколько в Москве теперь всего сладили... Наезжают хоть в праздники, а всё не под боком. Болей, думай и о них, и о сестринских, о всех Пасынковых. Так ведь мать умирала, наказывала: «Апросьюшку не забывайте, она у нас в стороне, ровно кус откушенный от блина нашего пасынковского. Тяжело ль кому, праздник ли – всех сюда на застолье, на семейный совет. Тут-то вместе все, милые мои, и рассудим...» Вот и годы уже подошли, и зовут ребята к себе, а как бросишь землицу, село, дело свое изначальное? Дай лишь лето, снова вровень с людьми в поле, на ток, к хлебу-дедушке, под начало учётчика Алифанова, потомка, говорят, того егеря Ермолая, про какого Тургенев писал...

На рассвете кто-то шумнул в окно.

– Киселька сварила тебе овсяного, – прилипла к стеклу Аксинья. – Где бидон у тебя? За водой собралась.

– Погоди, – откликнулась Галина Яковлевна и повернулась ко мне: – Печень у меня, поджеливает меня сестрица-то.

Бросив пустые бидоны в тележку, Аксинья направилась в парк.

Утро было снова туманно. Крыши «флигеля изгнанника» и новостройки отливали сереющим небом, с них, стекая, перетенькивалась капель. «Тьень-тинь», – прозрачно и звонко вторила им из глубины веток синица. Молодые липки на открытых местах светлели живой, гладкой, налитой соками кожей. Вековые липы стояли на аллее, кажется, ещё ближе друг к другу, теснее, не протиснуться меж ними и боком. Восемь окон смолистого нового дома смотрели на них, благодушно спокойных, на «беседку Рудина», в сторону, откуда восходит солнце. Всюду ещё лежали синие тени, вверху суетились грачи. И там же вверху стоял смутный гуд, он нарастал, становился упорнее, рядом порснула почка – первая, самая ранняя, но в других ещё зрело движение, и зелёный шум был ещё впереди, впереди. А гуд всё стоял, оформляясь в едва уловимое пение, и пение это висело над мохнатыми необхватными елями, над тонкими липами. Верховой ветер, путаясь, пел в увесистых лапах басовито и мягко, зато высоко и со свистом сквозил в жидких липовых ветках. Подстраиваясь друг под друга, липки и ели слагали песнь на два голоса. Память подавала слова:

Туман, туман при долине...

По верхам, заглушая всё, прокатился неудержный ход электрички. Поймав его, деревья передали его дальше – пруду Савиной, полю, Галахову лесу и опять успокоились, отыскали своё.

МАЛОАРХАНГЕЛЬСК. ГЛУБИНКА РУССКАЯ МОЯ

Эта книга к юбилею – 235-летию города. О Малоархангельске, Малоархангельском крае, о связанной с ним накрепко кровными духовными узами Коренной пустыни. Эта книга о моей малой родине.

Малоархангельск расположен на черноземах юга Орловщины, как раз меж Курском и Орлом. Монастырское поселение Архангельское в 1778 году было преобразовано Екатериной Второй в уездный город Малоархангельск. Это древнейшие места наших предков, о чём свидетельствует, например, городище у речки Даймен-

ка, впадающей в Сосну-реку, у святого колодца Девятая пятница. Ещё во времена Гомера, за две тысячи с лишним лет до нас, наши пращуры, а именно, скифы – сколоты, тут выращивали хлеба, которые через греческие города – полисы (Тамань – ей недавно отмечали 27 веков) шли кораблями в Элладу где вскормили немало мудрецов, таких, как Эвклид, Сократ, Платон, Аристотель, что способствовало развитию всей европейской цивилизации. Вот какова цена здешнему хлебу!

В XX веке, оказавшись в Великой Отечественной войне на стратегическом направлении, Малоархангельск стал, на мой взгляд, третьим по значению в войне после Москвы и Сталинграда, центром, доминантой на Орловско-Курской дуге. Недаром фронт именовался Центральным и командующим Ставка назначила успевшего зарекомендовать себя в предыдущих сражениях Константина Константиновича Рокоссовского. Малый город, будучи главным на Центральном фронте, при умелом, талантливом руководстве Рокоссовского, фактически явился защитником Курска с юга и вместе с Болховом с севера – освободителем Орла. Именно отсюда, после операции «Багратион», пройдя к границе через Белоруссию, Центральный фронт, став Первым Белорусским, нацелен был на Берлин. Лишь перед штурмом Берлина Верховный Главнокомандующий заменил Рокоссовского Жуковым, переставив Константина Константиновича на любимый им фланговый удар с севера.

Малоархангельск – сердце Руси, корень русской нации, стихия родной, русской речи, известные литературные места. Это ещё и недра Курской магнитной аномалии, девонская белая глина. Национальные святыни во все времена создавали всплеск патриотизма, мистическое ощущение Родины. Тут началась по сути народная война, придав событиям глубокий общечеловеческий смысл. Солдаты из местных, в основном хлеборобы, воевали за свой дом, свою семью, как и за Русь коренную, неделимую, непокоримую. Конечно же, в общем потоке всех многонациональностей великой страны. Именно тут, слишком долго, отступая от самой границы, мы остановили врага. Тут, в самом сердце России. Именно тут, под Малоархангельском, проявился решительный характер, стратегическое значение несданного врагу, освобождённого города. Именно отсюда, наша армия пошла на Берлин и ни пяди назад.

В сорок третьем тут, в этом месте, у истока Оки, при прорыве вражеской обороны, погибали по две дивизии в день. Многие со всей великой страны легли в обагренной кровью степи. На подступах к Малоархангельску Сабуровское поле (после Куликова, Бородино, Прохоровки) – четвертое героическое поле России. В одной атаке, брошенные в бой почти без оружия, тут, под Сабурово, на каких-то десяти гектарах, легли сразу десять тысяч наших сынов, в основном хлеборобы, из местных: малоархангельские, должанские, ливенские, колпнянские. Всего на Малой дуге вокруг Малоархангельска пали смертью храбрых больше населения нынешнего Орла.

Именно тут, где испокон веков предки наши, возделывая землю, выращивали хлеба. Ещё со времён Гомера, под эгидой праславянского бога Велеса, это зона устойчивого земледелия. Летом 2009 года опять-таки тут проявился твёрдый характер Русского поля. Когда в традиционно хлебных краях России – на Кубани, в Оренбуржье и на Алтае – случилась засуха, тут у нас, на юге Орловщины, на малоархангельском чернозёме, был выращен значительный урожай зерновых. Тогда же тут проходило совещание руководителей хлебосеющих областей, Академии сельхознаук России при участии белорусских, украинских учёных-селекционеров.

Одним из первых, обходя с «лейкой и блокнотом» поля за полями в окрестностях Малоархангельска, я заметил зреющий урожай и ударил в колокола.

Русское поле, Малоархангельск. Как Москва и Рим, он на семи холмах.

В Малоархангельске, как говорится, всё есть. Как у Москвы и Орла, у него тоже восемь дорог (в Москве имеется в виду наличие на въезде станций «скорой помощи», а в Орле – просто дорог, выводящих за пределы города). Но ведь это же малый город. Отсюда вывозят хлеб, белую глину, по оргнабору всегда отправляли людей то в Москву, в Орёл, то, бывало, на Дальний Восток, в Сибирь, в Крым, в Калининградскую область.

Выдержав в Отечественной войне проверку сражением на главном, стратегическом направлении, а также проявляя себя на хлебном поприще, на полях войны и мира, малый город в широкой русской степи заслуживает, на мой взгляд, большего внимания, лучшей доли, роста и процветания.

Городок, имеющий своё лицо

Написать о Малоархангельске мне захотелось, читая интервью писателя лауреата Нобелевской премии Паоло Куэльо. Он пишет, что в 21 веке люди будут отдавать предпочтение радостям и удовольствиям, за которые не нужно платить. Это может быть красивый пейзаж, увлекательная прогулка, посещение рынка в маленьком провинциальном городке. И мы подумали о Малоархангельске, где рынок, действительно, доставляет удовольствие его жителям. С утра пораньше, нарядные, они дружно шагают на обустроенную Рыночную площадь, чтобы что-то купить, на что-то полюбоваться, с кем-то встретиться. Рынок радует своим изобилием, здесь можно купить всё, что и в областном центре: те же продукты, те же промышленные товары, тут пожалуй, те же цены. Но радости поубавилось, когда мы стали сравнивать с нашими рынки маленьких французских городов, где бывали во время путешествий по Франции. Хочется сказать о продовольственных товарах: там на рынках продают в основном то, что и производят. У нас же – это колбасы московских комбинатов: Микояновского, Останкинского, Черкизовского и т. д. А там стоит немолодой французский фермер с усами, как у Тартарена из Тараскона, с загорелым лицом и доброжелательной улыбкой и предлагает вам такие домашние колбаски, что у вас слюнки текут, и вы не уйдёте, не купив хотя бы одну такую аппетитную колбаску. А если это мёд, то его будет столько сортов и в таких разного размера симпатичных баночках, что этот рынок маленького города в Провансе можно сравнить с ярмаркой мёда в Коломенском, в Москве. А оливки – местный продукт – выбор просто поражает тем, что это не консервная фабрика, а люди, у которых на участке растёт два-три десятка оливковых деревьев. У нас же из местных продуктов это три-пять человек с молочной продукцией: у каждой две-три банки молока, столько же баночек сметаны и совершенно одинакового, абсолютно обезжиренного творога, в который ты можешь вылить сразу всю баночку сметаны, но от этого вкусным он не станет. В мясном отделе тоже ничего, кроме свинины.

А ведь район сельскохозяйственный, выращивает хлеб, который «всему голова». Действительно, в хлебном магазине можно насчитать десятка полтора видов хлебобулочных изделий, довольно вкусные, есть и такие, которые не купишь в других местах. И здесь открывается огромное поле для предпринимательства. Где, как не здесь, в русской глубинке, хочется возродить традицию, например, русских пирожков. Их может быть тут великое многообразие: с капустой, картошкой, грибами, творогом, мясом, печёнкой, луком и так далее; без них на Руси не обходилось ни одно застолье, название «пирожок» происходит от слова «пир». Их подавали и к первому блюду, и к чаю на десерт, и как закуску под водочку. А если устроить акцию «День пирожка» и привлечь к участию жителей города, представляете? И бабушки оказались бы при деле, и внуки – вот вам и связь поколений, и сохра-

нение традиций, и праздник для всего честного народа. А там, глядишь, нашлись бы активные люди и открыли бы мини-пекарню, и пекли бы не только вкусные пирожки, но и пышки, ржаные лепешки, ватрушки. И бездрожжевой хлеб, и пироги с фруктами, которых тут великое множество: яблочный пирог, с грушами, сливами и т. д. Глядишь, и туристы сюда потянулись бы. Городок-то становится красивым, обустроенным, цивилизованным. Главное, он газифицирован, асфальтирован, вдоль чистых улиц стоят симпатичные дома, везде зелень и цветы. В центре теперь большая Центральная площадь, обрамленная приличными домами, покрашенными в приятные тона. Весь город утопает в зелени: и экзотическая туя в центре города, недалеко – бюст Пушкина на фоне выросших вечнозелёных елей, у магазина «Мария» великолепный красавец – каштан, а через дом от библиотеки в начале лета так цвел белыми шапками куст «буль де неж», похожий на батумские гортензии, что сюда можно водить на экскурсию. А по «бетонке» вверх, перед дорогой на Глазуновку, есть небольшой уголок – настоящий дендрарий из каштанов, платанов, рябин, плакучих ив, сосен, елей, берёз – и все это чудо выросло почти само по себе, их сажали без специального подбора. В Никулинском саду можно сформировать свой ботанический сад. Город приобретает свой стиль, становится непохожим на другие, может быть, самым красивым из всех райцентров Орловщины. Его возрождение и преобразование вполне вписываются в отечественные проекты, так как мощь и сила всегда шли от земли, здесь формировалась нравственность, были сильны национальные языковые традиции. А ведь от войны тут когда-то остались одни руины... Вот что сказала о людях этого малого города моя супруга Людмила Серафимовна, приехав сюда в школу учительницей французского и как-то сразу ухватив всё вокруг свежим глазом. И что теперь, вспоминая, говорит о нём.

Лет сорок тому назад, когда всё здесь было не вполне благоустроено, город был ценен тем, что в нём жили интересные, уникальные люди, настоящие личности, которыми Малоархангельск всегда будет гордиться. Это Мария Федоровна Зубарева – преподаватель русского языка и литературы с университетском образованием, тогда университеты были только в больших городах, она окончила Воронежский, была учителем высочайшего класса. А рядом с ней была другая, молодая Мария Федоровна Ефремова, ставшая достойной сменой своей предшественницы и наставницы. Вадим Андреевич Ефремов – образец мужчины учителя школы: выдержанный, спокойный, знающий свое дело, порядочный. А супруги математики Семёновы, воспитавшие четырёх сыновей, все получили в Москве высшее образование, а скольким ещё ребятам супруги дали путевку в московские вузы. А Юлия Сергеевна Колесникова – замечательная учительница, человек с чувством юмора, всегда приветливая, доброжелательная. Как хорошо, что благодарные ученики 1969 года выпуска поставили ей на могиле памятник; значит, ничто на земле не проходит бесследно, влияние личности учителя в воспитании детей всегда будет моментом наиважнейшим. А Иван Алексеевич Семеновский, большой заслугой которого в школе было то, что на своих уроках он раскрепощал детей, уже тогда отдавая часть урока самостоятельной работе, когда ребята могли рисовать, что хотели и как умели. Вера Васильевна Торсукова – сильная, уверенная, осталась в памяти как человек справедливый, объективный, не боящийся высказать своё мнение. Увлечённый молодой педагог Виктор Андреевич Шинкаренко много делал для укрепления и развития физической формы подрастающего поколения. Когда мы теперь думаем об этом коллективе, где проработали недолго, до сих пор вспоминаем всех с теплотой и удивляемся, что в одной школе было столько самобытных, цельных натур. А сколько других коллег, наших друзей было у нас в городке? Геннадий Ефимович Ефремов – эрудит, самостоятельно выучивший не-

сколько иностранных языков, настоящий русский интеллигент чеховского типа, которых встретишь разве что на кафедре столичного вуза, а не в обычной школе, где-нибудь в глубинке. Не одно поколение испытало влияние этого человека, сеявшего разумное, доброе, вечное.

Хочется сказать о Генрихе Рыбникове, нашем товарище, у которого была очень богатая, удивительная библиотека. Он жил в своём книжном мире, летом совершал небольшие путешествия в большие города и был счастлив. Я помню о бесценном подарке, который он мне сделал. Мы знаем, как дорожат книголюбы каждой своей книгой, тем более, что в то время они не лежали на прилавках, как сейчас. Узнал, что я люблю французскую писательницу Франсуазу Саган (она была нашего поколения, в 19 лет написала свой первый роман «Немного солнца в холодной воде», который сразу сделал её известной). Я роман прочитала на французском языке в Москве, в Ленинской библиотеке. Генрих где-то купил эту книгу в русском переводе, её и сейчас нелегко купить, но он расстался с этой книгой, подарив её мне. Нет теперь с нами ни Генриха, ни Саган, а я вспоминаю их вместе с благодарностью, одну за то, что писала хорошие книги, а второго – за такой дорогой для меня подарок.

А ещё здесь жила учительница французского языка – Анна Васильевна Иванова, которая получила ещё до революции образование в Дижоне, во Франции, я ещё застала её в живых, но она уже не работала в школе, была на пенсии, однако очень влияла на молодых. А друг с детства Леонарда Михайловича Юрий Григорьевич Поздняков, основавший тут детскую музыкальную школу? Помним, как пели мы с ним под гитару романсы, русские песни. Конечно, любое место красят люди, которые здесь живут. Они немало трудятся, чтобы их город хорошел, становился более современным. Они достойны получить от жизни свою долю счастья. Христианское понимание счастья в том и состоит, что человек думает не только о себе, но и о других. А когда каждый отдаёт хоть немного души другим, получается замечательно. Хорошо, когда хорошо каждому, твоей родине, твоему замечательному городку, за который когда-то было отдано столько прекрасных человеческих жизней. Так и хочется сказать о нашем городе, нашей малой родине: мал золотник, да дорог.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

ЧИТАТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ

Картина из детства: зима, сугробы под самые крыши; на деревенской улице звонкое разноголосье – детвора идёт из школы. И добрая её половина не сразу домой, а направляется в библиотеку, которая приютилась под одной крышей с сельским клубом. На полках высоких стеллажей книги, и заведующая клубом, она же и библиотекарь, позволяет нам выбирать – кому что нравится. В один из дней мы выбирали книги не на стеллажах, а на большом столе, стоящем на клубной сцене. Это были новинки, только что привезённые из райцентра, – чистенькие, свеже пахнущие типографской краской. Запах этот запомнился на всю жизнь; нам казалось, что книги эти из какого-то другого, волшебного мира. Книжный фонд би-

блиотеки в те далёкие пятидесятые годы, кстати, как и последние два десятилетия на рубеже веков, пополнялся редко. Причина везде одна и та же: нехватка денег у государства. И если послевоенная страна залечивала раны, надо было восстанавливать разрушенное народное хозяйство, то сегодня библиотеки посажены на голодный паёк совсем не из благих намерений улучшить простому человеку жизнь.

Трудно было представить в то далёкое время, чтобы книги сельской библиотеки могли долго сохранять свой первозданный вид, хотя относились к ним бережливо. Из десяти деревень приходили люди за ними; одних только школьников в Васильевской семилетке насчитывалось больше ста; книги читали трактористы и шофёры, работники полей, ферм. Практически в каждой семье был человек, на которого в библиотеке имелся выписанный формуляр, и, естественно, книги всегда передавались из рук в руки и зачитывались до дыр.

Из тех далёких лет не могу не привести показательный пример благотворительности, когда книжный фонд сельской библиотеки пополнился за счёт изданий из личной библиотеки человека, живущего в Москве. Евграф Александрович Наумов – наш земляк, в послереволюционные годы учился в школе рабочей молодёжи в Малоархангельске, нашем уездном городе. Васильевка тогда входила в Малоархангельский уезд; там прошла у Наумова комсомольская юность, оттуда его позвала большая жизнь. Потом он прошёл дорогами войны, жил в столице, но Васильевку никогда не забывал. И однажды председатель уже укрупнённого колхоза имени Жданова И. А.Богомазов направил в Москву машину, и Евграф Александрович загрузил её книгами для сельской библиотеки.

В истории Глазуновского района можно найти ещё один подобный пример благотворительности, скрывшийся за давностью лет. После великих революционных перемен 20 века, открывших простому народу доступ к знаниям, в сёлах стали появляться библиотеки, в то время их называли избами-читальнями. Произошло такое событие и в большом селе Подолянь, где хорошим и чуть ли не единственным грамотеем считали Петра Митина. Крестьяне часто собирались у него, чтобы послушать газетные новости или о том, что написано в книгах, потому что сами они были неграмотными, такими же росли их дети – учиться-то негде. И Митин написал письмо в Москву Надежде Константиновне Крупской с просьбой открыть в селе школу. Через некоторое время школу в Подоляни построили. А ещё в Москве рассудили так: построят школу, люди будут грамотными, им надо будет что-то читать – и прислали на имя Митина книги, ни много, ни мало – целый воз. По описанию Е.А.Наумова, сельская изба-читальня в доме подолянского крестьянина Петра Митина была открыта в 1929 году.

За годы Советской власти в Подоляни была построена не одна школа; подолянская библиотека была укомплектована литературой в соответствии с запросами селян, но, к великому сожалению, чуть более чем через полвека здесь, на благодатной земле серединной России, в верховьях Оки, кстати, как и по всей нашей большой стране – от Москвы до самых до окраин, ураганный ветер демократических перемен практически стёр с лица земли всё то, что создавалось Советской властью. А в Подоляни, насчитывающей когда-то около тысячи человек, среди непроходимых зарослей бурьяна и деревьев смиренно доживают свой век всего несколько домиков.

В советское время книга магнитом притягивала человека: читали в любое время суток и в любом месте, в любом возрасте. Году в 1958-м, а мне тогда уже исполнилось десять лет, на летних каникулах, осенью, после занятий в школе я всё свободное время проводил с колхозными шофёрами: они с охотой брали меня в рейсы на отвозке зерна или зелёной массы кукурузы при заготовке силоса от комбайнов; благодаря им я уже в 12 лет самостоятельно водил машину, чему я обязан в первую

очередь лучшему моему наставнику и другу Михаилу Горохову. Это были молодые, весёлые парни, уже устроившие свою семейную жизнь, знающие много частушек и поговорок и ещё много чего забавного из устного народного творчества. Во время вынужденного простоя они брали в руки книгу и, кажется, забывали обо всём на свете.

В 70-е годы книжный бум ворвался в нашу жизнь со страшной силой. В самой читающей в мире стране было престижным иметь личную библиотеку, что как бы подтверждало высокий интеллектуальный уровень её хозяина. Особенно престижным считалось иметь полные собрания сочинений классической литературы – отечественной и зарубежной; и так, чтобы книги стояли в шкафах, и красивые их корешки привлекали внимание гостей.

Подписку на такие издания осуществляли в книжном магазине райпо и в подписном отделе районного узла связи – как на приложение к журналу «Огонёк». Вспоминаю свои попытки выписать что-либо для себя с разными чувствами, и даже с улыбкой: ведь, бывало, не пробьёшься в череде страждущих заполучить для своей библиотеки классика, а я к тому времени уже выпустил в столичном издательстве книгу стихов. И вдруг одна почтенная чиновница, имеющая прямое отношение к этой процедуре, мне вполне серьёзно говорит: «А на что они тебе нужны, ты и так умный». Среди « неумных» ежегодно были руководители предприятий и организаций, работники райкома и райисполкома.

Но пришли другие времена, изменились нравы и, как следствие, переоценка ценностей. Совсем недавно, общаясь с той самой бывшей чиновницей, ежегодно разруливавшей подписку в районе, услышал: «Митрофаныч, зашёл бы ко мне и посмотрел бы что-нибудь для себя из моей библиотеки: мне они уже не нужны». А я выпустил уже четырнадцатую свою книгу. За первую отдельную книгу стихов, вышедшую в Москве, мне прислали гонорар – тысячу рублей; за две, что выходили в Туле, в Приокском книжном издательстве, намного меньше, потому что по договору строчка не стоила и рубля. Почему не больше? В российской провинции молодым авторам редко кому удавалось заключить с издательством договор на выплату гонорара по высоким расценкам.

За все последующие свои книги я уже сам платил типографии, потому при капиталистическом образе жизни в нашей стране творческому человеку такая роскошь, как гонорар, возможна при наличии хорошего спонсора. Но местных олигархов – раз, два и обчёлся, и всё же местная власть и её многочисленные структуры, по принципу демократического централизма обиженные в финансировании, в зависимости от времени года постоянно напоминают им о благотворительности. Она просит у народа денег, в чём простой народ обижен ею же. Его минимальные пенсии и зарплаты уже стали для Якубовича поводом поизгаляться над простым народом на «Поле чудес»: мол, как же это человек умудряется на такие деньги не только выжить, но и прокормить свою семью, собрать ребёнка в школу, не забыв якобы по инициативе родительского комитета, а это значит: самих родителей, её отремонтировать, а ещё передать 10 процентов ежемесячной зарплаты в благотворительный фонд. А писатель, кроме всего того, хотел бы выпустить свою книгу для детей или взрослых.

В 2005 году я решился издать краеведческую книгу о Глазуновском районе. Верховье Неручи и Оки, когда-то порубежные земли России, где жили предки великого поэта А.С. Пушкина, где века стояли насмерть наши предки, защищая русскую землю от иноземных захватчиков, – как не рассказать об этом детям и внукам, будущим поколениям? Вместе с соавторами Ильёй Куприяновым и Николаем Тубольцевым не один год собирали мы материал, но тогдашний глава районной администрации А.В. Сизов, пообещавший издание этой книги проплатить из вне-

бюджетных, а может, и бюджетных средств, отказался. Но книга под названием «У истока Оки» всё-таки увидела свет – на это пошла не одна моя зарплата, и весь её тысячный тираж был востребован. Особенным успехом она пользовалась у школьников, изучающих историю родного края. И самое главное: выпустить книгу тогда помогли Александр Сергеевич Волков и Владимир Михайлович Кузин – они были единственными в районе, оказавшими мне финансовую поддержку. Кстати, они из года в год, с далёких 90-х годов, когда взяли в аренду землю и, выделившись из колхоза, стали фермерами, постоянно оказывают местной власти помощь в решении различных социальных вопросов.

Не могу не сказать здесь добрые слова благодарности в адрес директора Малоархангельского хлебоприёмного предприятия Нины Михайловны Кононовой: она давний поклонник моего творчества и постоянно помогает мне преодолевать финансовые трудности при издании книг. К слову, она по отношению и к другим людям такой же неравнодушный человек, отзывчивый; много вопросов социальной направленности помогает решать землякам, и не потому ли жители пристанционного малоархангельского посёлка не однажды избирали её депутатом районного Совета. А я шутливо называю Нину Михайловну «красным» директором: все вопросы она решает, как в добрые старые времена.

Есть такие же патриоты нашего Отечества и в других районах области – хорошие хозяйственники, не остающиеся в стороне от людских бед и несчастий, протягивающие руку помощи.

Взяв на себя смелость написать книгу, неизменно сталкиваешься с проблемой её издания. И каждый раз, не уповая на власть, – что делать, если она постоянно перед простым народом в образе нищенки с протянутой рукой или в образе грабителя, – проплачиваю типографии своими кровными за 500 или 1000 экземпляров. А затем весь тираж потихоньку продаю. Он расходится; друзья, знакомые и не знакомые мне люди, – кому нравится моя поэзия, проза или публицистика, – покупают; кому-то просто дарю, говоря при этом: «Книги – бесплатно, но подпись дорогая». Но все они всегда продавались намного дешевле себестоимости, так что ни о каких гонорарах речи и не шло.

И всё-таки не купить книгу, пусть даже автор её просто земляк, это не так страшно и вполне объяснимо, ну не нравится человеку его творчество, или трудности с деньгами, или ещё что-то такое, что не позволяет ему это сделать. Но вот диалог с человеком, который в те самые времена книжного бума всегда был среди «неумных», а сегодня имеет солидную торговую точку и считается довольно состоятельным:

– Выпустил я свою новую книгу, купи.

– Ты знаешь, раньше покупала, много читала… Стихи?

– И проза – повесть, очерки о нашей сегодняшней жизни.

– Ты знаешь, зрение ослабло…

– Подаришь кому-то из родни; книга во все времена была самым дорогим подарком.

– Нет, нет! Я недавно их три ящика на чердак вытащила.

– Да она 50 рублей стоит, это всего две буханки хлеба.

– !?...

Выводы? Человек в своём, будем говорить, историческом развитии достиг определённого уровня, а этот диалог как бы подводит черту под его интеллектуальным уровнем.

Рассуждая о творческом процессе писателя, о взаимосвязи «писатель – читатель» в эти последние два года, которые у нас в стране были объявлены Годами культуры, затем Годом литературы, неизменно приходишь к выводу, что повешенные на них вывески практически мало чего привнесли в нашу провинциальную россий-

скую действительность. Даже думаю, что по прошествии этих лет общество нечто ценное, важное в духовном плане продолжало утрачивать. Во всяком случае, мне так и не удалось в полемике со многими моими собеседниками опровергнуть самого себя. Чтобы не быть голословным, остановлюсь на примерах. Примеры самые обычные, из сегодняшней действительности, и мы проходим мимо них, как бы не замечая, словно это стало привычным для нашей жизни, а мы равнодушно взираем на происходящее.

Бывший глазуновский колхоз «Заря». Сегодня он – подразделение соседнего СПК «Сеньково», благополучно плывущего по волнам рыночной экономики, единственного из 14 колхозов и совхозов района уцелевшего. «Заря» – это деревни Степная, Подлесная, Александровка, которая слышит, как позванивают, пробиваясь на поверхность, воды Оки, – здесь её исток. В советские времена в «Заре» было всё для достойной жизни человека: работа, детсад, школа, дом культуры, медпункт, библиотека, филиал отделения сбербанка, магазин и даже баня. В один из дней, пребывая в «Заре» по газетным делам, я увидел там Леонарда и Игоря Золотарёвых – они приехали выступать перед механизаторами. Всё просто: при писательской организации довольно активно осуществляло деятельность Бюро пропаганды художественной литературы, и по путёвкам писательские бригады разъезжали по области – выступали в школах, детских садах, колхозах и совхозах, на заводах и фабриках, то есть простой народ слышал писательское слово.

Желанным в трудовых коллективах был Василий Михайлович Катанов. Ему этим летом исполнилось 85 лет; будь он помоложе, и сегодня его спокойный негромкий голос звучал бы в производственных помещениях, доносил бы до слушателей много интересного из истории родного края – ведь из-под его пера вышла не одна книга о людях и памятных местах Орловщины. Но более всего приглашали Василия Михайловича в школы и детские сады: он писал стихи о природе и людях, в том числе и для маленьких читателей.

Те благодатные времена ушли в прошлое. В «Заре» сегодня остались только магазин и почтовое отделение. Пока была в Степной школа, я находил время, чтобы там выступить перед школьниками со своими стихами, рассказать об орловских писателях. К слову сказать, я постоянно во время учебного года выступаю в школах района – когда пригласят меня, когда проявлю инициативу сам; когда выступаю один, когда вместе с Николаем Тубольцевым, написавшим немало рассказов для детей. Ежегодно меня приглашали в Глазуновский сельскохозяйственный техникум выступить перед студентами – как творческого человека и, к тому же, его выпускника; пишу в прошедшем времени: вот уже два года не приглашают.

Президент В.В. Путин объявил 2014 год Годом культуры, и в Заре» отметились: в бывшей общеобразовательной школе торжественно открыли социокультурный центр, который должен был оказывать населению существенную помощь в решении многих жизненно важных вопросов на местном уровне; и даже давать необходимую юридическую консультацию непросвещённым, что для нашего сложного времени архиважно. Под одной крышей официально прописали дом культуры, библиотеку, позднее к ним переехало почтовое отделение; о событии рассказала районная газета. Но прошёл Год культуры – и социокультурный центр приказал долго жить: работники дома культуры остались без дома, с приходом тёплых дней в котельной, работавшей на газе, оборудование вырезали и увезли.

2015-й – Год литературы, и проходит он по такому же сценарию. В начале лета я там побывал. В одной из комнат, заставленной стеллажами с книгами, увидел знакомые лица и предположил, что работники районной библиотеки приехали туда для оказания методической помощи заведующей библиотекой, в регистрации поступивших новинок.

– Ошибаетесь, – возразили мне, – библиотека закрывается, и вся литература готовится к отправке.

Куда? Какая разница, здесь важен сам факт: в Год литературы в «Заре» не стало библиотеки, и когда ещё услышат там живое писательское слово, возьмут в руки книгу писателя-орловца в семье, не имеющей свою библиотеку.

ЛЕСКОВСКИЕ МЕСТА

Я пристрастился к исследованию старых карт своего родного края – верховий Неручи и Оки. Когда-то это были порубежные земли Русского государства, где стояли насмерть ратные люди, защищая Родину, свой край от нашествия врагов, – их много было у России за все века, и все они завершали свои походы бесславно. На одних картах помечены только крупные сёла, стоящие на почтовых трактах или у военно-транспортных дорог; на других помечены небольшие деревушки и хутора – они всё больше по берегам речек и ручьёв. И все они описаны в статистических календарях: какому барину принадлежали, сколько в них дворов, сколько проживающих – мужского пола и женского; на каком расстоянии эти населённые пункты от губернского и уездного города, у какой они реки или стоят у колодца. На картах советского периода многих из них уже не находишь: ветер времени развеял их в пух-прах; и даже на старых кладбищах не найдёшь следочка, чтобы ворохнулось в памяти потомков что-либо значимое из жизни этого края. И только в каких-то архивных записях находим, по выражению Н.М.Карамзина, «сухие имена» предков. Кто они? Чем жили и о чём думали простолюдины с берегов Неручи и Оки, из других далёких деревень – от Москвы до самых до окраин, – сумевшие в лихую годину на века остаться настоящими патриотами своей малой родины, а значит, и всего Отечества?

Великий русский писатель и наш земляк Николай Семёнович Лесков в конце 19 века в первом ежегодном издании «Новости и биржевая газета» написал, что город Орёл «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». На календаре 21 век; Орёл литературный помнит слова писателя; Орёл называют третьей литературной столицей. И хотя воды его прилично обмелели, но он продолжает вспаивать литераторов. Такая справка: в 2015 году, объявленном Годом литературы, уже издано столько-то книг, а до конца года выйдут в свет ещё столько-то. И чтобы ответить на поставленные вопросы, нам надо просто взять в руки книги наших земляков и читать, читать, читать… Да и кроме уроженцев Орловщины, вобравших в себя уже с самых детских лет приметы быта и традиции, ставших во времени свидетелями крупных и не очень значительных исторических событий, на орловской земле состоялось много писателей, так же сумевших набраться жизненного материала и донести его до читателя.

Васильевка – моя малая родина. В тихую погоду я с детских лет слышу, как стучат-перекликаются по железной дороге поезда – только пассажирских за сутки проходило 114! А ещё шесть электричек, а ещё грузовые! (Недавно на железнодорожном вокзале летнее расписание движения поездов прочитал в большой печали: за сутки через Орёл на Москву проходят всего 14 пассажирских поездов).Московская железная дорога охватила мою деревню с трёх сторон, как бы давая понять силу и величие Русского государства. Пойдёшь на юг – в пяти верстах станция Малоархангельск, на север – в шести верстах Глазуновка, просёлочная дорога на запад приведёт к остановочному пункту «452 км» всё той же Московской железной доро-

ги. Уходя на юг, стальная магистраль обошла мою деревню, стоящую недалеко от истока Неручи, где торфяные болота, где перезваниваются родники, подпитывая нашу мелководную Неручь чистейшей водой.

А за железной дорогой, дальше, – моя большая страна, моё Отечество, думая о котором могу радоваться, быть в печали или плакать горькими слезами. В пяти верстах к югу, сразу от железной дороги, ручьи уносят свои воды в Дон; к западу от «железки» уже исток Оки – до него чуть больше часа ходьбы, а приток её Очка берёт начало всего в одной версте от проходящих мимо поездов. Их воды текут в Волгу. Орловский поэт Борис Попов прошёл от истока Оки до Орла и написал поэму, в которой есть такие строки – монолог Оки:

Путь мой трудный и долгий,
То он в горы, то с гор.
Довела я до Волги
Девять братьев, сестёр.
Довела, породнила,
Чтоб вовек не мелеть.
Если вместе мы – сила,
Нас нельзя одолеть!

Ока уходит к северу; в её верховьях старинное село Тагино, в своё время владения предков великого поэта А.С.Пушкина. Там всегда жили просвещённые люди, оставившие в истории государства Российского заметный след: кроме Пушкиных, ещё Головины, Чернышёвы.

По исследованиям местного краеведа, учителя Тагинской средней школы И.В. Куприянова, на рубеже 16–17 веков «Тагин с деревнями был пожалован Пушкиным». Первые владельцы поместья – Е.М.Пушкин, Н.Е.Пушкин; затем был П.М.Пушкин (Желтоух), за ним – Н.Б.Пушкин. Это был последний владелец Тагинского поместья из рода Пушкиных: будучи равнодушным ко всему мирскому, он расстался с женой и постригся в монахи в Троицком монастыре под именем Нифонта.

Григорий Иванович Чернышёв – глава богатейшей аристократической фамилии, получил Тагинское поместье от своего отца – видного военачальника, сподвижника Петра 1, человека с головокружительной карьерой: от царского денщика до графского титула и генеральского чина. Г.И.Чернышёв женился на Е.П. Квашниной-Самариной, незадолго до этого пожалованной во фрейлины царского двора, а 12 тысяч рублей приданого от Павла I нам говорят о его благосклонности к невесте и жениху.

Шесть дочерей и сын Захар в детстве и юности много времени проводили в поместье родителей. Позднее в Тагино приведут дороги Ф.Ф. Вадковского, двоюродного брата Захара Чернышёва, одного из организаторов и руководителей Петербургского филиала республиканцев; и Н.М. Муравьёва – главного организатора и руководителя Северного общества декабристов, который в феврале 1823 года женился на 19-летней дочери Г.И. Чернышёва – Александре.

После известных событий на Сенатской площади Петербурга в декабре 1825 года и вынесения приговора декабристам А.Г.Муравьёва из Тагино отправляется в Москву, чтобы последовать за мужем, осуждённым на 20 лет каторги и с последующей бессрочной ссылкой. 2 января 1827 года с нею встретится А.С.Пушкин – он передаст ей для отбывающих ссылку стихотворение «Во глубине сибирских руд…»

* * *

Святые для всей России места! Они дополняют друг друга, заставляют думать о величии нашего Отечества, утверждённого в человеческих муках, болях и радо-

стях. Смотрю на север: там моя большая страна, такие же святые места. За железной дорогой, около 20 километров от Глазуновки, как раз на границе со Свердловским районом, – деревня Старое Горохово, где 16(4) февраля 1831 года в семье небогатого служащего родился Николай Семёнович Лесков.

Казалось бы, Серединная Россия, во всех деревнях кипела жизнь, в том числе и здесь, и никакие силы не могли её заглушить. А тут – на тебе: проехал глазуновскую деревню Гремячево – на улицах безлюдье и тишина: молодёжь умчалась в поисках работы за тридевять земель, а пенсионеры сидят перед телевизором; пугает пустотой великолепное двухэтажное здание бывшей средней школы – на её дверях уже не первый год висит замок. Серая полоска асфальта – постройки, наверно, тридцатилетней давности, – уводят в сторону деревни Володарское (на картах за 1927 год она обозначена как Собакино), когда-то славившейся на всю округу своими картофелеводами и коноплеводами и вообще мастеровитыми людьми, а сегодня практически опустевшей. Собственно, вся сегодняшняя деревня живёт ещё прежним багажом, нового ничего не создано, не построено. С правой стороны дороги, на отдалении и много ниже, нет-нет, да и проглянут редкие домишки – остатки когда-то больших посёлков. До Собакино-Володарской я не доезжаю, ухожу налево по пыльному просёлку, ещё пару километров – и вот оно, Старое Горохово. Не подберёшь слова, чтобы правильно охарактеризовать её сегодняшнее состояние: она не стоит, и даже не лежит; её не видишь, не слышишь и даже не ощущаешь физически. Её остатки, спрятанные в зарослях бурьяна и деревьев, незримо превращаются в труху. И ещё появляется чувство сожаления, что туда, где когда-то стоял родительский домик великого писателя, где он появился на свет, практически не пробраться – народная тропа заросла.

Мой очередной визит на родину писателя-земляка навеивал разные думы. Судьба Старого Горохова – судьба всех российских деревень – от Москвы до самых до окраин: их не видишь, не слышишь, не ощущаешь физически, чтобы определённо сказать: деревня, допустим, Старое Горохово – пять домов, при них – колодец (точнее, наверно, было бы сказать: пять домов при колодце). Ехал краем поля, пока не увидел через заросли то ли широкую тропинку, то ли узкую дорогу с примятой на ней травой. И полсотни метров не прошёл – два дома; тот, что слева, совсем небольшой и низкий-низкий; он врос в землю, словно присел под тяжестью прожитых лет, но, ошелёванный и в краске не первой свежести, смотрится по-современному. На порог вышла высокая и статная старуха; крупные, как бы не женские, руки, в глазах выцветшая синь; говорила – от её слов веяло покоем:

– Ольга я, Митина.

– Одна живу. Муж давно умер.

– Лет мне сколько? С 29-го. Вот сколько прожила.

– Свет есть, радио говорит – от электричества. Продукты возят.

– А никого кругом. Вот Сашка жил рядом, теперь никого. Дальше там есть кто-то.

– Писатель? Его дом там стоял, – и махнула рукой в сторону непроходимых зарослей, другой всё так же опиралась на палку.

– Его там давно уже нет. А мой стоит, и в войну уцелел – не сожгли.

– Не, он весь из дуба, и меня переживёт.

– Табличку? Она всё висела на том месте, где стоял когда-то Лесковский дом. Её всё берёг Сашка. Всё, бывало, рассказывал о нём, что слышал от отца. Потом табличка уже на их доме висела.

Сашка – это её сосед Семионов. Домик его – вот он, в двух десятках шагов, почерневший от времени, а может, от горя, что остался без хозяина. Дети Сашки Семионова заспешили к цивилизации в начале своего жизненного пути; Владимир – в Глазуновке, в адвокатах служит; старший, Анатолий, – в Змиёвке.

– Где табличка сейчас? Увезли, когда – не знаю; говорили, мол, куда-то в дом культуры…

И до сих пор стоит у меня перед глазами Ольга Митина, эта старая русская женщина, пережившая на своём веку целый воз нечеловеческих трудностей, но сохранившая всё самое лучшее, что присуще человеческой природе. И думается мне, что стоит она – высокая и статная, с палкой по росту, – не просто так, а охраняет покой в святом для нас уголке, помеченном на карте литературной Орловщины.

* * *

Первая отдельная книга моих стихов вышла в Москве, в издательстве «Современник» в 1978 году. Спустя какое-то время, ответственный секретарь Орловской писательской организации В.М. Катанов в разговоре со мной предложил: «Валентин, с писательской организацией ты в тесном общении, у тебя в столице вышла книга, а это, можно сказать, признание, так что давай мы тебя примем в Союз писателей; рекомендацию тебе дам я, а ещё Анатолий Шиляев».

Третью рекомендацию мне написал Владимир Алексеевич Громов. И по прошествии десятилетий мои воспоминания об этом удивительном человеке – как светлая утренняя полоса на небосклоне моей жизни. Помнится первая встреча с ним в писательской организации, когда он, шумный, энергичный, словно свежий ветер, смело ворвался в открывшуюся дверь; и о чём бы он потом ни говорил – убеждённо, со знанием дела, его можно было заслушиваться. О чём говорил? О своих впечатлениях по исследованию жизни и творчества И.С.Тургенева, о литературе и искусстве Орловского края. К тому времени им уже были изданы книги «Здравствуй, город Тургенева!», «Предания Бежина луга», «Добрый великан», а ещё много было опубликовано статей о писателях орловских в областных газетах. И он всегда с обидой говорил о том, что литературоведов в издательствах недолюбливают.

Узнав, что я из Глазуновского района, первым делом спросил: «Как там моя Красная Ивановка?»

Да, есть на карте Глазуновского района деревня Красная Ивановка (но не Ивановка, как пишут в некоторых изданиях; Красная Ивановка при реке Большая Рыбница). Как поедешь от Глазуновки, и тоже на север, но через Отраду и Старополево. На картах досоветского периода она помечена как Сторожевое, а ещё раньше – Старое Полево, в котором при отмене в России крепостного права насчитывалось 85 крестьянских хозяйств и 447 крепостных душ. Сегодня человеческих душ в этих деревнях намного меньше; а в Красной Ивановке, до которой от Старополева ещё километров пять, вообще никого не осталось – она практически стёрта с лица земли. Не воскресят её даже дачники, которые летом обживают берега Большой Рыбницы, речки когда-то неглубокой, теперь за счёт плотины разлившейся на площади около 50 гектаров. Там на правом её берегу стоял домик, в котором родился Владимир Алексеевич Громов.

Пройдут десятилетия, и Владимир Алексеевич станет писателем-литературоведом, а его труд будет отмечен: он станет профессором Орловского государственного университета, заслуженным работником культуры РФ, лауреатом всероссийской литературной премии им. Н.М. Карамзина.

Вся жизнь моего земляка, наполненная трудностями разного характера, – это жизнь человека, который видел смысл её в служении своему делу и своему Отечеству. Он с отличием окончил в 1948 голу Глазуновскую среднюю школу; по воспоминаниям его одноклассницы, они каждый день приходили в школу без опозданий, преодолев расстояние в 12 километров. Затем он поступил в учительский институт, а после его окончания преподавал русский язык и литературу в своей же родной школе и продолжал учёбу в Орловском педагогическом институте.

Первые его публикации появились в начале 50-х годов. Потом была исследовательская работа – его более всего интересовала жизнь и деятельность И.С.Тургенева. С 1953 года Громов работал заместителем директора Государственного музея И.С.Тургенева. В 1973 году Орловская писательская организация отметила Тургеневской премией его книги «Здравствуй, город Тургенева!», «Предания Бежина луга» и статьи о писателях-орловцах, которые были опубликованы в местной прессе.

В 1974 году Владимир Алексеевич выпустил в Приокском книжном издательстве книгу «Добрый великан», в которой рассказал об отношении И.С.Тургенева к детям и детской литературе; и тот, кто хорошо знал Громова, мог утверждать: доброй силой своих убеждений в творческих исканиях, складом характера и устремлённостью он сам не менее знаменитого писателя-классика олицетворял это название.

Живое слово писателя-литературоведа звучало не только в студенческих аудиториях: его слушали на научных и писательских форумах, на встречах с читателями и почитателями его таланта. Страстное слово писателя завораживало, подкупало искренностью...

Владимир Алексеевич Громов умер в год своего 70-летия.

Обо всём этом я рассказал в книге «У истока Оки», которая вышла в 2008 году. А годом раньше этот материал был опубликован в глазуновской районной газете «Приокская нива», где я напомнил, что яркая жизнь нашего земляка обязывает бережно сохранять память о нём, чтобы на родине больше знали о его творчестве..

Выход статьи о В.А.Громове я приурочил к дню его рождения – 11 января. Но ни в тот год, ни позднее общественность так и не откликнулась на мой призыв. Не колыхнулось ни в школах, ни в библиотеках как-то вспомнить добрым словом этого Доброго Великана. И более всего обидно, что не было о нём никакой памяти ни в самой школе, ни на школе, которую он окончил с золотой медалью, ни в районном музее.

Иваны, не помнящие родства? Нет? Тогда почему в нашей непонятной жизни, утратив нравственные ориентиры, осуждая советскую школу воспитания, общество теперь воспитывает подрастающее поколение только на боевых традициях отцов и дедов, о революционных же не рекомендуется вспоминать? А разговор о трудовых традициях на фоне безработицы даёт нежелательный результат?... Вопросы, вопросы, вопросы… Где ответы? В газетах? В «телеящике», на радио? Проводное радио в Глазуновском районе порушили: осталось всего 15 абонентов, кто может слушать Москву, утром и вечером областные новости; и только вечером три-четыре информации на местные темы, а то и рапорты главы района об успехах в социально-экономическом развитии или очередное поздравление с профессиональным праздником.

ЗОЯ ТАРАБРИНА,
журналист

К юбилею города Орла

ОРЁЛ, ВОССТАВШИЙ ИЗ РУИН

Ещё и ещё раз я возвращаюсь к рукописи. Тетрадь в клеточку, в дерматиновой обложке исписана мелким стремительным почерком. Обыкновенная тетрадь, но

что-то в ней есть притягательное. Думаю, мысли и чувства, побудившие автора излить их словом, были глубокими и сильно волнующими.

Автор рукописи – Здомищук Пётр Терентьевич.

«17 ноября 1945 года я был демобилизован из армии, – пишет он, – и возвратился в Орёл». Кратко, лаконично и ничего о том, от чего возвратился. А позади была война. О его боевом пути можно судить по наградам: «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», орден Отечественной войны II степени. Война от начала до конца. Но в записках об этом ни слова. Главное – то, что он увидел при возвращении домой. Он был потрясён видом израненного родного города.

«В Орле, – пишет он, – не сохранилось в целостности ни одного здания высотой в два этажа и более. Уцелел единственный дом № 1 на Пролетарской Горе. Многие здания разрушены со двора». Он перечисляет клубы, театры, школы, больницы. Разрушена трёхэтажная школа №11 по 1-й Курской, построенная в 1940 году под руководством прораба Озерова Дмитрия Захаровича. «…Улица Красноармейская на участке между улицами Горького и Октябрьской, застроенная в 1938-40 гг. новыми четырёх и пятиэтажными жилыми домами, представляет груду развалин».

Он оценивал всё глазами специалиста и видел, что предстоит огромная и трудная работа: всё разобрать, очистить, восстановить и построить новое.

Окончив в 1936 году Уральский индустриальный институт (г. Свердловск) по специальности инженер-строитель, Пётр Терентьевич уже до начала войны приобрёл немалый профессиональный опыт в военно-строительных организациях Уральского и Орловского военных округов.

Глядя на руины, он понимал, что город восстанавливать придётся долго и работы ему здесь хватит на многие годы. Строители-специалисты в то время были просто необходимы. Уже 23 декабря он приступил к исполнению обязанностей главного инженера треста «Орёлстрой» в системе Министерства жилищного и гражданского строительства РСФСР.

«…Так началась моя работа над возрождением родного города, где в марте 1923 года 15-летним парнем я начал трудовую деятельность рабочим, а затем бригадиром деревообрабатывающего цеха, в 1924 году был принят в комсомол, а в 1929 – в ряды Коммунистической партии».

Будни послевоенные были очень трудными, но радость победы и освобождения придавала людям силы. Город возвращался к прежней жизни. В 1945 году в ноябре руководством страны было принято решение о восстановлении 15 наиболее пострадавших во время войны городов. В их числе город Орёл. На это выделялись средства, материалы, механизмы. «… Но в 1946 году, – пишет он, – строители Орла не имели предприятий стройиндустрии, строительных кранов, землеройных машин, квалифицированных кадров. Выделенные цемент, металл, лесоматериалы, материалы для кровельных и отделочных работ только частично удовлетворяли потребности. Для возведения фундаментов и стен использовались материалы преимущественно от разборки разрушенных немцами зданий.» Надо было создавать производственную базу, учить людей строительным профессиям. Большая роль в этом отводилась фронтовикам. Возвратившись с войны, они возглавили бригады, учили мастерству и дисциплине молодых, пришедших из школ ФЗО.

Автор называет строителей И. Швыдкова, А. Ланцова, В. Сотникова, которые обучили строительному делу сотни молодых людей. Фронтовик Д. Борзёнков проявил необыкновенную находчивость при создании столярно-деревообрабатывающего производства, что позволяло изготовлять оконные и дверные блоки. Е. Лобанов и К. Молоков за короткий срок оборудовали слесарно-механическую мастерскую для изготовления скоб, поковок, болтов и ремонта инвентаря, а умельцы И. Кандрашов и Т. Войцеховский сумели организовать изготовление простейших

подъёмных механизмов и металлических ферм для покрытия зрительного зала и сценической коробки здания драмтеатра (ныне театр «Свободное пространство»). К шестой годовщине освобождения Орла, 5 августа 1949, года театр был открыт, что стало большим событием и праздником для горожан. Архитектор города (1943 – 1955) Б.В.Антипов, приложивший много стараний при восстановлении здания театра, в своих записках «Из прошлого» называет П.Т. Здомищука в числе специалистов-строителей, наиболее высококвалифицированных, волевых, напористых в разрешении возникающих проблем, с которыми ему приходилось встречаться чуть ли не ежедневно на восстановлении здания театра и других объектов.

К началу 50-х годов снабжение строительными материалами улучшилось. Основное внимание треста было направлено на строительство зданий городских и сельских школ, жилых домов по ул. Московской (№ 2-8), основных корпусов областной больницы, кредитно-финансового и гидромелиоративного техникумов.

Проблема жилья в то время была головной болью для всех. С трудом ремонтировали и приспосабливали под общежития полуподвальные помещения и бараки. В начале 1952 года Министерство выделило тресту «Орёлстрой» 14 комплектов пиломатериалов и столярных изделий. Из них можно было построить 14 двухэтажных восьмиквартирных деревянных каркаснообшивных домов. Это было дорогим подарком для строителей. Они думали, как лучше всё это употребить. «…И придумали, – пишет он. – Мы построили 22 двухэтажных 12-квартирных дома с кирпичными стенами в створе Карачевского шоссе и ул. К. Либкнехта. Руководил застройкой квартала молодой инженер И.А. Калакуцкий, траншеи под фундаменты отрывал только что полученным первым экскаватором с ковшом ёмкостью 0.25 кубометра Н.А. Сенин (впоследствии Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель РСФСР, Почётный гражданин г. Орла). Он работал самозабвенно, чтобы открыть зелёную улицу для закладки фундаментов. К концу следующего года 260 семей строителей получили новое жильё и 120 семей – в освободившихся помещениях».

В январе 1958 года Пётр Терентьевич был назначен управляющим трестом №1 Орловского совнархоза. Трест этот был создан на базе строительно-монтажного треста 108 «Главцентропромстроя» Министерства строительства СССР и специализировался на строительстве промышленных предприятий. В то время список их был значительным: заводы «Дормаш», «Трансмаш», «Текмаш», «Продмаш», часовой, «Промприбор», им. Медведева, силикатного кирпича, швейная и обувная фабрики. Страна, достигнув довоенного уровня производства, ставила задачу подъёма всех отраслей народного хозяйства преимущественно на основе промышленности. В то же время жизнь людей мало изменилась к лучшему. Они жили в бараках, общежитиях, коммуналках, в подвалах. Руководство страны принимает решение «О развитии жилищного строительства»(1957). Определён курс на возведение домов с экономичными квартирами: каждой семье – своё жильё. Трест сосредоточивает усилия и в 1958 году вводит в строй 42260 квадратных метров жилья. Это был рывок.

В последующие пять лет растёт число новоселий, город украсили здания областной библиотеки, Дома Советов, открыты Дворец пионеров им. Гагарина, автовокзал, областной стадион им. Ленина,универмаг, кинотеатр «Октябрь», типография «Труд». И всё-таки приоритетом для треста остаются промышленные предприятия. Список их прирастает. В 1961году начато строительство сталепрокатного завода и нового жилого микрорайона к северу от города.

Управляющий трестом понимал, что без собственной мощной производственной базы движение вперёд невозможно, весомых результатов не добиться. И в тресте многое делают для совершенствования стройиндустрии: оборудуют станцию пескоподачи, промвентиляцию железобетонного цеха, пневматический транспорт отходов, межцеховые дороги, устанавливают пропарочные камеры, строят заво-

ды цементный и железобетонных изделий, стационарный растворобетонный на промбазе СПЗ, цеха керамзита и домостроительный.

При знакомстве с архивными документами, видно, как скрупулёзно руководитель анализирует деятельность организации по всем направлениям. Кадры. Текучесть велика. 1959 год. Принято за год 1249 человек, а уволено 1318. Как сделать труд строителя привлекательным, менее изнурительным? Ответ находишь в действиях. Это организация производственного быта и досуга, обеспечение жильём, механизация трудоёмких работ, учёба строителей. И для этого построены столовая на комбинате «Стройдеталь», общежития по Наугорскому шоссе, улице Комсомольской, отремонтирован клуб, где проводятся встречи с поэтами, с новаторами строительства Москвы.

А каков уровень механизации? В своих отчётах о работе он с горечью констатирует: основное транспортное средство – лопата и носилки, высока доля ручного труда. Он делает многое для приобретения землеройных, погрузо-разгрузочных механизмов, упорядочивает складское хозяйство, создаёт мастерскую для резки стекла. Чтобы и персонал проникся желанием совершенствовать производство, регулярно проводятся занятия с мастерами и прорабами под личным контролем руководителя и главного инженера Кузнецова П.А. (впоследствии заслуженный строитель РСФСР). Тематика актуальная: опыт зарубежного строительства, индустриальные его методы, максимально высокий уровень механизации, передовые методы труда. Занятия мотивированы: «Всё новое строить по-новому, с перспективой». Всячески поощряются рационализаторские предложения.

Те, кто приходил работать в трест, получал здесь надолго запоминающиеся жизненные уроки, которые становились привычками, формировали характер. Эдуард Исаакович Боярский, отработавший в системе «Орёлстроя» 50 лет, помнит, что на работу после техникума в 1958 году принимал его Пётр Терентьевич Здомищук. Прошло много лет, а он помнит: «…Строительная площадка сталепрокатного завода. Народу здесь сравнимо с муравейником. Каждый занят своим делом. Работа кипит, а молодой прораб Звягин А.Е. (в 1978-1985 – начальник Орловского управления строительства) с бригадой, числящейся в передовиках, сидят, нервничают. Стыдно им!!! В это время и подошёл управляющий.

– В чём дело?

– Нет колонн. Ждём.

Управляющему ясно, что претензия, в первую очередь, к промышленному отделу. Он затребовал график доставки конструкций на объекты с указанием номенклатуры, количества, срока изготовления, увязки с транспортом. За график отвечал я, мне и поручили его подготовить срочно. Два дня я с начальником производственного отдела «Стройиндустрии» корпели, составляя по заявкам график. Через два дня он в развёрнутом виде лежал на столе управляющего. Петр Терентьевич внимательно ознакомился с нашей работой и строго сказал:

– Теперь исполни график без отступлений!».

Урок строгости, продуманности, точности и обязательности запомнился надолго, и к своим обязанностям Эдуард Исаакович (ныне Почётный строитель России, заслуженный работник ОАО «Орёлстрой») всегда относился с большой ответственностью. Он также вспомнил, как в тресте «старики» подшучивали над молодыми, спрашивая:

– Посмотри внимательно, нет ли на столе у тебя какой-то бумаги?

– Какой бумаги?!

– С заданием!

Управляющий имел привычку давать задания в письменном виде с указанием даты исполнения. И никогда не забывал о них, строго спрашивал в назначенное время. Потерять эту бумагу, забыть – значит потерять своё лицо.

С упразднением совнархоза в 1963 г. трест №1 был преобразован в трест «Орёлпромстрой» с присоединением к нему ещё строительных и специализированных организаций, а затем – в Орловское управление строительства. Объёмы строительно-монтажных работ неуклонно растут. Строятся новые промышленные предприятия. Растёт и потребность горожан в жилье. В составе управления создаётся специализированный трест домостроения во главе с Пётром Терентьевичем Здомищуком, которым он руководит с 1965 до ухода на пенсию в 1969 году. В эти годы ведётся интенсивная застройка пятиэтажными жилыми домами районов автовокзала, Ботаники, больницы им. Семашко. В 1966 году трестом было построено 67432 кв. м. жилья, в том числе 50958 кв. м. в крупнопанельном исполнении. Как бы мы не относились к «хрущёвкам», новоселы в них были по-настоящему счастливы. И вклад П.Т. Здомищука в это трудно переоценить. Во многом, что построено в эти годы, есть его душа, энергия, воля и знания.

Мусатов Владимир Михайлович работал в то время главным инженером СМУ-6 – подразделения, входившего в состав треста домостроения. Он с благодарностью вспоминает о совместном сотрудничестве с Петром Терентьевичем, его рекомендации в трудных ситуациях. « Помню, – говорит он, – поступил к нам в распоряжение впервые 25-тонный подъёмный кран. Мы его с радостью отправили на объект, а была распутица. И он, громадина, увяз, никак его не могли сдвинуть с места. И только совет Петра Терентьевича помог разрулить ситуацию, убедить людей, что нет безвыходных положений. Вот ещё случай… При строительстве жилых домов в районе больницы им. Семашко тоже возникли большие сложности. Грунты тут микропористые, неустойчивые. И что мы только не предпринимали для их укрепления – не получалось. И как тут закладывать фундаменты? Петр Терентьевич предложил использовать сваи. Сваи в те годы в Орле не применялись и не изготавливались. Не было и сваебойных механизмов. Но Петр Терентьевич эту проблему решил: нашлись и сваи, и механизмы. Из Москвы привезли. Потом забивка свай при устройстве фундаментов зданий стала привычным делом».

В конце 60-х годов Госстрой СССР предлагал, а секретарь горкома партии Альберт Петрович Иванов настоятельно рекомендовал орловским домостроителям перейти на новую серию домов.

Институт «Орёлгражданпроект» начал разработку проектов зданий новой серии повышенной этажности, а в 1968-м в Орле построен первый девятиэтажный кирпичный дом по ул. Комсомольской. Это был репетиционный шаг к переходу от пятиэтажек к девятиэтажным домам. С утверждением в 1970 году нового генплана города на 20-30 лет стало возможным строить дома не только на окраинах, и город превратился в большую строительную площадку. Но это был уже новый этап развития города.

Ветеран войны и труда Петр Терентьевич Здомищук в это время учил технологии строительного дела новое поколение созидателей в профильном техникуме. Он был уважаемым в городе человеком. Не раз избирался депутатом горсовета, членом президиума облсовпрофа, председателем областного совета научно-технических обществ, был делегатом III Всесоюзного съезда научно-технических обществ в Москве в 1968 году.

Его трудовой вклад отмечен орденом Трудового Красного Знамени. Пётр Терентьевич Здомищук из той плеяды орловских строителей, которые с удовлетворением могли бы сказать: «Мы восстанавливали, мы поднимали из руин, мы строили свой любимый, замечательный, наш прекрасный город Орёл». В музее «Орёлстроя» портрет Петра Терентьевича занимает достойное место в ряду руководителей этой организации, внёсшей весомый вклад в послевоенное возрождение и дальнейшее развитие города.

ЦАРЬ СЛОВА ПУШКИН

– Мы хорошо пообщались по скайпу, по телефону, – часто слышу я.

– Но возможно ли так поговорить по душам? Ведь многое не скажешь. Вот в письме… Если уж нет возможности поговорить с глазу на глаз, а сказать хочется многое, то лучше написать письмо. Мы с внуком не виделись целый год. Он повзрослел, стал, конечно, больше понимать. И вот сегодня, вернувшись с праздника, устроенного любителями пушкинской поэзии у памятника поэта, мне захотелось продолжить состоявшийся год тому назад с ним разговор.

Я была у них в гостях. Были и другие гости. Его друг остался ночевать, и пришлось на ночлег устраиваться нам втроём в одной комнате. Когда выключили свет, наступила тишина, а им, возбуждённым гостевой суетой, спать не хотелось. Я подумала: «Вот возможность узнать их получше. С чего бы начать?» Предложила почитать стихи, кто что знает и помнит, что нравится. Наступила пауза. Ребята вспоминали. Потом читали, но недолго. Как будто запасы памяти иссякли. Вспомнили мальчика пухленького «из телевизора», которого в полусонном состоянии побуждали заучить стихотворение, а он безуспешно повторял и повторял:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною…

Повторял до упада перед словом «в сени». Строка «В сени к нам летит» так и не вошла в него. Посмеялись, порассуждали, почему она оказалась для него непреодолимой. Он устал, набегался, сильно спать хотел, слово «сени» не понимал. Да, все слова так знакомы и повторяемы часто. А «сени» … Сейчас и сеней- то нет, в речи слово не употребляется. Раньше в избах деревенских и городских домах сенями называли помещение между жилой частью и крыльцом и даже песню про них пели: «Ах, вы, сени, мои сени, сени новые мои…».

– Поехали дальше, – предложила я, – почитаем стихи Пушкина, что в школе учили. Их-то не забыли, надеюсь. Внук вспомнил «У лукоморья», друг его вдохновенно читал «Зимнее утро». Пришла моя очередь. Хотите почитаю «Сказку о попе и работнике его Балде»? Ребята с удовольствием одобрили и внимательно слушали.

Когда закончила последнюю строку «не гонялся бы ты, поп, за дешевизною», внук неожиданно произнёс: «Мне Пушкин не нравится, больше Лермонтов по душе. Вот «Мцыри» читаешь, и так захватывает, как будто всё с тобой происходит».

– Лермонтов, конечно, – отличный поэт, и «Мцыри» – чудесная поэма. А стихотворение «Бородино» как великолепно! И мы дружно хором продекламировали его. А так как их отцы были военные, то они с особым усердием читали строки:

Полковник наш рождён был хватом,
Слуга царю, отец солдатам.

– А вот одна девочка из сельской школы, – сказала я, – не понимая сути слова «хват», заучивая «Бородино», читала: «Полковник был рождён ухватом…», перепутав слова «хват» и «ухват». «Хват» – это сильный, смелый, ловкий, сообразительный. А «ухват» – это кухонное приспособление, которым в русскую печь ставят горшки, чугуны. Когда знаешь значение слов, всё запоминается легче.

Лермонтов был почитателем поэзии Пушкина, восхищался ею. Вот почему он был сильно потрясён его смертью. Пушкину тогда не исполнилось и 38, а Лермон-

тову было 23 года. Его стихотворение «На смерть поэта» нашло горячий отклик в обществе, потому что он выразил общее негодование случившимся:

Погиб поэт – невольник чести,
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой.

Я не думаю, что тебе не нравится поэзия Пушкина. Правильнее будет сказать, что ты мало знаком с его творчеством. Чтобы его знать, надо читать. По Пушкину можно научиться правильно говорить по-русски. Никто ещё лучше Пушкина не мог сказать о своих друзьях, дружбе, о любви, радости и печали, о предательстве, об Отчизне.

К сожалению, я тоже мало знаю Пушкина, потому что его поэзия – это целый мир, океан, который никогда не исчерпать до дна, и надо начинать с детства, по маленькой дозе, чтобы в полной мере почувствовать вкус его поэзии и насладиться ею.

С тех пор, как помню себя, наверное, с трёх лет (это был 1939 год) Пушкин со мной. Он пришел ко мне мелодией. Помню, как сквозь сон, зимнюю дорогу. Мы едем. Впереди нас бодро бежит лошадка. Мы трое, детей и бабушка, в санях, набитых душистым сеном, покрытым кошмой, едем на новое место жительства. Туда направлен наш отец после окончания курсов председателей рыболовецких колхозов в Ростове-на-Дону. Нам нравится ехать. Вокруг ровная белая степь без конца, без края, и, как у Пушкина, ни куста, ни чёрной хаты, даже вёрст полосатых нет. Дорога вьётся вдоль реки.

А вот Урал. Над нами низкое серое небо, и всё пространство густо заполнено летящими пушистыми снежинками. Бабушка заботливо укрывает нас, детей, большим овчинным тулупом и что-то напевает. Потом, когда я подросла, стала что-то осознавать, я поняла, что бабушка напевала нам:

По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит…

Она окончила три класса приходской школы и многое знала: стихи Пушкина, Некрасова, рассказывала нам жития святых, о блудном сыне, и удивляла головоломками с числами «в уме».

Ещё запомнилось из детства, когда мне было уже 5-7 лет. Зимними вечерами, когда село едва пробивается из-под снега дымящимися печными трубами, вся семья (это бабушка, мама, две сестры папы, приехавшие в гости к нам из соседнего села, и мы, дети – три девочки) садилась вокруг большого стола. На стол падал свет от висячей керосиновой лампы, подвешенной на крюк, укреплённый на потолке. И начиналось действо – готовили подарки для фронта: вязали носки, варежки, обязательно с двумя вывязанными пальцами, для снайперов, кто-то пушил овечью или верблюжью шерсть, готовя её для прядения, кто-то веретеном крутил из неё пряжу. В доме тепло, согласие, а в голове тревожные мысли о родных и близких мужчинах, ушедших из дома на войну. За окном чёрная темнота, в трубе завывает ветер, и всё это захватывает душу, настраивает на определённый лад, кто-то невольно тихо запевает:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

А потом, чтобы отвлечься от грустных мыслей, младшая тётя, глядя на нас, маленьких сестрёнок, мастерски орудующих спицами и веретеном, говорила шутя:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.

И потом другие подхватывали и читали по очереди, кто больше знает, «Сказку о царе Салтане и славном сыне его князе Гвидоне», и уносились мечтами к острову Буяну, где происходят сказочные, таинственные события. И забывали реальный мир, и в сладкой тишине быстрее крутилось веретено, проворнее скользили спицы.

В семье я была младшим ребёнком. Две сестры старше меня на четыре и шесть лет. Школьные задания они готовили старательно. Наша мама была избрана председателем школьного родительского комитета, и это обязывало детей учиться без упрёка. Средней сестре учёба давалась труднее, и она, стараясь запомнить, учила вслух, повторяя многократно всё: правила по грамматике, таблицу умножения, стихи, басни. Всё это западало мне в голову навсегда.

К поступлению в школу я была готова на «отлично». В нашей школе учащимся разрешали приводить на уроки младших братьев и сестёр-дошколят. Так вот однажды в конце октября 1943 года я пошла со средней сестрой в гости в школу да так и осталась там. Она училась в третьем классе. Рядом сидел первый класс. Школа была двухкомплектная. Я поднимала руку, отвечала на вопросы. Пока первоклашки складывали буквы в слоги, слоги в слова, я бегло прочитывала страницы букваря. Учительница сказала, что я могу приходить в школу каждый день, и указала мне моё место за партой.

Нравились уроки чтения. Мне было всё не ново. Басни Крылова, сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке», «О спящей царевне и семи богатырях», «О золотом петушке», поэма «Руслан и Людмила». Многое я уже знала. Все эти тонкие детские книжечки, хорошо иллюстрированные, были в нашем доме. Многие книжки привозил нам папин гость, часто приезжавший к нам из города. Я всё это читала. Но, возвращаясь к ним вновь и вновь, испытывала всё тот же восторг от мелодичности и лёгкости пушкинского языка.

А с каким интересом читалась «Капитанская дочка»! События повести происходят в тех местах, где мы жили. Уральские, оренбургские степи. А каким неожиданным было открытие: река Урал, в которой мы, кажется, выросли, в пугачёвские времена называлась Яик, город Уральск – Яицк, а уральские казаки яицкими. Было странным для нас звучание слова.

Когда мне было 27 лет, мы переехали в Уральск, тоже на берегу Урала. Город этот хранит память и о мятежных пугачёвских временах, и о Пушкине. Восстановлен дом, где бывал Пугачёв и жила его невеста-уральская казачка. Сохранился свидетель тех событий – старый собор, служивший осаждённому гарнизону правительственных войск наблюдательным пунктом и местом хранения пороха. На стенах его сохранились вмятины от ударов орудий. Пушкин приезжал в Уральск «проверить архивные документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев» для написания «Истории Пугачёва» о пугачёвском бунте, а краеведы спорят до сих пор, на каком учуге уральские казаки угощали Пушкина чёрной осетровой икрой. В хорошем состоянии сохранился дом, в котором принимали великого поэта. На нём мемориальная доска из белого мрамора с надписью: «В этом доме 4-6 октября 1833 года останавливался Александр Сергеевич Пушкин».

В Орёл Пушкин тоже по пути на Кавказ приезжал к генералу Ермолову, покорителю Кавказа. Здесь тоже проходят пушкинские праздники, организуемые местными писателями и работниками городской библиотеки имени Пушкина, названной так в год её открытия, когда отмечался 100-летний юбилей поэта, в 1899 году. И что мне больше нравится слушать на этих праздниках, так это стихи Пушкина в исполнении студентов, учащихся, когда они с огнём в глазах читают:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Но ещё больше вызывает восхищение чтение студентов, приехавших из стран Африки. С блестящими глазами, старательно преодолевая акцент, с восторгом молодой эфиоп читает:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как, дай вам бог, любимой быть другим.

Конечно, заучивая стихи Пушкина, студенты из Африки будут говорить по-русски правильно и красиво.

Ещё лучше учить русский язык по «Евгению Онегину». Я уже знаю несколько человек, которые могут прочитать «Евгения Онегина» наизусть от первой до последней строки. Таково их стремление быть всегда с Пушкиным, даже не имея под рукой книги. Они его читают молча, как молитву, в минуты отдыха, спокойствия.

В романе всё русское: душа и характер героев, быт, природа и главное – язык во всём его многообразии. Пушкин стремился к чистоте русского языка и винился перед читателями. Так и говорил: «Винюсь пред вами, что уж и так мой бедный слог пестреть гораздо б меньше мог иноплемёнными словами. Но панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет». В онегинских строфах – язык и аристократических салонов, и простонародья, и городских улиц. Там встретишь разные слова: и мадригал, и боливар, и Жучка, дриады и стаи галок на крестах, квас и брегет, брусничная вода и лета, простонародное «брила лбы» и модное элегантное слово «вульгар». Так образно, так ёмко, так просто и понятно говорит только Пушкин. И муза Пушкина тоже такая разная: и ласковая, и резвая, ветреная и своенравная, застенчивая и робкая. Никто, как Пушкин, не владеет русским языком. Поэт пророчески предвидел:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Так оно и есть. Мне помнится праздник, посвященный 175-летию Пушкина в Уральске в 1974 году. Туда приехали писатели из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты. Это О. Шестинский, А.Смольников, В.Кузнецов. Они читали Пушкина на городской площади, в залах вузов. И в унисон прозвучало стихотворение студентки-казашки из сельхозинститута Б. Толебаевой:

Когда к мятежному Уральску
Он путь в коляске устремил,
То в юрте кочевой казахской
Желанным гостем Пушкин был.
Голубоглазый и кудрявый,
Весёлый, ветрено-живой,
Пил у девчонки он лукавой
Кумыс из чашки расписной

Сейчас у нас все люди братья,
И стала общею страна,
Нам лира Пушкина понятна,
Близка, как кровная сестра.

Пушкин – пророк. Он царь слова, одним словом – Пушкин!

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

«МЫ УХОДИМ В ПРОСТРАНСТВО»...
Льву Овалову – 110 лет

29 августа 2015 года исполнилось 110 лет со дня рождения известного русского писателя, создателя бессмертного образа сыщика Пронина. Лев Сергеевич Овалов имеет самое непосредственное отношение к нашему краю. С 1918 по 1923 год он, тогда ещё подросток, вместе с мамой, Софьей Николаевной, и братом Дмитрием проживал в селе Успенское Малоархангельского уезда (ныне – Покровского района), куда из Москвы приехала семья Шаповаловых, спасаясь от голода. Здесь Лев Шаповалов участвовал в событиях гражданской войны и, наверное, сам приобрёл первые практические навыки сыщика, когда, осенью 1919 года, пробираясь по тылам белых, доставил в штаб Красной Армии ценные сведения о противнике.

Именно в Успенском в четырнадцать лет Лев Шаповалов создаёт первую на Орловщине сельскую комсомольскую организацию, а в пятнадцать – вступает в члены Российской коммунистической партии (большевиков), становясь самым молодым коммунистом в Орловской губернии. В нашем крае, наконец, он приобретает первый журналистский опыт, публикуя короткие заметки в губернской газете. Свои юношеские, очень острые впечатления о жизни на Орловщине Лев Сергеевич Овалов, уже став известным писателем, отразил впоследствии в большом романе «Двадцатые годы».

И пусть он появился на свет, по уточнённым недавно сведениям, на Украине, в Полтаве, всё равно, и по духу, и по букве закона, Лев Сергеевич Овалов – наш земляк, ведь до конца жизни главным официальным его документом был паспорт с записью: «…Место рождения – село Успенское Покровского района Орловской области».

Большая часть архива писателя, по его завещанию, была передана не куда-либо, а в фонды Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева, где эти документы не только бережно хранятся, но и представляются общественности, как это было в дни 100-летнего юбилея Овалова, в августе-сентябре 2005 года. По всем данным, получается, что наш Покровский край взрастил, того самого писателя, который оставил потомкам достаточно солидное литературное наследие, но в читательской памяти он остался, прежде всего, автором «Рассказов майора Пронина», «Голубого ангела», «Медной пуговицы», «Секретного оружия» и «Букета алых роз», в которых умно, изобретательно и интеллигентно действует сыщик Пронин.

Лишь немногим читателям, настоящим знатокам творчества Льва Овалова известно, что в большую литературу он вошёл как детский писатель, опубликовавший в 1927 году очень симпатичную поэтическую книгу под названием «Пятеро на одних коньках».

Больше стихов в печати у Льва Сергеевича не появлялось. Но, оказывается, он не переставал их писать даже в последний год своей долгой жизни. Об этом я узнал от вдовы писателя, Валентины Александровны, когда посетил её в 2008 году. Именно тогда я получил в подарок от неё некоторые из рукописей Овалова. Было среди них и несколько машинописных листков со стихотворениями 60-ых и 90-ых годов XX века.

С некоторыми из этих произведений я предлагаю ознакомиться и вам, уважаемые читатели. Обращаю ваше внимание на два обстоятельства. Во многих стихах речь идёт о грустном – о завершении жизненного пути, причём говорится о крема-

тории («Вчера, сожжённый в крематории» и «Я, обращённый в лёгкий пепел»…). Согласно завещанию, умершего 30 апреля 1997 года писателя Овалова кремировали, а прах отца его младший сын, Сергей Львович, развеял над водами канала имени Москвы. Так что Лев Сергеевич заранее всё знал, и могилы у знаменитого писателя нет. А одно из стихотворений (оно без названия) – настоящая апология детективного жанра. О чём остальные стихи – читатель узнает, прочтя их. Мне кажется, в них есть главное – чувства, без которых не бывает настоящей поэзии.

Стихи Льва Овалова, написанные им в 60-е и 90-е годы XX века

Банальные стихи

Притупилось горькой жизни жало,
Горечь человеку не нужна…
Мать моя меня всегда прощала,
Всё прощала верная жена.

Называю самых-самых милых,
Не страшны им ни мороз, ни зной…
Розы на заброшенных могилах
Расцветают каждою весной.
30 октября 1966 г.

Вот и прожиты долгие годы,
Жизнь прошла без ненужных затей…
Я легко ухожу из природы,
Окружённый любовью детей.

Верю жизни извечному чуду,
Смерть за мною идёт по пятам…
Я грустить о прошедшем не буду,
Не гадая, что ждёт меня Там.
3 октября 1966 г.

Пейзаж

Ткут свой ковёр безжалостные парки,
Над рукодельем головы склонив…
Играет ветер в опустевшем парке,
Качая стебли придорожных нив.

Играет ветер, и смеются дети,
Жизнь принимая с возрастом сполна…
Метёт листву, заманивая в сети,
Холодной осени октябрьская волна.
9 ноября 1966 г.

Незаконченные стихи

Не удивляйся чрезвычайно,
Что в мире много суеты,
Какая-то святая тайна
Хранит заветные черты.

Мы многое не замечаем,
Но есть мгновение одно.
Оно, как встреча перед раем,
Навеки в нас погребено.

……
Отбросы мчатся по каналу
К закономерному концу…
Искать своей судьбы начало
Обычным людям не к лицу.

Пусть навсегда пребудет тайной
То, что судьба послала в дар
Тому, кто увидал случайно
Огня небесного пожар.

20-21 ноября 1966 г.

Я ни во что теперь не верю,
Сгорая в адовом котле,
Ни огнедышащему зверю,
Ни даже самой мелкой тле.

И погибая в преисподней,
Извечным сумраком дыша,
Я знаю, что в руке Господней
Моя погибшая душа.

Растворена она за гробом,
Останками в земле соря,
И всё же вижу – за сугробом
Мерцает новая заря.

26 декабря 1996 г.

Мы уходим в пространство,
В пустоту, что считается Божьей…
Ветер сказочных странствий
Обжигает упругую кожу,

Обжигает загаром.
Обжигает и руки, и ноги,
Одаряет нас даром,
Какой выпадает немногим.

Мы несёмся навстречу
С нашей судьбой непреложной,
О которой обычною речью
Ничего рассказать невозможно.

8 января 1997 года.

Вчера сожжённый в крематории,
Покорный Богу и судьбе,
Какие дивные истории
Я мог поведать бы тебе!

Но Бог хранит святые тайны,
Непостижимые уму…
Случайно или не случайно
Я не откроюсь никому.
26 января 1997 г.

Что в жизни может быть нелепей,
Нелепее её затей?
Я, обращённый в лёгкий пепел,
Живу в сознании людей?

Какая сладостная тайна
Сокрыта в нашем существе?
Я жизнь продолжу не случайно
В своей оставшейся пастве!

Меня как будто нет на свете,
Но живы наши дневники…
Жизнь продолжают наши дети,
Умны, свободны и легки.
29 января 1997 г.

Меня послушай, ангел милый,-
Совет хорош и не хорош,-
Не посещай моей могилы,
Мои останки не тревожь.

Живи, мой друг, пока живётся…
Несутся в небе облака…
Попей водицы из колодца,
А что ещё сказать… Пока!
13 февраля 1997 г.

Что ты всегда находишь в ней,
В плеяде легковесных книжек?
Чем легковесней, тем сильней!
Я этот лозунг в сердце выжег.

Я сам поднялся в высоту,
Которая мне недоступна,
Я сам себя за книги чту,
Хоть это, может быть, преступно.

Истратив четверти чернил,
Познав тщету расхожих истин,
Я мимоходом подчинил
Красавиц, как Агата Кристи.

Хочу – кричу, хочу – молчу,
Противниц у меня всё меньше,
Подвластны моему мечу
Сто тысяч ошалелых женщин.

Не нужны женщинам чины
И деньги, в силе – только чтиво!
Все женщины подчинены
Железной воле детектива.

И я ни капли не солгу,
Своими вдохновлённый снами -
Я знаю: женщины в долгу
У книжек, сочинённых нами.
27 февраля 1997 г.

(Все эти стихотворения напечатаны на пишущей машинке, с отдельными исправлениями, сделанными от руки – самим Львом Сергеевичем, некоторые – в нескольких машинописных копиях. И лишь одно стихотворение из восьми строчек написано от руки. Оно – без даты – А.П.)

Улетает душа в поднебесье.
Серафимы на крыльях несут,
Оставляя все замыслы бесьи
На чужой, человеческий суд.

Человека ничто не тревожит,
Если он улетает туда,
Где кормилась извечная, Божья,
Неизбывной печали звезда.

Поэзия

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

«ПО СИЛЕ ДУХА ВИДЕН КРЕСТ»

О, Русь! О, милая святыня!
Алтарный свет ржаных полос…
Плакун-трава, дожди грибные,
С часовней ветхою погост…

Полита кровушкой и потом
Здесь каждая земная пядь.

За тяжкий крест под небосводом
Покров простёрла Божья Мать.

Ах, эта доля, эта доля…
По силе духа, видно, крест…
Какой пронзительною болью
Голосит нынче Благовест.

Голбец напомнит у дороги,
Рванётся птичий (бабий?) крик,
Как раскулаченный в остроги
Брёл измордованный мужик.

То по деяньям наказанье,
Или глумится сатана? –
Вновь заколочено, в бурьяне,
Моё село… моя страна…

Мужик поёт о доле нищей?
Землицы ль задичалой стон?
Дым, может, веет с пепелища
Сгоревших заживо икон?

* * *

Поле родное,
Суглинные прошивы,
Блудную дочь не отринь!
Грешной душою,
До нитки изношенной,
Пью твою горечь-полынь.

Чертополох,
Словно жало смертельное…
Что ж ты не взвыла, душа,
Или ослепла? –
Засеялась ельником
Торная деда межа!

Каюсь… рыдаю…
Нет силы, нет моченьки
Глаз от стыдобы поднять –
Выстыли поля
Пречистые оченьки…
Что в оправданье сказать?

* * *

Пыль-зола просёлочной дороги.
Всё поля, поля да хлипкий лес.
Придержи, отец, залётки-дроги.

Чтобы стороной прошли тревоги,
Видишь: ладят на распутье крест.

Православный. С образком. Дубовый.
Из былых времён, издалека
Светоч веры праведной Христовой.
Нет для Родины пути иного!
Вдаль бредут паломники – века…

Мимо не пройти, не затеряться.
И кропит кипрейник, словно кровь.
Может, сняли здесь Христа с распятья?
Плащаницей – погребальным платьем
Стало это небо, эта новь?..

* * *

Вот и снова весна... А соседа Михалыча нету.
Не подтянет трёхрядкой своей ввечеру соловьям.
На комоде у карточки дедовой нынче с рассвета
Под ломтём без него фронтовых прокисают сто грамм.

Он, бывало, на митинг в костюм выходной облачаясь,
Проходился до блеску суконочкой по орденам…
Обещал рассказать, как стоял у переднего края,
Но смолкал, вспоминая погибших друзей имена.

Он ушёл…как и жил, незаметно, как тысячи…просто,
По долгам расплатившись с семьей и Отчизной сполна.
Он ушёл… как за линию фронта, за ивы погоста,
Внуку Мишке на память, оставив свои ордена.

* * *

Есть место такое на свете,
Где в пояс июньский покос,
С полынною горечью ветер,
А ночь так светла от берёз,
Что дед, закурив из кисета,
Накинув на плечи «пиньжак»,
На лавке читает газету.
Прикинет и эдак, и так,
Коль час его смертный настанет,
Кому завещать, – вот вопрос, –
Гнездо ласточаток за баней,
С могилами предков погост?
Округу с лазоревой далью
И воздух – не сыщешь хмельней?
А заросль Ивана-да-Марьи?
А в ней полусонных шмелей?
Поля без конца и без края,

И новый помол на столе?
Душа за воротами рая
Не сможет не ныть о земле,
Об этих заутренних звонах,
Пусть храмовый колокол мал!
И о придорожном поклонном
Кресте, что неделю строгал.
Старик-то и жив лишь одною
Мечтою, что выпадет срок,
Под Вербное, ранней весною,
Отслужится Мишка внучок.
Осядет и пустит здесь корни,
Заложит с антоновкой сад,
Дом выстроит светлый, просторный…
Старик был бы этому рад.
Чтоб ставни, карнизы резные,
Чтоб в красном углу – образа,
Чтоб деду ладони родные
Закрыли навеки глаза.

* * *

Когда-то гору называли Поповкой.
Церквушку взорвали. Связавши верёвкой,
Стащили кресты в тот же день с колокольни.
Давно это было… Но, вольно-невольно,
Бывая на месте израненном том,
Себя осеняю поныне крестом.

Чуть выше сирень укрывает стеной
Времён стародавних погост крепостной.
Здесь кость на кости, среди них – мои предки.
Век с веком сплелись, перепутались ветки,
Замшели кресты, и сравнялись могилы.
Здесь память и грусть моей родины милой…

Просёлками

Мозолистые, суглинные…
Сплетенье натруженных жил…
Не ими ль в века старинные
За долей прогоркло-полынною
Мой предок-правятич ходил?

Ему ли у этих обочин,
У пилигримов-ракит,
Стервятник заглядывал в очи,
Когда на исходе ночи
Лавиною шли степняки?

Какие сказанья-былины
Слагали о том ковыли?
И в вечность какие кручины
Осыпались градом крушинным
В пласты придорожной пыли?

Почти позабыты святыни,
Что прадед для нас сберегал.
Не вспомнить в стремительном «ныне»
Те вольные песни степные,
Что он для потомков слагал.

Ни роду не помним… ни племени…
И путь, что прапрадед торил,
Засеян терновником-семенем,
Потерян в пространстве и времени.
Сыскать – не достанет уж сил!

Поля… Всё поля бурьянные…
Да солнца истёртый калач.
Да всхлипы ветров гортанные.
Молитва ли?.. Предков послание?..
Иль песня славянская-плач?

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
Тула

В ГОСТЯХ У ЛЬВА ТОЛСТОГО

Арий Давыдович Ротницкий, тульский учитель 26 июня 1907 года привёз в Ясную Поляну к опальному писателю 800 тульских школьников – детей рабочих.

Станция. Перрон. «Козлова Засека».
Шумно паровоз спустил пары.
И пошёл пешком в усадьбу классика
Целый полк весёлой детворы.

Шли до Ясной шумною командою
Через лес, прохладный и густой.
Возвышаясь над резной верандою,
Встретил ребятишек Лев Толстой.

Словно друга, давнего и близкого,
Обнял он, не скрыв блеснувших слёз,
Ария Давыдыча Ротницкого,
Что из Тулы школьников привёз.

Здесь таких гостей ещё не видели,
Не встречали за десятки лет.
Сорок самоваров чаю выпили
И полпуда слопали конфет.

Развлекались до изнеможения
На лугу, за кучерской избой.
А потом в сопровожденьи гения
На Воронку двинулись гурьбой.

Шёл писатель лёгкою походкою,
Отдыхая телом и душой.
И занёс в дневник строку короткую:
«Восемьсот детишек – хорошо».

Взгляд добром светился и открытостью.
А Ротницкий и мечтать не мог,
Что проснётся утром знаменитостью
Он – обычный тульский педагог.

Мальчик кудрявый

Мальчик кудрявый
С большими-большими глазами
Держит сегодня
Ответственный в жизни экзамен.
Будут сегодня
Оценены знаний запасы.
Выдержит -
И переводится в старшие классы.

Взгляд воспитателя
Пристален, строг и придирчив:
Ладно ль сидит на плечах
Темно -синий мундирчик?
И не дают ли морщин
При ходьбе панталоны?
Ровно ли пуговиц медных
Блестят медальоны?

Мальчик кудрявый,
Сегодня не просто экзамен.
Вон за столом затаился
И дремлет Державин.
Ровной цепочкой
Идут лицеисты из класса.
Что ему этих ребят
Темно -синяя масса?

Он приоткрыл один глаз,
Полудрёму осилив,

Муз многолетний любимец
И гордость России.
Вирши его разлетелись
По белому свету.
Где тот счастливчик,
Кому передать эстафету?

В зале просторном
Ему и тоскливо, и душно.
Снова глаза он прикрыл
И сопит равнодушно.
Всё в долгой жизни он видел,
И всё-то он слышал.
Вот и ещё лицеист
В тёмно-синем мундирчике вышел.

Чёрною шапкою
Сбитые плотно кудряшки.
Ясные очи сверкают,
Как ночью стекляшки.
Вскинул он голову –
И тишина раскололась.
Руку воздел -
И раздался мальчишеский голос:
– Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывёт в сребристых облаках.

Строчки и рифмы
Одна за другой побежали.
К уху приставил ладошку
И внемлет Державин.
Вот она, вот –
От всех хворей его панацея,
Вот он, преемник,
Воспитанный в стенах лицея.

Вечером лёгкий слушок
Полетел над столицей:
– Мальчик… кудрявый…
Сумел от Державина скрыться…
Нет, не забыть лицеисту
Тех чудных мгновений.
Нет, никуда ты не скроешься,
Если ты гений.

Мария Гартунг, дочь Пушкина.
Встреча со Львом Толстым

Жила в имении Федяшево
Тульской губернии.
Встреча произошла в Туле,
на балу у генерала Тулубьева.

Вошла.
Открытой смуглой кожей
Блеснули плечи и спина.
- Постой, Тулубьев!
Быть не может!
Неужто вправду здесь она?

И оглянулись кавалеры.
И замер на мгновенье зал.
И граф шагнул навстречу серым,
Навстречу пушкинским глазам.

Мазуркою сменялась полька,
Слепил нарядов блеск и лоск.
А взгляд его скользил невольно
По завиткам её волос.

Под любопытным взором графским
Она стояла у дверей
С копной густых,
С копной арабских,
Таких породистых кудрей…

Потом, трясясь в пролётке зыбкой,
Покинув бал в полночный час,
Он вспоминал её улыбку,
Движенье рук, сиянье глаз.

К усадьбе путь проделав длинный,
Когда уже вставал рассвет,
Взбежал он лестницей старинной
В яснополянский кабинет.

Он снял сюртук и скинул галстук,
Схватил перо и сел к столу,
И ожила Мария Гартунг
На том, тулубьевском, балу.

И вдруг как будто осенило,
И, опрокинув сна дурман,
Он, обмакнув перо в чернила,
Продолжил начатый роман.

На голове у неё,
В чёрных волосах,
Своих без примеси,
Была маленькая гирлянда
Анютиных глазок…
Причёска её была незаметна.
Заметны были только,
Украшая её,
Эти своевольные,
Короткие колечки курчавых волос,
Всегда выбивавшиеся
На затылке и висках.

На точёной крепкой шее
Была нитка жемчугу…

И чёрное платье
С пышными кружевами
Не было видно на ней.
А была видна
Только она
Простая, естественная, изящная
И вместе с тем весёлая
И оживлённая.

Вот так негаданно-нежданно
При свете утренней зари
В его душе рождалась Анна
В прекрасном облике Мари.

Запоздалое письмо
Александре Львовне Толстой

Ваше светлое имя да светится
Даже в самую тёмную ночь.
Говорили, что антисоветчица
Льва Толстого любимая дочь.

Говорили, вы злобная, падшая,
Ненавидите новую власть…
- Дочь Толстого?
- Какая ж?
- Да младшая -
Улизнула, сбегла, продалась…

Говорили: клевещет, заносится,
Любит строй наш в грязи полоскать,
Даже если в Россию запросится,
Сделать так, чтоб её не впускать…

Это всё современные Берии
Налепили на вас ярлыки.
Вы простите, что мы им поверили
Ни за что ни про что – чудаки.

Вы за морем искали спасения
Не себя, а отцовских идей.
В те поры уж не стало Есенина,
И доносы пошли на людей.

Вы нашли для себя утешение
На другой половинке Земли.
Ваш отец говорил о прощении,
Здесь прощать никого не могли.

Окатили вас краскою чёрною,
Чтоб совсем не осталось следов.
Ваше доброе имя зачёркнуто
Оказалось на много годов.

Дочь писателя стала изгнанницей…
Это мало – прощенья просить.
Нам бы в ножки вам надо покланяться
И в Россию, домой, пригласить.

Не поможет теперь покаяние,
С нас позора за то не стереть,
Что пришлось на большом расстоянии
Вам от милых могил умереть…

Вот и кончилась чернополосица,
Образ ваш всё светлей и светлей.
– Александра Толстая! – разносится
Среди яснополянских аллей.

Непреклонную, крупную, крепкую,
Почти сотню прожившую лет,
Я вас вижу за каждою веткою,
Я не верю, что вас уже нет.

Улетучилась ложь низкопробная,
Как туман над Воронкой-рекой…
Если были б вы падшая, злобная,
Бог не дал бы вам жизни такой.

* * *

Захаровка, Пришня, Крапивна -
Деревни построились в ряд.

Былинно, напевно, призывно
Названия эти звучат.

По сельским зелёным дорожкам,
По травке-муравке густой
Не раз то пешком, то на дрожках
В Крапивну спешил Лев Толстой.

Какая такая истома,
Какая большая нужда
Из яснополянского дома
Его приводили сюда?

Спешил он сквозь летние ливни
И пасмурным днём снеговым,
Поскольку писатель в Крапивне
Посредником был мировым.

Хозяевам здешних поместий,
Которым закон – не закон,
Он был неизбежным возмездьем
И праведной карой был он.

Недаром помещичья свора
И прочий чиновничий сброд
Боялись его приговора,
Когда он стоял за народ…

Незримо эпохи движенье.
Иные пришли времена.
И в водоворот обновленья
Моя погрузилась страна.

Ни ложь, ни обман, ни спесивость
Теперь никого не спасут.
Высокая власть -
Справедливость -
Вот самый возвышенный суд.

Здесь живо толстовское слово,
И правда жива без прикрас.
Немеркнущим взглядом Толстого
История смотрит на нас.

Есенин на тульском рынке

Над Тулою всю ночь метель мела.
Угомонилась поутру не скоро.
Гудели над кремлём колокола
Старинного Успенского собора.

Тянулись к рынку ранние следы.
Возы съезжались долгой вереницей.
В ожившие торговые ряды
Зашёл Есенин -
Просто прицениться.

Под шапкой -
Золотистые вихры.
Пальто изящно -
По последней моде.
Он вот уже недели полторы
Гостил у друга, на пивном заводе.

Не стихшая гражданская война
Ещё вовсю на юге грохотала.
Москва была бедна и голодна,
А здесь кругом -
То ветчина, то сало.

Он подавил внезапную тоску,
С тяжёлым вздохом вспомнив о столице:
- Теперь бы это сало к нам, в Москву,
С голодными друзьями поделиться.
- Купи, сынок, купи, чай, не бедён! -
Певуче так над ухом прозвучало.
- А сколько стоит, бабушка?
- Лимон! -
Что миллион керенок означало.

Сергей поправил пёстрое кашне.
А бабушка, скосив свой глаз зелёный,
Промолвила:
- Поройся-ка в мошне,
Небось, там под завязочку лимоны!

Он на старушку ясно посмотрел
Прозрачными, как родники, глазами:
- Ну да какой же я миллионер?
Я, бабушка, крестьянин из Рязани.

Шутил поэт, улыбкой осиян.
А бабушка лукаво отвечала:
- Не ври, сынок.
Таких среди крестьян
Я отродясь чегой-то не встречала…

Промчались дни -
Не сосчитать числа,
И зимний день сменяет день весенний.
Старушка та в небытие ушла.
В бессмертие ушёл Сергей Есенин.

Мы все уйдём -
Таков судьбы закон,
Но слов старухи Тула не забудет.
Она права:
Других таких, как он,
И не было, и нету
И не будет.

* * *

Сквозь кусты стены дома белели.
Вдоль дорожки пестрел травостой…
Вёл детей по тенистой аллее
Молодой, загорелый Толстой.

Босоногая, вровень с цветами,
По-крестьянски в платке до бровей
Семенила двухлетняя Таня,
Рядом топал трёхлетний Сергей.

Щебетали детишки напевно,
Ухватившись за руки отца,
И счастливая Софья Андревна
Ожидала их возле крыльца.

Всё спокойно, всё мирно на свете.
Мысли пенятся, как океан:
Есть жена, есть усадьба, есть дети,
И идёт к завершенью роман.

Всё спокойно, всё мирно и гладко.
Он доволен судьбою своей,
Но всё чаще глубокая складка
Намечается между бровей.

Намечается, мысли мешая.
И теперь появилась она,
Словно тучка вон та небольшая,
Что невидимых молний полна.

Ведь не нравится Софье Андревне,
Упрекает она иногда,
Что он часто бывает в деревне,
Где под каждою крышей нужда.

Нет огромных богатств у Толстого,
А что есть,
Для него как изъян.
Нету права теперь крепостного,
Но и нету земли у крестьян.

И пока не решить и не сделать
Не придумать ему ничего,
Чтобы скудные эти наделы
Не терзали бы душу его.

Где единственной правды начало?
Как натянуто нервы гудят.
Вон сердито вверху заворчало,
Дети в небо с испугом глядят.

Он глаза крепко-крепко смыкает
И, не видя отцовской слезы:
- Папа! – дети его окликают.
- Папа! Папа! Бежим от грозы!

На родине негромкого поэта

Памяти Николая Акулиничева

На родине негромкого поэта
Пчела несёт с подсолнухов пыльцу.
Поёт петух.
И яблочное лето
Неумолимо движется к концу.

Вот здесь он жил.
Железный век крылатый
Ложился в строчки песен и стихов.
А он писал про дедовские хаты,
Про сладкий сон в прохладе лопухов.

Гремели речи пафосно и пылко,
Взлетали дружно в космос корабли.
А он писал, как тощая кобылка
Распахивает вдовий клин земли.

Уж коммунизм стоял на горизонте,
А он писал про бедность и нужду,
Да про отца, погибшего на фронте
В далёком скорбнопамятном году.

Не славил он в стихах эпоху нашу
Так, чтоб в груди захватывало дух.
Он всё писал про гречневую кашу,
Про крепких деревенских молодух,
Про запах перепревшего навоза,
Про белые бидоны с молоком,
Про нищету убогого колхоза,
С которой с детства был и сам знаком,
Про деревень разор и одичанье,
Про горький пепел и бурьян густой,

Ещё про то, что русские сельчане
Щедры своей душевной красотой.
Так и ушёл он с песней недопетой,
Не дописав оборванной строки…
На родине негромкого поэта
Храните о нём память, земляки.

Богучарово

В Богучарове – природа,
В Богучарове – пруды,
В Богучарове по осени
Все в яблоках сады.

Церковь Сретенья Господня
Чуть моложе двух веков.
Часто в ней молился Богу
Сам писатель Хомяков.

Алексей Степаныч был
Первый наш славянофил.
Он любил свою Россию,
Богучарово любил.

Возле этого села
Грань истории прошла.
Рядом здесь Мария Гартунг -
Дочка Пушкина – жила.

Здесь Федяшево, Ревякино -
Деревни, как музей.
А в Баранове Шаляпин
Пел романсы для друзей.

Не исчезла здесь пока
Тень Ивана Юнака.
- Кто такой Юнак? – вы спросите.
- Да бывший член ЦК!

Этот наш партийный волк
В Богучарове знал толк:
Здесь такой целебный воздух,
А водица – словно шёлк.

Будет в здравии нетленном,
Будет вечно молодой,
Кто омоется священной
Богучаровской водой

Вот какая сторона.
Вот какие имена.

В этой капельке России
Глубь веков отражена.

Здесь и дышится легко,
Здесь и пишется легко,
И моей подружки дача
Где-то здесь недалеко.

Под сопкою
прятался лагерь

Морошка, багульник и ягель,
И золотоносный отвал…
Под сопкою прятался лагерь
Я в лагере этом бывал.

Сюда я добрался не скоро.
Меня в те края привела
Не злая строка приговора,
А суть моего ремесла.

Ржавеет колючка стальная,
Тупеет шипов остриё.
Здесь люди, судьбу проклиная,
Смотрели на мир сквозь неё.

Отсюда немыслимо бегство.
Увидишь – и сердце щемит.
Кто выбрал подобное место,
Тот истинно был иезуит.

Покрытые мохом ступени
Под землю ведут, в рудники.
Я вижу знакомые тени,
И мне эти тени близки.

Мне видится с тачкой уродской
В мельканье лотков и лопат
Поэт Николай Заболоцкий,
Одетый в тюремный бушлат.

Прислушаюсь: снова и снова
В размеренном шуме тайги
Поэта Бориса Ручьёва
Тяжёлые слышу шаги.

Лишённый желанной свободы,
Под игом железных оков
Глядит молчаливо сквозь годы
Поэт Ярослав Смеляков.

Сегодня представить смогу ли,
Что в гибельном этом краю
Поэт Анатолий Жигулин
Растрачивал юность свою.

Сегодня понять мне едва ли,
За что, за какие грехи,
Собаками рвали, сжигали
И в карцер бросали стихи.

Горели костры меж сугробов
Подобием адских огней.
Я день в этом лагере пробыл,
А снится он тысячи дней.

Друг Толстого

Душану Маковицкому -
домашнему врачу и другу
Льва Толстого

Появился он в Ясной Поляне
В самый трудный и сложный момент,
И в его небольшом чемодане
Медицинский лежал инструмент.

Приглашённый графиней Толстою,
Говоривший по-русски с трудом,
Покорил он своей добротою
От велика до мала весь дом.

Только мир не кончается домом.
И для яснополянских крестьян
Скоро стало родным и знакомым
Необычное имя Душан.

И когда он по Ясной Поляне
Шёл, к больному ребёнку спеша,
Вслед ему говорили крестьяне:
- Человек, одним словом – душа…

Что искал он, по свету блуждая?
И зачем его поезд увёз
Из словацкого горного края
В это царство российских берёз?

За богатством приехал?
Едва ли…
Разве мог он богатство скопить,
Коль сердился,
Когда предлагали
За леченье ему заплатить?

И, себя ощущая крылатым,
Понял он своим чувством шестым:
Можно быть лишь духовно богатым
Рядом с тем, кто зовётся Толстым.

Разве можно хватать чаевые?
Разве можно мусолить рубли,
Если вот она -
Совесть России,
Да, пожалуй, и целой земли.

Не жалея ни сил и ни знаний,
Не стараясь нажить барыши,
Был он лекарем тяжких страданий
Беспокойной толстовской души.

И когда нестерпимая рана
Омрачала страданием лик,
Не жену
Не детей,
А Душана
Звал на помощь великий старик.

Награда Льва Толстого

Шёл пятый год.
Вовсю свистели плети.
По всей стране - кровавые следы.
Россия отмечала полстолетья
Великой севастопольской страды.

Проклятия звучали, не молитвы.
И царь,
Чтоб гнев народа остудить,
Решил героев той далёкой битвы
Медалью юбилейной наградить.

Их, стариков, осталось уж немного,
Хлебнувших царской ласки через край…
Увидев в списках имя Льва Толстого,
Задумался надолго Николай.

Шёл пятый год.
Январскою порою
Россия содрогнулась от свинца.
Тогда награда не нашла героя,
Чей грозный глас гремел у стен дворца.

Шёл пятый год.
Тяжёлая опала.
Толстой с царём суровый бой ведёт.

Медаль его солдатская пропала.
Его солдатский гнев не пропадёт.

Что ж, не дошла медалька - и не надо.
Она, небось, от крови солона.
Ему уж уготована награда -
Бессмертьем называется она.
Пускай Толстой награды не получит,
Он совести своей не замарал.
На бастионе -
Храбрый подпоручик.
В литературе -
Грозный генерал

С родным народом он навеки связан.
И весть о том несут во все концы
Герои «Севастопольских рассказов»
И Бородинской битвы храбрецы.

Алексей Хомяков

Основоположник славянофильства – первой российской идеологии. Поэт, философ-богослов, художник, изобретатель. Владелец имений Хомяково, Богучарово, Обидимо в Тульской губернии.

Славных мест в России видимо-невидимо.
Я из них со многими знаком,
Хомяково, Богучарово, Обидимо
Среди них стоят особняком.

В окруженье тысячи вопросов,
Что роились в глубине веков,
Жил да был здесь богослов-философ
Алексей Степаныч Хомяков.

Многими талантами владея,
Те вопросы он в душе хранил.
Он славянофильскую идею
В русское сознанье заронил.

Как звезда она пред ним блистала.
Мать-Россия, тяжек твой венец.
Ты какой была,
Какою стала?
И какою будешь, наконец?

Надо ли тянуться за Европой,
Слепо подражая, спину гнуть?
Или у тебя удел особый -
Свой, славянский, самобытный путь?

Где в противоборстве ложь и правда?
Как нам силу предков воскрешать?
Но какой Россия будет завтра -
Нам сегодня думать и решать.

ВИКТОР САДОВСКИЙ

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

* * *

Купола берёзовых соборов
Золотит Октябрь реставратор.
Дуб смахнул листву над косогором,
Словно пот с лица былинный ратай.

Журавлей серебрянные флейты
В сердце льют мелодии печали.
О весне-красе, о тёплом лете
Нотки ностальгии зазвучали.

В деревеньке на буграх

В деревеньке на буграх
Золотая осень.
Лёгкий ветер во дворах
Паутинки носит.

Солнца луч слепит глаза.
На макушку ели
Льётся с неба бирюза
Тоньше акварели.

Куст шиповника кишит
Красными плодами.
Кот на брёвнышке лежит,
Шевелит усами.

Зашуршала в листьях мышь,
Сытая, сухая.
Кот мурлыкнул: "Чё не спишь?
Чё разбегалась, шумишь?
Видишь, – отдыхаю!"

Остроносенький зверёк
Чутким был соседом –

Юркнул в норку под пенёк,
И не стал обедом.

Щёлки глаз направил кот
К воробьям на крыше:
«Ох и шумный же народ!
Угомон их не берёт,
Но …вкусней, чем мыши”.

И с мечтой о воробьях,
Кот уснул, зевая…
В деревеньке на буграх
Осень золотая.

Бабье лето

Сколько красок!
Сколько света!
Синь высокая небес.
Бабье лето,
Бабье лето
Опускается на лес.
Я в серебряные нити
Окунаюсь с головой.
Ты кричишь мне:
– Витька! Витя!
До чего же ты седой!
Осторожно паутинки
Хочешь снять с моих волос.
А в глазах горят росинки,
Две росинки чистых слёз:
Две прозрачных капли счастья...
Как же мало надо нам,
Чтоб уже не разлучаться,
Не идти по сторонам.
Сколько красок!
Сколько света!
Лес осенний, тишина.
Бабье лето,
Бабье лето,
А в душе моей – весна!

* * *

Осень.
Лето промчалось.
Травы скошены.
В дверь тоска постучалась –
гость непрошенный.
Долбит
Дождь в подоконник,

В стёклах плачется.
Осень хмурая гонит
Лето-падчерицу.

Воет
Ветер у окон
Злой волчицею.
Что ж мне так одиноко?
Что ж не спится мне?

* * *

Небо закутано тучами.
Дождь день-деньской моросит.
В будке под ивой плакучею
Слёзно собака скулит.

Кот не играется с мячиком,
Грустный сидит у стола.
Стылая печка – как мачеха:
Нет в её сердце тепла.

Мысли ползут невесёлые.
Хочется в лето. Назад.
Рифмы, как веточки голые,
Мокрые в строфах висят.

Музыка
осенней листвы

Ты в час условленный не вышла.
Сон это или наяву:
Когда я ждал тебя и слышал,
Как листья падали в траву.

Они, как музыка, звучали
В ночной осенней тишине.
Они кружили вальс прощальный,
И был он светлым и печальным
Воспоминаньем о весне.
О том, чего уже не будет
У этих листьев никогда.
Из ярких праздников и буден
Они уходят навсегда

Туда, откуда нет возврата.
Где нет ни солнца, ни травы.
А я приду сюда и завтра,
Послушать музыку листвы.

Нежданный визит

«Чего тебе надобно, старче?»
А.С. Пушкин

Явилась внезапно, без стука.
Калитку открыла клюкой.
Мою благородную руку
Пожала костлявой рукой.
Сняла старомодную шляпу.
Мой пёс на неё не рычал,
Напротив, – подал свою лапу,
Как будто давно уже знал.

– Чего тебе надобно, Старость,
В моём опустевшем саду?
Ты сеешь печаль и усталость,
А я только молодость жду.
Она, моя юная фея,
Осталась на том берегу,
Где счастливы были мы с нею
На райском зелёном лугу.
Где вместе встречали рассветы
И первую в небе звезду.
Неужто всё кануло в Лету?
Неужто напрасно я жду?

– Наивный! – прошамкала Старость. –
Но свята ль наивность твоя?!
Та фея с тобой не рассталась.
Вглядись, ведь она – это Я,
Идущая рядом с тобою,
Как тень, не смыкая очей.
А ты, став заметной звездою,
Давно заболел слепотою
От пагубных славы лучей.
И ждёшь молодую красотку
С увядшим букетом в руке…
Наивный, садись в мою лодку,
Я знаю, есть путь не короткий
К Закату по тихой реке.
Встречать будем снова рассветы
И первую в небе звезду…
Ведь ты же мечтаешь об этом
В своём опустевшем саду?
Люблю я тебя, как ни странно
Твердить это в наши лета.
Очнись! Отрезвись от дурмана!
Да сгинет твоя слепота!
Проснулся в поту я холодном.
Моя молодая жена
В ночной рубашонке немодной
Стояла бледна у окна.

Последние звёзды тускнели.
Луч солнца дрожал на кольце…
Вчера мы на конкурсе пели
На сцене в районном дворце.
Меня там «звездою» назвали.
Был счастлив, купался в цветах.
Поклонницы зацеловали,
Домой отнесли на руках…
И надо ж приснитья такому
Жену поспешил я обнять
- А знаешь? – сказал я ей, – Тома,
Давай будем петь только дома
И певчих детишек рожать.

* * *

Октябрь, как радуга, расцвечен.
Везде, куда ни кинешь взгляд,
Берёз торжественные свечи
Прощальным золотом горят.

С минутой каждой лес редеет,
Местами высвечен насквозь.
И в наготе стыдливо рдеет
Рябины девственная гроздь.

* * *

Когда идёт осенний дождь,
Душа подвержена унынию.
Сдаётся, – рвётся жизни линия,
Когда идёт осенний дождь.

Когда идёт осенний дождь,
Сильнее чувство одиночества.
Во все желанные пророчества
Невольно верить очень хочется,
Когда идёт осенний дождь.

Когда идёт осенний дождь,
Яснее голос твой мне чудится.
Холодный дом,
Пустынна улица.
Гадаю:
«Сбудется – не сбудется?»,
Когда идёт осенний дождь.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

Стихи из книги «ВЕТЕР ВРЕМЕНИ»

Думы в ненастную осень

Холод от речки – погоды не стало;
Дымка туманная над краснoталом.
В поймах застылых и дальше, над пашней,
День затерялся погожий – вчерашний.
И подступила промозглая сырость.
Время московское остановилось.
Замерло в этом предзимнем безбрежье –
Ни настоящее и ни прежнее.
Прежнее солнцем в полях растворилось,
Новое время не проявилось.
Словно бы замерло где – то
В нашей обжитой людьми глухомани.

Люди без времени! Люди без времени!
Люди остались без рода и племени!
Люди в безбрежье, повитом туманами,
Мы же родились совсем не Иванами,
Не помнящими родства!
Но на обломках Российской империи
Ржавчиной нас разъедало безверие –
Вечный закон естества.
Вот она, родина: луг за прогонами;
Брат в гимнастёрке солдатской с погонами:
Вместе с отцом – косари.
Брат на Донбассе – старшой, он в забое;
Я – самый младший, под городьбою
Лажу с утра кубари.

Вот она, родина: пасека дедова,
Я по закону её унаследовал, -
Память и об отце.
Тачка, лопаты для торфа и тяпки;
Мать отстиралась, развешала тряпки,
Моет полы на крыльце.
Куры копаются возле завалинки,
Тут же на солнышке сушатся валенки;
Мать позвала – я бегу…

Страшно остаться без рода и племени!..
Время – во мне!
Жить без рода и времени
Попросту не смогу.

Леонарду Золотарёву

Небо августа в свежей синьке,
Красный колер навёл восток.
А деревня моя Васильевка
Смотрит окнами на исток.

Слышит Неручь за огородами,
За холмом от неё Ока –
И с победами и невзгодами
Они рядом идут века.

Слева – поле и справа – поле,
Добрый свет от ракит и берёз.
Край срединных родных раздолий,
Стал ты беден и безголос.

Не звенят за деревней косы,
По лугам ковыль да полынь.
Лишь над улицей безголосой,
Как и прежде, сплошная синь.

Через годы, как через поле,
Нас к Европе всех увели.
Зарастают тропинки к школе,
Не хватает места для боли
На просторах родной земли.

Что – то выдумает столица?
Но в кругу поминальных свеч
Ещё вижу я русские лица,
Ещё слышу родную речь.

Боль

Полынный ветер по полям
И стаями над лугом птицы.
С печалью радость пополам
У земляков моих на лицах.

Что хорошо – то хорошо:
В садах и огородах пусто;
Вчера холодный дождь прошёл,
Он умывал одну капусту.

Казалось бы, а что теперь?
Сиди и ковыряй занозы,
А европейской моды дверь
Прищемит русскому Морозу…

Веди заботам зимний счёт…
Но земляки мои не рады:

В Донбассе голосят в причёт,
Проклятья шлют Верховной Раде –
За смерти, за сожжённый кров,
Там днём и ночью рвутся мины,
Рекой течёт людская кровь
В домах Радяньской Украины.

Европы – хищницы экран
Грозит Москве войной холодной
Из тех же европейских стран,
Уже бывавших в преисподней.

Они ломились напролом
К святыням нашим в ярой злости;
Под Курском, Киевом, Орлом
Их всё ещё белеют кости.

Врагов мы помним имена,
Их внукам надо быть позрячей,
Чтобы холодная война
Не стала бы опять горячей.

Но им приказ уже был дан,
Составлены на бойню сметы.
Огнём пылающий Майдан
Примеривал бронежилеты.

Не рады земляки вестям:
Расхристанные изуверы
Идут с Майдана по костям
Слепых соратников Бандеры.

Фашистских свастик чёрный цвет,
Дымят не заводские трубы –
Горят дома: и мира нет;
И смерть ощерилась трезубо.

И весь Юго – Восток в огне,
Как нерв натянутый, граница…
Пишу – а боль огнём во мне,
И боль у земляков на лицах:
Войну там знает каждый класс,
Там дети повзрослеют рано…
Юго –Восток, родной Донбасс,
Ты наша боль, ты наша рана
Кровоточащая!..

* * *

Тополя у околицы в ровном строю,
Расстилается синь поднебесная.

Я с весной на просторе в обнимку стою,
Словно в ЗАГСе районном с невестою.

Ухнут льдины на речке – салют молодым,
И ручьи нам поют величальные песни.
А в деревне сбежались к дороге сады –
Поглазейте на нас, если вам интересно!

Солнце – сверху!
И к солнцу доверие есть:
Обогреет жильё и просушит дорожку.
Слышу: это на радостях, в нашу же честь,
Рвёт Валерка за речкой гармошку.

Открываются дали, как двери жилья,
Земляков моих верных улыбчивы лица.
И стоит красной девкой невеста моя,
Что нельзя в неё всем не влюбиться.

* * *

Даль степная – без конца и края,
Распахнулась русская душа!
Солнце с ветром весело играют,
Тихо – тихо в клевере шурша.

Облака пушистые над полем,
Словно одуванчики пылят.
Перепёлка привела к дороге
Целый выводок своих цыплят.

Ёкнули сердечки у цыпляток -
Испугал их мирный человек.
На планете, войнами объятой,
Много крови и короче век.

Памятью на картах для Европы
Остаются кладбища вояк;
За дорогой – от войны окопы,
Только дух реванша не иссяк…

Гляну в небо: ни конца, ни края,
Всё туда же облака спешат;
И всё так же, молодо играя,
Солнце с ветром в клевере шуршат.

Врассыпную серые комочки
С мамой – перепёлкой по жнивью…
Для живых всегда – и днём, и ночью –
Счастье видеть родину свою.

Певцы

Распевает синица на лесенке,
Листья падают на порог.
А жена моя тоже с песенкой –
Выпекает внучке пирог.

Замирая, их песни слушая:
Распевает моя родня!
Для меня это самое лучшее
В тёплом свете осеннего дня.

И не жизнь у меня – житуха!
Так не каждый может суметь:
Слов не зная, ни капли слуха,
Вместе с ними сидеть и петь.

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

ЛИРИКА

Старый колодец

Касаюсь сруба – сердце сжалось…
И память всполохом зарниц.
Здесь всё когда-то начиналось
С ковша у дедовских криниц.
Колодцы рыл мой дед, гордился -
Отсюда род – изба к избе,
Чтоб сын и внук навек селился,
И стар, и мал – судьба к судьбе.
Здесь вволю пелось, горевалось,
Имело всё глубокий смысл.
Здесь солнце с радугой венчалось
Над звонким древом коромысл.
Полынь у старого колодца.
Скрипучий ворот, сруб-труха.
Как горько – больше не поётся
И не гуляется в лугах.

Гостомль

Места лесковские. Гостомля, перелески.
Простор полей и тихий шум дубрав.
Как будто храмов обветшалых фрески,
Разбросаны селенья тут и там.
Здесь дух особый. Грезится немало.

И столько благодати для души.
Мелькнут глаза живые Селивана,
В толпе – улыбка кроткая Левши.
И всюду жизнь – ребячья вьётся поросль.
Брожу в полях по золотой стерне…
Живу надеждой – не иссякла совесть
Лесковских странников на праведной земле.

Родники

В черёмухе, цветущей вдоль реки,
Из-под горы, на дне сырых оврагов
Живут поющие лесные родники
В купелях, отороченных корягой.
Неповторимы их, призывны голоса
В напевах леса, дивном общем хоре,
Где все равны – и дрозд, и стрекоза-
Поёт родник о небесах и воле.
Как вера, чист, целебен, как любовь,
Как сон живителен… Из недр земли струится…
Здесь путник спешится, и станет смирно конь
Испить воды – как Богу поклониться.

Старушка

Старушка стоит у развилки дорог,
Со спелою вишней корзинка у ног.
Недорого просит с проезжих людей,
На хлеб бы хватило на несколько дней.
Да мимо машины. Старухи глаза
Печально глядят, как со стен образа.
И кажется, будто забыта издревле
В той старой печальнице наша деревня.

Без пристанища

Доски цепкой паучьей хваткой
Обезличили окна домов.
И крапивная злая заплатка
Заткала все тропинки дворов.
А когда-то здесь полнился счастьем
Развесёлый пастух Акимок.
В кузне жаркой умелец Гараська
Лил Жар-птицу на чей-то конёк.
В Духов день серебрилася звоном
Колокольня на все голоса.
И к трофейному аккордеону
Собиралась деревня плясать.
Только видно, не всё стало впору,
Не срослось, не слюбилося всласть.
От порога да в каменный город

Увела безысходность, напасть.
И, как отзвук холодного страха,
Зачернело в полях вороньё.
Для души дом порушенный – плаха…
Без пристанища сердце моё.

Если вернёшься…

Зорькой рассветной, в закатную ль пору
Трактом ли, тропкой в бору
Выйдешь однажды к заветному полю,
К дому на вечном ветру.
Скрипнешь калиткой, вздохнешь у рябины,
Лавку протрёшь рукавом.
Ластиться будет собака у тына:
Вспомнила, знать, о былом.
Дом оглядишь. Вот замшелая крыша,
С дряхлой ступенькой крыльцо.
Ласточек посвист нежданно услышишь
И запрокинешь лицо.
Там твои птицы и прыть молодая,
Синь и бездонная высь.
Матушка выйдет в калошах, седая –
Ей ты за всех поклонись.

* * *

Сохрани «на случай» душу –
вдруг да счастьем прорастёт.
В век ненастный, невезучий
злобность вытает, как лёд.
Прилетит удача-птица,
слово вымолвишь едва,
чтоб в горстях твоих напиться.
Свет прольётся на дома.
Вдруг иссякнет гнёт бездушья
и на совести дыра.
Сохрани «на случай» душу
для Вселенского добра.

* * *

Душа повзрослела: не трогают страхи,
Ночные погосты, в глуши упыри,
Ни чёрные кошки, ни мрачные маги,
Острее лишь чувствуешь близость земли,
Росты обновленья и времени сети,
Что сотканы крепкой и мудрой рукой.
И то, что пугаются малые дети,
Лишь грусть навевает. И вечный покой
Уже не страшит… Тревожит забвенье.
Вдруг чувствуешь: мало отпущено сил.

Душа повзрослела… И кстати прозренье:
День каждый – подарок, поэтому мил…

* * *

Счастливым слишком быть нельзя –
Мы – на земле, не в кущах рая,
И сходу пешкой брать ферзя
Нам не дано всегда, играя.

А к бочке мёда, чья вина,
Найдётся ложка дегтя всё же,
И чем прекраснее жена,
Желанней тем чужое ложе.

Себя порою обольстим
Мы счастьем, жизнью безмятежной,
Нас не замедлит навестить
Укол судьбы печалью снежной.

Горстями радости, как соль,
Безменом взвесят нам лукаво,
Разбавят смех, любовь и боль,
Как неразумным детям, – равно.

Время

Ах, время, не лети, не надо,
Постой берёзкой без ограды,
Не рассыпай в горстях мгновенья…
Ещё вчера цвело сиренью,
Ещё вчера цвело вишнёво…
Я только ощутила слово…
Твоей цены не знала, злата
Секунд твоих… А ты крылато…
Что толку в жизни многолетней,
Хочу я жить, как в час последний.
Не ты ль меня зарёй венчало -
Не удержать твоё начало…
А может ты неуловимо?
Как эти листья – мимо… мимо…

Горькая сентенция

Не докучать чужими бедами
своей душе – большой ли грех?
Душа печалей не изведает
среди покоя и утех.
И на цветочном подоконнике,
в пыли заброшенных квартир,
гадать ей о Любви на соннике
средь сонных мух в шуршанье крыл.

Натали

Жемчуга вокруг шеи,
лебяжий изгиб,
Взгляд лучистый…
Не вы ль, Натали,
Поворотом головки,
улыбкой смогли б
Осчастливить?
Не вы ли цвели,
Как цветок полевой,
вы, Пальмира любви,
Затмевая
вельможный салон?
Ножкой стройной, походкой
не вы ли свели
Всех с ума?
Не ваш фаэтон
Муз крылатых собрал
всех пространств и времён?
И не к вам ли
Ваш Гений писал,
И соперник его,
Солнца бог – Аполлон,
Над строкою безумной
вздыхал.

* * *

Не печалься, мой хороший:
видно, нам не по пути.
И подснежник средь пороши
нам с тобой уж не найти.
Отыскать бы месяц ранний,
что за речкой в ивняке.
От несбывшихся желаний
заросла тропа к реке.
Чей запрет? Какое чудо?
Заговорная ль трава?
Но любовь из ни откуда
возвратилась в никуда.
Нет и трелей соловьиных –
птаха вывела птенцов.
Лишь в душе твоей ранимой
память с девичьим лицом.

* * *

Не просила подаянье,
Тихой нищенкой склонясь,
За измены оправданье
Не ждала, печалясь всласть.

И потерянное счастье,
Как червонное кольцо,
Не искала в дни ненастья,
В траур кутая лицо.
Берегла да обронила
Все мечты…в какой рассвет?
С той поры душа ранима
Столько зим и столько лет.

Старое фото

Старое фото.
В сердце – испуг.
Бархатный взгляд.
Очерченность губ.
Милый наклон,
поворот головы.
Дерзкий подарок
лукавой судьбы.
Пусть не сложилось тогда,
не сбылось.
Землю спасла
потёртая ось.
Не взорвалось
круженье планет.
Время бродило
зигзагами лет.
Старое фото –
вновь встреча с тобой,
Грешный любимый
и всё же…родной.

«Давай, земля, немножко отдохнем от важных дел…»

Н.Рубцов

Давай остепенимся,
отдохнём,
Листая памяти
забытые страницы.
Ты помнишь лес
и землянику в нём,
И трепетно
дрожащие ресницы.
Сквозь трели птиц
пролился дождь с небес,
И солнце радужно
играло в бликах.
Струился свежестью
и чистотою лес…
А волосы так пахли
земляникой.

Ночное купание

Где спят зелёные стрекозы
и голубой чертополох,
Где на протоках шепчут лозы
и каждый в серебре листок,
Там летней ночи наважденье –
дурманный липовый настой,
Волос распущенных свеченье
над тёмной глянцевой водой.
Там тела юного мерцанье,
сверчков прибрежных сонный треск,
И тины бархатной касанье,
испуг, восторг и тихий всплеск…
Проглянет утро. Луч рассветный
осветит розовый восток,
Сорочку мокрую на ветках
и незабудки стебелёк.

* * *

В осенний листопад
мы – журавли вдали,
И чувства хрусткие,
как лист заиндевелый,
Зимою – снегопад
в дыханье зябком, белом,
И веткой сломанной
душа в тоске болит.
Но обольщённые
напыщенным величьем,
Природы милость
не желаем знать,
И посему нам
не дано понять
Язык ветров и птиц.
И в этом нищи,
Безродны на земле…
Чего мы ищем?

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ
Курск

ТАЙНЫЕ СМЫСЛЫ ЖИЗНИ

В московском издательстве «Столица» вышел новый сборник стихов известного русского поэта, нашего земляка Алексея Шитикова «Радуга над сердцем».

Эта книга вместила в себя гораздо больше, чем стихи. Тут главное – дух, совесть, свет добра, «первоцветность» чувств, сопереживание, целомудрие. Потому что в этих оттенках человеческой сути зашифрованы тайные знаки смысла всей нашей жизни.

Владимир Кулагин. Из «Курской правды».

О женщинах

Пустые женщины Европы,
Долг материнский свой поправ,
На туристические тропы
Пустились в поисках забав.
Они такие феминистки,
Что им ни дети не нужны,
Ни постоянные прописки.
Рядясь в штормовки да штаны,
Туристки эти всюду бродят –
Средь гор, лесов, лугов, полей –
И не мужей с собою водят,
А всяких разных кобелей –
Четвероногих и двуногих..

Как пуст блудниц земной проход:
Под ними нет корней глубоких,
Над ними нет святых высот.
Отпутешествуют до срока –
И одиноко в мир иной
Уйдут…

А женщины Востока
И Юга полнят детворой
Свои миры и мир Европы,
Да и в Америке цветут
Младенцев личики и попы
Не кое – где, а там и тут.
И этим счастьем материнским
Так любо жёнам освещать
Сердца мужей!
Поклоном низким,
Недаром хочется встречать
Их даже мне, хоть я далёко
Во всяких смыслах нахожусь
От женщин Юга и Востока,-
Мне подарила радость Русь
Такую, что сдержать восторга
Я не могу, любовь ценя:
Всех женщин Юга и Востока
Она затмила для меня!

О смерти

Смерть никого не миновала –
Хотя ведёт свой счёт порой

С ужасной помощью людской –
Одних в гробы упаковала,
Других развеяла золой.
А тех, что тайно пропадали,
Не провожали по – мирски:
Бог весть – акулы их глотали
Иль звери рвали на куски, –
Их кости, может, в скальных нишах
Поныне святятся во мгле…
И никого из прежде живших
Не миновала на земле
Та роковая доля – участь,
Что скорбно смертью мы зовём…

Не знаю, как – легко иль мучась?
Не знаю – ночью или днём?
Не знаю, где – на поле брани
Иль на больничной простыне
Меня закрутит в рог бараний? –
Но знаю: близится ко мне.
И знаю: в строчках послесловий –
Ни в первых и ни во вторых –
Оговорить нельзя условий
С ней никогда и никаких…

Монолог вольного пса

Я – вольный пёс!
А вы меня в ошейник
И в будку норовите затолкнуть.
Я – вольный пёс!
Характер мой – отшельник,
Но он меня не тяготит ничуть.

Оставьте мне моё, как говорится,
Не принуждайте в ход пускать клыки.
Я – вольный пёс,
Не двор моя светлица,
А степь, луга, приречья и лески!

Пусть не всегда мне пища достаётся,
На дармовую не позарюсь кость.
Я – вольный пёс,
Я радуюсь, что солнце
Во мне не вырабатывает злость!

А ваша цепь на рык меня поднимет –
И за объедки с вашего стола
Я должен буду брёхами своими
Пугать людей –
Позорные дела

Хотите вы мне в жизни предоставить…
Капканы расставляя на меня,
Как вы ни маскируйте их, а я ведь
Не слеп: видна любая западня.
Свою мечту вы не водите за нос,
Моей свободе припасая мот.
Я – вольный пёс!
И таковым останусь,
Покуда смерть меня не приберёт…
Но вот пока ещё имею силы,
Пока простор и волю зрит мой взор,
Чихать на ваши мне дворцы и виллы –
Позорно чей – то охранять забор
Угрозным басом иль стервозным визгом
За бутор иль похлёбку из костей:
Я от рожденья не приучен к мискам,
И не приучен важных я гостей
Встречать хвостом виляющим.
Пусть рады
Им будут шавки…
А моя в лесу
И в поле доля –
Все цепи и канаты
Во имя воли я перегрызу!..

Как вот ребёночку русскому…

Как вот ребёночку русскому
Русский язык изучать? –
Папа склоняет к французскому,
Мама английский опять
Рекомендует настойчиво…
Скука в мальчишьих глазах.
В рот побросает он кой – чего
И, нагорбатив рюкзак,
Топает в школу. А школа – то
Плохо ведь стала беречь
Самое главное золото –
Отчую русскую речь.
Ибо не только столичные
Загнаны школы в тупик:
Все уже – многоязычные,
Только вот русский язык
С литературой смещаются
С прежних вершин до низин…

Трём языкам обучается –
Будет ли знать хоть один
В будущем по – настоящему,
С той глубиной корневой,

Что не позволит во всячину
Всякую речи родной
Падать при устном общении
С кем –то иль при письме?..

Как при таком вот учении
Сможет мальчишка в уме
Сосредоточить внимание
И на природе живой,
И на глубинном познании
Речи – народной, родной?

С лирическим героем

Я был на лирику настроен
Прекрасным утром ноября,
Шагал с лирическим героем
Заре навстречу, говоря
С ним, как с реальным человеком,
О красоте родной земли.
О том, что с двадцать первым веком
Мы всё же встретились, хоть шли
По тропам и по бездорожьям,
Ведя Пегаса в поводу,
Страшась цензурного острожья,
С которым были не в ладу…

- Всё – позади, хоть не забыто…
Теперь, лирический герой,
Забудь пегасовы копыта
Моей поэзии – строкой
Лучистой время в поднебесье
Взлетать не только лишь над весью
Родной, где были рождены, –
Нужны мне небеса Страны!..
- Ого! – тебе над отчей поймой
Простора мало – дай Страну!..-
Так стал лирический герой мой
Снижать небесную волну
Благих мечтаний – и добился
Того, чтоб ум горячий мой
И охладился, и спустился
На землю с выси заревой…
Земля родимая сияла:
Морозец лужи остеклил,
На все берёзы покрывала
Накинул иней – серебрил
И золотил он их раскраски
Ещё и кистью заревой.
Бродя в волшебной этой сказке,
Спросил лирический герой:

- Ужель ты думаешь, что света
С приходом всех грядущих дней
Найдётся больше для поэта
Вдали от родины своей?
А не пора ли нам запомнить,
Что лишь земля и небеса
Родные – свято могут полнить
Глубинной радостью сердца!..

Богомолка

Следил за нею долго-долго:
Снуя в ветвистой высоте,
Учила пташка – богомолка
Меня молиться красоте.
Быть может – лишь ловила мошек
И собирала червячков,
Но мне казалось: ниже ножек
Она всё кланялась молчком
И синеве небесной выси,
И майской зелени земной,
И мне, поскольку был зависим
И от меня её покой…

«Меня не бойся, богомолка, –
Молил я мысленно её,-
Ведь я тобой любуюсь только,
В руке – бинокль, не остриё
Стрелы иль камень для рогатки.
Мне с детских лет внушила мать

То, что «природные порядки
Нигде не надо нарушать –
Господь накажет!..»

И пташка – крошка,
Моих надежд не обманув,
Ещё приблизилась немножко,
На ветку нижнюю спорхнув,
И я почувствовал при этом,
Как вся от высей и до дна
Её молитвами и светом
Душа моя озарена!

ЛЕВ КОТЮКОВ
г. Пушкин, Подмосковье

В СУМЕРКАХ НЕБОЖИТЕЛЯ

2001-й год от Рождества Христова

Время земного ада
Движется сквозь себя,
Медленней снегопада
И быстрее дождя.
Сгинуло всё, что будет
В мороке правды-лжи.
Нелюди, будто люди,
Точат о снег ножи.
Что ж ты себя не помнишь,
Словно последний ноль?!
В центре безумных скопищ
В сердце тая любовь.
Полночью снегопадной
Правды не помнит ложь
Что ж ты, мой друг неладный?!..
Что ж ты хватаешь нож?!
Сгинуло всё, что будет
Снежная тьма в саду.
Нелюди, будто люди
Гибнут в земном аду.
Медленней снегопада
И быстрее дождя,
Время земного ада
Падает сквозь тебя.
В дальних садах светает.
Ад не вмещает всех.
Тает, как солнце тает,
Падая, вечный снег.

Свободные строки

Когда парадом грезили планеты,
Когда свободой грезили уроды,
Я весел был, как бывший друг поэтов,
Я честен был, как лучший враг народа.
И забывая сны Армагеддона,
И вспоминая башни Вавилона,
В очередях за водкой по талонам
Я не стоял, дыша одеколоном.
Я чёрным ходом шёл куда не надо, -
И в белом весь обратно возвращался,
И следовал за мною призрак ада,
Но где-то в подворотне потерялся.
А, может быть, пристроился на время

В оркестре ненародных инструментов.
А я подвёл учителя – еврея –
И до сих пор не стал интеллигентом.
Я мрачен стал, как бывший друг народа,
Я стал угрюм, как злейший враг поэтов.
Но Божья невозможная свобода
Во мне, как ад – на свете том и этом.

В сумерках небожителей

1

Где ты, душа безумная?! Стынет сирень в крови.
Сумерки полнолуния в тайных садах любви.
Тихо сады незримые в дальнюю ночь плывут.
Где ты, душа без имени?! Слышишь – в садах поют.
Где ты, моя счастливая?! Дышит сирень в лицо.
И у скамьи под сливами стынет в траве кольцо.
Сумерки небожителей в тайных садах Земли.
Морок обворожительный в тёмных глазах змеи.
Морок обворожительный. Гибнет душа в душе.
В сумерках небожителей нам не спастись уже.
С вечной тоской спасения ты навсегда во мне.
С тайною Воскресения меркнут сады во тьме.
Сумерки новолуния. Светом владеет тень.
Где ты, душа безумная?! Где ты, моя сирень?!

2

Тайные сроки минули. Кровь озарила тьму.
Заросли журавлиные – там, за рекой, в дыму.
Вечная тайна света – там, за незримой тьмой.
Там – все почти бессмертны. Там – я почти живой.
В белой ночи летящей прах неземных садов.
Пепел листвы горящей, эхо погибших слов.
Сумерки небожителей в тайных садах земли.
Оторопь тайнозрителей. Морок в глазах змеи.
Морок обворожительный. Вечный незримый свет
В сумерках небожителей время сошло на нет.
Там, где следы босые в росной траве дрожат,
Там, где слова живые мне преддоверил сад.
Сгинуло время адово! Тьму озарила кровь.
Заново всё неведомо. Кто ты, моя любовь?!

3

Минули сроки верные. Стынет в крови сирень.
Где вы, слова бессмертные?! Светом владеет тень.
Но без любви бессильна тяжкая тайна тьмы.
Где ты, моя красивая?! Где-то сойдёмся мы.
Сферы небес вращаются. Движется сад планет.
Музыка обращается в душах – в эфирный свет.
Сумерки небожителей в тайных садах Земли.
Морок уничтожительный в стылых глазах змеи.

Призраки прародителей. В росах змеиный взгляд.
В сумерках небожителей нет нам пути назад.
Где ты, дорога лунная?! Тьму озарила кровь.
Кто ты, душа безумная?! Где ты, моя любовь?!
В сумерках за сиренями, за незримою тьмой –
Всё навсегда потеряно, всё навсегда со мной.

* * *

Мы гибнем без любви, самим себе не веря,
И множатся нули в безлунье про запас
Мы – камни под водой. Нас обтекает время,
Единое в себе – и до, и после нас.
И времени до нас, ей Богу, нету дела!
Оно само не знает свой предел
И мается душа в живой могиле тела,
И топчется душа в потёмках не у дел
Мы гибнем без любви! Мы без возврата гибнем!..
И шепчут наши сны чужие имена
Но чудится душе поток, встающий дыбом,
От множества камней, всплывающих со дна.

Классическое

Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу –
И звезда с звездою говорит.
Где-то жизнь… А здесь совсем другое.
И слова пустые давят грудь:
«Уж не жду от жизни ничего я –
И не жаль мне прошлого ничуть».
Где-то жизнь… А здесь дыра сквозная.
Да звезда над домом ледяным.
И никто души своей не знает, -
Все пройдёт, как с белых яблонь дым.
Но летит на Север солнце Юга,
Но, как прежде, полон сад Луной.
Мы ещё откроемся друг другу
В этой жизни, а потом в иной.
Эта жизнь без нас не повторится,
И любовь избудет вечный страх.
И Луна навеки раздвоится
В океанских чёрных зеркалах.
Я бы мог, наверно, жить иначе,
Но никто меня не повторит.
Не жалею, не зову, не плачу, -
Пусть звезда с звездою говорит.

Долги

Кто там с миром не справился?!
Кто там плачется слабою тенью?!
Здесь любовь – и неравенство,
И прощенье навек, как забвенье.
И враги и друзья
Убывают в пространства иные.
За предел Бытия,
Где сбываются сны неземные.
Чей там голос умолк
Навсегда за дождями, снегами?!
Что ни слово – то долг!
Этот мир переполнен долгами.
Но друзья и враги
Забывают земные печали.
Я прощаю долги,
Чтоб меня никогда не прощали.

Отсутствие

И осыпался высохший мел
С потолка на тяжёлую скатерть.
И без нас невзначай прошумел
Дождь в саду на закате.
И закат в тёмных травах погас,
И в окно тихо торкнулась ветка.
И без нас умерла в этот час
В дальнем доме соседка.
И без нас листобой пролетел.
Жизнь не стала Судьбою.
И осыпался полночью мел
На лицо гробовое.
И навеки в незримых мирах
Всё без нас совершилось.
И без нас наша жизнь в зеркалах
Навсегда отразилась.

Древо жизни

Я слышу на девятом этаже –
О чём-то шепчет дерево душе.
Оно со страхом смотрит в высоту,
Где молнии сгорают налету.
Всё ниже, всё темнее небосвод –
И молния в вершину древа бьёт.
Поток огня, пронзая ствол живой,
В земле клокочет плотью грозовой.
Дрожит Земля – и корни тяжело
Вбирают смертоносное тепло.
И древо жизни, полное огня,
С высот незримых смотрит на меня.

И я без страха в неземном краю
В час грозовой под деревом стою.

* * *

Я жизнь свою в потёмках проглядел.
Мне надоело быть самим собою!
Но обозначен вечности предел
По лику Бездны круговой чертою.
Но под напором обречённых сил
Лик Бездны безобразно раздвоился.
И дрогнул, сокрушился бег светил,
Но я, увы, с собою не смирился.
И чудится: в кругу цепных собак
Бездомный, заполошенный котёнок.
И чудится: смирившись кое-как,
Вот-вот себя увижу из потёмок.

На веранде

Мы – смертники Земли – и никого за нами!
И впереди безумие в ночи.
И бабочка крылом сбивает пламя
Последней догорающей свечи.
Мы – смертники земли! Нам ничего не надо!
Мы вечность извлекли из пустоты
И надо выйти в сад с прокуренной веранды –
И пепельницу вытряхнуть в цветы.
В стеклянной полутьме всё резче очертанья.
Погаснувшей свече вовек не догореть.
Мы – смертники Земли! И нет нам оправданья!
И оправданья нет Земле, презревшей смерть!

АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА

ТРУБА ИЗ БОЖЬЕГО ОРГАНА

* * *

Не успеваю вовремя поднять
Себя – с постели и глаза – навстречу;
Не успеваю ни расправить плечи,
Ни набросать в уме порядок дня.

Не успеваю удержать друзей –
Влюбиться – оправдаться – рассмеяться;

Не успеваю ни отведать яства –
Куда там! – даже просто поглазеть.

Не успеваю непрестанный страх
Преодолеть; чем далее, тем хуже:
Не успеваю вечером на ужин,
Из дома выйдя в семь часов утра!

Не успеваю закрепить успех,
Достигнутый случайными словами;
Не успеваю все; не успеваю
Всё, что на свете можно не успеть.

Не успеваю потереть ушиб,
Не успеваю выбраться из ванной…
А что поделать, если гость незваный
Пришел не впору и сказал: «Пиши»?

* * *

Звени, моё сердце, от долгой разлуки
Не с милым, но с миром – возьмите назад!
Звенят мои жилы, звенят мои руки,
Звенят от натуги, порваться грозят!

Ходячий звонок, небывалый в природе,
Для каждого слуха, у каждых дверей;
Не пёс это воет, а тень моя бродит
Меж запертых окон в холодном дворе.

Иной раз кидают улыбки, остроты,
Подарки – ужимки – подачки – гроши…
Откройте – откройте – откройте – откройте!
Безумная просьба бездомной души.

Бродить и бродить сумасшедшим трамваем
Не сутки – не час – не неделю – не две;
Но не открывают, но не открывают
Ни окна – ни душу – ни сердце – ни дверь.

Как видно, пристало – клеймом и присягой
На этой земле, где спасения нет,
Пока батарейки не сядут – не сядут,
Звенеть – и звенеть – и звенеть – и звенеть…

* * *

Стереги меня, Смерть, потому что хочу устеречься
От забвенья, повтора и моря, где тонет ковчег.
Потому что хочу не успеть ни поступком, ни речью
Подчиниться тому, что возникло до строк и до черт.

Стереги меня, Бог, потому что хотя и безбожно,
Но без доли твоей не хочу ни хрипеть, ни дышать.
Стереги меня, боль, потому что душа моя – ножны,
А без доброго лезвия ножны – пустая душа.

Стереги меня, страх, потому что иначе смеяться
Разучусь и дерзать перестану; спаси меня, страх!
Стереги меня, страсть. Говорят, и тряпичным паяцам
Ты для смерти даруешь высокое чудо костра.

Стереги меня, рать искушений, без коих бороться
Будет не с чем, и грошик базарный – цена чистоте;
Стереги меня, враг, ибо можешь во мне инородца
Всё ещё различить на земле притяжений и тел.

Для усталых небес, чей закон запылён и нечитан –
Все мелодии тела. Но если душа устаёт –
Стереги меня, Бес! Потому что иную защиту
Отрицает бессовестно жадное сердце моё.

Счастье

Опять на месте: на пределе.
Там, где положено: на дне.
Семь понедельников в неделю
По части несчастливых дней.

Приметы прошлого роскошны:
Был домовой, и тот зачах;
Все силуэты встречных кошек
Не серы даже по ночам.

Приметы в будущем бесценны:
Наряд с оборванной каймой,
Из десяти бокалов целых
Один разбитый - будет мой.
Слаба грешить, сильна в расплате,
Горю в огне, тону в воде.
Я даже свадебное платье
Разорвала бы, не надев.

Чего ещё? Какого знака?
Какого камня на тропе?
Но есть же сердце - чтобы плакать.
И даже горло, чтобы петь.

* * *

Тот дом, в котором нет ни звонка, ни стука,
В котором лестница есть, но нет этажей,
Тот дом, в котором даже скука - не скука,
Который - вот только сегодня! - построил Джек,

Тот дом, постучаться в который подстать великану,
Но где великану - негде даже стоять,
Тот дом, в котором в окошко кидают камни,
А нынче монету, как в море, кинула я,

Тот дом, в котором такое обилие света,
Что света не видно за стенкой солёных вод,
Тот дом, стоящий неведомо где, но где-то,
И явно не в двух кварталах от моего,

Тот дом, который дороги обходят мимо,
Как мимо обходит смена дней и недель,
Тот дом, стоящий на каждой дороге Рима,
Тот дом, как маяк, обращённый спиной к воде,

Тот дом, который сам себе - кот и сторож,
Тот дом, в котором делят сон, как еду, -
Единственный, может быть, в мире! - тот дом, в котором
Меня никогда, никогда, никогда не ждут.

* * *

Что сами захотите, то имейте!
Дорогой скатерть, щебень и паркет.
А я - струна на этом инструменте,
Натянутая жила на колке.

Во всём ином - сплошная непригодность,
Живая плоть о плоти вопиет -
А нам даётся голос. Только голос,
Чтоб не гадать - откуда нам сие.

Другим даны живые измеренья,
Где мерою за меру обретут,
А я - одно звено Твоей свирели,
Прижатое к невидимому рту.

Другим земля - от Рейна и до Ганга,
Труды морей, сокровища греха,
А я - труба из Божьего органа,
И мой закон - раздутые меха.

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

СТИХИ О РУССКОЙ ПРИРОДЕ

Огонёк в полусгнившей избёнке
Посреди потемневших полей...
А. Н. Апухтин

Среди холмов скитается река,
Шумят берёзы, локоны свивая;
Вдали петляет тропка полевая,
Взлетает шмель с поникшего цветка.

По мокрой глине горстками тепла
Плывёт закат, меня уже не грея;
Когда-то здесь была Гиперборея,
Но свой народ куда-то увела.

...Горька отныне летняя страда:
Пустых домов распахнуты глазницы,
Но далеко, как прежде, до столицы,
Молчит в колодце тёмная вода.

Село, село!.. Трава твоих лугов
Давным-давно не кошена, не мята,
Как будто снова за грехи расплата
Пришла на Русь из глубины веков.

* * *

И снова, снова я в дороге,
спешу на Северный Кавказ.
Ночные сумерки отлоги.
И не сомкнуть усталых глаз.

Всё тополя. Небесной льдиной
блестит простор, вагон креня,
и где-то дым – над Украиной,
так близко, близко от меня.

И снова, лучшего желая,
летит мятежная душа,
но Слово – истина живая –
почти не стоит ни гроша…

Всё ложь вокруг, как степь, бескрайна,
всё степь кругом – темна, лиха.
А где-то в небе, в небе – Тайна.
И поступь смертного греха.

* * *

Притупляются лучшие чувства,
замедляя Вселенскую ось…
Неужели любви и искусства
мне понять на Земле не пришлось?..

Крепнет злоба – всё глубже, всё ближе:
золотится дешёвая медь.
На одесские окна, афиши
невозможно без скорби глядеть.

Издевательства, пытки – рутина,
небо вздыблено дымкой рябой.
И линчует себя Украина,
как безумный техасский ковбой.

* * *

В августе травы сухие,
в августе глубже закат:
на перепутья лихие
первые листья летят.

Ярче дорожные грёзы:
тропки бегут к берегам,
но голубые стрекозы
реже садятся к ногам.

Небо дрожит наливное
в вечной своей высоте:
солнце – живое, иное –
льётся по млечной воде…

* * *

По сугробам февральских равнин
Уплывают лучей вереницы;
В старом доме скрипят половицы,
Словно ветви озябших рябин.

Гаснет солнце, танцует огонь,
Возносясь над поленцами бегло,
И остатки древесного пепла
У печи я сметаю в ладонь.

И мерцает звезда в темноте
За окном, прикасаясь к оградам,
Словно дед мне дымит самосадом:
«Времена наступили не те...»

* * *

Рябины гроздь кровоточит,
Немеют стылые ладони,
И я иду к поникшей кроне,
Стою среди надгробных плит...

Смотрю в полынь и лебеду,
В их роковые перелески,
Где тусклый свет роняют фрески
И сердце чувствует беду.

Скажите, фрески, мне о том,
Когда Россия возродится
И ввысь взлетит, как будто птица
С когда-то раненым крылом?..

Но фрески холодно молчат,
А я, мне кажется, их слышу:
«Когда любовь заполнит нишу
Небес, тогда спасёмся, брат...»

* * *

Искрятся капельки дождя,
Бросая брызги под навесом,
И я вдыхаю с интересом
Небесный шум в начале дня;
Струится в окна благодать –
Её я слышу, прозревая,
А в сердце струнка дождевая
Вшивает солнечную гладь:
Поток дождя – живой эфир,
Далёких странствий продолженье.
И я пишу стихотворенье
Как целый мир, как целый мир!..

МАРИНА КАРЛОВА,

Колпна, на Тихой Сосне

* * *

Я – слово, я – тысяча звуков.
Я – ветер, я – поле, вода!
Я – встреча, я – воля, разлука,
событий земных череда!

Ловлю я в пространстве эфира
тончайшую нить бытия.
Я – сердце, дыхание мира,
Я как рулевой, я – заря!

Меня не услышать – напрасно!
Меня не понять – суета!
Собою смыкаю все царства,
собою сжигаю дотла!

Я – плоть, я – мятежная сила…
Я – долгий полёт журавля!
Я в каждой заливистой лире,
Я в каждой слезе янтаря!

И в каждой блуждающей муке,
и в каждом листке сентябре…
Я – слово, творящие звуки,
сияние неба и дна!

Сентябрь 2007 года.

* * *

Умылось утро предрассветной влагой,
Зовёт петух неспешную зарю.
Зазеленела травка по оврагам,
И распускает лес листву свою.

Навстречу жизни отворяю двери,
С душой – котомкой встав наперевес.
Мне каждый день, как первый вздох мой дорог.
Прекрасен мир! Он – чудо из чудес!

Солнце встаёт над миром

Солнце встаёт над миром
Прочь разгоняя тьму.
В сердце проснулась лира –
Словом ласкаю зарю.

Здравствуй, могучее око –
Вечная сила огня!
В тело живительным током
Входит энергия дня.

Неба бездонная сладость!
Пью синеву всей душой!
Утреннюю усталость
Смою холодной росой.

Лес наполняется шумом,
Радость поют петухи.
Дымка, как вата над лугом,
Тает в объятьях зари.

Слышится звонкое эхо –
Вторит кукушки года…
Счастье – быть человеком!
Всё в этом мире не зря!

Учителю

Каждый день, как новая страница
и десятки беспокойных глаз,
и бессонница ночами в дверь стучится,
с поиском ответов, верных фраз.

Кажется, что всё уже умеешь,
но приходит новый день и что ж:
открываешь снова параллели
и по ним отверженно идёшь.

Мастерство рождается не сразу.
Опыт, как стремительная высь:
чтобы каждый день прошёл не даром,
каждый день на гору поднимись!

Удержись! И крылья для полёта
сам настрой и у своих птенцов.
Это не работа. Не работа…
Это жизнь. Спроси у мудрецов…

Каждый день, как новая страница,
с поиском ответов, верных фраз,
а ночами снова будут сниться
сотни юных, беспокойных глаз.

26 января 2010 г.

С. Есенину

Хорошо гулять по лужам
Под весёлый шум дождя!
Что тому, кто с песней дружен,
Путь – разлука, грусть – тоска!

Окрылённый, нараспашку,
Высоко вздымая грудь,
Он последнюю рубашку
Норовит с себя стянуть!

И овеянный свободой,
Лёгкой поступью щенка,
Растворяется в природе,
Уходя за облака.

Волос – спелая пшеница,
Руки – поле, синь – глаза…
Что тебе, Есенин, снится,
Золотая голова?

«Гой ты, Русь моя родная!
Хаты – в ризах образа…»
И от края и до края
Песня звонче, чем гроза!
2005 год

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ВИКТОР ГЮГО
Посвящается Теофилю Готье

Приветствую на суровом пороге могилы!
Правду ты уходишь искать, умея находить красоту.
Поднимаешься ввысь по порожкам, где были
Видны перекладины лестницы в пропасть чёрную ту.
Иди! Умирай! Час твой пробил, орёл!
С последней ступеньки, где бездну обрёл
Абсолют в этом мире реальном, тревожном.
Ты почувствуешь ветер зловещий, восхитишься провиденьем божьим.
Ты Олимп свой увидишь с высоты поднебесной,
Человеческую химеру узришь оттуда, где правда царит
И свою химеру, и химеру Гомера, где он творит,
Даже душу увидишь и самого бога Иегова. В атмосфере чудесной.
Поднимайся, сознание! Раскрывай свои крылья, пари.
Когда живущий покидает нас, я, взволнованный, созерцаю его.
Умереть – это как будто войти в божий храм.
Когда человек умирает, я вижу отчётливо не его самого,
А в его воскрешении своё восхождение, будто умираю я сам.
Друг, я чувствую на выходе полную темноту.
Вечером вижу в ней не бога войны, не грохот орудия,
А звёзды. Когда наступает умиротворение, уходя в пустоту,
Моя очень длинная нить короче становится, касаясь меча правосудия.
Ветер приподнимает и уносит меня,

И я иду вслед за теми, что, в изгнанье храня,
Так любили меня. Привлекает моё внимание взгляд с небосклона.
Я бегу туда. Не закрывайте мне дверь,
Вместе войдём мы туда, на небо, в царство закона.
Всё рушится, падает. Этот великий век, сияя,
Входит в огромную тень, куда мы убегаем из леса.
О! Как ужасен шум, сумраком ночи сшибая.
Это рубят дубы для костра, чтобы сжечь Геркулеса.
Лошади, ожидая смерти, принимаются ржать.
Рады, век их, как и наш, подходит к концу.
Встречный ветер время давай покорять,
Ветер заканчивается… О Готье! Ты ровесник и брат, уходя, где и все.
Отправляешься вслед за Дюма, Ламартином, Мюссе.
Волна из античности бледнеет, где раньше цвела,
Боясь больше не Стикса и не Ювенала.
Коса Смерти гуляет, движется, заканчивая дела.
Шаг за шагом, в поле докашивая колосья, завершая своё изначальное дело.
Вот и мой черёд. Ночь наполняет собой взволнованный взгляд.
Годы подряд всё летят и летят.
Каждый догадывается, увы, о будущем голубей.
Плачет над колыбелью и улыбается над могилой своей.

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

Осень

Привет, о лес, в короне из оставшейся листвы!
Увядшей за желтеющей оградой.
Привет, последние те дни, как уходили вы,
Как высоки над взглядом.

Иду один по узенькой тропинке.
Хочу всё видеть, ведь в последний раз.
Бледнеющее солнце в паутинке,
Лист под ногой, лес в сумраке погас.

Осенний день, натура увядает.
И взгляд мой уж ничто не привлекает.
Прощай, мой друг! Последняя улыбка
Мне, о лес! Как смерть маячит зыбко.

Готов покинуть горизонты жизни,
Уносишь, лес, меня из пережитых мною лет.
Всё возвращаюсь к ним я, наши дни сошлись,
Когда я созерцал и радовался вслед.

Земля и Солнце, реки и холмы,
Я вам обязан, стоя у могилы.
Каков, о лес, твой аромат! Прямы,
Свежи, чисты дороги, траурны и милы.

Хочу я выпить свой бокал до дна,
Потир с нектаром, смешанное с желчью
На дне бокала терпкого вина
За жизнь, за слово, названное речью.

Жизнь, сохрани мне будущее ныне,
Утраченное счастье возврати.
В толпе душа моя, толпа меня отринет,
Поймите вы меня на праведном пути.

Цветок, могила, запахи зефира.
Под солнцем жизнь, прощания канон.
Ещё я жив, ещё звучит мне лира
И не даёт уйти струн мелодичный звон.

ТРИСТАН КОРБЬЕР

Никогда (сонет)

Я любил… – О, куда же вы, торги!
Но нужно платить: ищешь женщину
Среди множества оргий.
Моя любовница обещала, жди обещанное.

– Я тебя никогда не забуду, – сказала она.
Бледные тени следовали одна за другой.
Среди запахов лилий в бледных тонах
Плачет она, плачет. – «Пой!»

Для тебя одного твои ностальгии,
Твои бесконечные ночи без свеч.
Грустные стихи, грусти не уберечь.

Прогони, пронеси свои ноги нагие.
Твои оргии до утра, как приманка.
Увлеки, развлеки, извлеки свою суть, куртизанка!

МОРИС РОЛЛИНА

Забвение

Мы забываем о душе,
Бросая в никуда всё лучшее.
Нас мучит плесенью клише,
Развившейся в моём гроше, как в палаше.

Порок сжимает нас,
Добычей делая безумной.
Мы забываем о душе сейчас,
Бросая звуки в никуда погоды лунной.

Себя мы вечно проклинаем,
Подумывая, что прощены. Она молчит.
Но крик нам слышен снизу, знаем,

Что наша совесть нам кричит.
Да, мы это знаем, знаем.
Она сюда, в забвение души, летит.

ЖАН МОРЕАС

Не говорите

Не говорите, что жизнь – это праздник.
Так говорить – это глупо, такое не возвышает души.
Тем более не говорите, что жизнь в страданиях разных
Вечно несчастна, вечно дрожит где – то в глуши.

Смейтесь, когда весной качаются ветви.
Плачьте как ветер или как волна на песке.
Наслаждайтесь же с радостью солнечным светом,
Страдайте от боли немалой на вашем веку.
От души много чего испытал неизбежного ты,
Что скользит, ускользает куда – то, как тени мечты.

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

Смирение (сонет)

Безумец сумрачной планеты,
Протестов возглас бесконечный,-
Я умираю в точках этих.
Хочу, чтоб всё застыло вечно.

Хочу, чтобы криком, затерянным где – то в штормах,
Океаны вдруг осушали ревущие волны.
Солнце пусть приносит цветы на мой тлеющий прах,
Праздником они являются полным.

О безумное, бедное сердце! Разбейся.
Ты – ничто, ты мертво, унесло всё своё.
Пусть земля, проходя, проносит мимо молчанье твоё.

Всё вокруг бессердечно, сильнее тебя.
Страдай и люби, ближнего возлюбя.
Танцуй, не спрашивая Вселенную, её постигая, надейся.

ШАРЛЬ ПЕГИ

Сердце моё (катрены)

Сердце моё, как башня, как замок,
Он свободен, неприступен, могуч, -

Главная башня его, эпиталама,
Постоянно поющая драма,
Песня, запертая на ключ.

Сердце, ускользающее от связей
На многолюдной земле, на которой ему не согреться.
О, бедное, бедное, не бедное ль разве
Моё одинокое сердце?

Сердце, которое столько раз умирало
От приглушённых, скрытых, волнуемых слёз,
Обжигаемое его влагой, оно столько раз воскресало
Пеплом и сожаленьями грёз.

Сердце сколько раз купалось
В свете искренних слёз,
Столько раз в потоке их оно, тонущее, воскресало
В этом источнике нежности глаз и угроз.

О, бедное моё, одинокое, само не своё,
Умирая во рву перед замком,
Ты уже отвоевалось, отсражалось своё,
О, моё отгремевшее в колокол сердце.

О, моё безвестное сердце,
Ты – весь мир, ты – Вселенная.
Дух, идеи теряющий, золото терний.
К зиме облетающий сад, чудо нетленное.

Ты и ваза, наполненная сожаленьями
До самых округлых своих безразмерных краёв,
Одинокое в зимнем саду, как человек потерянный.
О, моё разрушенное, в конец разбитое сердце.

Сердце моё, сколько раз ты было разбито
Любовью, надеждой, что ждёт нас всегда впереди.
О, сердце, старое моё сердце, ты мир находишь забытым
Уж вечером, когда ничего от него уж не жди.

Сердце моё, поглощаемое любовью,
Отчего ты молчишь, день за днём, день за днём?
Не услышанные сегодня собственной кровью,
Завтра мы в другом без сожаленья умрём.

Сердце, наполненное только любовью,
Наперекор, несогласное, идущее вспять.
О, сердце моё, день за днём ведя других за собою,
Стремится оно всё смелее, отважным и любящим стать.

Ты, одарённое чувством, с жаром во всём,
Жар всё сильней, как звук многотрубный.

Ты их предчувствуешь, видишь, предвидишь, как сон,
Чьи – то у губ твоих тёплые губы,

Ты, одарённое чувством, с жаром , во всём,
Жар всё сильней, превращается в пламя .
Ты, сильный дух, стоял на своём,
Если бы ты не возникала, как знамя.

И повела, повела она счёт свой на том.
Ты же, предвидевший это, провидец с любовью,
Нет, не забыл ты о сердце сражающемся своём,
Платящем за всё это жизнью и кровью.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

МОИ ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Эпитафия

Я стану землёй,
Растворюсь в ней, сырой,
Туда, к отцам, меня проводят скоро,
Всему живому бренностью, игрой,
Вечно живая фауна и флора.

Я стану землёй,
Я историей стану,
Тучней чернозёма, бездонней конца,
Любовью, словом, гордостью, страной
В чертах нетленных русского лица.

Я стану землёй,
Где земные стихии.
Близ матери положат лик мой к звёздам.
Без страха я вхожу в круги её благие,
Богам и людям дух мой будет роздан.

* * *

В городе классических традиций,
Чутко обозначенных в гербе,
Русичей возвышенные лица
Ощущаю с нежностью в себе.

Как орёл, лечу я в группе риска.
Пью в полях туманов молоко.
Интриганы вьются где – то близко,
Ощущать их бремя нелегко.

По пути перелетая кланы,
Избавляясь от вселенских мук,
Я живу, творю и, как ни странно,
Слышу с неба падающий звук.

В городе классических традиций
Нелегко держаться высоко.
Я – великоросс, орёл я, птица,
И в дожди мне хорошо летится,
Пить из туч парное молоко.

От Руси баянной, русских песен,
От пьянящих голубых кровей
Мир широк, а нам, баянам, тесен.
Озвончает небо соловей.

Хлопну резко заскрипевшей дверью,
В зазеркалье гляну от людей
И в себя, и в Русь святую верю
В городе классических идей.
2015

Письмо моему отцу

Мне было два года, мы были салаги,
Когда забирали отцов в лагеря.
В кого-то стреляли на архипелаге,
Кого-то убили на лесоповале,
Зарыли на белом на море в канале,
Свои беспределы творя.

А нас они в тайные списки включали,
Клеймили. Про это клеймо
Мы, бывшие дети, не зная, молчали,
Узналось попозже само.

Чтоб людям поведать про наши потери,
Нам слово откуда-то свыше дано.
Стучались, конечно, мы в разные двери,
Писали, конечно, стихами давно.

А те улыбались и нас отвергали,
Мы все проходили сквозь тлен.
Про нас, соловецких, легенды слагали,
А мы поднимались с колен.

А мы расправляли клеймёные плечи.
Что нам королевские лилии их?..
Пишу тебе, папа, стихом свои речи,
Что вырос не хуже других.

За нами Россия, по ней обелиски,
Мы сильные духом, похожи лицом.
У стен соловецких читаются списки
Отцов не вернувшихся, наших отцов.

* * *

Шаги Командора. Шаги по Москве,
Где бабою сваю вбивают.
Валун мой! Лунища, шуршанье в листве.
Опять с Водолеем играют.

И каменны, каменны, каменны груди.
Тут всем по заслугам и честь.
Да здравствует Солнце, которое будит,
Но трижды – которое есть!

* * *

Так жизнь и прошла,
Пролетела, как муха,
Зелёная муха. Итак,
Влетела, навозная, в правое ухо,
Из левого что-то никак.

А в общем не стоит её так уж клясть,
Была в ней и красная, и даже прекрасная,
И очень прекрасная часть.
Без всяких страданий, длиннот,
Как музыка, птица, полёт.
2015

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

«УЧИТЕЛЬ»

Отрывок из поэмы. Продолжение

Шли на праздник.
Шли домой из храма,
Скоро будет виден Назарет.
Ищут удивленными глазами:
Где же Сын?
А Сына нет и нет.
Шли назад тяжёлою дорогой,
Будто бы в железных башмаках.
На душе Иосифа тревога,
У Марии слёзы на глазах.

Добрались, измученные души,
Глядь, а Сын среди учителей.
Он спокойно спрашивал и слушал,
Удивлял смышлёностью своей.

Мать есть мать:
«Ах, что Ты сделал с нами?
Без Тебя прошло уже три дня!»
Глянул Отрок синими глазами:
«Зря перепугались за Меня.
Дом Отца не где-то в чистом поле,
Там, где верой спаяны сердца.
Должен Я служить,
Исполнить волю
В мир Меня Пославшего Отца!»
Шли домой.
Играл ветвями ветер.
Море света было на пути...
Так и жил Он дальше в Назарете,
Вырос и дожил до тридцати.

Годы мудрой зрелости настали.
Возлюбил гору и вид с горы.
Где-то дети в городе играли.
А Ему давно не до игры.
Наблюдал Он, стоя на вершине,
Как играло море серебром,
Как туман стелился по равнине,
Исчезая в поле за холмом.
Только не блистающие шири
В Нём будили главный интерес:
Видел тень невидимого мира
И лазурь незнаемых небес.

Собирались птицы к непогоде.
Колыхало море корабли.
Он упорно думал о народе,
О большой судьбе всея земли.
Много раз стоял Он на вершине.
Думал-думал, будто что искал.
И сливались чувства воедино,
Словно волны вольные у скал.
Выше гор задумчиво и строго
Вдаль глядел, раздумий смелых полн.
Слушал и услышал Голос Бога,
А не просто плеск и говор волн.

Даль седых времён. Начало века.
Край у моря светом осиян.
Бог послал на землю человека,
На реку святую Иордан.

«Кто ты? – вопрошали иудеи. –
Может быть, Христос?
Или Илья?»
О единой истине радея,
Отвечал он: «Слушайте, друзья!
Голос вопиющего в пустыне –
Вот кто я.
Мне имя – Иоанн!»
Стало больше света в небе синем,
На земле, где льётся Иордан.

Иоанну путь Господь наметил
Стать Предтечей в мире,
Как рассвет,
Принести свидетельство о Свете:
Свет есть Бог, иного в мире нет.
Истину нашёл, не дома сидя,
А в песках пустыни отыскал.
Бога никогда никто не видел,
Он глазами сердца увидал.
В истину вошёл, как в сад цветущий,
И воскликнул, голосом звеня:
«Впереди меня за мной идущий.
Он явился ранее меня!

Что милее, ближе и дороже?
Что важней, чем жить, Его любя?
Вот Он перед вами. Агнец Божий,
Все грехи Принявший на Себя!
Он сюда пришёл из Галилеи,
Миру явлен волею небес.
Обувь развязать Его не смею.
Кладезь Он знамений и чудес.
Душу Он за каждого положит,
Как Отец, любого возлюбя...
Вот Он перед вами, Агнец Божий,
Все грехи принявший на себя!»

Проза

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

НЕ РЫДАЙ МЕНЯ, МАТИ...

Матерь проснулась рано и поняла, что сегодня должно что-то произойти. Если это что-то не произойдёт, сердце, переполненное вчерашним, лопнет. А что человек без сердца, что без человека этот маленький, в кулак, беспокойный комок? Ле-

жала и ждала, но ничего не происходило. В жизни, если подумать, не так уж часто что и происходит.

Поскребли ноготками в окно, Матерь отвела занавесочку: кто бы это? Поруня. Чего тебе спозаранку, клетуха плетёная, душа неуёмная?

– И молчи, и молчи, Матерь. – Поруня не может никак раздышаться. – Артисты прикатили, на «пазике», проследовали в кинотеатр. Дружки твово Сына, средь них, сама видела, тот, Журавлёв. Говорят, вечер памяти будут устраивать, кино, в каком Сын твой сымался в последний разочек, будут крутить...

«Ну вот это что-то и произошло», – подумалось Матери, но после того, что случилось год назад, всё остальное для неё было настолько мелким, что Она и мысли вначале не допустила отнести приезд артистов к событию, но извечное беспокойство натуры, привычка заботиться обо всех, кто бывал с Сыном дома у них, заставили Её побыстрее собраться, выйти на улицу, пойти к кинотеатру.

Вот и нет Его Самого, а как бы рад был, как бы сразу метнулся к ним, приволок бы в дом, не знал бы, где и усадить. «А ну, мама, – засмеялся бы Он и ладонь о ладонь вот так жвык-жвык-жвык, – а ну, мама, испеки-ка любимых драников да поставь чё-нить,– промёрзли ребята, с дороги». Она бы кинулась на кухню, а они бы как засели в Его комнатке на диванчике, как положили бы руки друг другу на плечи, так бы, кажется, и проговорили подряд три дня и три ночи, пока не надоумило кого-нибудь подняться на Плоскун-гору, проведать с высоты Схлёстки... «Приехали, миленькие, исполнили завет. Всё говорили, мол, приедем, вот тогда поглядишь. Дай чуток дела разгребём, помянём Его, согласно обычаю», – подумала Матерь, потуже схватывая изнутри пальцами чёрную свою шалинку.

Тут и дошла до кинотеатра. Глянула, а возле него автобус «пазик» стоит, люди крутятся. Объявление вот такое чёрным по красному: вечер памяти Сына... А Журавлёва, друга Сынова, нет. «Где бы быть ему?» – забеспокоилась Матерь и вошла в прохладную глубину кинотеатра, в фойе... Со всех стенок на Неё глянули лица артистов, глаза и глаза. На самом виднушке, над дверьми, кто-то бил молотком, приколачивая портреты, Сына в портретах, незнакомый такой – в гимнастёрке и каске,а кругом самолёты летают, танки движутся, земля горит,насмерть люди стоят. «Боже ж ты мой», – замерла Матерь, и тут же тот, кто прибивал всё это, спустился быстро с лестницы к Ней, и Матерь упала к нему на грудь. Щупает,щупает пальцами каждую выемку на плече, на спине, гладит каждую складочку, гнётся на носочках, заглядывает в глаза ему. Ну не Сын ведь,ну знает – не Сын, а вроде с Сыном повидалась.

– Сынок, – сами дёргаются плечи Её, – сынок милень-ка-ай, сынок жалконька-а-ай, дай я на тебя погляжу-разгляжу, да дай я печальную головушку преклоню к тебе, тоску-кручинушку разволоку.

– Видишь, приехал, мам, как обещал, – падает в Неё взглядом он, – такой же ясноокий, голубые глаза, как у Сына, ласковые и колючие, как ёлки голубые, что у Меркула Игнатьича во дворе, перед окнами в палисаде.

– Ну вот и хорошо, что приехал, вот и ладно, что приехал, не забыл одинокую, стылу-у-ю-ю...

И вот уже со всех Схлёсток потянулся к кинотеатру народ. Шли впервые вот так в кино не для смеха, не для развлеченья – помянуть земляка. Уж помянем, как следует, по-человечески, коли не предано тело родимой земле. Шли кто в чёрном костюме, косынке, кто с бессмертником в руке– последним, осенним, кто с букетом листьев багряной калины-рябины. Шли, вытягивались, выходили на площадь перед кинотеатром с главной улицы, со всех боковых переулков. Вышли, собрались на площади и удивились, как тесно, стояли локоть в локоть, Друг к другу, сколько их ещё в Схлёстках, не развеялись по городам, ещё вот они, здесь, – крепкие, упо-

ристые, широкой работной кости. И прежде чем войти в хоромное строение, каждый подумал, что вот и приехали к ним сюда люди ради памяти их земляка, ради них самих, люди эвон откуда, за тысячи вёрст, а ведь что они, ихние Схлёстки, если глянуть с тысячеверстья, – так, какая-то крошка на карте страны, и все они на этой крошке как бы в доме одном, как семья единая. И тогда схлёсткинцы ещё сдвинулись, теснее прижались да так, локоть в локоть, и вкачнулись на первый порожек, в парадную дверь.

В фойе на них, как всегда, глянула репродукция известной, ещё до революционной картины: крестьянский хлопчик в лаптях, переросток, смотрит в дверь деревенской школёнки, не решаясь войти. И тут все увидели Сына Матери, земляка, галерею фото из нового фильма.

Схлёсткинцы заходили и молча рассаживались, заполняя зал до самого дальнего ряда, старались не хлопать откидными сиденьями, но нет-нет да где-то срывалось, хлопало, и тогда все поворачивались на неловкого человека, всё нетерпеливее ждали поднятия занавеса. Занавес был тяжёлый, голубовато – серебряный шёлк, в тон Крутуни-реке, гордость администрации, отпалившей за него несусветные денежки.

Все следили за занавесом и потому проморгали, когда на сцену, сразу из обеих боковушек, вышли участники вечера – постановщики, киноактёры, районное начальство – и расселись на стулья со столиками. Зал гудел в ожидании самого главного: когда Сама, Матерь Сына, появится там, на сцене? Но тут получилась заминка. Матерь искали за кулисами, с ног сбились, никак не могли найти, а она в это время сидела в первом ряду и, как все, волновалась: чего они там мешкают? Артист Журавлёв заметил Её и спрыгнул прямо со сцены, проводил осторожно за плечи, усадил за свой столик. И всё началось...

Что он делает с Ней, этот друг Её Сына, артист Журавлёв! Не словами – каменьями огневыми, калёными мечет в материнское сердце. Как сошлись они с Сыном, душа в душу были там, на съёмках этого, Его последнего фильма. Сын любил те широкие степи, говорил: «С этих мест отцы мои, пращуры. В четырнадцатом томе «Истории России», по Соловьёву, о них есть местечко. Должны мы знать, какого роду-племени, откуда идём, чтобы видеть, куда нам идти»...

– Он мечтал о Степане Тимофеевиче, Он готовился. Жадный был до знаний, как утка ряску хватал эти знанья...

Матерь слушает Сына, и плывёт зал перед глазами. Так и все вместе схлёсткинцы, так все заодно. Что ни скажет он – вправо качнулись, что ни повторит – качнулись влево, вздохнёт – прямо надвинулись. Лишь в войну, помнит, было так же вот, когда ворог столицу подпёр, тогда письма получали общие от мужей-сыновей да отдельные похоронки. Вот народ, вот глаза и впиваются, и жалкуют, аж глядеть в ответ томко...

Матерь отвлеклась на минутку и слушает каждого, кто говорит со сцены, весь зал перед Ней – свои все, привычные, давние. Каждого знаешь вот от какого колена насквозь. И мать с отцом знаешь, и деда с бабкой, и братьев с сёстрами, тёток с дядьками. Да не просто знаешь, а кто за кем ухаживал, кто кому отказал, кто на дело годен, а кто – скоморошничать. Сколько всего проходит перед глазами – вот они все на ладошке. Поруня в углу с подружками, Меркул Игнатьич и тот ленинградец. Доярки, учителя, механизаторы – народ бывалый, с порепанными руками, с прямотой в душе, свойский. Все они земляки Её, земляки Её Сына, люди всяческих судеб.

Журавлёв шагнул вперёд, голос его оборвался, заставил Матерь снова затрепетать.

– Вот последние слова Её Сына, Вашего земляка: «Благословляю тебя, моя Родина. Будешь ты счастлива, и я буду счастлив с тобой. И если я буду умирать в сознании, то прежде всего вспомню Родину, мать свою и детей».

И тишина. Журавлёв подошёл к Матери, тронул за плечо:

– Может. Вам слово, Вы слово скажете?

Матерь повела взглядом вокруг, закрыла лицо руками:

– Сама живу, а Сыночка-то не-ет.

– Не надо, не надо, – зашумели из зала. – Всё знаем. Знаем обоих и так.

Матерь увидела Его на экране. Поначалу Она даже оторопела: так живо глянул Он с полотна. Мелькали лица, кони, танки, самолёты, взрывы, шло известное отступление по сожжённой солнцем волгодонской степи. Вот, оказывается, как там было, когда Сын ещё был мальчонкой, возил воду с Крутуни в поле на «табачок», когда залезал на тополь, выглядывая отца, хоть раненого, без ноги-руки, но живого. Как Он был сейчас на экране похож на отца, на всю их отцовскую породу, до чего же синими, как волна крутунская, как вода в Дону, были у Сына глаза. И сколько же огня-полымя в них, сколько боли мечется, отражаясь в них. Вот Он отступает вместе со всеми. Выжженной степью идут, понурясь, наши мужья, детишки наши – сыны-солдатики, оставляя родную землю. Вот Он опёрся рукой о тополь, дальше немочно: надо было погодить сниматься после больницы, надо было передохнуть.

– Эх, да кабы они всё это играли. – шепчет справа от Матери дядька Сына – Маркел Игнатьич, – а то ведь взаправду, всерьёз. И землю эту каменную долбили, и марши-броски по полсотни вёрст в день.

– Всерьёз, ещё как всерьёз, – сжимается Матерь.

Она видит, как после атаки подходит к Сыну друг Его, артист Журавлёв. Валятся на траву у окопа, Сын достаёт кисет, подцепляет вот такую щепоть махорки, Сын имел на неё право... Вот он поворачивается, смотрит с экрана только в Неё, говорит только с Ней, живет лишь для Неё... Сколько же нужно усилий, человеческих мускулов, чтобы сдержать всё это железо, не дать огню разойтись, сжечь вокруг всё живое, уж Она, Матерь, знает, каково это выходить, поставить на ноги, дать дыхание каждому существу, чтобы потом оно могло рыть вот эту траншею. Сын ещё был мальчонкой, а Она печку топила, да попался в хоботье кусок от скворешника, только хотела сунуть его в огонь, эх, как кинется Он за скворешней: здесь же, мамочка, птицы жили…

– Он не играл ролей, Он никогда не играл, – шепчет Матери друг-товарищ Сына артист Журавлёв, и Она видит, как отсвёркивает-пересвёркивает в его взгляде экран. – В нём же, видите, ничего нет актёрского, говорили, опасен для конкурентов.

Сын-Сынок не играл, Он же делал своё крестьянское дело, как пашут землю, как сеют хлеб. Было бы даже нехорошо перед деревней – играть: что Он, скоморох, что ли? Простой трудовой человек.

Мелькают то свет, то тень, шелестит кинолента. Он ходит, Он шутит, ухаживает за девчонкой – батя, вылитый батя. Как сидят перед танковой атакой, говорят о серьёзном и вечном, вроде не будет тут же через десять минут ни огненного смерча, ни вражеских танков, смертей...

Люди впились в экран, в Него туда, в Сына.

– День был трудный, – шепчет Матери Журавлёв. – Допоздна сидели на палубе... катер – наша гостиница... Дон был красновато – дымчатый, в закате дневное сражение. И Он говорил об искусстве, о жизни, как бесконечной цели, из которой мы вышли и из которой не выпадем, так и останемся в ней особым звеном... Он говорил здорово, хоть и чертовски устал. Люди себя баюкают сказками и тем отдаляют правду. В древнем Новгороде жила легенда о золотом веке, согласно которой прошлое, век ушедший, казался счастливее, чем век настоящий. Но ведь жить и то уже счастье, представляете?!

– Чш-ш-ше, – зашевелились, зашикали на них рядом сидящие.

Сын смотрит с экрана, говорит с экрана только Ей, Матери; жив сейчас, курит, шутит, смеётся, идёт в атаку, сидит на палубе катера, а через мгновенье Его не станет. Всё останется, как и было: эта степь, все эти тысячи тысяч, друзья и враги, человеческое исступление, когда жажда крови ведёт одних к нападенью, порабощенью других, захвату пространств, когда этой жажде противостоит живой, простой человек в гимнастёрке, и только любовь, только долг перед Родиной продолжают держать Его там, на сожжённой земле, дают силы выстоять.

«А ведь они хотели замкнуть колечко, – шепчет друг Сына слева, – со степей этих ударить в Среднюю Азию, оттуда в Индию – одна стрела; через север Африки, по Ближнему Востоку, Роммель с танками – другая стрела... Мы не дали...».

Не дали врагу наши отцы, солдатик в гимнастёрке, на спине седовато-жестяной от пота-соли. И всё на экране движется, и всё живет на ленте, как жило, сохранённое на века, а Его нет...

Сыночек мой любый, мой листик упавший, Ты вот где – в душе материнской, под сердцем. Ты видишь, судьба от меня отвернулась, взяла, отняла самое дорогое – Тебя, но если в последний свой час Ты жил так, как жил, как видим, Матери можно гордиться; зло нас с Тобой пересекло, но я не ропщу, терпелива, да в нас не иссякнет добро, храни его, Сын, во мне своей вечностью, дай мне видеть Тебя, покоя уж не прошу, покоя Матери нет, пока вблизи несчастлив хотя бы один человек. Я иду по земле, я глажу ладонью каждую складку, каждую выемку, выбоину, перебираю каждую травинку, росинку каждую смыкаю в реки, озера-глаза, колосья свиваю в житницы, чтобы всех напоить – накормить, тогда, лишь тогда и в мирные дни не будут коверкать душу разрывы, дымиться на камне алая кровь, и нечеловеческой болью разрываться сострадающее материнское сердце. Сын мой, путь мой остатний уж краток, но я ухожу беспечальная, а всё от сознанья, что, если Ты нужен людям и днесь, и вовеки, не зря явилась миру и я, не зря жила от первого Твоего крика и шага до этих седин, вела Тебя материнской любовью. Я знала не только друзей Твоих, но и врагов, они как змея подколодная, но Ты-то шутил, что готов поставить им памятник, они Тебя заставляют работать и делают Тебя таким, как Ты есть... Сынок мой, я плачу за всё неустройство земное, за всех неустроенных в жизни, добро строится только добром.

– Матерь, – шепчет Ей слева Меркул Игнатьич, – смотри, смотри сюда, ты смотри!

А Матерь уже приподняло: не Он на экране, не Сын! Всё в той же шинеле, всё в той же степи, среди тех людей, а не Он. Спиной к экрану, да всё как-то бочком-бочком…

– Не Он, – рванулось из Матери сердце. – Не он!!? – мотнулась сама собой Матерь.

– Не Он-н-н... – прошелестело по залу, как выстрелы, захлопали кресла.

Вот тут Он и оборвался, вот тут и не стало Его.

– Не Он уж, не Он, – шепчет Матери справа артист Журавлёв. – Вот с этого кадра дублёр.

«Дублёр, дублёр…» А Сына уж нет, нет с этого кадра, не будет уже никогда. Не пришлёт письма-грамотки, не приедет к Ней в Схлёстки...». Волнение Матери передалось залу, весь зал развернуло сюда, в Её сторону, к Ней, все поняли: только что кончилась жизнь земляка, солдата, художника, Сына сидящей здесь Матери.

И тут вспыхнул свет. И Матерь сидела, а люди все встали в едином порыве, стояли. Потом Матерь подняли на руки и понесли над собой...

28 сентября 1980 года

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

СВИДАНИЕ В РЕСТОРАНЕ

Рассказ

Он звонил мне всегда сразу, как только приезжал. Бог его знает, куда он там ездил. У него были свои дела. Он позвонил и в этот раз.

– Хэлло, старик! – как всегда, бодро прозвучал в трубке его голос. – Приезжай в ресторан к Григорию. Есть интересные новости.

Меня встретил и провёл к столику его брат, так похожий на него, как будто они были близнецами. Мы иногда шутили, что жёны могут перепутать их в темноте.

Он вскоре появился. В чёрном костюме, не очень чисто выбрит, и над белизной рубашки истомлённая бледность лица. В руках он держал саквояж. Я знал, что это было. Но какое мне дело?

– Как бизнес? – спросил я.

– Окей! Скоро могу пригласить тебя к себе на виллу. А как твои дела? А, вижу, – он махнул рукой. – Опять без корки хлеба?

– Да нет, корки достаются.

– У меня есть к тебе предложение. Деловое. Я говорил о тебе с шефом. Почему бы нам не взять такого отчаянного парня, как ты?

– Напрасно вы с шефом беспокоились.

– Не бойся. Подумай.

– Не пора ли нам кончить этот разговор?

– Я никогда не понимал тебя в этом вопросе. Что за щепетильность? Людям нравится – пускай их… не мы, так другие. Людей всё равно не образумить.

– Ты знаешь, я очень лояльный человек, но в последнее время мне это начинает надоедать.

– Я думал, в тебе уже нет сантиментов, ты мудр, как волк.

– Я и сам так думал.

– Ладно, – сказал он. – Твоё дело.

Он помолчал, но было видно, что ему не терпится ещё что-то добавить. Он щёлкнул замком саквояжа и вытащил из его недр тонкую плиточку, обёрнутую в бумагу, величиной в крышку от коробки.

– На, – сказал он.

Я развернул поданный мне предмет.

Это был ярко раскрашенный лист картона. В паучьем сплетении красок было что-то странно завораживающее, отталкивающее и очень красивое. Очарование давило, и красота была какой-то глумливой. Где-то эта паутина намекала на фигуративность и опять расплывалась. Можно было смотреть на это переплетение линий в самых немыслимых цветовых сочетаниях, как в затягивающую глубину цветных подводных съёмок какой-то немецкой киносъёмщицы из окружения Гитлера, как в шизофренический сон.

– Красиво, небывало красиво. Лучше не надо такой красоты… Унизительно красиво, ты не находишь? – спросил я.

Он откинулся в кресле.

– Я знал, что вы все заохаете. Пусть кто-нибудь из вас сработает такую вещь. Трусы, дряни! Пусть пользуются другие, если вы морду воротите.

Он пристукнул стаканом по столу. Несколько капель вина пролились на скатерть.

– Есть люди, иностранцы, – продолжал он, наклонившись ко мне, – которые давно охотятся за моими работами. Я продам их даже за бесценок. Мир должен видеть это.

– Ты зря горячишься. Я хотел только сказать…

– Завидуешь, академист. Я – гений, самородок. Плевать мне на институты-академии. Тебе ведь нравится, я вижу. Ты сам мечтаешь так писать. Нет?

– В ней что-то есть, ты прав. Какое-то странное, болезненное очарование. Оно мне душу вывернуло. Но это свиное очарование. Нормальным людям это ни к чему.

– К чёрту нормальных! Взгляни, что делается в этом прекраснейшем из миров, и ты поймёшь, что только наслаждение ещё что-то значит в этой жизни. Ладно. Хочешь, возьми это себе. Я делаю такие шедевры, когда захочу. Выпьем!

Мы звонко чокнулись.

– Я принимаю теперь это каждый вечер, – не понижая голоса, сказал он. – Лоле и Григорию это не нравится. Они говорят, что это плохо. Чудаки! Правда, его мальчишка таскает у меня из чемодана. Мне не жаль, но ведь денег стоит. Кроме того, парень может проболтаться.

Он потёр лоб и потряс головой.

– Знаешь, когда это наступает, я вижу всё, как в цветном сне. Самые чистые краски. Лучше этого ничего нет. Любовь перед этим – вонючая мерзость. Хочешь, я дам тебе немного? Это не страшно человеку с сильной волей. Люди говорят об этом много чепухи.

– Я однажды попробовал. Помнишь, ещё в школе?

– Помню. Тебе стало плохо. Ты кричал, что умираешь.

– Знаешь, ты просто тронул меня своей истерикой, и я поддался. А теперь вижу, что в этой мазне ничего нет. Ничего.

Я взял сигарету, щёлкнул зажигалкой и затянулся. Я всегда был к нему терпим и признавал право жить, как ему хочется. Зачем дразнить меня?

– Ты в самом деле это находишь? – задумчиво спросил он. – А вот и Лола. Я вас оставлю на минутку. Мне надо позвонить.

Красивая крашеная блондинка подходила к столу. Он протянул ей саквояж и вышел.

Лолу я видел во второй раз. Интересно, что думает обо всём этом она?

Я налил ей вина.

– Почему вы всё время молчите? – спросил я.

Она поправила волосы и, прищурившись, посмотрела на меня.

– А что вы хотите услышать?

Действительно, о чём нам говорить?

– Он вам здорово доверяет, – я кивнул на саквояж. – А вам это вроде не очень нравится.

– И вам, кажется, тоже.

Она затянулась сигаретой.

– Иногда он заставляет пробовать это и меня. Говорит, что не хочет скрывать от меня дорогу в райский сад. Знаете сколько здесь? – она указала взглядом на саквояж. – По крайней мере, сто человек найдут свою судьбу в этих свёртках. Он просто болен – и больше никаких фокусов здесь нет. Всё время твердит, что скоро мы купим виллу на берегу моря, и он завяжет с этим.

Виллу… Я вдруг вспомнил и сказал:

– Один раз я поручился за него, в школе, когда его поймали с чем-то подобным…

– Он хочет ребёнка… девочку… – не слушая меня, продолжала она, – девочку с беленькими волосами, как у меня, девочку-урода. Что ж, может быть, я и уступлю.

Она отпила несколько глотков из бокала.

Вскоре они ушли. Прощаясь, он сказал:

– Если надумаешь, дай знать. Прощай.

Прощай, может, ты и прав, и это, действительно, благо, что ты снабжаешь нарков хлебом, без которого их корчит. Может быть. Но мальчишка, который таскает из твоего чемодана, и белоголовая девочка-урод? И среди твоих клиентов наверняка найдётся десяток новичков… Ты сказал, у меня нет сантиментов. Пожалуй, у меня их, действительно, нет…

* * *

Когда дня через два я зашёл в ресторан, Григорий встретил меня со встревоженным лицом. Он показал мне рукой на свободный столик.

– Что это было за вино, которое мы пили в прошлый раз? – спросил я его. – Есть ли оно у вас?

– Сейчас принесу, – сказал он.

– Вы знаете, что его взяли в тот же вечер? – спросил он, ставя на стол с белоснежной скатертью искрящийся рубиновым огнём хрустальный графин. – Знаете? Откуда? Люди думают, что это я донёс. Но, ей же богу, нет. Где это видано, чтоб брат пошёл доносить на брата? Я думаю, мальчишка сболтнул. Это ужасно. У него отобрали все деньги. Как будет жить Лола? И я — с этим пятном?

– Не надо так беспокоиться, – сказал я.

– О! Я говорил. Я говорил, сколько верёвочке ни виться…

Я отпил из бокала. Вино было великолепное. Ему долго не придётся пить такое вино.

Григорий вернулся и подсел ко мне. Было похоже, что он чего-то ждёт.

– Знаете, – сказал я, – вам не надо больше волноваться. Скажите тем, кто думает о вас плохо, что… это я донёс.

– Вы? Зачем? Разве он сделал вам что-нибудь плохое? Он не поверит. Не поймёт.

– Скажите, что я сделал это из зависти к его картинам.

МИХАИЛ ТУРБИН

ГОЛАВЛИ

Рассказ

Сенька сидит за скобленым столом и ладит из коровьего рога садок для кузнечиков. Рог подобрал на пустыре, отпилил ножовкой остряк под входное отверстие, обрезал низ, вставил в него кругляш деревянный и гвоздиками его приколотил. Осталось насверлить шилом дырочки в стенках для вентиляции да приладить верёвочку, чтобы садок вешать на шею. В этом случае руки свободны для удочки.

Он готов сутками пропадать на речке, и удерживает его только то, что родителям нужно помогать по хозяйству. А какое хозяйство? – домашние утки, которые надоели ему, а родители на работе, старшая сестра в пионерском лагере. Обязанность у него такая: нарвать лебеды, крапивы, посечь их секиркой, добавить отрубей, или варёных картофельных очисток. Всё это перемешать с водой в большом

тазу. Пока во дворе Сенька готовит месиво, голодная прожорливая птица от нетерпения путается под ногами, тыкается клювами; утки начинают покрякивать, селезни сипло посвистывать. Потеха наступает, когда Сенька вывалит месиво в кормушку – птица разом бросается вперёд, давя друг друга, да так спешно заталкивают еду в свои утробы, будто их век не кормили – изголодались. Наедятся до отвала и отходят, смешно отряхивая крошки с клювов, да ещё гузками постреливают – не стой рядом! Потом поочередно шмыгают под калитку, идут к прудику цепочкой, с достоинством, переваливаясь с боку на бок, словно это не они минуту назад устроили у кормушки бессердечную толкотню.

Прудик перед домом небольшой и неглубокий – по колено. Сенька его лопатой углубил. Землю бросал продуманно: и берега прудика получились, и насыпь плотины. Если пойдёт дождь, ручей будет заперт крепко-накрепко. Раньше утки находили уличные лужи, но теперь у них свой постоянный водоём. Отец одобрил. Одно плохо: когда нет дождей, прудик пересыхает, остаётся лишь ямка с тухлой водицей, но и к этой грязной жиже птица подходит торжественно, словно это их святой источник. Бережно щекочут застоялую водицу клювами, утоляя жажду. Одним слово – глупыши, а не утки. Кур Сенька больше уважает: лежат себе под сиренью в пылевых лунках и никакого присмотра не требуют, сами себе корм добывают.

Улица Сенькиного дома малопроезжая, окраинная. Колдобина на колдобине, машины почти не ходят, изредка лошадь с телегой покажется, в общем вольготно на ней. Проезжая часть дороги заросла травой: репейником, полынью, лопухами, конским щавелем. На уличную дорогу в зимнее время жители домов выбрасывают печной шлак, твёрдый строительный мусор, но всё равно весной грязь стоит непролазная, и до лета по ней ходят только в сапогах. Сенька больше всего любит летние каникулы – сам себе хозяин с утра до вечера, три длинных месяца, о которых мечтал в учебный год! За лето штаны становятся малы, картуз требуется другой, а уж приключений случается – не пересказать друг другу в школе.

Садок у Сеньки почти готов, остаётся ошкурить его наждачной бумагой, чтобы он выглядел свежим, да затычку надо из деревяшки подобрать, ножичком обработать.

– Сенька! Се–ня–я! – громко слышится с улицы.

Он откладывает садок, высовывает голову в форточку:

– Чего орёшь, а не заходишь?

– Выходи, а я пока с Рексом поиграю.

В палисаднике вертится у штакетника лохматый Рекс, радостно повизгивает на Сенькиного приятеля – Пузыря. Пузырь забавляется, щёлкает пальцами псу по носу. Рекс фыркает, чихает, нарочито скалит зубы, трясёт ушами. Оба довольны друг другом.

Несколько минут спустя выходит Сенька, сажает Рекса на цепь у конуры, и вот уже приятели шагают к пустырю вдоль своей улицы. Собственно, пустыря как такового уже нет – запахан огородами. Осталась небольшая травяная площадка, окружённая картофельными рядами ботвы. На площадке стоит сожжённый немецкий танк, всё ещё не вывезенный на металлолом. Вокруг танка густые заросли ковыля, в котором звонко трещат кузнечики, которых пришли они ловить, желательно – крупных летунов. Их, по обоюдному мнению, голавль берёт охотнее.

Сенька ловит кузнечиков как мух – взмахом руки, подсекая насекомых на стеблинках ковыля. Пузырь же непременно ползает на четвереньках, чтобы подкрасться и разом оглушить кузнечика ковшиком ладони. Нередко подаёт Сеньке в садок кузнечика-мертвяка. Сенька отводит его руку, говоря: «Подавай живого...»

Пузырь при ловле насекомых молчать не умеет – не в его привычках. Поминутно восклицает:

– Ах ты, зараза, – выскользнул! Ну, погоди, ты у меня допрыгаешься, я тебя загоняю по траве, будешь знать от кого бегать…

А то вдруг вопрос у него возникнет:

– Сень, а Сень, скажи, как кузнечики размножаются, ну, это, спариваются? Коленки у них выше головы и спины, вскарабкаться трудно…

Вопросы размножения его часто интересуют. Порой, разглядывая каких-нибудь склещенных насекомых, не могущих расползтись в разные стороны, он своё наблюдение заканчивает тем, что соломинкой рассвобождает их, разгоняет прочь.

– Спроси у отца, – усмехается приятель, – он тебе разъяснит!

Отец у Пузыря инвалид войны – без ноги. День-деньской столярничает у себя во дворе дома. Дом не дом – полуземлянка. Пузырю приходится летом спать в саду под навесом – так родители настояли. Отец от верстака редко отходит, всё что–то строгает: то заготовки на оконные рамы, то брусы для дверей, то ножки для табуретки. Ворчит, ругается на доски: «Нет хорошего материала, попробуй из гнилого горбыля что-либо смастерить!..» Иногда оставляет верстак, напивается, садится на завалинку и горланит фронтовые песни. А то увидит сына с Сенькой, оглядит с ног до головы и выскажется:

– Храпаидолы, вы храпоидолы, бездельники! Задницы непоротые! Мы за вас кровь проливали, а вы шастаете по улицам без дела. Учитесь в школе кое-как, из-под палки, двоек и троек нахватали – девать некуда! Как вас перевели в другой класс? – уму непостижимо. Сидели бы за учебниками, готовились к урокам, а то ведь, говорят, чуть школу не подожгли. Надо же…

– Неправда, неправда! – горячится в таких случаях Сенька. – Мы без двоек закончили год. И школу не поджигали. Это было, когда сторожиха Полина «буржуйку» в учительской раскочегарила, и отошла куда-то, пол и задымился, а мы его потушили...

– Не рассказывай, ну его, всё равно не поверит, – тихо бросает приятелю Пузырь, – и не возражай, а то костылем швырнётся, а потом попросит поднести, чтобы за уши схватить. Он в это время того… не любит возражений.

Он редко с отцом пререкается, любит его по-своему, без проявления нежности. Крутится часами у верстака, подаёт инструмент, заготовки, слушает разные поучения, стружки убирает, сам пробует стругать. Когда же захочет гулять, делает такое независимое лицо, словно хочет сказать: «У тебя отец свобода во дворе, а у меня – везде». Если отец пьяный, держится с ним на расстоянии.

Пузырь коренастый, большеголовый, суетной. На носу постоянно сидит капелька пота. Хоть жарко на дворе, хоть холодно. Глазки – вишенки живые, веселые. Шустрый толстячок, этакий маленький Швейк. И тоже попадает в разные истории.

Однажды рыбачили они с Сенькой на Быстрой Сосне. После ночной ловли задремал он с удочкой в руках, сидя на крутом обрыве. Дремал, дремал на солнышке, да и грохнулся вниз, в омут, как подбитая птица. Голова из воды то покажется, то исчезнет. Отец Сенькин невдалеке был, вытащил его, спрашивает:

– Почему не кричал, ведь утопал же?

– Не успел, – отвечает, – испужался.

Выжал мокрую одежду, повесил над костром сушить, а сам опять полез на кручу, а про одежду-то забыл. Штаны сгорели, домой в трусах возвращался.

Как раз в то лето Сенькин отец обоих научил плавать, потом разрешил одним ходить на Ливенку, а на Сосну – только с ним.

– За что тебя Пузырем прозвали? – поинтересовался Сенька при первом знакомстве с ним.

– А-а-а, дуракам делать нечего, – говорит, – один сказал, другие подхватили. Мать хворала, я из аптеки лекарства ей приносил в пузырьках. Иду как-то, а паца-

ны спрашивают: «Что несёшь?» Пузырьки, – говорю. – Другой раз несу их пустые сдавать в аптеку. Опять: «Что несёшь?» Ну, пузырьки, что ещё? Пузырьки, да пузырьки – вот и прилипло это ко мне.

Пузырем его Сенька редко зовёт. Только когда рассердится, а так он для него – Пашка или Павлик. В целом он добрый, покладистый, на Сенькины выдумки отзывчивый, охочий их воплощать в любое время.

Сенька смотрит вовнутрь садка, заключает:

– Хватит! Теперь пойдём гусениц искать.

Бронированное обгорелое чудовище с крестом на башне смотрит им в спину. Они направляются к оврагу, заросшему ракитами. Неподалеку железнодорожная станция, и высятся на краю оврага огромные светло-серые баки нефтебазы. Несмотря на постоянный запах керосина среди ракит, на листьях сидит множество гусениц. Друзья быстро снимают дюжину жирных, лохматых, как Рекс, насекомых-обжор, а заодно подвернувшихся под руку долгоносиков, сидящих на крапиве. Долгоносики – твёрдые зеленоватые букашки с длинными хоботками. Их вместе с гусеницами, они заталкивают в старый садок из коровьего рога – Пашкиного изделия. Остаётся нарыть червей, без которых не бывает рыбалки. Червяк – последняя надежда рыболова, когда уже хорошая рыба не клюёт, и приходится отыгрываться на пескарях.

Копку червей Сенька берёт на себя. Тут требуется смекалка: например, белых дождевых червей он сажает в консервную банку с влажным толчёным кирпичом, отчего червяк выбрасывает из своего нутра всё лишнее и делается жиглявистым. Навозных – красно-крапчатых червей набирает только в одном месте – в куче перепревшего навоза за сараем.

Уже по дороге к дому друзья привычно переворачивают плоские камни в траве. Оба знают, что искать под ними – чёрных, с антрацитным блеском небольших твёрдых жучков, которых почему-то называют «нахлебниками». Жучки эти безобидные, но сильные – зажатые в пальцах, они резко дёргают головками, сопротивляются, мол, «чего зажал? – отпусти!»

Мальчишкам нравится смотреть на жителей «подкаменного царства». Стоит только перевернуть камень, как видишь целое содружество разных тварей. Обнаруживаются двухвостки, мокрицы, сороконожки, жучки и паучки, и даже медведки. Кого только нет. Насекомые спешат тут же скрыться от света и чужих глаз. У всякого подкаменного жителя своё гнёздышко с ходом сообщения. Один другому не мешает, о соседях сосед лишь догадывается. Ребятам интересно заглядывать под камни. Любопытно повстречать нового жильца, ранее не встречавшегося.

Пашка-Пузырь старательно возвращает камни в первоначальное положение. Ему словно неудобно за причинённое беспокойство букашкам. Сенька это делает не всегда, мол, они сами обживутся на новом месте. Испытывает неприязнь к паукам. Раньше, завидев паука-крестоносца, всегда говорил:

– Давай «фашиста» посадим в муравейник.

– Сбежит! – утверждал Пузырь.

– Посмотрим.

Сажали и наблюдали. Наблюдали и убеждались: против муравьев все слабаки. Раньше они пауков давили. Однажды учительница сказала на уроке, что в средней полосе скорпионов, тарантулов и фаланг нет. Каждое насекомое, по её словам, составляет богатство Земли. С тех пор они к паукам стали относиться спокойнее, даже лягушкам перестали вставлять в зады соломинки, чтобы посмотреть, как они, надутые воздухом, пытаются нырять.

К кузнечикам же у них отношение особое, уважительное за умение прыгать и взлетать с разворотом. Особенно им нравятся курбастые кузнечики с пёстрыми кры-

лышками. Иногда на брюшках кузнечиков сидят зелёненькие блошки, а те их не замечают, путешествуют с ними по траве. Блошки, словно наездники, – акробаты.

Мальчишки не догадываются, что любят кузнечиков подсознательно, за голенастую беззаботность, свойственную им самим.

Уже подходя к дому, договорились: Сенька зайдёт за другом рано утром.

Он проснулся разом, как от толчка – сработали внутренние часы. Встал, нащупал в темноте на табуретке спички, взглянул на «ходики». Часы показывали полчетвёртого утра. Осторожно, чтобы не разбудить родителей, начал одеваться, преодолевая желание ещё чуть-чуть подремать. Мать всё же услышала, вошла и шёпотом стала его отчитывать:

– Сидел бы дома… Мне и отцу спокойнее… это всё твой неугомонный Пашка. Два дурачка непутевых… Придумали – вставать по ночам, когда нормальные люди спят… Ладно, возьми, вот сумку, я тебе в неё еду положила… Поделишься с Павликом, ему из дома нечего брать. Осторожнее идите, собак полно…

Отец, наверное, слышит, но молчит. Сам заядлый рыболов, но ему через три часа надо вставать на работу. До выходного ещё два дня, тогда и пойдёт с ними на Сосну.

Сенька берёт удочки, выходит во двор. Рекса нет, видно, убежал по своим собачьим делам. В округе немая тишина. Притихшие деревья в саду слабо подсвечиваются ущербной луной, звёзды постреливают искрами. Все это он оглядел разом, и в какой-то момент почувствовал одинокость, даже захотелось вернуться назад в постель, но понимал, лень скоро пройдёт, если ей не поддаваться. Решительно открыл калитку и направился на соседнюю улицу.

Пашка спал в саду, на железной складной кровати под навесом от дождя. Кровать эту нашла его мать где-то в городских развалинах сразу после возвращения из эвакуации. Над кроватью на шнурке висел будильник. Он как-то уверял друга, что сам его починил, и тот хорошо звенит в нужное время. Сенька догадывался: Пашка врёт, как и его часы, а подвесил их для солидности и украшения постели. Одно время, рядом с навесом Пашка вкопал шест и водрузил из старой майки флаг, обозначающий его «штаб-квартиру», но это почему-то вызвало противодействие со стороны соседских парнишек. Завистливые ровесники начали пошвыривать камни в «штаб», пробили толевый навес, и он спустил флаг, признав поражение.

– Паша, Паша, вставай, хватит дрыхнуть! – потеребил его за плечо Сенька. – Вставай, пора!

Пашка только дёрнул в ответ плечом, подтянул одеяло, отвернулся и даже начал посвистывать носом. Тогда Сенька зажал ему нос пальцами, отчего тот сразу приподнялся, спустил ноги, сел, ничего не соображая. Потом, ни слова не говоря, стал шарить руками одежду, стукнулся головой о будильник. Долго искал сандалии, кепку, удочку. И всё это молча, будто лишился языка.

Наконец, они зашагали в сторону железнодорожной станции, волоча за собой длинные тени. Успели услышать в предутренней тишине, как вдогонку им затрещал будильник.

– Опомнился! – повеселел Пашка. – Мы уже подались.

Оба невольно оглянулись. Город с разбитыми коробками зданий на центральной улице смутно проступал позади и тянулся к ним мрачными крышами слободских домиков. Редкие уличные фонари горели жёлтым светом, но он становился уже ненужным – небо с восточной стороны просветлело.

Они шли и шли по уклону Ямской слободы, стараясь не встревожить чутких к шорохам собак. По тропинке, через заросли репейника, пересекли глубокий овраг, поднялись на взгорье и оказались в поле. Здесь, разогретые ходьбой, они

наконец-то почувствовали раскованность. Позади них слышались голоса петухов, ленивый собачий брёх. Со стороны лесопосадки с нарастающим грохотом прошёл товарняк.

Пузырь нормально ходить не может: вертится, путается у друга под ногами, словно собачонка, то отстаёт, то на пятки ему наступает, или забегает вперёд, заглядывая в лицо при пустяшном разговоре. Сенька не выдерживает:

– Паша, шагай по-человечески! Ты что? – до сих пор ходить не научился? Я от тебя уже устал! Ты мне чуть кончик удочки не сломал!

– Я иду по тропинке, – оправдывается Пашка. – Что я, виноват, если она узкая? Ладно, пойду по траве. Я о чём хотел тебя спросить? Как ты думаешь, куда можно прилететь, если лететь и лететь вперёд по небу? Долго-долго лететь на каком-нибудь быстром-быстром необыкновенном самолёте. Скажи, куда прилетим?

– За кудыкину гору! – Сенька немного помолчал и добавил: – Откуда я знаю? Может, у тебя горючки не хватит или еды…

– А если всего хватает? Ты не увиливай, отвечай!

– Зачем тебе лететь, когда не знаешь, зачем полетел? Тебе что, на Земле делать нечего? У каждого лётчика должна быть цель! – нашёлся Сенька и посмотрел выжидательно на друга.

– Цель – узнать, куда прилетишь. Вот! Я знаю, куда прилечу!

– Куда же?

– Прилечу туда, откуда вылетел! Как Магеллан – вокруг Земли, и вернулся в свой порт.

– Фантазёр! Магеллан по воде плавал, а там – тьма и звёзды. Ты сам выдумал, или кто подсказал?

– Ничего ты не понимаешь! – Пузырь от негодования даже приостановился. – Космос тоже круглый, вроде помидора, а звёзды – семечки, и Земля наша тоже маленькое-маленькое семечко. Уяснил? Мне и отец сказал: «Всё возвращается на свои круги». Вот я и решил, что самолёт мой вернётся на свой аэродром!

Сенька не любит такие отвлечённые разговоры. Есть более интересные вещи. Взять, к примеру, вон ту воронку от бомбы. Она – посреди поля. Одна-единственная. Ясно, что немецкая! Метились по станции, а станция отсюда далеко. Уронил немец бомбу в чистом поле, где нет окопов, и никогда здесь не было. Окопы-то, вон, вдоль речки. Значит что-то не так. Может, за ним погнался наш истребитель, и тот бросил бомбу, не долетев до станции?

Эту версию Санька выложил Пашке. Тот согласился, потом вдохновился ею, начал вокруг друга выписывать круги, изображая подлёт русского самолёта. Тут и Сенька не выдержал. Оба положили удочки и сумки на траву и, растопырив в стороны руки, стали кружить по полю, строча из воображаемых пулемётов: «та-та-та-та»… «Фашист» не выдержал и ушёл к себе…

Так незаметно они приблизились к речке. Она встретила их прохладным сырым дыханием, и было слышно, как у противоположного берега проснулся перепел. Среди кустов ивняка стелилась над водой лёгкая дымка. Солнце почти встало, – выползало лучами над дальними крышами городских домов, а здесь, возле речки, долина лишь просветлела, а у самого берега полоса воды всё ещё затенённо смотрелась под прибрежными сонными кустами.

Худенький светлоглазый Сенька уже на ходу разматывал удочку. Он издали приметил песчаную полосу с зелёным островком травы у самого берега.

– Я остаюсь здесь, а ты, Паша, ищи себе местечко неподалеку, – полушёпотом посоветовал он.

Ему теперь ни до кого нет дела. Сбросил сумку, повесил на шею рожок, отсыпав наживку Пашке, и вот уже посылает поплавок на середину водной глади.

Спустя несколько минут, описав дугу, у ног его затрепетала плотвица. Посмотрел в Пашкину сторону: видит или не видит? Пашка заметил, но отвернулся, закатал штанины по колено, зашёл в воду. Вскоре и он посмотрел в сторону Сеньки: видит или не видит? Конечно, заметил, поднял одобрительно руку, хотя и не различил, какую рыбёшку выловил друг. Пашке же попался окунёк, и он недоумевает: как он мог польститься на кузнечика?

Довольны ребята, что так быстро вытащили по рыбёшке. Солнце, наконец, вышло из-за бугра, на воде появились первые рассыпчатые блики – вытянулась длинная и узкая стрела-полоса прямо перед Сенькой. Как только поплавок входил в неё, тотчас пропадал из вида. Поклёвка происходила именно в этот момент – вслепую. Удилищем он ощущал толчки, но при подсечке рыба срывалась. Наконец, удалось поймать голавлика, и он понял, что подошла стайка мелюзги, и надо переместиться дальше. Отошёл, и правильно рассчитал – поймал десяток плотвиц. Нанизал их на кукан. Кукан у него простой: две палочки, связанные между собой метровой суровой нитью. Одна палочка идёт под жабры, а вторая – удерживает рыбу снизу. Кукан с рыбой Сенька держит в воде, прижимая верхнюю палочку камнем. Пашка же никогда не пользуется куканом. Он снимает рыбёшку с крючка и швыряет на берег, потом ищёт рыбёшки в траве, и подсохший улов кладёт в сумку с крапивой.

Сенька со своего места видит: Пашка сменил кузнечика на червяка, и из омутка вытаскивает, время от времени, слюнявых ершей. Сам он их не любит ловить: и клюют незаметно, лениво, и крючок заглатывают глубоко. Исколешься, прежде чем вырвешь его из пасти, а то и леску оборвёшь.

Солнце стало припекать. Плотва и голавлики куда-то ушли, словно по команде, перестали тревожить поплавки. Сеньке захотелось есть, но прежде пошёл посмотреть на Пашкину ершиную ловлю. Смотрел-смотрел и словно сглазил – опустел ершиный омуток. Друзья сели перекусить. Сенька расстелил газету, выложил домашнюю снедь: хлеб, варёную картошку, кусочек солёного сальца, яйца, лук. Едят и решают, куда бы отсюда перебраться: то ли выше течения, то ли ниже его? Решили переместиться ниже, где под обрывом берега бьёт родничок, где можно испить водицы, и заодно быть ближе к городу.

Идут приятели тропинкой над обрывом, изредка посматривая вниз, а у воды, то густая осока, то кустики ивняка, то глина с камнями. Ливенка бывает местами узкая, быстрая и глубокая, а в иных местах хорошо просматривается дно; здесь воды по щиколотки, каждый камешек виден. Бывает, наоборот: у самого берега замедление течения, спиральные развороты под кустами, что говорит о значительной глубине. У одного из таких мест Пашка что-то высмотрел:

– Тише, Сеня, тише, глянь вон туда…

– Что, где?

– Глаза разуй – смотри, какие савки головастые!..

И впрямь, застыли, стоят против течения клинообразные спины больших голавлей, будто чурки лежат на поверхности, лениво шевеля плавниками.

– Вот это да! – негромко восхитился Сенька. – Двенадцать штук. Таких голавлей никогда не видел даже на Сосне. Давай тихонечко спустимся, размотаем лески и забросим на кузнечика.

Они спустились вниз без единого шороха и осторожно забросили наживки поближе к голавлям. Те ноль внимания на их кузнечики. Как стояли голавли у поверхности воды, так и стоят. Лишь со второй попытки один голавль из любопытства толкнул поплавок широкой своей головой и развернулся к нему хвостом. Рыбины явно пренебрегали угощением. Не хотели ни кузнечиков, ни гусениц, ни долгоносиков. Попробовали ребята подразнивать стаю рыб подёргиванием лески,

стараясь наживку подать, как живую. Голавли от этого насторожились, а потом разом ушли вглубь.

– Сытые! – заключил Сенька. – Напрасно время теряем, пойдём к роднику.

Тропинка повела их выше, петляя среди кустов и высокой травы. Вскоре они подошли к роднику. Внезапно Сенька вытянул свою гусиную шею и пальцем поманил Пашку, мол, затихни и смотри. Там, внизу, в воде на кукане, на толстой бечевке устало водили хвостами большие голавли – пять штук. Точно такие же, каких они пытались поймать. Послышался треск сломанной ветки, рыба забила по воде хвостами, встревожилась, потом послышалось, внизу невидимый человек весело запел густым голосом:

«Будешь ты краснеть и млеть,
И лукавить: отпу-усти-и-и!..
Мне к обедне не успеть –
Мне к всенощной бы прий-ти-и…
Ну и встреча! Что за встреча? -
Гнев Господний навле-еку-у-у –
попадья под вечер
пробралась к дьяку-у-у»…

Пашка прыснул и засмеялся раскатисто. Голос тотчас умолк. Послышалось смущённое покашливание. Из-за кустов ракитника показалась голова с длинными русыми волосами. Она лезла и лезла вверх, наконец, перед ребятами предстал священник городской церкви. Вот кого не ожидали увидеть! Одеться батюшка не успел, стоял босой со взлохмаченной бородой, и крестом на шее. Живот охватывали чёрные до колен трусы. Синие глаза его смотрели на ребят со смущённым любопытством. Он тут же начал прыгать на одной ноге, нацеливая другую в штанину тёмных брюк. Сенька и Пашка успели сказать «Здравствуйте».

– Добрый день, добрый, добрый! – послышалось в ответ. – Отроки мои, рыболовы. Спускайтесь, коли пожаловали, поговорим. Я пока оденусь, рыбалку свою уже закончил…

Мальчишки нашли тропинку, ведущую вниз, пошли навстречу течению, по берегу к священнику. Он выбрал себе место как раз у того самого родника, к которому они шли.

– Попейте водицы, попейте, – одобрительно окал священник. – Какие успехи в рыбалке? Что? Охотку сбили, как и я. Интересно, а где рыбалили? Что? То и дело «чтокал» он, словно недослышал.

Окая и чтокая, он засыпал ребят вопросами, не переставая одеваться, а мальчишки, подавленные его уловом, отвечали вяло и неохотно. Пашка, наконец, осмелел:

– Вы это… на что больших голавлей поймали? Мы на козявки пробовали, не берёт на них рыба крупная.

Вспученный живот попа заколыхался от сдержанного смеха, борода задралась вверх, и под картофелиной носа показались две чёрные дырки. Потом опустил смолистую бороду, склонил голову набок, словно прислушиваясь, что у него там, в животе, делается. Улыбаясь, засомневался:

– Так уж на «козявки»! Быть такого не может. Ловить надо умеючи, трудов своих не жалеючи, и местечко надо выбирать правильное. Рыбку следует подкармливать, и тогда Господь возблагодарит ловца, особенно если перед этим молитву совершить…

Друзья сразу почувствовали: он крутит вокруг да около. Не хочет отвечать на прямой Пашкин вопрос. Видимо, встречные ребятишки не заслуживают посвящения в тонкости ловли.

Под восхищённые взгляды их, он стал снимать с кукана одну рыбину за другой, укладывая их в плетёную корзину. Целых пять штук! Хвосты их свешивались, не вмещались в неё, и он туго обмотал спины улова полотенцем, ручки корзины связал шпагатом. Сенька и Пашка смотрели, как плетёнка тряслась от сильных тел ещё не уснувших рыб. Влажный рубин плавников и серебро чешуи какой-то магической силой притягивали к себе глаза ребят. Священник разобрал удилище на части и приторочил их к корзине. Откуда-то на голове его появилась соломенная шляпа. Становилось жарко, он торопился.

– Будьте здоровы, друзья мои, не унывайте! – сказал им на прощанье, и пошёл береговой тропинкой в сторону города.

Сенька только теперь пришёл в себя:

– Во, даёт, попище! – выловил наших голавлей и подался. – Ничего путного не сказал, кроме «подкормить», «помолиться»...

Пашка поддержал:

– Не люблю я, когда в городе мне попы дорогу переходят. Как завижу, перехожу на другую сторону, боязно бывает. Поп этот, правда, нормальный: рыбак как рыбак, но что-то хитрит. Секрет знает, а не говорит.

Сели ребята на насиженное место, размотали удочки, попробовали ловить, да толку вышло не больше, чем на старом месте. Поймали несколько пескарей, потом стали попадаться селявки. Этих вообще за рыбу никто не считает, снимают с крючка и выбрасывают – горькие. Побрели домой с мыслью когда-нибудь поймать краснопёрых.

Прошёл июль, половина августа, лето подходило к концу. Нос у Сеньки совсем обгорел, волосы выгорели, сам превратился в таранку – до того избегался. Пашка подрос, стал менее суетливым и всё реже его на улице называли Пузырём. По-прежнему друзья вдвоём ходили на рыбалку, когда Сенькин отец был занят. По-прежнему выуживали на Ливенке рыбную мелочь, а пределом их мечтаний оставались крупноголовые рыбы с рубиновыми плавниками и серебряными пятаками чешуи. Однажды опять видели, но издали фигуру священника с удочками, но что у него в корзине не рассмотрели. Приходилось догадываться.

– Переловит поп нашу рыбу, – сокрушался Пашка, – ни одной не оставит!

Однажды рано утром они пришли к тому самому роднику. Стояла безветреная погода. Небо покрывали сплошные белесые облака, густеющие у горизонта. Рыба клевала вяло, потом и вовсе перестала. Ребята сели перекусить. Только разложились у родника, как показался священник, идущий по нижней тропинке, с корзиной и приторочённой к ней удочкой. По всему видно – отрыбачил. Подошёл, поздоровался, поставил ношу. Сам затеял разговор, как со старыми знакомыми:

– Насыщаетесь, отроки мои? Хорошее дело, хотя пища не приближает к Богу и не удаляет. Что? Ешьте, ешьте. Мы так устроены, что без неё не обойтись. И рыбе тоже. Но сегодня она не хочет клевать, чует – дождь пойдёт. И я так думаю: надо до дождя домой успеть.

– Почему так думаете? – спросил Сенька. – Откуда дождь? Не пахнет даже.

– Приметы есть, сын мой, приметы: лягушки затихли, комар низко полетел, муха зло кусается, да и поясницу с вечера ломило – тоже примета верная.

– Что же, и нам уходить, ловить не стоит? – Пашка посмотрел на него.

– Отчего же? С часок клевать не будет – не более, а как дождь припустится, то рыбка осмелеет. Любит она шум и брызги. Начнётся хо-о-рошая ловля, не пожалеете. Дождь молодым не страшен, даже нужен для роста. Промокнете – обсохнете. А мне, вот, нельзя – годы не те, да и вечером уезжаю. Утром надо быть в епархии – беседа намечена. Кончилась моя утеха…

– Батюшка поп! – вдруг присоединил два знакомых слова Пашка, отчего сам засмущался (в голове у него всё вертелось «поп» да «поп»). – Скажите, а на что вы ловили больших голавлей, какой секрет имеете?

Засмеялся священник, заколыхался у него живот, затряслись полные щёки, задралась вверх борода, и в носу показались дырки.

– Ой, не могу, ой, уморили, прости Господи – «батюшка поп». – Вы вот что уясните. Поп – слово хорошее. Это значит «пастырь овец православных» – такая наша должность с древних времён. Так мы под церковными документами подписывались раньше. Это потом заблудшие овцы в это слово вложили совсем другой, нехороший смысл. Все мы грешные: и священники, и не священники. Разница в одеянии. Просто мы выбрали дорогу трудную – служения Отцу нашему, и спрос с нас больше. Обращаться можно просто: «батюшка», если имени не знаешь, или «отец Сергей» к примеру. Секретов у меня никаких нет... Что? – действительно всех козявок перепробовали? А этих видели?..

По-мальчишески, хвастовским жестом, он вытащил из широкого кармана брюк темно-зелёный квадратный пузырёк, отвернул пробку и высыпал на ладонь крупных уснувших насекомых с длинными усами, ромбовидными спинами светло-мышиного цвета.

– Что это? – одновременно вскрикнули мальчишки. – Никак тараканы?

– Верно! – подтвердил отец Сергей. – Но не простые, а рыжие. Чёрных тараканов голавль почему-то не уважает, а рыжих берёт охотно.

– Тёмные у нас дома водятся, – Пашка всё ещё не решался взять у него одного таракана рассмотреть, но эти какие-то другие, крупнее. – Где вы их берёте?

– Вопрос правильный. Отвечаю: рыжий таракан – тварь резвая, стремительная, можно сказать трудноудержимая, и изрядно пугливая. Поймать её целехонькой, не помявши – мудрено. Водится повсеместно, чаще всего, где тоска. Заметьте: появилась тоска – жди таракана чёрного или рыжего. Особо плодовита рыжая тварь, выводится туго, но против святой водицы и молитвы не устоит…

Отца Сергея словно понесло по кочкам. Он ещё что-то говорил об изгнании тоски из домов, а выходило, что рыжие тараканы в изобилии имеются в подсобных помещениях храма, и он их ловит на фанерку.

– Как на фанерку? – удивился Сенька.

– Да, да, на густо намазанную мёдом. Подходы к фанерке, огораживаю дощечками, а затем устраиваю тараканчикам большое беспокойство. Одним словом – переполох. Они спасаются бегством, но на мёде тормозятся. Славная ловушка! Сидят в ней и усами шевелят. Тут я их беру в нужном количестве. Понятен секрет?

Священник с ладони водворил тараканов обратно в зелёную стекляшку и протянул пузырёк Пашке.

– Держи, сын мой, мне пора – спешу. Удачи вам в ловле.

Уже поднявшись на бугор, он крикнул напоследок:

– Подкармливать надо, подкармливать – вот и весь секрет!

Священник оказался прав: вскоре пошёл дождь, а затем начался необыкновенный клёв. Подробности этого дня – ловлю голавлей на Ливенке, на рыжих тараканов, друзья вспоминают до сих пор, уже имея каждый по три внука. Судьба разбросала их: Семён Николаевич живет в Подмосковье, а Павел Николаевич – в Краснодаре. Время от времени они созваниваются и встречаются в родном городе. Вспоминают минувшие годы, совместную учебу в Московском авиационном институте, а когда память уносит их в далёкое детство, непременно подходят к тому дню, когда отец Сергей одарил их рыжими тараканами. В рассказе об этом Павел Иванович начинает заметно суетиться, держать в руках воображаемую удочку и показывать, как он подсёк и вывел на отмель крупного голавля. По его словам, это

была полуметровая рыбина. Семён Николаевич, по-юношески поджарый, в это время следит за взмахами рук своего друга-толстяка и ждёт своей очереди, чтобы в который раз поведать, какие чувства испытывал он, держа за жабры огромного голавля с крючком в верхней губе.

– Понимаешь, – через минуту говорит он, – вырвался голавль и прыгает на траве, вот-вот в воде окажется. Упал я, и грудью прижал его к земле. Надо бы оглушить, а камня под рукой нет. Тогда я его голой пяткой по голове, по голове... Иначе бы ушёл, очень сильный, вырывался, чертяка…

– А у меня дважды леску рвал, – вставляет Павел Иванович, – я по-хитрому выводил: то отпускал леску, то подтягивал. На измор брал, с терпением…

– Да, – соглашается Семён Николаевич, – на рыбалке, как и в жизни, надо иметь большое терпение. Слушай, Павел, а где бы нам теперь найти рыжих тараканов?

– Э-э-э, Семен, тараканов нынче больше прежнего – любых, а вот голавлей таких, как на нашей Ливенке, не найти. Вода стала не та, и берега иные.

ВЛАДИМИР САМАРИН

ТЕНИ ПОСЛЕ НОЧИ

Рассказ

На всех демонстрациях после освобождения города Ивану Ивановичу поручали нести наклеенный на фанеру плакат с устремленной в будущее фигурой Ильича. Но накануне сегодняшнего октябрьского шествия парторг Мымрин засомневался:

– Надо ли тебе поручать это сейчас? Ведь исключили из партии...

– Исключили ещё до войны! – Карпов выразительно поднял над головой палец. – Но я взносы как член ВКП(б) до октября платил.

– А теперь и утверждение обкома состоялось. Все как один голосовали «за».

– Все да не все... – Иван Иванович испустил долгий выдох. – В гестапо меня в список состоящих в партии внесли.

– И что за это схлопотал?

– Первым делом коровы лишили, запретили приобретать по твёрдой цене соль и семена...

– Но не повесили ведь? – ухмыльнулся Мымрин.

– Люди наши, тайницкие, от расправы защитили... Так можно мне нести Ильича?

Мымрин недоумённо повёл плечами, сказал тихо, чтобы никто не услышал:

– Неси. Только выше других плакат не поднимай – зачем на рожон лезть?

От мясокомбината к главной площади города прямой стрелой пролегала лучше других сохранившаяся улица имени пролетарских товарищей Сакко и Ванцетти. Распространённая городская легенда вещала о том, что советские лётчики обходили эту улицу при бомбометании. Другой причиной сохранности называли тот факт, что начиналась она у храма Михаила Архангела, а заканчивалась церковью Иоанна Предтечи.

Рисованных плакатов было мало: несли в основном лозунги на выгоревшем кумаче и временно снятые со стен портреты вождей. Сталин с девочкой на руках (картину многие видели в горсовете) открывал шествие района. Приподнятость

настроения поддерживалась радостными восклицаниями-поздравлениями родных и знакомых.

В шуме приветствий, перекрывающих друг друга песен, в толчее смеха Иван Иванович не сразу различил обращённые к нему слова: «Папа! Ты видишь меня?» Навстречу строящейся колонне двое молодых людей проталкивали поставленный на велосипедные колёса трёхметровый картонный букварь. У подножия книги-гиганта стояла девочка в белом форменном фартуке, с двумя бантами в причёске. Длинная указка в её руке смотрелась как шпага рыцаря науки.

«Настенька... Дочка...» Иван Иванович подкрепил два милых слова приветственным жестом высоко поднятой руки. Настенька ответила салютом шпаги-указки, а когда букварь подвезли ближе, Иван Иванович заметил на платье дочери голубой значок-трапецию: над массой людей возвышалась уже не школьница, не студентка Настя, но Анастасия Ивановна Карпова, педагог советской начальной школы.

Иван Иванович ещё не утихомирил бурную радость, как под рукой оказался Мымрин.

– Видишь – как?! Партия всё ещё тебе доверяет: дочке почёт какой!

– Андрей Геннадьевич! – придержал Иван Иванович Мымрина. – Получается, что ты первым поздравил меня и с праздником, и с получением Настенькой диплома. Значит, с меня причитается. Дойдём до выездного буфета, я обеспечу.

– Не советую... – Мымрин нахмурил брови. – А если за тобой другие трудящиеся раньше времени в буфет потянутся? Ты ведь человек в коллективе известный...

Иван Иванович заглянул в автолавку по другому поводу: старшина Карпов попросил отца приобрести что-нибудь праздничное. День рождения страны советов совпадал с днём появления на свет подруги сына – Сони. Выбор оказался невелик, особенно в отношении цен. Иван Иванович приобрёл по коммерческому тарифу пару селёдок и халву к чаю. Сторублёвую буханку хлеба не осилил, но тут же успокоил себя: сегодня в деревне картошка – хлеб. Купил и пачку «Беломора», чтобы угостить знакомых курильщиков. Потом вспомнил, что на обед в праздничный день его пригласила Лида. Вернулся к автолавке и долго выбирал в куче бижутерии бусы. Не подобрал. Купил завёрнутые в розовые фантики карамельки «Фруктово-ягодный букет».

В караулке конвойной роты дежурный сообщил, что старшина Карпов недавно возвратился с объекта. В честь праздника пленных немцев гоняли мостить булыжником улицу имени 7-го ноября.

– Зато им сегодня по пятьдесят граммов поднесли! – весело воскликнул дежурный.

– А почему не сто? – улыбнулся Иван Иванович.

– Кто же немцам всю водку отдаст?! Поступили по справедливости...

Продукты-дары из рук отца Иван принял с радостью. Поблагодарил душевно, но неожиданно спросил:

– А можно одну селёдочку и пару конфеток Лариной отнести. Она ведь рабочих карточек не получает...

Иван Иванович внутренне поморщился: не нравилось ему сближение сына с учительницей вечерней школы. Алла Антоновна была красива, элегантна, лакома для мужчин. После ареста её мужа в тридцать седьмом ухаживание за ней считалось общением со шпионкой. Ивана Ивановича утешало лишь то, что контакты сына с Лариной рассматривались большинством знакомых как необходимые действия сотрудника НКВД.

Из пензенской глубинки до Орла Инна с дочкой добирались долго. Последняя большая стоянка в Ельце вызвала плохие предчувствия. Они впервые увидели наяву искалеченный войной город. Над разрушенными слободками его смогли

устоять только церкви, иные – без куполов и со срезанными пушечным огнём колокольнями. Страшнее всего выглядели развалины двух- трёхэтажек неподалёку от вокзала. Бомбометание по важному транспортному узлу было такой силы, что вырывало из сердцевины привокзальных домов не только лестничные марши – на скрученных страшной силой стальных балках висели над землёй целые комнаты с обезображенной мебелью. В одном из зданий при падении застрял меж этажей рояль: крышка его походила на крыло большой подбитой птицы, а над покалеченным клавишно-струнным рядом, казалось, звучал мотив предсмертной песни.

Когда поезд стал притормаживать у границы станции, Инна, оставив пятилетнюю дочь на попечение старушке-попутчице, поспешила к выходу из вагона: надо было купить к обеду печёную елецкую картошку «в мундире» – о её вкусности разговоры начались задолго до приближения к Ельцу.

– Сколько стоит ваша картошечка? – спросила Инна у первой попавшейся на глаза бабушки с чугунком под полой фуфайки.

– А много надо?

– Я с девочкой... Дочка моя...

– Далече едете?

– В Орёл возвращаемся.

Аккуратно извлекая из чугунка картофелины и бережно укладывая их в устланную чистым полотенцем сумку, старушка не пропустила ни одного слова Инны.

– Значить, ты его ни разу не видала? – удивлённо спросила она.

– Кого – «его»? – от подступившего волнения Инна перепутала счёт картофелинам.

– Немца. Кого ещё?

– Пленных только...

– Счастливая. Хлеб вам давали, сахар. И с мужиком спала.

– Всё так, бабушка... А ещё мы делали бомбы, которые наши лётчики сбрасывали на фрицев, но и мой родной город бомбили. Из Орла в эвакуацию не многие смогли уехать. Мама моя почти два года под немцем прожила. Что с ней – страх подумать.

Когда горячие картофелины были переселены в сумку, Инна протянула старушке червонец:

– Этого достаточно?

– Дюже много...

За десяток печёных клубней ельчанка взяла всего полтинник, потом развязала платочек-узелок и протянула Инне два антоновских яблока:

– Бяри. Долгарукавския... Бабусю помни...

Во время стоянки пассажиров в вагоне прибавилось вдвое. Однако старушка-попутчица и Оля в неравной борьбе отстояли место для Инны. В проходе, прямо у «забронированного» отрезка сиденья, стоял лейтенант с вещмешком за плечами. Чтобы «покультурнее» разминуться с ним, Инна старательно втянула грудь и живот. Лейтенант заметил и улыбнулся. Бережно придерживая Инну за талию он помог ей сесть на скамью.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – тихо сказала Инна. –Вы заслужили награду знаменитым антоновским яблоком...

Другое яблоко Инна дала Оле. Дочь поблагодарила, но резонно заметила:

– Сначала дай ему картошечки покушать...

– С лучком и хлебушком! – добавил лейтенант. Он выложил из вещмешка газетный свёрток, развернул его – в носы сидевших пассажиров ударил позабытый запах подового хлеба. В вагоне зависла нежданная тишина, только где-то в дали заплакал ребёнок.

Лейтенант отсёк трофейным кинжалом две пластины от буханки, передал Оле:

– Отнеси, пожалуйста, малышу и маме...

Инна проследила, как дочь пробиралась между корзин, чемоданов, мешков. Перевела взгляд на лейтенанта – он, кажется, задремал стоя.

– Садитесь... Вы такой человек, а без места... – пригласила Инна. Лейтенант не слышал её: строго сидящая на нём форма, прикрытые в дрёме глаза и засунутая под портупею правая рука делали его похожим на скульптурное изваяние.

– Разрешите обратиться, товарищ гвардии лейтенант! – с полки показалась голова мальчика девяти-десяти лет.

– Слушаю вас... – очнулся и поправил на себе ремни офицер.

– Позвольте сменить вас на посту, – мальчик свесил ноги с полки, – Я готов вместо вас стать в караул.

– Спасибо, паренёк... – лейтенант похлопал мальчика по плечу, – но до Орла уж немного осталось...

– Сюда садитесь! – подключилась соседка Инны. – Я тоже с Орла... как и все наши бабы, давно не гретая.

Сильной рукой она притянула лейтенанта, усадила рядом, отчего вздохнула громко и счастливо.

Мальчик с верхней полки, увидев это, запел:

Мама, я лётчика люблю...
Лётчик дарит мне конфеты,
Я дарю ему...

Бабий хохот поглотил последнее слово. Женщины, не догадавшиеся устроить поближе к себе бравого офицера, обрадовались возможности постыдить осчастливленную молодайку.

– Он и не лётчик вовсе – неожиданно прервала общий гам Инна. – Ты, мальчик, знаки на петлицах и погонах не разглядел. Там не крылышки, а пушки...

– Что? Самой хочется о товарища лейтенанта ляжки потереть? – пассажирка в фетровой шляпке решила начать новый бабий спор.

Затрещали в разгоравшемся огне мелкие сучки-задоринки, а через пять минут вовсю уже полыхали привычные костры-базары между «тыловыми крысами» и «немецкими прихлебателями».

Инна не узнавала попутчиц: минуту назад они сообща поддерживали смехом фривольность песенки, горячо обсуждали пророчество орловского юродивого Афанасия о приближающемся голоде.

– Все орловские под немцев приспосабливались! – кричала наперекрик женщина, получившая хлебушек из пайка лейтенанта. – Говорят, что тысячи две детей от немцев нарожали...

– Их по кинам хвашисты водили... в туфельках на каблучках! – подхватила обвинения дама, следующая из Пензы в Смоленск.

– Что? Своими глазами видела? – пытала её орловская молодайка.

– Видела! Видела! – захлёбывалась криком смолянка.

Неожиданно ругачку остановил лейтенант:

– Вас что – немцы с цепи спустили? Не они ли научили так лаять друг на друга?

Застопорилась битва засаленных грязью языков, умолкло торжище скандала. Мальчишка на верхней полке решил заполнить пустую тишину.

Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана...

Оборвал продолжение считалки, поскольку в проходе появилась проводница.

– Поезд прибывает на станцию Верховье! – несколько раз повторила она находу. Возвращаясь к своей служебной загородке, пропела:

– Пересадка на Мармыжи и Ливны, которые дивны!

Зашевелился народ, зашмурыгал по полу мешками, корзинами, чемоданами. Людей к выходу потянулось много.

Инна вслух удивилась резко умножившемуся числу свободных мест. Лейтенант объяснил ей:

– К западу все города представляют из себя развалины. Кто поспешит на такое пепелище?..

– До войны вы, наверное, учителем были? – поинтересовалась Инна.

– Отгадали! – улыбнулся лейтенант. – До войны в Привокзальном посёлке все звали меня Николаем Ивановичем, а на фронте по отчеству не величали: товарищи-офицеры называли Колей, а начальство, начиная с комбата, лейтенантом Русановым...

– А меня всегда звали Инной... И маленькую и большую. Даже Оля говорит – «мама Инна».

– Наконец-то мы познакомились. Меня, пожалуйста, называйте Колей...

Они слишком внимательно смотрели друг другу в глаза. Инна поймала себя на том, что завидует женщине, к которой спешит Коля. Кем приходится эта счастливица гвардии лейтенанту? Женой? Сестрой? Подругой довоенного времени?

Инну, кроме мамы, в разваленном и обворованном немцами городе ждали многие: сестра Лидия, её дочь Светланка, дяди Иван и Пётр. Николая – семья, конечно, и пацаны с Привокзального посёлка и Выгонки. Он не мог знать, что среди ждущих нет уже священника Орлова, казнённого немцами за связь с партизанами и тайное крещение евреев. Отец Василий, провожая Николая на фронт, вложил под обложку его комсомольского билета фотографическую иконку святого Николая Мирликийского.

Несмотря на вползающие по вечерам в город морозцы, посиделки на дубу оставались главным судилищем-рядилищем слободы. Перед досужим бабьим обществом здесь всплывали на свет не только семейно-хозяйственные затруднения жителей четырёх улиц, но круг разговоров расширялся порой до масштабов куда более значительных. Ближе к зиме всё чаще и чаще разговор заходил о грядущем, по всем приметам, голоде. Не только пророчества Афанасия Андреевича Сайко указывали на это – больше половины земли под озимые зерновые пахали на коровьей тяге. И семена были не свои районированные. Присылали их с Урала, из Башкирии. Осень была сухой, не рассчитывали и на снежную зиму.

Свежих «дровец» в горевания и печали подбросила впервые появившаяся вдовая почтальонка Полубабина.

– Надо в деревню перебираться, – чтобы подчеркнуть серьёзность своего предложения, она водрузила на нос очки без дужек. – Там хоть на трудодни зерна дадуть, и свой огород подможет...

– Трудодни? – переспросила Елена Герасимовна. – Вы вот, девки, не зарабатывали их, а у меня не только ладони, но и душа от «палочек» мозолями покрылась...

– Ты у колхози до войны была? Не городская, значить... – поддела Полубабина.

– Как все... – спокойно ответила Елена Герасимовна. – Только родители ваши с детками в двадцать первом году от голода в город за рабочей карточкой побежали, а мы в тридцать третьем на перемену места не имели права...

– А кто имел? – встряла жена участкового Гусакова. – Рабочих надо было кормить, которые для нас индустриализацию делали.

– Кормили... – Елена Герасимовна развёрнутым носовым платком, словно туман, с глаз смахнула. – Тоня, моя сестрёнка, как раз курсы тракторные закончила. Пятнадцатый год девчонке пошёл. Колхоз был маленький, в который её от МТС

работать послали, и она, бедная, считай,половину всех полей машиной обеспечила: пахала, сеяла, хлеб убирала... С пускача завести мотор не могла – ребята наши бобровские помогали. Зато в остальном управлялась с трактором, как хорошая баба с мужем...

– Тысячу трудодней, наверное, заработала? – поинтересовалась Нина Краснова.

– Не тысячу, но близко к этому. – Елена Герасимовна гордо приподняла подбородок. – Семнадцать мешков ржи да пшенички причиталось ей от колхоза. А из начальства никто и в ус не дул, чтобы хоть частицу малую этого хлеба отдать...

– Вот под Рождество, – продолжала Елена Герасимовна, – сидим мы всей семьёй за столом. Мамка картошкой варёной всех оделяет. А народу-то много: кроме отца с матерью и бабушки, нас детей семеро да пять пригретых маминых племянников из города. Забрали их, когда голод к горлу подступил. У нас хоть с огорода и леса, да с луга еды какой-то можно было набрать. А в городе...

Мама по штучке раздала всем картошку, а в чугунке осталось ещё три.

– Это кормильцам нашим, – сказала мама. – Бабушке, отцу да Тоне-стахановке...

Отец разломил добавочную картофелину пополам. Одну часть пододвинул матери, другую – Тоне.

– Так будет справедливее...

– А – а – а... Дальше что рассказывать? – Елена Герасимовна опять смахнула туман с глаз. – Про это вслух нельзя...

– А мне услышать можно? – спросила Анечка шёпотом.

– Если в гости зайдёшь... – с тихой улыбкой ответила Елена Герасимовна. – Давно ты не была у меня...

Стало уже совсем темно, когда к дубу прихромал на костылях одноногий Паша-артиллерист, редкий в Бабьей слободе мужик-одиночка. Сватались к нему многие, но слышали в ответ одно: «Душа моя всегда с Инночкой. Вот вернётся с эвакуации...»

– Но зачем ты ей на костылях? Да и возраст...

– Возраст не помеха, – отвечал он. – А ногу я за Родину и за неё, за Инночку, войне отдал...

Удивительно было то, что Паша сам явился на посиделки, хотя компаний женщин он не любил. Все ждали услышать от героя-артиллериста какую-нибудь особую новость. Должно ведь что-то случиться, чтобы Паша изменил своему правилу.

– Отца Ивана с Никитской церкви забрали... – опершись на один костыль, Паша высоко поднял другой, указывая дорогу то ли в небеса, то ли в сторону тюремного замка.

– За что?

– При немцах людей к Богу склонял...

– Он всех утешал... Помнишь, Герасимовна?

– А сколько людей спас!

– Больше – евреев...

– А евреи разве не люди?

Пока вокруг ареста священника Маккавеева разгорались эмоции, Елена Герасимовна с Анечкой незаметно покинули женское собрание. Когда шли тёмным концом улицы, прижимались друг к другу, перешёптывались.

– Правда, хорошо вдвоём? – нежно дрожал голос Елены Герасимовны. Обняв подругу, она просунула свою ладонь между двух пуговиц Анечкиного пальто и зашептала:

– Можно у тебя здесь погреться?

Анечка громко засмеялась и посоветовала:

– Я разрешу тебе греться и в других местах, Леночка! Но потерпи хоть до порога дома...

– Хорошо. Только мою ладошку на мороз не выталкивай... А я тебе историю про сестрёнку-трактористку доскажу.

...Нарани следующего дня, после разговора о невыданном Тоне зерне, она отправилась в правление колхоза. Семь километров прошла. И вот стоит перед запертой дверью конторы, от долгого ожидания слёзы на лице мороз прихватывает. А тут и он появляется – верхом на сером в яблоках жеребце; поднимает у самого порога коня на дыбки, спрашивает, не здороваясь:

– Досок, что ль просить пришла?

– Хлебушка, Николай Петрович... Из семнадцати мешков колхоз мне и горсточки зерна не дал...

– Камень тебе в глотку! – взвизгнул председатель. Лошадь снова на дыбки взвил, сложенную вдвое плётку высоко над головой поднял, как саблю...

– И ничего не выписал Тоне?

– Ничего...

Свет наполовину вылупившейся из земной тени луны высвечивал белёный угол дома.

– Погоди... – Елена Герасимовна притушила голос, ладонь её столь же тихо высвободилась из Анечкиной пазухи. Глаза словно засветились в темноте. Больше того Анечке она резким движением не позволила идти дальше.

Сначала услышали со стороны дома шуршание шагов. Они не приближались и не удалялись. Но вот на фоне блеклого света обрисовалась некая фигура. Появилась – исчезла, через полминуты снова появилась...

– Женька...Женечка! То ли горлом, то ли всем нутром взвыла Елена Герасимовна. Зашмурыгали тяжёлые сапоги – Елена Герасимовна бросилась навстречу. Анечка замерла на месте, чтобы не мешать соединению в объятиях и поцелуях двух любящих людей, но участившиеся удары сердца теперь казались ей набатом. Тревога? Ликование? Она не поверила своим ушам, когда сквозь шум проснувшейся души услышала зов мужчины:

– Анечка! Дай обниму тебя!

Елена Герасимовна зажгла керосиновые лампы во всех комнатах и закуточках. Собравшуюся уходить домой Анечку подрядила чистить картошку. Евгений один за другим втащил в прихожую обкрученные верёвками два брезентовых узла. Женщинам объяснил:

– С попутной машины сгрузили в палисадник. Цветов, Леночка, я не помял, потому что они давно с семенами в землю ушли.

Распаковывать багаж Евгений не стал, толкнул один из узлов носком сапога:

– Тут барахло всякое... бабье... Будешь у меня, как модная немочка, ходить: лифчики кружевные, трусики сквозные, подтяжечки на ляжечки...

– В жизнь не надену! – возмутилась Елена Герасимовна. – Вези назад тем, с кого снимал.

– Ненадёванное всё это! – обиделся Евгений. – И по шифоньерам я не лазал. Комдив наш генерал-майор Трясунов распорядился выдать из безучётных трофеев. Там и гармошка губная есть, и фонарь электрический... Ложки-вилки разные...

– А давай, Женечка, мы Анечку по моде оденем! Не заслужила разве? Сколько раненых от смерти спасла!

– Да кто я такая, чтобы в моде ходить? Женя... Леночка... На меня пальцем вся слобода будет показывать!

– Не стесняйся, – заключила Елена Герасимовна. – Посмотри, как полковник Клевакин свою жену обряжает! А ведь даже пороха не нюхал – всю войну заседал в трибунале...

– Анечка, конечно, заслужила! – Евгений подмигнул молодайке. – Но ты, Лена, сама её раздевай и одевай, чтобы я не соблазнился. С фронтового голода знаешь как женщины притягивают?

Заместитель прокурора города Мешаев официальную бумагу о своём назначении ещё не получил, но уже занял подготовленный для него кабинет. «Некогда формальностями заниматься! – сказали в облпрокуратуре. – Полгорода, считай, в приспешниках фашистов были, а тюрьма не заполнена даже наполовину...»

Среди первоочередных задач значился пересмотр дела священника Маккавеева. Оправдание его, и, в первую очередь, «защитительные письма» прихожан Ахтырско-Никитской церкви явно говорили о существовании в городе некоего центра по обелению работавших в организациях немецкого оккупационного режима.

В штате прокуратуры ощущалась нехватка следователей – поэтому допрос представительницы общины Мешаев взял на себя.

Приглашённая дама выглядела вполне по-советски: поверх дешёвого платья на худые плечи была наброшена кофточка, связанная, наверное, в довоенной артели «Большевичка».

– Почему вы пришли не в пальто? – спросил для разгона Мешаев.

– Это имеет какое-нибудь значение?

– Вижу, что палец вам в рот не клади! – Мешаев постучал карандашом по пустому графину на столе. Из-за перегородки позади прокурорского кресла вышел молодой человек со стопочкой чистых листов бумаги.

Вопросы к даме Мешаев заготовил заранее: список был длинный, но зампрокурора неспешно поставил галочку рядом с цифрой «1».

– Ваши фамилия, имя, отчество... Место и дата рождения. Профессия...

– Проживаю в Орле... В Орле и родилась... Православная.

– Михаил Францевич! – обратился к Мешаеву его помощник. – Последнее слово надо записывать?

– Конечно. Это признание членства в церковной организации.

– Да, это очень важно, – тихо подтвердила дама. – Православным был в молодости наш великий вождь товарищ Сталин...

Помощник прокурора тревожно и вопросительно уставил глаза на своего начальника. Мешаев ответил немо: медленно опустил веки и слегка кивнул головой. Однако не пошёл на поводу у допрашиваемой – задавал вопросы, бьющие в цель.

– Как точно называлась ваша профашистская организация при церкви?

– Фашистская? Это не про нас. Для оказания помощи инвалидам, тяжёлым больным, одиноким старикам, матерям-солдаткам и детям-сиротам мы создали «Общество помощи бедным».

– Кто направлял его работу? – подскочил на стуле Мешаев.

– Всё решал совет прихожан. Мы хорошо знали, кто как живёт, кому надо помочь в первую очередь...

– Фамилии!!! – снова подскочил Мешаев.

– Чьи?

– Активистов ваших!

– Да ведь многие были активными. И пленным помогали, и раненым, которых из города не эвакуировали: больше тысячи в госпиталях осталось.

– Раненых не вы спасали! – ударил кулаком по столу Мешаев.

– Да, не мы... Это врачи и сестрички-молодички из Русской больницы...

– Ты слышишь, Николай Порфирьевич, сколько у них здесь в Орле спасителей набралось? Бургомистр Шалимов! Полицмейстеры Ставицкий и Головко! Личный секретарь начальника русского гестапо Сорин! И аусвайсы, оказывается, орлов-

ским подпольщикам спаситель Челюскин выдавал, а потом всех «спасённых» в Первомайском саду вешали. А ваш Маккавеев...

– Отец Иоанн от Иосифа Виссарионовича благодарственное письмо получил...

Мешаев немного смутился, хотя вида не подал.

– Не надо сообщать мне всем известное. Газеты читаем...

Он говорил и натужно пытался вспомнить, где и что было написано о заслугах попа Ивана. «Может это ещё до войны? За сдачу церковных ценностей в фонд Помгола? Или позднее, в тридцать третьем?» Дама извлекла из потрескавшейся сумочки бумаги.

--Вот списочки я принесла, – сурово взглянула она на Мешаева. – Здесь фамилии и адреса всех, кто на танковую колонну деньги давал... А ещё я подшила заявления прихожан с просьбой освободить батюшку Иоанна из темницы НКВД...

– Темницы были при царе и буржуях! Вы забываетесь!

– Господь простит...

– А суд народный?

– Так отца Иоанна признали невиновным...

– Вы свободны... – процедил Мешаев, – А с церковью не знайтесь: она быстрей не до рая, а до тюрьмы доведёт...

– Где же тогда правда? – Даме показалось, что громко и с возмущением произнесла эти слова. На самом деле губы только прошевелили их...

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

Главы из романа

НАВОДНЕНИЕ

Ещё вчера река лежала неподвижно, скованная льдом, и наиболее отчаянный народ всё ещё перебирался на другой берег по едва заметному следу, размытому талым снегом; перепрыгивая через небольшие лужицы и щупая ногой глубину выступившей из-подо льда воды, шлёпали прямо по ней...

А ночью лед пошёл, и река стала быстро подниматься. К утру начали рвать ледяные заторы, и от взрывов в домах задребезжали стёкла.

В школу в этот день пришло меньше половины ребят. Все, кто жил ближе к реке, остались дома. Нас возбуждали взрывы, доносящиеся с реки, мы старались определить, в какой стороне рвут, и почти не слышали учителей. Слова их вязли где-то на полпути к нашему сознанию, так как у нас полностью отсутствовало желание воспринимать что-то ещё, кроме надвигающегося наводнения. Зоя нервно вздрагивала вместе с каждым глухим ударом и вела урок кое-как. Многие учителя тоже жили в районах возможного затопления, и их сейчас занимала судьба их жилища больше уроков.

После третьего урока нас распустили по домам...

Мы стояли у самой воды. А по речке быстро неслись льдины и льдинки. Большие льдины сталкивались иногда, вздыбливались и наползали одна на другую. Оживление вызвала собака, плывшая на льдине. Она скулила и металась от одного края к другому. Кто-то засвистел, заулюлюкал, но большинство собаку жалело, и вздох облегчения прошёл по толпе, когда наперерез льдине с собакой устремилась

моторка, в которой сидело трое: один правил лодкой, двое других баграми отталкивали льдины. Лодка благополучно достигла цели, льдину подцепили багром и потащили, было, к берегу, но собака вдруг прыгнула в лодку, чуть не сбив лодочника.

Вместе с льдинами по реке плыли доски, брёвна, ветки. Стихия завораживала.

Домой мы разошлись поздно, когда вода уже стала выходить из берегов на самых низких участках. Она быстро сочилась дальше, затопляя впадины и ямки прибрежного пространства.

К вечеру вода полностью вышла из берегов и затопила первую из параллельных реке улиц – улицу Свободы, рукавами растекаясь по боковым переулкам. Обычно здесь вода останавливалась. Дальше всё становилось неинтересным, и ребята, усталые и пресыщенные зрелищем, разошлись по домам. В какой-то момент, когда я шёл к дому, я вдруг ощутил, что иду по затопленной улице, меня окружает вода, и я тяжело передвигаю ноги, стараясь преодолеть её сопротивление. Это наваждение длилось недолго, и я, давно привыкший к сюрпризам своей психики, отмахнулся от него, как от назойливой мухи...

Утром меня разбудили тревожные голоса, звон вёдер, глухие стуки молотка или топора по дереву. Родители были на ногах и поднимали с пола всё, что можно было поднять: сняли дорожки, табуретки взгромоздили на столы. Картошку и всю засолку они ещё раньше подняли из подвала, и мешки, бочки с капустой и огурцами стояли в углу кухни, занимая большую её часть.

Я быстро вскочил, натянул штаны, надел рубашку, сунул ноги в резиновые сапоги, которые мать заставила меня надеть, когда я ходил на берег, накинул пальто и выскочил во двор. По двору ходил хмельной Шалыгин, сыпал прибаутками, и весь был в деле. Он умудрялся ходить верхними огородами к мужикам, подплывавшим к нашему двору на подсобных плавсредствах, вплоть до ворот, за водкой в продмаг, и они его за это щедро угощали. Я, осторожно ступая по воде, вышел к улице и влез на бугор за сараями, где мы летом всегда сидели с пацанами, и стал наблюдать за водой. Кое-где люди сидели на крышах, и их снимали солдаты на «амфибиях».

– Вовец, – услышал я знакомый голос. – Вас затопило?

На половинке ворот плыл Пахом. Он отталкивался длинным шестом. На лице сияла довольная улыбка.

– Нет ещё, – крикнул я в ответ.

– А у нас всех эвакуировали в кинотеатр «Родину». Там народу – ужас.

– А ты как же?

– Так наш дом-то двухэтажный. Мы у Пирожковых наверху сидим.

– А Каплунские как?

– Что Каплунские? Если нас по окна залило, то Каплунские полностью под водой... Да ничего страшного. Все ушли, когда вода подходить стала. Собрали вещички кое-какие, и своим ходом. А кто не ушёл, вон на крышах сидят. Всё думали, обойдётся. А в «Родине» им булки сегодня давали и, говорят, днём суп привезут.

– А ты откуда знаешь? – удивился я. – Вы ж у Пирожковых сидите.

– А мы ходили туда с Витькой Мотей по очереди. Один плот караулил, а другой ходил. Ладно, Вовец, пока. Хочу к Монголу сплавать. Вон он, через забор смотрит. Мне отсюда видно.

И жизнерадостный Пахом оттолкнулся шестом и поплыл к дому Мишки Монгола.

– Вам хорошо, вашу сторону никогда не заливает, – крикнул в мою сторону Пахом.

– Мишке привет, – прокричал я в ответ.

– Ладно! – не оборачиваясь, пообещал Пахом.

С берега были видны огороды, залитые водой. Каменное крыльцо прокурорского дома вода залила до самых дверей, но до окон не дошла, закрыв лишь высокий фундамент. В одном окне дрогнула штора, и кто-то выглянул из-за неё. А может быть, мне показалось. Зато убогий домик бабушки Хархардиной плавал в воде по самую форточку.

Отовсюду доносились всплески воды, переговаривались люди, лаяли собаки. Промычала где-то, может, у Митрохиных, корова.

Во дворе раздался крик, потом возбуждённые голоса и смех.

Я поспешил на крик, оступился и съехал в воду, сразу провалившись по пояс. Ледяная вода обожгла. Я выбрался на сушу, снял поочерёдно сапоги, вылил из них воду и пошёл к нашему сараю, возле которого стояла мать, тетя Нина, пьяный Шалыгин и Туболиха. Они обсуждали необычное происшествие. Мать пошла в сарай, куда перенесли поднятую из подвала картошку, вошла, а между ног юркнула чёрная, длинная, как змея, тварь. Мать с перепугу уронила ведро и заорала как резаная. На крик прибежали тетя Нина и Туболиха.

– Это куница! – сказал Шалыгин, который, кажется, на протяжении всего наводнения вообще со двора не уходил. – Я их видел, они длинные, хвостатые.

– Откуда здесь куницы? Разве куницы у нас водятся? – возразила тётя Нина.

– Скорее всего, это выдра, – сказал вышедший из дома отец. – Выдры водятся в Европейской части везде. Не водятся, разве что, в Крыму. За пищей они могут заплывать куда угодно. Вот она с водой и приплыла. А плавают они не хуже любой рыбы.

– Вовка, да ты весь мокрый! Зуб на зуб не попадаешь, – испугалась мать.

Я действительно замёрз и выбивал дробь зубами. Одежду продувал холодный ветер, и она неприятно сковывала тело задубевшей коркой.

– А ну, живо домой.

Дома мать переодела меня в сухое. Топилась печка, и я быстро согрелся.

К вечеру вода стала уходить. Я стоял и смотрел, как на глазах уменьшается лужица у входа в наш двор, увеличивается бугор за сараями, и, опускаясь, вода оставляет мокрый след на фасадах деревянных домов на другой стороне улицы. Вот уже открылась полностью верхняя ступенька каменных приступок прокурорского дома, и почти полностью показалось окно в доме бабушки Хархардиной…

Краеведческий музей

…Валерий Петрович замолчал. Потом спросил:

– А вы в музее нашем уже бывали?

– Я до войны был, – сказал Мишка Монгол. – Один раз.

Остальные промолчали.

– Ну, понятно. Сейчас я вас проведу. Большое вам спасибо за записку и особенно за документы. Теперь это уже не без вести пропавшие.

Валерий Петрович переписал наши фамилии, встал и каждому из нас пожал руку. Потом повёл через коридор ко входу в музей. Он передал нас женщине, сидевший у входа в зал, где помещались экспонаты, и попросил пропустить нас. Женщина кивнула, посмотрела на нас с неудовольствием.

– Если что-то будет непонятно, спрашивайте у работников музея, они дежурят в залах, – сказал Валерий Петрович и ушёл.

– Руками ничего не трогать, близко к экспонатам не подходить, – строго предупредила женщина и ещё раз с недовольным видом оглядела нас.

Но мы уже не могли отвести глаз от огромного чучела бурого медведя. Медведь стоял на задних лапах, держась передними за толстую берёзовую палку, больше похожую на ствол дерева. Красная пасть медведя застыла в яростном рёве. Казалось, медведь вот-вот оживёт и пойдёт на нас. У меня даже мурашки пошли по телу. Мы невольно стали говорить шёпотом.

– Этот экземпляр попал в музей задолго до революции из имения графа Комаровского, – вдруг заговорила женщина, так холодно встретившая нас вначале. – Кто его убил, неизвестно. Только стоял он здесь во время революции и при немцах, и, как видите, цел… Это, вроде как, наш музейный талисман.

Женщина рассказывала с удовольствием, даже голос её подобрел.

Видно, любила этого медведя и музей, если так быстро оттаяла. Она гордилась чучелом так, словно сама его убила, набила соломой и поставила рядом с собой у входа. И теперь не он охраняет вход, а она сторожит его.

Мы вежливым шёпотом поблагодарили служительницу и пошли дальше. Мы осматривали кости и собранные скелеты доисторических животных, найденных ещё до войны при раскопках. С картин на нас глядели наши предки, больше похожие на обезьян, но палки в руках и шкуры животных вместо одежды позволяли думать, что они разумные.

Нас привлёк, и мы долго не отходили от него, макет древнего поселения с очагом и нехитрой утварью. Будто отзвук мёртвого прошлого донёсся до нас. Скорее даже нет. Прошлое не казалось мёртвым. Эти древние исторические предметы излучали что-то неуловимое, что принимало наше сознание, потому что мы не были чужими этому прошлому, мы были его частицей, его живым продолжением.

Динозавры разгуливали по равнинам, и их головы возвышались над мощными кронами деревьев. Птеродактили парили в воздухе, выискивая добычу, и саблезубые тигры угрожающе раскрывали страшные пасти, их свирепый рык слышался далеко окрест. А наши предки в звериных шкурах испытывали ужас перед окружавшим их миром, как могли, противостояли этому миру, и их единственной целью было выжить, чтобы на Земле восторжествовал Разум.

Постепенно мы возвращались в наш, уже более знакомый нам мир. Мы уже основали город-крепость по указу царя Ивана Грозного и стали южным заслоном на пути татаро-монголов, потом мы помогали Петру I строить флот, воевать с турками и шведами. Мы делали революцию, печатали листовки на ротаторе и стреляли из маузера по врагу.

Всё это было интересно, но казалось далёким. А вот война с фашистами шла вчера и даже идёт ещё сегодня, если считать, сколько погибло и продолжает гибнуть от мин и неразорвавшихся снарядов, как братья Галкины или Толик Беляев.

Мы ходили от экспоната к экспонату и долго смотрели через стекло на полуобгоревший комсомольский билет, личные вещи командиров, именное оружие.

Фантазия наша была беспредельна, и мы примеряли на себя шинель генерала Гуртьева, пользовались его планшеткой и компасом. Мы сидели в землянке при тусклом светильнике из гильзы артиллерийского снаряда и читали письма-треугольнички на фронт из далёкого тыла.

Одна небольшая комната посвящалась партизанскому движению нашего края. Здесь чёрными надписями «Polizai», партизанские листовки, написанные от руки, и даже пеньковую верёвку с петлей, такую, на которых вешали сопротивлявшихся немецкой власти или за отказ работать на неё. Мы всё это хорошо знали. Я по рассказам взрослых, а Михеевы, Монгол, Венька Хорьков и ещё многие ребята, остававшиеся в оккупации, видели зверства фашистов собственными глазами.

Дальше шли полупустые залы, которые мы проскочили галопом. Нас совершенно не интересовала скудная послевоенная продукция первого мирного года. Только у чучела довоенной свиньи Машки мы остановились на минутку и подивились её огромным размерам...

По дороге домой мы оживленно обсуждали увиденное, не толкались, не кричали и были рассудительны. Наверно, за часы, проведённые в музее, мы стали чуть-чуть взрослее и, может быть, умнее.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

МАЛЬВА

Рассказ

I.

Вторые сутки без передыху гуляла у Потаповых свадьба. Степан Семёныч с размахом женил старшего. По всему было видно, невестка пришлась ко двору: пятистенка набита до отказу сватами, кумовьями да сродниками. И для пришедших взглянуть на молодую, а то и подруливших просто ради даровой выпивки, хозяин расстарался, собственноручно выкатил из-под сарайки флягу свойской – угощайся, хуторские, знай наших!

Под грушенку, на сбитые на скорую руку, покрытые нарядными клеёнками тесины-столешницы под командой жениховой тётки Галины беспрерывно метались тарелки и миски с закусью. Никто не остался без угощенья, никто не почуял себя обнесённым на этом широком застолье.

Даже дышащие на ладан бабки Кузьминична с Егоровной не сдержались, порылись в сундуках, вытащили из-подо дна дышащие нафталином наряды: «престоловские» шерстяные подшалки, штапельные в тёмненький огурчик юбки, обористые завески.

Пригубив по рюмашке «красненькой», спробовали-оценили потаповские щедрые разносолы и, уступив место подтянувшимся, уселись в ожидании на лавку под сиренями – время от времени свадьба выплёскивалась на подворье, гомонился потерявший всякую стройность корогод. Гармонисты, сменяя друг дружку, уже путали «Барыню» с «Цыганочкой», и их рядком укладывали в саду на свежескошенную отаву.

Припозднившаяся бабка Мальва угостилась наливочкой, и, прихватив кусок яблочного пирога, отошла к товаркам на лавочку.

В это самое время толпящийся на крыльце люд расступился, и из душной хаты протиснулись молодые. Невеста – девчоночка-девчоночкой, лет семнадцати. Сашке, жениху, – под четвертак, пора уж, пора-а!

- Микитична, сказывают, так и не смирилася, темней тучи! – поспешила сообщить новость подружкам Егоровна, – на порог, говорит, Людку не пушшу, а уж Сашк**а** тем боле!

- И чтой-то она на его узъелася? Вроде, не мозгляк худой… малай, как малай. И Людки ейной не хужей. Всё при ём, – поддержала разговор Кузьминична.

- Дак как жа не осерчать! Вить и взаправду, спозорила девка Микитичну, ой, спозорила-а-а! Брюхо-то – выше носу! Ишь, в белое обрядилася! Какое там белое-то? Стыдоба-а-а! И Микитишне – не запить, не заесть!

- Загундосила! Ну, и что с тово? Что теперя, ай в моток девке сигать? – с обезоруживающей простотой, не дав отвести сплетнице душу, встряла бабка Мальва. – Всё чин-чином... Потаповы от свово дитя не отказалися. И Сашка в ей души не чает, ай, не видно? Сказывают, смертным боем с зареченскими ребятами за неё бился. А ты, девка, – Мальва покачала головой, взглянула, на Егоровну, – язык-то поприкуси, чужим грехам счёт не веди… В пору бы свои не забыть… да успеть отмолить. Нечево девку хаить! Разуй глаза-то: с головы до ног счастливая, вишь как сияет… ажни слезой меня, старуху, прошибло… Прямо из себя выводишь! Запамятовала, стопроцентовая девушка, как со своим Прошкой стакалась, во скоко годиков ворота ему отворила? Кажись, нам с тобой, подруга не боле, чем Людмилке было, кода я коло вашего сенника в сторожах сидела, а ты с Прошкой миловалася… када он тебе Серёжку-то скоростелил!

- И-и-и! Нашла об чём вспоминать-то! – отбоярилась с ухмылкой, замахала руками Егоровна. – То в какие годики было?!

- А и правду, что теребить-то теперя, бабоньки? У меня и самой, может, рыльцо в пушку. – Мальва встала, не оглянувшись на ошалевших товарок, оправила юбку и пошагала к крыльцу, дав понять, мол, не о чем тут и говорить боле.

Протиснулась сквозь свадёбных, поклонилась молодым за угощение, нажелала им три короба добра и потопала к воротам.

…А вот уснуть бабке Мальве так до самого свету и не удалось. Нахлынуло-о!

II.

Род Силиных испокон веку жил на хуторе Степном, в двух верстах от Козловки. Прапрадед Лёхи, мужичок оборотистый, выкупив вольную у барина Казюлеева, поселился на заброшенном суглинке, заложил недалеко от деревни хутор.

Сколько годков минуло с тех пор! Сколько вёсен талыми снегами сшумнуло в Крому-реку! Сколько трав полегло под литовками Силиных на пойменном лугу, сколько журавлиных косяков откурлыкало над разросшимся в дюжину дворов приречным хутором, в котором все – Силины. Все – родня!

Лёхин отец, Павел Семёныч, осенью сорок первого, не успев допахать под озимые, прямо с поля ушёл на фронт. В составе первой гвардейской танковой Катукова вошёл в Берлин. Не раз со своей машиной горел, но Бог миловал, вернулся – грудь в орденах – с осколком в лёгких, но живой.

А в сорок шестом, под зимнего Николу, за ситцевой занавеской бабка Авдотья приняла на руки его первенца, названного в честь пращура, хозяина хутора, Алексеем. Через пару лет Господь послал и дочку Светланку.

В послевоенные годы, устроившись в МТС, Павел Семёныч перепахал холмы и взгорья на сотни вёрст в округе. Светланка при мамке, а Алёшка, перекинув в сумке учебники, мчался к отцу на пахоту. Тот и рад – сын к делу тянется. «Тракторист из тебя, Лёха, – что надо, – подбадривал Семёныч мальчишку, – машину чуешь, это – главное! А сноровка – она с годами проявится».

Пришли и сноровка, и хватка. Лёха с завязанными глазами мог разделать под орех, в пушинку, любое самое заковыристое поле. Да и служба в армии (в танкисты, по батиным стопам, напросился) дала не мало мужицкой закалки.

Хуторские Силины извечно приводили жён из окрестных деревень.

Пришёл срок, заженешился и Алексей: с вечера начистится, нагладится, чуб зачешет, и – в Козловку, в клуб.

– Ты уж гляди там, сначала головой думай, опосля другим местом! – поучала вослед мать, Александра Тихоновна.

– Ну, ты и даёшь! – отмахивался Лёха.

– Чего даёшь, чего даёшь? – не отступала напористая Тихоновна, – знаем мы вашего брата!

Как в воду матушка глядела…

Служить уходил, Машка Спиридонова – малявка малявкой, он и внимания её не удостаивал. А, вернувшись, появился первый раз на танцах, – сразу на девчонку глаз и положил. Очень уж приметная: норовом бойкая и с виду – что надо. Статная! Платьице в оборочку, косынка по плечам розовая.

Котька, дружок закадычный, подтрунивал: «Зря не пялься! Малолетка, только из школы. Да и в техникум собралась. Такую вожжами не удержишь. Кобылка не объезженная, норовистая!»

Но так уж, видно, стало Богу угодно: приглянулся девке армеец (Лёха всё ещё в форме расхаживал: старшиной не каждый домой возвращается). Сама подошла…

А как к такому не прикипеть? Сажень косая в плечах, на турнике за клубом такие фортеля выкидывал, никому не под стать.

Как-то сговорилась проказница с гармонистом, дедом Степаном, только Лёха на порог, а она – в круг. И пошла! Да с выходкой, да с дробями. Косыночку за спиной, что касатка крылышки, раскинула, натянула, вот-вот взлетит! Плясала-порхала по пятачку, а потом остановилась против Лёхи да давай частушками заковыристыми сыпать, паренька подшкеливать. Как, мол, перебьёшь мои дробиночки?

- Как за речкой за Кромою,
Где черёмуха цвела,
Начались у нас с тобою,
Друг, сердешные дела.

Лёху голыми руками не возьмёшь! Вихрем с места сорвался, руки за голову, и вокруг танцорки гоголем, да в присядку, только сапоги в перебой с девчоночьими каблучками спорят, поскрипывают. И язычок – не обрежься:

– Взял бы я тебя на ручки,
Посадил тебя на печь –
Таких девушек красивых
Лучше дома приберечь!

Напирает Лёха на Машутку, кружит, передыху не даёт.

А та – носик к верху, головку чуть в сторону, струна струной, аж звенит! Даже росточком повыше стала. Воссияла – маков цвет. Руками повела, раздвинула.

– А ну, шире круг, мы тут надолго разошлись.

– Держись, забияка, поглядим кто кого!

– Гляди, да глазки не поломай! Допляшешься! – послышался голос из толпы, – присушит девка, век под её дудку плясать станешь!

А Маша не смолкала:

– На Святой неделюшке
Повесили качелюшки,
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься!

– Ну, это мы ещё посмотрим! Ишь, чего захотела!

Не плясали, а разговаривали, не разговаривали, а договаривались. И не было сомнения у глазевших: пара! Ещё какая пара! Смотреть, не оторваться.

И танец не закончился, а уж Маша с Алексеем понимали: запыхаются эти перегонки, выйдут они за порог клуба и никогда не разойдутся их стёжки. В тугой узел связала их эта пляска, оттанцовывают последние холостяцкие деньки.

Июньская ночь, неспелая, нежная. Густо пропахшая доцветающей сиренью, ароматами молодой, ещё не пропылённой листвы, духом входящих в сенокосную пору луговых трав. Светло даже в такую глухую пору. Машутка с Лёхой, обойдя не раз закоулки деревушки, наконец-то, добираются до крайней хаты. Вдали, сквозь тончайшую кисею тумана, проглядывают заросли черёмух, скрывающих Лёхин хутор.

– Пора, а то, глядишь, и до дома тебя допровожаюсь, – замечает Маша и поворачивает обратно.

– Ну, ещё чуть-чуть, – принимается уговаривать девчонку Лёха, и усаживает на лавочку у Котькиного палисадника.

С Котькой Смирновым они не разлей вода. И под кручу за пескарями вместе; и в школе за одной партой; и поглазеть из лозняков на девчат, что плещутся нагишом после покосов на омутке; и повсхлипывать друг у друга на плече от лозинки Силина-старшего, не спускавшего эдаких проделок ни своему отпрыску, ни сынку друга Михаила, погибшего в далёкой Польше, на подступах к Кракову.

Но сейчас Лёха помнит, что шалопаистый товарищ его в одиночку отправился на Чупаиху, в другой конец деревни, до самой зорюшки промилуется с какой-нибудь очередной любовью.

Оттого ли, что Лёха знает: вокруг – ни одной живой души, а, может, оттого, что Маша, доверившись ему, забрела чёрт те знает куда, сердце парня, выпархивает из-под гимнастёрки, не удержать.

– А как Архиповна выглянет? – косясь на окна, настораживается девчонка.

– Не боись, куда ей! Обезножила тётка Марья. Неделю, как у дочери обретается. Котька один свирепствует. Архиповна полезла в сараюшку на сеновал – гнёзда куриные обобрать, а верхняя ступенька у лесенки возьми, да и обломись. Яйца, что в фартуке придерживала – вдрызг, и тётка помялась – нога в гипсе. Котьке, конечно, за недогляд всыпала, лесенку-то ещё дядька Михайло сработал, подгнили перекладины.

– Котьке твоему, что быку племенному, не до хозяйства. Кто ж заместо него девчат по углам тискать станет? Без такого ухаря с тоски поумирают.

В росном палисаднике гремит соловей. Золотые жуки-светляки фланируют в зарослях мальв. Их безудержное цветение всегда совпадает с самыми пугливыми, самыми короткими ночами, когда на прозрачном, едва притухшем небе до мельчайших подробностей просматриваются горние вершины облаков.

– Небеса-то какие улыбчивые, Маша кивает на бирюзовую, так и не соскользнувшую с горизонта, зарю.

– За нас радуется, не тает… переживает: ночь промелькнёт… а я тебя и не поцеловал, – Алексей пытается обнять девчонку.

– Вот ещё! – фыркает девушка. Вскакивает, отбегает в заросли палисадника.

Мальва, как есть – мальва! И впрямь приворожила. А стан! Крепкий, тугой, того гляди, платье по швам разойдётся. Не смотрит, а брызжет влажным огнём насмешливых глазищ.

– Почему тебя Мальвой не назвали? Такая же стройная, такая же…

– Какая такая?

– Настоящая, – смущается Лёха.

Лунная дорожка, сходящая в палисадник, тянется к реке, вдогонку за выскользнувшей Машей. Над кустами ивняка мелькает газовая косынка, а парню чудится: невидимый ветерок, расхулиганился, оборвал, подхватил перламутровые мальвовые лепестки и закружил над поймой крошечным ярким пламенем.

Убегает Машутка от Алексея и не ведает, что стремится ему навстречу…навстречу своей судьбе.

III.

От неожиданности она резко останавливается. Котькина баня так обросла ивняком, что мало кто и помнит о её существовании. Сбегающая к реке стёжка вдруг упирается в её замшелую стену. Откуда может девчонка с дальнего урынка знать об этой ветхой баньке?.. Ноги сами привели.

Лёха, спускающийся вслед за Машей, загодя готовя для себя оправдание, шепчет: «Видать, судьба… от неё не увернёшься». Знала бы ступившая на эту тропку Маша, сколько девчоночьих и Котькиных тайн покрывают брёвна допотопной баньки. Леха догадывался, но никогда не расспрашивал своего друга о сердечных похождениях.

Смекнув, наконец, что забрела невесть куда, да и вообще, зашла для первого вечера с этим армейцем слишком далеко, Маша, зная, что следом спускается Алексей, сворачивает напрямки, через краснотал, но спасительную лазейку, предвидя девичью хитрость, перегораживает предусмотрительный Алексей.

– Ну, что ж забоялась? Такая смелая, а тут струхнула? – Лёха понимает: не будет напористым – навсегда упустит шанс, который предоставил, может быть, сам

Господь, – упорхнёт девчонка в город, там ребята шустрые, не прозевают, в миг окрутят, мимо такой попробуй пройди.

– Ничего не струхнула, – щёки девушки охватывает нарастающий пожар.

Лёха подступает совсем близко и сгребает девчонку в охапку.

– Дурочка, ты моя, успокойся. Не обижу.

Маша пытается вырваться, но где ей справится с такой силищей!

– Не дёргайся, сказал же – не обижу… Нравишься ты мне… очень… Скажешь: не люб – сам отпущу и ни в жисть не подойду.

Алексей склоняется и первый раз за вечер целует Машу в губы.

От дерзкой девчонки, смело подковыривавшей его пару часов назад при всём честном народе, можно ожидать чего угодно: такая и драться кинется – не моргнёт, а уж оплеухой одарить – плёвое дело, в конце концов – может и раскричаться, голосище-то вон какой звонкий.

Но то, что девушка протянет и нежно положит дрожащие руки на его плечи, сначала робко, а потом с нарастающей страстью станет отвечать на его ласки, Алексей наверняка не мог предвидеть.

Уже зародившееся, но тщательно скрываемое чувство этой совсем ещё юной девушки вдруг прорывается, выплёскивается, устремляется навстречу ошеломлённому парню, окрыляет его, и он, оторвав Машу от земли, не переставая целовать, кружит вместе с нею на тесной лужайке.

– Я и сам струхнул, прямо земля с-под ног уходила, весь вечер не знал, как подступиться… уж больно озорна, – признаётся, смущаясь, Лёха.

Маша ничего не отвечает, молча обнимает его, и теперь уже сама жадно целует. Долго, ненасытно, словно измучилась, дожидаясь этой ночи.

Так и стоят, крепко прижавшись друг к другу час, а может, два. Кто считал? И целуются, целуются…

Наконец, Лёха чувствует, что руки его, блуждая в шелках девичьего платья, перестают встречать препятствие, и мягкие, податливые девичьи губы, раскрывшиеся лепестки мальв, распухают от поцелуев. А груди – эти, ещё никем не тронутые, наполненные ароматами молодости и свежести цветочные бутоны, напрягаются и замирают. Алексей на мгновение, всего лишь на мгновение, отстраняет Машу, чтобы только взглянуть в её горящие глаза, увидеть подтверждение, не ошибается ли в своих догадках, и тут же тонет в их омутах навеки вечные.

– Идём, – уверенным движением Алексей берёт девушку за руку.

Она не отдёргивает, не капризничает, а уверенно ступает в отворённую парнем дверь.

С детских лет банька эта – потаённое место двух закадычных друзей. Лёха знает: протяни руку на полочку у правой притолоки – тут же нащупаешь спички да парочку свечных огарков. Но к удивлению, Котька обустроился за время Алексеевой службы основательно. В полумраке рядом со спичечным коробком парень обнаруживает керосиновую лампу. Удивляется: «Запасливый чёрт!»

Маша проходит к полкам, присаживается. В полумраке лица не разглядеть, свет керосинки, проникающий сквозь приоткрытую дверь предбанника, ластится на её высокой груди, перебирает перламутровыми пуговичками. «Попробуй, доберись! Что кнопок на гармони », – дивится Лёха.

– Фитилек–то притаи, – шепчет Маша, пододвинувшемуся парню.

– Что ж это я! Погоди минутку, щас! – спохватывается тот, и кидается к двери. На боку баньки, на скобке, – литовка, Лёха не раз помогал другу смахивать приречный лужок.

Через пару минут он уже возвращается с увесистой охапкой полусонных одуванчиков. Керосинка еле тлеет, войдя с широкого лунного света, парень на ощупь проходит к полкам, раскидывает траву. Обвыкаясь глазами, тянется к Маше, и вдруг настороженный слух отчётливо улавливает, словно сыпанул кто на прожаренные банные половицы пригоршню каляных переспелых горошин – щёлкают, подскакивают под ноги, не удержавшиеся от девичьего порыва пуговицы…

– Погаси, погаси лампу-то! Ну, её к лешему! – шепчет девушка.

…Луна переваливает за крону высоченного осокоря, приютившего забытую всем миром баньку. Бледный незабудковый свет просачивается сквозь отзынутую дверь.

– Ишь… подсматривает! – то ли шутит, то ли обижается Машутка.

Прикидывает наготу измятой их жаркими телами травой, словно прячется в сатин матушкиного лоскутного одеяла.

Тянет молоком свежескошенной луговины. Но к знакомому с малых лет духу июньских трав примешивается новый, неведомый ранее томно–сладостный, горьковато-солёный – аромат любви. Пропитывающий насквозь, проникающий в каждую клеточку, дающий право с этой ночи ощущать себя не только женщиной, но ещё и счастливой из счастливейших. А самое главное – мамины упреждения и разговоры «об этом» с глазу на глаз остаются где-то далеко-далеко, в отлетевшем девичьем девичестве.

И ненасытные губы, и всё ещё по – детски нежные, незагрубевшие, покрытые мелкими прозрачными солоноватыми бисеринками сосцы, и изласканные до хруста в косточках, до последней мочушки, плечи, и, наконец-то, расслабившиеся крутые, с чуть приметными ямочками, бёдра девушки перепачканные, забрызганные терпким и горьковатым соком измятой зелени не дают покоя неугомонному Алексею.

Есть среди густых ароматов этой чудной ночи тончайший, едва уловимый, до головокружения заманчивый запах мальвы, запах юного девчоночьего тела, впервые познавшего мгновения плотской любви. Он будоражит и влечёт, неотвязно манит и зачаровывает, вспенивает и взметает в Лёхе безудержные волны желания обладать этой потрясающей девушкой вновь и вновь, пока не обмелеют все реки, пока не иссушаться все родники его страсти.

– Это когда ж такие отрастить успела, между алгеброй и физкультурой, что ли? – подшучивает Лёха, выразительно посматривая на раннеспелые, не по-девичьи броские Машуткины груди, наливными яблоками закатившиеся в сомлевшую зелень.

- Всё просвирник-секретник, мальва твоя разлюбезная…

Как собралась Валюшка Тимонина замуж, так скорей к бабка Куделихе. Та и давай взвары плоскогрудой Валентине стряпать. Валюшка-то по секрету сказывала: зальёт старая ложки три сухих корешков просвирника тремя стаканами ключевой водицы, и кипятит в саду на каменке минут пятнадцать. Процедит. Пошепчет, конечно, не без этого. И пей, милая, по полстакана три раза в день до еды. А коль на ночь из того же взвара компрессы на грудь не позабудешь – так откуда что возьмётся. Валентина уж третьего выкармливает. А всё мальвочка-просвирочка, спасительница бабья.

Мы, малкосня, не ведая отчего красота девичья зреет, днями просиживали в зарослях мальвы, в куколки играли, «пуговки царские» собирали. Приладишь к распущенному венчику-юбочке бутончик-головку – и пупсик готов. Наиграемся, крошечных пышечек-просвирок, помнишь, калачики такие в пазухах листьев запрятаны, наедимся, и домой не торопимся, просвирками сыты. А то надерём их в

подол, и ну проставляться, во что-нибудь на них играть. Победителю – общая куча калачиков.

Я заводная, везучая, ловкая. К вечеру, бывало, набью карманы сладковатыми пуговками – и домой. Мама только подтрунивает: «Самая девчоночья еда! Щёлкай, девонька, проскурки-лапышки на здоровьице! И конфет не надо!». Ириски, да и только – клейкие, склизкие, сладковатые. Вот и нащёлкалась, налакомилась на свою голову, – стесняется Маша, косясь на свои достопримечательности.

– Да что ты! Красотища-то какая! Такое достояние беречь-лелеять надобно! И Лёха в который раз склоняется к любимой, играет тут же откликнувшимися, вздрогнувшими сосцами, губами собирает и откидывает былинки, – грех скрывать за ними такое великолепие!

Одним небесам ведомо, как и откуда возникает настоящая любовь, и что приносит с собой….

Рядом же с этой девушкой Алексей вдруг почувствовал: что-то в нём напрочь изменилось, исчезла вольная бесшабашность, и он уже никогда не сможет быть с другими. Лёха словно разом определился: вот она, единственная и незаменимая, и не надо больше никого искать, всё в ней одной слилось. И чувство это поглотило парня настолько, что уже и не сомневался – Маша предписана ему судьбой. С нею хотелось быть единым и в жизни, и в желаниях, и в молитвах. Всё: и этот задиристый, чуть опалённый июньскими покосами носик, и распадающаяся на двое, непокорная чёлка, и крепкие икры длиннющих ног, и исцарапанные колючками неспелого крыжовника, спешно прибирающие раскидистую косу руки, – вся она, весь вид её будоражит и будит в нём живой отклик. Собирает и подтягивает его, окрыляет и призывает цвести. Алексею повезло, любовь его осветил сам Господь, своею искрой воспламенил желание служить этой женщине, жить только ею.

А Маша настолько счастлива, что пока ещё и не может осознать, широту захлестнувшей её любви к Алёшке Силину.

IV.

Прибравшись, наспех отыскав раскатившиеся пуговицы, притворив двери баньки, оставив на её памяти тайну промелькнувшей ночи, Лёха с Машуткой сбегают в пойму.

Оросившийся рассветными туманами шелковисто-лёгкий лик неба постепенно перетушёвывается в бледно-лиловый, с едва лазоревым бахромчатым краем над восточным окоёмом, над правобережными заливными лугами.

На душе у Алексея легко и просторно. Невесомы и широки, безбрежны небеса.

Маша, прикрывая пустые петельки платья, завязывает на груди широченным бантом прихваченную (теперь уже из девичества) косынку.

– Пора, Лёшенька, мамка теперь задаст!

– Какая мамка? Ни на минуту не отпущу!

Когда влюблённые выбираются на просёлок, над округой зацветает заря. В ранней лазоревой вышине расползаются тончайшие белесые линии. А когда Силин хутор, выглянув из-за Черёмухова овражка, оказывается, как на ладони, молочные линии на знойком небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть – обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками. Ближе к горизонту выстраиваются в башенки и хребты, перепутываются и снова выстраиваются в звенья. В отсвете выкатившегося жемчужного шара порхающие перистые облака отбрасывают на землю серебристый блеск. И Алексею чудится, что Маша, его Мальва, в своём шёлковом, отливающем неземным блеском платье, сошла с этих великолепных небес.

Тихоновна, спровадив Красавку в росы, ещё издали заприметила своего Алёшку. Только с кем это он?.. Ай, Петра Спиридонова Машутка? Так и есть. «Ах, ты Боже мой, ить девчушка совсем, – всё поняло, заволновалось материнское сердце, – а, может, оно и к лучшему… вроде, не слыхать об ней ничего хульного, не разбалованная… да и ладненькая… внучонков таких же принесёт!».

– Здравствуй, мама… Красавку свела? – захорохорился Алексей.

– Здравствуйте, тётя Саша, – зарумянилась Машенька.

– Дак какая уж теперя «тётя»? – досмотрев пустые пуговичные петельки, покачала головой Александра Тихоновна. Разом отрезала, – дочкой, небось, пришла? Мамкой и зови… Отоспитесь, – кивнула Алексею на сеновал, где он всегда ночевал летней порой, – опосля и потолкуем.

Только часа через три, когда сквозь щелки тесовых стен сараюшки просочился запах пирогов, Маша с Алёшкой опомнились, – есть, страсть как хотелось.

– Ну, в сарайке не отсидишься, родные мои, хоть и нраву крутого, но отходчивые, – успокаивал любимую Алексей, – да и меня знают: коли привёл, значит, не отступлюсь, лучше миром поладить.

А Тихоновна и не думала фордыбачиться. Пока молодёжь досыпала, умаслила расшумевшегося было мужа, приняв на себя первые громы.

Наспех обрядившись в чистое, сбегала на Козловку, мол, к Валентине Сорокиной, товарке своей, поспрошать, как это та настрогалась без опары такое пышное тесто заводить, а заодно через забор потолковать и с Катериной Спиридоновой, Машуткиной матерью. Хватилась, небось, девки-то!

– Как, Катюш, поживаешь? – зашла обходным путём Тихоновна. – Картохи-то, у вас, гляжу, дружно цветут. Огурчики ранние не пошли?

– Да что ты, Шура! Только плети раскинули, недельки через две, не ране.

– Как сама?.. Как детки? – приближалась к причине своего визита Лёхина матушка.

– Пояснику было разломило, да к Куделихе Машутку спровадила, та какой –то мази злющей… чай на тараканах да пиявках насуропила, отлегло… А ребятишки… что им поделается? Дрыхнут в светлице… Пока под мамкиным крылом, отсыпаются.

– Все ли под крылом-то? – улыбнулась Тихоновна. – Может, кого не доглядела, наседка?

Катерина насторожилась, резко двинулась к хате. Откинула занавеску распахнутого окна. Заглянула внутрь и в недоумении оглянулась.

– Ты, Шура, не ходи колесом, давай напрямки.

– А я уж битый час пытаюсь намекнуть, да всё не получается: сватов на Петров день встречайте, у нас дочка-то ваша. Так-то вот: была ваша, стала наша, – хихикнула Тихоновна, но, сжалившись над остолбеневшей, – с сердцем добавила, – да не кручинься ты, Кать, – Алёшка у меня сговорчивый, жить станут ладно, да и добрый он, комара не пришлёпнет, а уж дочку твою, коли сам привёл, пальцем не тронет… Да и мы с Пашей супротив их счастья не станем… Ну, так готовсь к воскресенью-то, – с тем и отбыла.

А Катерина ещё долго не могла сдвинуться с места. Опомнившись, рванула в Лисий ложок, огорошить мужа, отправившегося спозаранку на косовицу. За не близкий путь успела и погрозиться, пускай, мол, только явится гулёна; и напричиталась вдоволь, а уж когда до своей делянки добралась, весь пыл сошёл.

«Радость-то какая, Вася! Машенька с Лексем Силиным поладили. Шура намекнула, на Петровки сватов, мол, дожидайтеся, – и, не давая опомниться Василию, заключила, – ну, и ладно… ну, и хорошо… парень-то он знатный. Дай-то Бог!»

А Тихоновна в это время потчевала будущую невестку пирогами со щавелем. Алёшка понимал, коли мамка пироги затеяла, значит в духе (к тесту без настроения не притрагивается), а значит, всё у них с Машей будет хорошо: и отец перестанет серчать «за скороспелость решения», и предстоящее сватовство, как по маслу пройдёт, и если подсуетятся, глядишь, до Успенского поста со свадьбой управятся. И заживут они с Мальвой!..

И зажили б… если бы аккурат после уборочной на вспашке зяби в Кривой балке не напоролся бы Алёшка Силин на столько лет дожидавшийся своего часу противотанковый снаряд…

Но Господь не оставил молодую вдову без милости, обласкал, и на Алексея Вешнего Мальва благополучно разрешилась сынком Лёшенькой – кровинка к кровинке в папку.

…Светало. Бабка Мальва, так и не сомкнувшая за ночь глаз, раздёрнула кухонные занавески. Вдоль улицы, со стороны Потаповского двора, шли припозднившиеся пары. Свадьба только-только начала затихать.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

УКРАДЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Вместо предисловия

Снегурочка-а-а! Доча-а-а!

Наталья стоит возле дома; она ещё и ещё раз громко кричит в дремотную тишину июньского полдня, и голос её слышит вся округа – он полон жизненных сил, в нём радость вешних дней, тепло светозарного июня и ласковость бабьего лета.

– Снегурочка-а-а! – плывёт над истоком мелководной Неручи, где бьёт бесчисленное множество прозрачных ключей, где в густых зарослях ивняка наперебой поёт, квакает и крякает, где кипит жизнь.

Ты, наверное, догадался, дорогой читатель, что это Савельева Наталья зовёт домой свою маленькую дочь, которую подарила им несколько лет назад сама природа, запеленав её в белые снега вьюжной ночи и убаюкав колыбельной суматошного ветра.

– А-а-а! – слабым эхом доносится из-под горы, где среди яркого многоцветья плавают сочные запахи вызревших ягод.

Наталья на минуту замирает, вслушиваясь в звуки дремотного полдня, затем идёт туда, откуда прилетело эхо.

– Ах вот куда спряталась. Давай посмотрим, чем ты здесь занимаешься.

Она с улыбкой смотрит на дочку: настоящий цветик-семицветик! И вот уже вся светится от счастья при виде дочери. Ах, этот семицветик! Из-под цветастой косынки в разные стороны две короткие чёрные косички, на смуглой щеке украшением крупная родинка, такое же цветастое, как косынка, платьице, на ногах красные сандалики; а ещё среди всего этого многоцветья, где маленький человек слился с природой, мерцают совсем маленькие озерца синих-синих глаз.

– Алёнка, – смеётся мать, – на кого же ты похожа!

Она берёт её на руки, краем передника, такого же цветастого, как эта луговина, вытирает дочери испачканные ягодами щёки и губы, и затем на них ложатся смачные поцелуи.

– Ну что, пошли обедать, – и Наталья на руках выносит её наверх.

1

Как быстро летит время; не один год прошёл с тех пор, как вьюжной ночью привёз их Иван Кондратов к своим родителям.

Словно дед Мороз, продутый ветром, обсыпанный снегом, он подхватил их, завёрнутых в одеяло, и осторожно занёс в дом. Мать поняла всё сразу; уже через минуту Наталья лежала на кровати, ей было тепло, а на душе радостно, потому что рядом с ней сладко посапывал и чмокал губками самым дорогой для неё человек.

Иван топтался на кухне, всё хотел что-то сказать матери, но, чувствуя в ней какую-то неприступность, всё-таки не решился, пока она сама не избавила его от дальнейших мук:

– Чего стоишь дёргаешься? – сказала строго, но тихо, очевидно, чтобы не слышала Наталья. – Сделал дело – пора к дому, герой.

Иван не заставил себя упрашивать.

Воронок рысью промчал его по улице, взрывая протянувшиеся поперёк дороги рыхлые сугробы, отчего казалось, что ещё сильнее задувает ветер и сыплет снег. И точно такая же буря бушевала в груди у Ивана, но когда он спрятал коня и сбрую под крышу и зашёл в дом, жена, вышедшая отпереть дверь, ничего особенного на его лице не прочитала, а только спросила:

– Ну что, отвёз?

– Нет, – ответил Иван, отряхивая с полушубка снег.

Маруська в недоумении замерла среди кухни.

– Не повёз?

– Повёз... – он ещё помедлил чуть, как бы сдерживая волнение и приводя в порядок свои мысли, повёз, да не довёз. С полдороги вернулся – у матери оставил.

– Родила дорогой? – то ли испугавшись, то ли удивившись, спросила она.

– Девку, – стараясь быть равнодушным, ответил Иван. Но это равнодушие далось ему с трудом: от теплоты прихлынувших чувств сердцу в груди было тесно.

Чтобы избежать дальнейших расспросов, он взял стоящий возле двери веник и снова скрылся за дверью; там он долго топал ногами, шаркал им по валенкам, сбивая снег, потом снял шапку и похлопал ею по дверному косяку, словом, тянул время, чтобы остудить свои мысли. Эти несколько минут сделали своё дело: чувства улеглись, он снова был самим собой и мог спокойно рассказывать о том, что пережил во тьме бушующей ночи.

Маруська за это время успела поставить на стол еду; и, отвечая на вопросы жены, он взял стоящие на подоконнике бутылку со свойской и рюмку, потом, на мгновение задумавшись, оттуда же, с подоконника, взял ещё одну рюмку, налил их, а бутылку поставил на место.

– Намучилась баба, конечно, – сказал Иван. – Но всё вроде нормально, так что давай обмоем новорожденную.

Маруська взяла рюмку, они чокнулись; и сколько потом сидели за столом, перебирая по мелочам события прошедшего дня, Маруська не единым словом не осудила Наталью, а только печалилась, что из-за метели получилось всё, не как должно быть.

* * *

Утром также непогодило. Люди сидели по домам, лишь на короткое время выходили за порог, чтобы бросить скотине охапку сена да напоить её, а потому и никто не знал, даже Хомутиха, что по стечению обстоятельств Наталью приветили Ивановы старики, что есть у неё ещё одна дочка, которую уже назвали по-уличному Снегурочкой.

Иван уехал на ферму затемно, поспав всего часа три; да и какой это был сон – всего лишь беспокойно-радостные раздумья с обрывками воспоминаний.

Маруська тоже не стала ждать, когда распогодится; только рассосалась синева, подсвеченная белыми полосками снежной замети, она укуталась в пуховик, чтобы не секло крупным снегом лицо, повесила на дверь замок и, по колени утопая в сугробах, через полчаса была у Кондрашовых. Старики уже не спали. Свекровь мыла посуду, очевидно, после раннего завтрака, а свёкор сидел у плиты, подбрасывая в топку дрова; огонь рвался в её нутро, с треском их пожирая, в трубе гудело от сильной тяги, и казалось, что плита задыхается, надрываясь, словно живое существо, выполняющее непосильную работу.

– Я уже на проведки, – поздоровавшись, спокойно сказала Маруська. – Может, чем помочь?

– Да со всем вроде управились, – таким же тоном ответила свекровь. И предложила. – Раздевайся, продуло, наверно.

Маруська разделась, а свекровь продолжала говорить, и по ходу её мыслей можно было понять, что во всём свершившемся этой ночью вообще ничего необычного нет, за что можно кого-либо осуждать.

– Хорошо, что совсем не заблудились, – продолжала свекровь, – на таком ветру долго не протянули бы. На моей памяти, не один замёрз в такой вечер.

Наталья села к столу, где было ближе к плите, от которой шло тепло.

– Да, вот в такую непогодь, – пояснила свекровь. – Раньше суровые зимы были, ещё круче... Но обошлось: и с самой, и с малышкой всё хорошо. Спят.

В её голосе появилось тепло, им веяло от каждого слова; слушая свекровь, Маруська чувствовала, что и у неё в груди становится теплее от слов этой пожилой женщины, прожившей большую и сложную жизнь и, как казалось Маруське, легко разобравшейся в этой непростой ситуации. Почему непростой? Как же, только и посмеиваются по деревне, мол, это Иван Маруськи Кондрашовой начудил с Натальей, и ей, конечно, неприятно слушать такие насмешки. Свекровь, очевидно, тоже не глухая.

Неизвестно, что ещё подумала бы Маруська, слушая свекровь и в мыслях перебирая события последних дней, пересуды деревенских баб, если бы та сама не заговорила вдруг об этом.

– Чудаки люди, – спокойно размышляла она, – из одного материала сделаны, а вот на тебе – все разные. Чего только не говорили за моего деда, мол, такой-рассякой он, то с той играется, то с этой. Со зла, что ли, спешат люди донести, не зная в точности, так ли это на самом деле. А хоть и так, на то он и мужик... Не убивать же мне его за это, хотя, конечно, и обидно. Разводиться? Тоже не годится, да и люди в своих догадках такое могут наговорить самой жить не захочется после.

– Умная старуха моя, – вступил в разговор свёкор. – На меня столько наговоров было, что сам удивлялся. Я, старуха, виноват только тем, что такой весёлый в разговоре с бабами: пошучу, посмеюсь...

– Ишь, ожил, когда за баб заговорили, – перебила его свекровь. – Никогда не забуду, как после сватанья убежал от меня с гармошкой за речку, где девок было тьма.

– А чтобы я у тебя дома делал – возле тебя сидел? А из дома ты не шла на улицу.

– А ты меня приглашал? – съязвила свекровь. – А может, ещё скажешь, что неправда, когда работал животноводом, на ферме лапал всех доярок подряд?

– Не было этого, старуха.

– Не было? – переспросила свекровь. – А как же тебе за это Настя заляпала глаза глиной?

И, уже обращаясь к Маруське, добавила:

– Скотный двор по осени обмазывали, так он решил поиграть с Настей. Только он в пазуху к ней свои клешни запустил – она ему все бельмы глиной и заляпала.

И опять к нему с вопросом:

– Не было?

– Ну было, – хмыкнул свёкор, – но только не так.

– Вот тебе и «не так», а надо было так: тебя всего в этой глине извозить, и в штаны побольше, чтобы знал, кобелиная душа, как с чужими бабами заигрывать. В тебя дети и внуки пойдут – тебя судить судом нещадным надо будет.

Ведя разговор на такую щепетильную тему, они между тем не повышали голоса, говорили спокойно, даже как бы шутя, а потому и на сердце у Маруськи если и было что тревожное, оно незаметно улетучилось; так бывает в природе, когда вроде бы погожий день начинает хмуриться, небо темнеет, набухая влагой, которая должна вот-вот пролиться, да вдруг повеет лёгкий ветерок, робко скользнёт по земле первый лучик – и день посветлеет, потом засветится всеми красками радуги.

А Наталья не спала. Она лежала в боковой комнате и, слушая их спокойно-рассудительный разговор, думала о том, что неизвестно как сложилась бы её жизнь, не свяжи она свою судьбу с Иваном. Ну что делать, если такое случилось! Ни Иван, ни она не смогли поступить иначе, и теперь всё завязано в тугой узел, который ни развязать, ни разрубить они не в силах. А тут ещё вот такое приключение с нею.

Ясное дело, знают и старики, и Маруська, что она с Иваном скрутилась, а, видишь, как говорят, словно ничего и нет. Конечно, со стыда провалиться за такую подлость по отношению к ним – как-никак, а семью разбивает.

Ход мыслей прервал плач малютки; она лежала рядом, и Наталье было видно, как сморщилось её личико, губки сложились в трубочку. Не вставая с кровати, Наталья поправила завернувшийся угол пелёнки, переложила малютку на другой бок.

Занавеска на дверном проёме раздвинулась, и она увидела Маруську.

– Здравствуй, девушка, – просто сказала она, придерживая руками полотна. – Как чувствуешь себя?

– Вроде бы ничего плохого.

– И молодец. Такого, как с тобой, у нас ещё не было.

Голос у Маруськи спокойный, смотрит по-доброму.

– Можно посмотреть твою Снегурочку?

Наталья улыбнулась:

– Конечно.

– Я не глазливая, да и теперь она родня нам будет, – весело сказала Маруська, вглядываясь в черты лица малютки, словно выискивая в них это самое родство. Ей то хотелось смотреть и смотреть на это нежное создание, потом вдруг захотелось подержать на руках, но она сдержалась, не высказала вслух такого желания, а только сказала:

– Даже позавидовала тебе. Знаешь, давно не смотрела на младенцев. Моя старшая такой же была смоляной.

Голос у Маруськи всё такой же добрый, но в нём появились нотки мечтательности.

– Точно, Наталья, теперь она роднёй нам будет, а Ивана в крёстные запишешь.

И, словно соглашаясь с Маруськой, малютка улыбнулась во сне счастливой улыбкой.

* * *

Через день непогода утихла, и по белому безмолвию пошли-поехали люди. Тропки-дорожки ложились от дома к дому, до колодцев и колонок, разбросанных вдоль единственной улицы, обозначилась дорога, которая с каждым часом стано-

вилась всё оживленней, потому что по ней люди добирались до магазина, до мастерской и на ферму, а дети в школу. Это была дорога их жизни, не всегда лёгкая и весёлая, но всегда открытая для сердца и глаз ходивших по ней людей.

Удивительное дело: первой понесла по деревне новость опять же Хомутиха, что в очередной раз подтверждало: в деревне по этой части у неё равных нет. А получилось всё просто. Лишь только ослабли за стылыми окнами белые сполохи непогоды, Хомутиха откомандировала Гаврила на двор. И напутствовала: «Разлёгся... Пролежни уже заработал. Ходи на двор, открой двери – пусть птица погуляет, а то надоело ей взаперти.»

Гаврил и без неё уже прикинул, что надо сделать: конечно, выпустить, но сначала откопать двери. Пока Хомутиха готовила завтрак, он отбросил снег, а когда двери открыл, индюшки и куры наперегонки вывалились из полутёмного помещения и рассыпались в разные стороны в поисках корма – воля есть воля.

Гаврил сделал своё дело – и в дом. Честь по чести доложил о выполнении, добавив при этом, что птицу неплохо бы покормить, как и его, кстати.

– Покормлю, – буркнула Хомутиха и принялась собирать на стол.

А потом они завтракали; и хоть сидели за столом недолго, но, пока натёрла птице свёклы, потом грела ей воду для питья и одевалась, время пролетело. Вышла, позвала – куры прибежали, какая откуда, а индюшек нет. «Подворяжки, – ругала она их в сердцах, – думаете, я за вами бегать буду. Завтра порублю».

Хомутиха недолюбливала индюшек – они не знали своего двора и могли разгуливать по всей деревне; она отказывалась их водить, но Гаврил каждый раз вступал в спор, и всё оставалось в их небольшом хозяйстве без изменений. Она знала, где искать это беспокойное племя: взяла палку и пошла к центру деревни – именно там, в зарослях бурьяна, находили они для себя что-то вкусное.

И на этот раз индюшки оказались на своём излюбленном месте, часть их даже перелетела через изгородь к Кондрашовым, ветврачевым старикам.

«Кыш, проклятые!» – шумнула на них Хомутиха, миновав калитку.

Индюшки продолжали копаться под окнами, возле самого фундамента. Она пугнула их ещё, уже проходя под окнами... И вдруг услышала за двойными рамами детский плач. Хомутиха остолбенела: «Ребенок? – её удивлению не было предела. – Чей? Кто это у них гостит?»

Индюшки выбрались на дорогу, а она уже забыла про птицу; она скорее к входной двери, по веранде – дальше, дальше, и только взялась за ручку, собираясь войти в дом, как дверь перед ней открылась, и на пороге во весь могучий свой рост встал хозяин.

– Ты? Чего тебе? – хмуро спросил Кондратов, пытаясь оттеснить её от порога и закрыть за собой дверь.

Это у него получилось; Хомутиха сделала два шага назад, но все-таки успела ещё раз услышать всё тот же плач и знакомый женский голос, убаюкивающий ребенка. «Наталья! – подпрыгнуло мячиком сердце. – Вот это да!» Но старика о своей догадке расспрашивать не стала, а только улыбнулась ему, через силу сдерживая раздирающее чувство ликования:

– Индюшек искала, а они у вас оказались, в изгородь забрались...

– Нечего тут шастать, – перебил её Кондратов, – индюшек твоих тут нет.

– Да я с бабкой твоей поговорить хочу, – решила схитрить Хомутиха.

– Нечего шастать, говорю, – посуровел лицом старик. – Бабка моя болеет, не до тебя ей.

«Ясное дело, не до меня, – ликовала Хомутиха, выходя на дорогу и пошугивая индюшек. – Лопни мой последний глаз, Маруська и не ведает, что в их семье прибавка».

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

НЕПОКОРЁННАЯ ТРОПА

Рассказ

Первые дни наступившего лета. Иду знакомой тропинкой, еле приметной среди береговых зарослей некогда большого Зареченского пруда. Ноги беспрестанно путаются в длинной, насыщенной горячим солнцем траве, от его ярких бликов на водной чистинке рябит в глазах. В воздухе плывёт запах полыни и луговых цветов. Кругом стоит необыкновенная тишина. Водоём, затканный июньской травой, спит в зарослях берёз и ивняка, даже высокие побеги рогоза стоят неподвижно, не нарушая общей дрёмы.

Говорят, что самое прекрасное и благодатное время в природе бывает на стыке последних календарных дней весны и наступающего лета, когда воздух напоён свежей зеленью, а голова томно кружится от избытка благоуханий.

– Нет! Нет! Здесь никто не съедет! – словно сквозь сон услышал я совсем рядом девичий голос и, обернувшись, увидел, как с зареченского взгорка к воде спускались девушка и молодой человек.

Это мелодично-нежное «нет, нет…» тихим эхом отозвалось во мне, а плывущие облака и зубчатые очертания зелёных зарослей воскресили прошлое, давнишнее и, казалось, совсем уже позабытое чувство и встречи из школьной поры…

– Нет! Нет! – здесь никто не съедет, – также озорно много лет назад говорила после купания в реке Судость другая девушка, карабкаясь по узкой извилистой тропинке в гору. Она была совсем юной. Красивое, слегка продолговатое лицо, небольшой носик и розовые, чуть-чуть припухлые губы делали её привлекательной. Вьющиеся волосы тёмно-каштанового цвета, заплетённые в косы, струились волнами на грудь и были немного растрёпаны, на их кончиках темнели пряди, только что побывавшие в воде. Парусиновые туфли с маленьким каблучком украшали её стройные ножки, а платье ласково облегало влажное тело. Остановившись на середине пути, она задорно подтрунивала над мальчишкой, стоявшим у начала подъёма. Сознавая, что очень нравится ему, она кокетливо щурила глаза от яркого весеннего солнца, точь-в-точь такого же, как и в сегодняшний день. В улыбке и серо-голубых глазах девчушки светилось счастье…

Паренёк, едва успевая за разгорячённой подъёмом девушкой, тащил свою сумку с книгами и её портфель. Забравшись первой на вершину, она остановилась и, игриво обращаясь к нему, сказала:

– Тут вообще никто не сможет съехать!

Задорно улыбаясь, спутница щурила глаза, обрамлённые красивыми от природы ресницами, и подзадоривала своего попутчика, ожидая его на горе. Поднявшись к ней, мальчишка с высоты увидел еле заметную тропинку, по которой они только что вскарабкались, и дорогу, что вилась у обрывисто стёсанной кручи, пролегающей каменистой стеной вдоль реки.

Подставив ветру привлекательное личико с веснушками на носу, наслаждаясь дыханием лета и откинув косы за плечи, девушка продолжала:

– Да, если бы кто сумел отсюда съехать вниз на велосипеде, то с таким можно пойти, ничего не боясь, куда угодно!

Стоя рядом с ней, он ловил каждое произнесённое слово и верил, что если рискнёт спуститься на велосипеде с головокружительной высоты, совершив почти невозможное, то этим поступком покорит сердце девушки. Исполнение этого жела-

ния сделает его счастливым. На лице парня появилось мужественное выражение и решительность.

Видя, что он молчит и сосредоточено думает о чём-то, Надя, так звали девушку, по-особому нежным, тихим, как вздох, голосом, произнесла:

– Геник, а давай не пойдём сегодня в школу, лучше вернёмся ещё покупаться? Посмотри, как чу́дно здесь! Какой прекрасный день!

Действительно, ласковый ветер трепал волосы и обтекал разгорячённые подъёмом тела нежной, тёплой волной. С горы, где они стояли рядом друг с другом, открывался необозримый простор. Внизу, прямо у подножья, перекатываясь зелёными волнами, качались верхушки деревьев, а над Судостью, в мерцающей дали, туманной дымкой висело белёсое марево, сливающееся у горизонта с бескрайностью неба…

Мы любовались всем этим с самого высокого места над Судостью. Вдруг, как будто вспомнив что-то неотложное и слегка покраснев, Надя серьёзно сказала:

– Ген, нет, нам пора в школу, а то опоздаем. Первый урок тригонометрия, мне надо ещё повторить…

К моему счастью, она тоже училась в Бакланской школе, только она в восьмом, а я – в девятом классе.

Меня устраивал такой поворот, лишь бы продолжить путь вместе, и мы стали осторожно продвигаться по заросшей верхушке горы.

Как же я был тогда счастлив рядом с ней! Мы смеялись, говорили об уроках, задачках, учителях… В каждом движении Нади, в особом плавном повороте головы, в загадочной улыбке было что-то такое очаровательное и ласкающе-повелительное, что мне думалось тогда: за то, чтобы быть с ней рядом, видеть и слышать её, можно отдать всё на свете…

Учёба в школе шла обычным порядком. Уроки. Неблизкая дорога по выходным дням под родительский кров и обратно. В тёплое время года домой возвращались всегда толпой, разделяясь на компании девчонок и ребят. По пути пересказывали новости и события, шутили и развлекались.

Запомнился случай, его долго обсуждали в нашем кругу. Не окончив школы, одна из наших одноклассниц вышла замуж, как у нас все говорили, «выскочила» за парня, только что вернувшегося из армии. Иван, так звали новоявленного ухажёра, отслужив на подводной лодке, часто щеголял по деревне в красивой форме. Лихо надвинутая на лоб бескозырка с якорями на ленточках, белоснежная матроска с широким тёмно-синим воротником за плечами, чёрные брюки клёш и начищенные до блеска туфли подчеркивали в нём флотскую выправку. Привлекательный, необычный для нашей местности вид моряка наповал сразил сразу повзрослевших девчат, они почти все без исключения были влюблены в него. Из их числа он отдал предпочтение Гончаровой Зине. Не дожидаясь аттестата об окончании школы, она стала замужней женщиной. В те дни не только юрковцы, но и вся школа только и говорили об этом необычном событии.

Зинаида была подружкой Нади, а Иван моим дальним родственником. Во время его службы в армии я, учась в школе, квартировал у его родителей и спал в комнате Ивана. С его возвращением мне пришлось искать новое жильё, но это не помешало нашему дальнейшему общению. Отношения жениха и невесты развивались у нас на глазах. Зинаида, ещё не догадываясь о серьёзных намерениях Ивана, расспрашивала меня о наших с ним разговорах. Иногда с моей помощью они чаще виделись. В благодарность за мою поддержку Зина и сама становилась помощницей в моих встречах с Надей. Доверчиво рассказывая о чувствах подруги, говорила, что та стесняется открыто признаться в них. От неё узнавал, что Надя сильно привыкла ко мне, ей нравятся мои ухаживания и ласковые объятия, приятны встречи, пусть и в школе, когда можно сидеть и смотреть даже издали, ничего не прося, ни о чём не спрашивая. Просто вместе радоваться или грустить…

Эти разговоры придавали мне уверенности и укрепили желание съехать с кручи на велосипеде. К тому же меня стало настораживать отношение к Наде её троюродного брата Николая, всячески опекавшего свою дальнюю родственницу. На правах старшего по возрасту, он старался держаться рядом с ней, иногда провожал после школы. Страшная буря гнева поднималась в моей душе, когда я видел их вместе. Отвлечь Надю от ухаживаний Николая мне было нечем. В годы моей юности не было принято дарить девчонкам какие-то подарки, во-первых, не было денег, а во-вторых, отношения и нежные чувства молодые люди тогда не выставляли напоказ даже среди друзей, а старались скрывать от посторонних глаз. Внимание и расположение друг друга можно было заслужить со стороны парня – поступком или смелостью, а девушки – ловкостью и рукоделием, умелой работой по хозяйству или ста́тью, бойкостью характера…

Своей чередой прошли лето, осень, зима. Наступила долгожданная весна. Но в тот год она была, как нарочно, поздней. Снег на полях и в лесу таять не спешил, а за домами, в тени, он и вовсе возвышался грязными, приплюснутыми сверху и подтаявшими у подножья рыхлыми сугробами. Во всей округе бледный до голубизны весенний свет и крупные белые облака в яркой синеве небосвода всё же предсказывали приближение настоящей весны. И вскоре на утренних зорях пошли тёплые туманы, тронулась река, стали просыхать бугры и косогоры. Воздух насытился запахами талой воды и парящей земли, щедро разносимыми свежим весенним ветром.

Мои походы на кручу стали постоянными. Однако на ней было по-прежнему сыро. В затенённых местах снег только-только перерождался от тепла в весёлые искрящиеся ручейки, которые, перекатываясь через тропинку и сливаясь в один поток, устремлялись вниз к реке. А она, освободившись ото льда и не войдя ещё в свои берега, разлилась, затопила весь пойменный луг до Первомайского посёлка.

Проходила неделя, другая, и на глазах менялось всё вокруг. Восстанавливались дороги, односельчане могли опять беспрепятственно ездить в другие деревни, а главное – без труда можно было добраться и до Юрково. После долгих дней весенней распутицы в это дивное время отрадой было посещение клуба, а потом – провожание Нади до дома! Чтобы во время прогулок подольше побыть с ней наедине, я просил её как можно медленнее идти по ночной деревне, а сам рассказывал интересные или смешные истории.

Весенние ночи – особенные ночи, наверное, созданные на земле для влюблённых. Усевшись на скамеечку у забора палисада, подальше от любопытных глаз, в безмятежной тишине заснувшей улицы, мы слушали изумительные трели соловьев, вдыхали сочные запахи весенней зелени и особую горечь распускавшейся листвы... Тёплый воздух, насыщенный живительным ароматом весны, окутывал нас своей плотной пеленой, как одеялом. Несмотря на поздний час, спать совсем не хотелось. Сладковатый туман, плывущий по округе от кустов черёмухи и начинавшей зацветать сирени, вызывал такие сумасшедшие мелодии душевной нежности, что казалось, этому не будет конца, и что в жизни, кроме этих минут счастья, ничего большего не надо. Всё другое просто переставало существовать. Только мы вдвоём на всём белом свете…

Хороши были и тихие летние ночи. Под бархатным небом, усеянным тысячами мерцающих звёзд, под песни сверчков мы, взявшись за руки, уединялись на реке в причаленной у самого берега лодке, стоявшей на спутанной гуще подводных трав. Дойдя до нашего места и убедившись, что никого нет, я первым заходил в лодку и, приглашая «на борт», подавал Наде руку. Опираясь на неё, она с показной грацией усаживалась на прохладную скамейку. Поверхность речной глади, похожая на зеркало, отражала купол звёздного неба с молодым месяцем. Всё вокруг замирало,

было спокойно и таинственно, только где-то в посёлке слышались приглушённые голоса расходившейся по домам молодёжи.

Тихое дыхание воды, мелкие всхлипы прибрежной волны зачаровывали нас своей неспешной говорливостью. Зябко ёжась, девушка старалась согреться, доверчиво прижималась ко мне. Наши взгляды встречались. Лучистое мерцание её глаз в сумраке ночи было необыкновенно притягательным. Наступали незабываемые минуты… Начало нашей любви, доверчивости, восторженной нежности…

Разговаривая вполголоса, чтобы вечерняя заря не разносила вдоль реки сокровенные слова, мы были очарованы близостью и окружавшей нас ночью. Чёрная вода, деревья, уходящие высоко в звёздное небо и бесконечно-безмолвная колдовская ночь с длинными тенями от стволов ракит. Только иногда что-то осторожно шуршало за их могучими стволами. Надя, смешно пугаясь, спрашивала:

– Ой, что это! Там кто-то есть!

– Не бойся, наверное, выдра пришла поохотиться.

После этих слов, она, забывая страхи, успокаивалась. Серебристая дорожка на воде от лунного света и вуаль россыпи звёзд на небосводе принадлежали в это время только нам.

Время шло обычной чередой. Я продолжал тренировки, съезжая с горы сначала по основной, тоже не совсем безопасной дороге. Она спускалась крутым полотном с кручи, прямо к основанию горы, а потом приводила к мосту, перекинутому через Судость. Во время паводка его сильно заливало водой, бурные весенние потоки часто уносили деревянный настил, оставляя лишь отдельные доски, по которым пешеходы ещё долгое время могли переходить. А ученики, не желая добираться в школу обходными путями пока не восстановят переход, на себе переносили по ним велосипеды. Иногда, потеряв равновесие, они оказывались вместе с книгами и с двухколёсными машинами в воде. Но сейчас мост был ещё непроезжим, уложили только его первый пролёт со стороны Баклани, и надежды на скорое открытие не было.

С наступлением погожих весенних дней моё стремление, во что бы то ни стало, спуститься с кручи становилось всё сильнее и решительнее. Ради воплощения этой мечты сразу после открытия моста я, изменив свой школьный маршрут, частенько стал ездить в школу не через Берёзовку и Юрково, как это делали мои сверстники, а, изумляя их, более длинным маршрутом, через Валуец. Хотелось как можно чаще приходить к тропинке, по которой предстояло съехать на глазах у Нади. Это позволяло мне ещё и ещё раз присмотреться к извилистой дорожке и постепенно освоить её по частям. Даже купаясь в реке у подножья горы, я постоянно поглядывал на этот косогор.

Однажды, в один из первых летних дней, возвращаясь из школы домой, отстал от ребят и приехал к манящему спуску, надеясь, что земля уже просохла. Деревья к тому времени набросили на себя нежное зелёное покрывало, распустив шатры крон на всём протяжении тропы. Этот ещё редкий занавес легко пропускал лучи яркого солнца, позволяя гулять восточным ветрам. Своим дуновением они прогревали землю и приносили медовый вкус с кудрявой цветущей лозы. Надежды мои оправдались: тропинка была сухой. Оставив велосипед наверху, прошёл по ней, убрал наломанные ветром ветки и осыпавшиеся с горы острые камни. Собирая мусор, решил, что в этот день закреплю прошлогодний успех удачного спуска.

Вокруг не было ни души, только сороки, распустив длинные хвосты, время от времени беспокойно взлетали с дорожного полотна, унося мелкие сухие веточки для строительства гнёзд, скрытых в макушках высоких ракит. И в этот раз вид с горы был просто восхитительным: над Судостью – громады белых облаков, ступеньками спускавшиеся к горизонту, а внизу простирались многообразные изви-

вы застывшей водной глади, обрамлённой зелёными берегами с поросшими куртинами камышей и речной осоки.

Глядя вокруг, я испытывал трепетное чувство перед её мощью и в то же время видел непостижимую высоту, которую предстояло преодолеть на велосипеде. Но ничто не могло остановить меня. Наверное, предчувствие, что справлюсь, делало меня решительным и безрассудным. В тот момент был готов на покорение любых, даже самых неприступных вершин.

Всматриваясь в петляющую тропинку, воображал радость Нади, встречающей покорителя головокружительного съезда. Предвкушение счастливых минут, когда она сможет гордиться и восхищаться мной, торопило. Постояв несколько минут и потуже привязав портфель с книгами на багажнике, уселся удобнее на велосипед и стал медленно спускаться… Первые метры тормоза держали, но потом велосипед понёсся с неудержимо-страшной силой. Откуда-то под колёса попадали мелкие ветки, скользя по ним, резко ускорился и без того быстрый съезд с горы. От напряжения педали стали прокручиваться назад, не успевая тормозить; ножной тормоз, несмотря на регулярную смазку и ремонт, сразу перегрелся. Ручной, зажатый до отказа, мало чем помогал. Велосипед стал просто неуправляемым.

Отдавшись в руки судьбе, я за одно мгновение проехал больше половины рискованного спуска. Что случилось потом, трудно было понять, врезавшись в дерево, очутился на земле. С разбитых коленок стекала кровь. Ныло и щипало плечо, сразу же опух разбитый нос. Но всё это было не так страшно, если бы не искалеченный велосипед с восьмёркой на переднем колесе и уродливо изогнутым рулём. Порванные блестящие спицы топорщились из согнутого обода… Что теперь делать? Как быть? Конечно, это падение спасло от дальнейшего кувыркания вниз. Сразу пришло осознание, что этот спуск, мог оказаться для меня более плачевным. Кое-как выправил колесо и доехал на сломанной машине домой. Теперь ездить в школу и катать девчонок, увы, было не на чем. С Надей стали видеться реже, как будто она догадалась, что я не смог покорить кручу…

Однажды вся наша ватага после отменённых уроков решила не расходиться по домам, а погулять у реки. Незаметно оказались у знакомой тропинки. Её облюбовали в этот раз и местные пацаны. Они стали предъявлять свои права на эту территорию и приставать к нашим девочкам, естественно, и к Наде. Завязалась драка. Их было больше, и мы вряд ли смогли бы справиться с ними, не будь с нами её троюродного брата Николая. Парень постарше и покрепче нас, он и взял основной удар на себя, и ему досталось больше, чем остальным. Когда мы разогнали обидчиков, моя Надя стала жалеть Колю. Вытирала ему кровь своим батистовым белоснежным платочком, ругала нас, называла тру́сами, а сама, перемазанная кровью, заботливо ухаживала за ним, не стесняясь окружающих.

Как же мне хотелось быть на его месте в тот момент!

С этого злополучного дня она уже не ходила по нашей тропе, напоминавшей о драке, а я, как и прежде, не терял надежду, что однажды встречу там Надю. Меня как магнитом тянуло туда. Очень хотелось доказать ей свою решительность и покорить при ней тропинку, а с ней навсегда и её сердце… Как и раньше, обдумывал съезд, готовил спуск, а в некоторых местах, где нельзя было не только проехать, но и пройти пешком, – расширял крутые виражи…

Начавшиеся каникулы на время приостановили мои приготовления. Как старший сын в семье я помогал родителям. Вместе с отцом мы заготавливали в лесу дрова на зиму, косили сено и перевозили его домой, укладывали на чердаки и в копны, чтобы хватило для прокорма скотине на долгую зимнюю пору. Драли лозу, собирали грибы, вязали веники из веток берёзы и сдавали всё в заготконтору, выручая какие-то деньги. В конце лета отец купил себе новый велосипед, чтобы ез-

дить в Гамалеевскую школу на работу, а мне отдал старый, но он был гораздо лучше моего прежнего.

К тому времени я уже жил в интернате и всё реже и реже виделся с Надей. Постепенно сама идея доказать ей свою смелость, как-то незаметно сошла на нет. Окончив школу, поработав пионервожатым в Котляковской школе, поступил в институт и уехал в Орёл. А она сразу после школы устроилась в Брянске работать на завод, где в то время уже трудился Николай. Не теряя связи, мы писали друг другу красивые и трогательные письма, а на каникулах, когда я приезжал к родителям, встречались.

Повзрослев, Надя ещё больше похорошела. Самостоятельная жизнь вне семьи придала ей особую женственность. Милая улыбка на хорошеньком девичьем лице дышала свежестью, а глаза просто сияли при наших встречах. В своих письмах ко мне она писала, что ей трудно одной, что хочет быть всегда рядом, когда всё хорошо – вместе радоваться, когда плохо – грустить, а когда что-то не получится – вместе преодолевать трудности, и главное – чувствовать себя необходимой для совместной жизни. Мучилась, никому не смея сказать о своих переживаниях, спрашивала, не забыл ли я наше самое светлое, доброе, что было у нас, когда наши сердца распахнулись навстречу друг другу и вспыхнуло прекрасное чувство, красивое, глубокое, и она надеется, что этому не будет конца. Моё сердце ёкало от счастья, душа пела, а мысли от её откровенных признаний витали где-то в облаках. В ответ ей мои послания были не менее нежными… Конечно, мельчайшие подробности тех писем и встреч постепенно утратились в памяти, слившись в один ласковый и тёплый пласт воспоминаний. В переписке и редких встречах прошло около двух лет…

Через какое-то время конверты со знакомым почерком стали приходить немного реже. Погрузившись в учёбу, не придал этому особого значения. Но счастливая, даже гордая самоуверенность, с которой ждал следующего письма, постепенно исчезала, появилась неосознанная тревога о будущих наших встречах.

Возвращаясь как-то в Заречье на каникулы, случайно встретил Зинаиду, искренне обрадовался возможности поговорить с ней о Наде. Но она в этот раз почему-то отводила глаза в сторону. Не понимая причины, я задавал ей разные вопросы, пытаясь понять, почему она со мной не хочет откровенничать, как раньше? От неё узнал, что Надя вышла замуж… за Николая.

У меня перехватило дыхание, сердце замерло, а в груди стало горячо-горячо. Тысячи иголок проткнули моё сердце, ноги вдруг стали ватными, а в голове прозвучало множество вопросов: Как? Почему? Зачем? Как она могла? Нет, нет, это не она, нет, это неправда, ведь она любила… Долго не мог осознать, почему так случилось, отчего так больно, почему лишаюсь смысла жизни, как будто вдруг у меня ничего не осталось…

Я не винил её, как не винил и себя… Милое юное создание, выросшее среди повседневных будничных трудов, в тесном кругу многодетной семьи с большими домашними обязанностями, не знавшее особых развлечений, кроме как надеть красивое праздничное платье и пойти погулять по деревне с подругами; да ещё в большой праздник поплясать в клубе на танцах; с нескрываемым удовольствием обсудить с подружками деревенские новости. Возможно, от всего этого в душе молодой девушки рано пробудились затаённые желания скорее уйти от надоевшего однообразия. Чувствуя не один год рядом с собой человека, постоянно заботившегося о ней, она устремилась к нему, надеясь в союзе с ним, создав семью, обрести и женское счастье…

На этом и закончилась незабываемая история о непокорённой тропе к сердцу, подаренному другому. Но и через много лет с трепетом вспоминаю всё, что судьба подарила нам. Помню то прекрасное чувство, которое не растворилось во времени.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА
Роттердам, Голландия

КАК У ДРУИДОВ: Я И ДЕРЕВЬЯ

Я люблю деревья. Я доверяю им, восхищаюсь ими. Я чувствую себя защищенной и уверенной рядом с ними. Они дают мне силу, покой и умиротворение. Они защищают меня от дождя, ветра или сильного солнца. Я люблю на них смотреть, их слушать, гладить их, обнимать. Они такие мудрые, такие гордые, такие тихие и такие добрые. Они такие разные, так же, как у людей, у них различные фигуры и характеры. Некоторые – такие крепкие, сильные, мужественные. А другие – такие тонкие, хрупкие, гибкие, женственные, красивые, подобные юным девушкам... Нет, красивы они все!

Мой дедушка тоже любил деревья. Я это унаследовала от него. Он был лесничим и всю свою жизнь провёл в лесах. В России очень много лесов. Русские не могут представить себе свою жизнь без лесов. Я не знаю, у какого ещё народа есть так много песен о деревьях. Они в них похожи на людей – они любят, страдают, плачут, разговаривают друг с другом, помогают друг другу, радуются или грустят. Особенно известной является песня «Тонкая рябина», в которой рассказывается о любви одной молодой рябины к дубу, стоящему на противоположном берегу реки и таком же одиноком, как и она, но до которого она никак не может добраться, как бы сильно этого ни желала...

Но не только в песнях, а и в действительности судьба деревьев напоминает человеческую судьбу. Они также рождаются из маленького семени, после этого они бывают сначала маленькими, нежными, слабыми, беззащитными, потом они растут, развиваются, становятся всё больше и сильнее, но внезапно они могут заболеть или позднее умереть. Так же, как люди, они попадают в землю, смешиваются с ней, а затем дают жизнь новым растениям...

Так же, как люди, деревья переживают свои весну, лето, осень и зиму. Напротив моего окна стоит одно дерево, и я следую вместе с ним через все эти времена года. Ещё не отступили зимние морозы, но на ветвях дерева уже начинают появляться первые почки. Это очень волнует и изумляет – видеть как на чёрных, лысых, некрасивых ветках появляются первые светло-зелёные, нежные, липкие листочки, это напоминает рождение бабочки из кокона. Каждый раз это похоже на чудо, на победу жизни над смертью... Потом листики растут, меняют цвет и форму, становятся темнее и шире. И вскоре ветки уже совсем исчезают под пушистой листвой. Дождь умывает их, солнце питает их энергией... Всё лето они крепко держатся за свои ветви и от каждого дуновения ветра начинают шептаться, петь и рассказывать свои истории. Но наиболее красивы деревья, конечно же, осенью. Тогда они надевают свои самые великолепные наряды. Каждый раз это похоже на демонстрацию мод. Иногда деревья напоминают радугу – так много в них цветовых нюансов: это достойно восхищения, удивляет и завораживает...

Но однажды вдруг листья начинают покидать свои ветки, и вскоре уже вся земля покрыта толстым ковром из листьев. Воздух становится с каждым днём всё холоднее, больше ветра, меньше солнца, темнее небо, тяжелее облака. И вот уже Рождество стоит на пороге. А что может быть лучше белого Рождества! Однажды утром ты просыпаешься, подходишь к окну и не можешь узнать знакомый вид. Всё стало таким светлым, радостным, сказочным. Как будто волшебник пришёл ночью и своей волшебной палочкой превратил голые, опустевшие деревья в чудесных, белых, лебедеподобных существ. И снова ты не можешь отвести своих глаз от деревьев и хочешь смотреть, смотреть бесконечно и восторгаться и благодарить матушку-природу за её фантастические метаморфозы.

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ
Лион, Франция

ПРОЩАНИЕ С ПОДРУГОЙ

Сегодня я еду в Лион сдавать документы на получение места заместителя преподавателя младших классов в частных школах. На этой неделе мне предстоит двойная поездка. Как-никак 60 километров туда и обратно. Чтобы как-то сократить расходы на дорогу из-за моего безработного положения, я решаю не откладывать на потом поездку к моей подруге Марине. Да, я знаю, что надо наведываться к ней почаще, каждый день, но я не хочу беспокоить её. Ей нужен покой. Она лежит в больнице Матери и ребёнка на восточной окраине Лиона. Я думаю заехать к ней в первую очередь, потому что это самое главное. Я оставляю свою машину на парковке у северного вокзала города, сажусь в метро, потом на автобус. Я до сих пор не могу себе представить, что Марина, такая живая, полная энтузиазма женщина, теперь прикована к больничной койке.

Уже весна. Вовсю чирикают пташки. По-моему, это синицы. Солнце ласкает своими лучами редкие листочки на клёнах перед окнами палат. Идущие проведать своих люди уже в коротких, обнажающих руки и шею рубашках и батниках. Женщины наконец-то сбросили стягивающий ноги капрон.

Я открываю дверь в Маринину палату. Она лежит безволосая, со ссохшимся телом, заострёнными чертами лица, но в глазах горит всё тот же огонёк. Несмотря на физическую усталость, она так же говорлива, даже если её речь течёт медленнее, и она вынуждена помогать себе глотками воды после каждой фразы.

Марина объясняет мне, как она узнала про американский заговор против России. В эту легенду верят все русские живущие во Франции из-за антирусского бреда, обрушивающегося на вас с экранов телевизоров и со страниц газет.

– Америка делает всё, чтобы дискредитировать нас перед Европой. Она пытается нас обескровить. – Глаза Марины блестят светом уверенного в своей правде религиозного фанатика.

Мы долго обсуждаем этот вопрос, но вдруг я чувствую беспокойство в Марининой голосе:

– Что будет с моими родителями? Они ведь меня ждут. А я ведь хотела поехать этим летом в Москву, в июне. И Генри, как он будет жить без ассоциации, если я буду и дальше валяться тут?

– Не волнуйся, Мариночка. Теперь хорошо лечат рак. Ты быстро выздоровеешь.

– С моими-то метастазами?

Я делаю неимоверное усилие, чтобы ответить твёрдо, удерживая дрожь в голосе:

– Врачи тебе сказали, что всё будет нормально, значит, так оно и будет.

Марина теребит бескровными руками своё одеяло и говорит мне тихим голосом:

– Ты поможешь мне сходить в туалет. Я не смогу сама.

Я киваю в знак согласия, не зная, каким образом я смогу ей помочь. Я встаю, опускаю стыдливо глаза, в то время как Марина начинает передвигаться к стулу с дырой слева от неё, медленно сантиметр за сантиметром, судорожно дыша от боли. Я пытаюсь вмешаться, но мои жесты неловки, и ей совсем не в помощь. Она садится наконец-то на стул, её дыхание постепенно становится ровным. Я говорю с ней, не поднимая глаз. Я чувствую, как меня охватывает огромное чувство нежности к этой русской вдохновительнице, покинувшей свою родную страну ради любви к французу. Как и я, она долго искала здесь своё место. Благодаря архитек-

торскому образованию, которое получила в России, она сумела основать в Лионе франко-русскую ассоциацию, сплотившую множество людей, дело всей её жизни.

Марина и её муж Генри всегда с трудом перебивались, сводив концы с концами, но когда вы приходили к ним в гости, у них всегда было что поесть и выпить. А главное, были эти разговоры с хозяйкой дома о русской литературе и политике. И даже если вас не интересовали эти сюжеты, вас затягивало, и вы начинали спорить. Боже мой, как это было приятно погрузиться в обсуждение той или иной темы, оставив за порогом французскую привычку угодить собеседнику, лежащую в основе их « savoir-vivre » (умения жить).

Я смотрю ласково на Марину. Она лежит на постели такая хрупкая, как маленькая девочка, и мне хочется её обнять, прижать к себе, но я удерживаю себя: карантин только что сняли...

Не хочу уходить, зная, что я её вижу, наверное, в последний раз. Начинаю себя корить за то, что отложила сдачу документов на потом. Надо было сходить в Католическую епархию утром. Я могла бы тогда остаться с Мариной до позднего вечера.

Она кушает воздушное пирожное, приготовленное моим мужем, который долго с любовью выбирал в своей книге рецептов подходящую сладость. Марина, как только попала в больницу, перестала есть индустриальные продукты. Она с трудом глотает, ей даже трудно жевать.

– Вкусно, – сказала она, тихонько смеясь. – Мням.

Марина кладёт в рот всего лишь маленькую ложечку, но я уже счастлива, потому что она кушает.

Надо идти. Я извиняюсь, не забывая ругать себя при ней по поводу экономии на расходы, предлог, который по мере того, как я говорю, кажется глупым до абсурда.

Выходя из палаты, я кричу, помахав Марине рукой:

– Мы придём к тебе на чай, как только тебя выпишут. Давай! До скорого!

Я плачу в лифте. Я знаю, что «скоро » не наступит, может быть, никогда.

На улице крапает дождик. Совсем, как российский. За углом дерутся воробьи. Мокрый кот сидит напротив и лениво наблюдает за перепалкой. Совсем, как во Мценске или в Москве.

Марина покинула нас 9 мая, в День Победы, в один из наших самых больших праздников.

– Милая моя Марина, мне тебя будет так не хватать.

Письма из Италии

ГИ ПОРСЕДДА
Сардиния

НОСТАЛЬГИЯ

9 мая 2015 года вся Россия праздновала 70-ю годовщину победы в 1945 года над немецким нацизмом.

Мы приехали в Москву, а затем в Орёл 16 мая.

Неделю спустя после этого праздника автобусы, такси, магазины города были ещё украшены плакатами с цифрой 70, медалями и орденскими лентами Святого Георгия.

Три месяца спустя многие из этих плакатов всё ещё были повсюду.

17 мая мы поехали на могилу наших родных.

На левой стороне Наугорского шоссе, недалеко от кладбища, напротив гипермаркета «Европа», я увидел панно, украшенное тем же плакатом, что и автобусы, но гораздо большее по размерам, и дополненное улыбающимся профилем Сталина. Это было неожиданно для меня.

Сейчас это панно заменили на предвыборный плакат кандидата на ближайших муниципальных выборах.

Несколько дней спустя радио, телевидение в одной из передач сообщали о проекте восстановления памятника Феликсу Дзержинскому, организатору ЧК в 1917 году, на Лубянке, центральной площади в Москве.

Тысячи телефонных и письменных протестов заставили инициаторов отказаться от такого проекта. Памятник будет заменён большим фонтаном. Вот что лучше символизирует потоки слёз, пролитых жертвами и их семьями в течении 72 лет советского режима.

Но это ещё не всё.

Город Орёл праздновал 72- ю годовщину своего освобождения 5 августа 1943 года. Освобождение это отмечалось в Москве Первым салютом, за которым последовала целая серия салютов, символизирующих освобождение Красной Армией больших городов России.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Российской Федерации Геннадий Зюганов по этому случаю вернулся в свои родные места и произнёс большую пламенную речь. Молодые люди целый день ездили на автомобилях по Орлу с красными флагами, в репродукторах звучали военные марши.

Я отметил про себя, что машины были новенькими, блестящими, в большинстве четырёхприводными. Не то что « Жигули» или «Москвичи». Значит, у молодых людей есть средства, кто же могут быть их родители?

Эти события заставляют меня подумать и написать следующее.

Молодые русские, родившиеся после перестройки, уже не помнят 90-е годы, ещё менее советское время.

Когда я впервые приземлился в Шереметьево–2 (оно стало терминалом F после расширения аэропорта) в октябре 1993 года, чтобы помочь оборудовать первый супермаркет и первый кеш-н-керри в Люберцах (проект ТАСИС совместно с предприятием «Белая Дача»), я нашёл страну запустелой. Магазины почти пустые, заводы остановлены, поля заброшены, Белый Дом в Москве вследствие пожара, возникшего при попытке государственного переворота Александра Руцкого, выступал с совершенно чёрным фасадом. Это было из ряда вон выходяще. В те времена на улице не часто можно было встретить беременную женщину. Это было время отчаяния, люди сомневались в своём будущем.

Сегодня всё выглядит по-другому. Посмотрите на прохожих на улицах, оглянитесь на ваших соседей: множество беременных женщин, много детей в красивых колясках, много играющих и смеющихся детей в парках. Вы живёте во времена надежды. Это уже другие молодые люди. Это их родители и их деды добились того, чтобы ваша прекрасная страна перешла от отчаяния к надежде. И это, несмотря на внутренние и международные проблемы.

Если Россия, ваша такая прекрасная и такая богатая страна, переживает период кризиса, я не ставлю своей целью здесь перечислять все причины этого. Вы их, вероятно, знаете не хуже меня.

Моя цель – посоветовать вам не пытаться вернуться в прошлое, которого вы не знали. Прошлое, которое было отмечено, главным образом, ложью. Прошлое, в течение которого миллионы мужчин и женщин были принесены в жертву культу личности.

Вы живёте на Орловщине, в регионе, известном своими писателями, найдите время, как сделал это я, чтобы прочесть книги тех, кто избежал гибели от

сталинского режима, как В.Шаламов, Ю.Домбровский, В.Гроссман, Е.Гинсбург, А.Солженицын.

После этого поучительного чтения вы поймёте, что лучше стремиться в будущее, чем возвращаться в прошлое.

В вашем большом городе (более 300000 жителей), в вашей области (860000 жителей) есть так много всего, что нужно сделать для улучшения жизни городского и сельского населения, в благоустройстве быта городов, деревень и посёлков. Например, организовать сортировку и сбор мусора, построить завод повторного использования стеклотары, поддерживать в хорошем состоянии пруды, леса и зелёные зоны вокруг населённых пунктов, которые сейчас являются местами для сброса мусора.

Вот почему мне хочется поддержать вас в вашем выборе научно – технических направлений для обучения таким профессиям, как механика, электричество и электроника, физика и химия, биология и медицина, ветеринария, специальности лесного и водного хозяйства.

Надеясь, что это послание будет полезным для вас, я желаю вам упорства и особенно вас прошу, дорогие русские друзья, не пытайтесь воскресить Сталина и его окружение!!!

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА
Сардиния

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА

Когда долго смотришь на небо, веришь, что чудеса возможны, и они начинают происходить в твоей жизни, как это случилось недавно и со мной.

Я занималась своим любимым «делом» – лежала в траве и смотрела на небо. Вокруг меня росли и кивали мне своими головками колокольчики, ромашки, жужжали пчёлы, а я лежала на земле тихо, не шевелясь, так тихо, как будто меня совсем нет, и смотрела, смотрела на небо...

Небо стало огромным и родным. Оно обступило меня со всех сторон, и земля исчезла. Я почувствовала, что лечу, вернее, как бы плыву и увидела внизу под собой небольшую речку, которая огибала какой-то остров или полуостров. На него-то я и приземлилась

Этот остров был покрыт цветущим садом, и восхищенная его красотой, я вошла в него с трепетом, изумлением, с сердцем, наполненным счастьем. Было в нём тихо-тихо и спокойно, как и в моей душе, но ветви деревьев переплетались с таким изяществом, а цвет распускающихся лепестков был так красив, что это казалось торжественной, ликующей музыкой. Бело-розовое облако цветов над деревьями летало и кружилось и наполняло сад чудесными ароматами.

Этот сад был насажен любящей рукой: множество дорожек, посыпанных жёлтым песком, вились в разных направлениях, в глубине местах виднелись клумбы, усыпанные причудливыми цветами самых разных оттенков и форм. Я шла по одной из дорожек, не беспокоясь о направлении, и думала с трепетным ожиданием: кто живёт в этом саду, кто заботится о нём? И вдруг на одном из поворотов до-

рожки я увидела маленького мальчика лет семи – восьми. Я увидела его раньше, чем он меня, и успела немного разглядеть его. Но как описать ребёнка такого возраста? Это был чудесный мальчик, просто ангел! Как чистота его души сливалась с красотой весеннего сада, но он, казалось, ничего не замечал вокруг и шёл, то ли глубоко задумавшись, то ли грустя о чём-то. Он даже меня сначала не заметил, но вот он увидел меня и остановился, посмотрел без всякого удивления и пошёл мне навстречу, как будто только меня и ждал здесь увидеть. И я, удивляясь, ничему не удивилась и тоже пошла к нему.

– Как хорошо в твоём саду! – сказала я, не в силах сдержать восторга чувств.

– Тебе нравится? – спросил он, как бы не веря, и глаза его засветились радостной надеждой. – Пойдём, смотри! – Он взял меня за руку и повёл вглубь сада и стал показывать одно место лучше другого. Казалось, он был охвачен желанием найти что-то совсем чудесное, чтобы совершенно меня покорить, как будто не видел, как растёт мое восхищение этим прекрасным садом. Я чувствовал, что уже никогда не захочу уйти из него и расстаться с этим мальчиком. Но вдруг он остановился и заплакал. Я была очень удивлена и спросила:

– Почему ты плачешь?

Он долго не отвечал, а всё плакал и плакал и не мог остановиться, и я стала плакать вместе с ним. Мы сидели на скамейке, и наши слёзы беззвучно катились на землю. Как будто начался дождь. И действительно, в саду начался дождь, деревья, кажется, плакали вместе с нами, но под этим дождем нельзя было промокнуть: с каждого листочка капали капли, но не мочили нас…

Долго мы так сидели, но вот он поднял на меня своё заплаканное лицо и проговорил, то ли спрашивая, то ли утверждая:

– Ты тоже уйдёшь отсюда, все ушли, все, все… – говорил он, прерывая свои слова горьким плачем, а я не могла его утешить, потому, что не знала, в чём его горе, а только плакала вместе с ним и ждала.

– Все ушли отсюда, никто не хочет здесь жить – продолжал он, – даже мой брат ушёл…

– Разве у тебя есть брат? Значит ты здесь не один? Куда ушёл твой брат? Когда он ушёл? Почему он не хочет жить в таком прекрасном месте? – посыпались мои вопросы. Одни из них я сказала вслух, о других успела только подумать, но мальчик, с которым я разговаривала, был удивительным ребёнком: он говорил, когда хотел и что хотел. Иногда он пропускал мои вопросы, как будто не слышал их, а иногда, стоило мне только о чём-то подумать как он уже говорит об этом. Как будто умеет «слышать» мои мысли. Вот и на этот раз он сказал то, что ему хотелось:

– У меня есть брат – близнец. Но теперь он так изменился, что никто не знает, что он – мой брат. Он ушёл отсюда давно и живёт там, где живут все. Иногда он приходит сюда, но потом уходит опять.

– А ты никогда не хотел уйти отсюда? – Едва я успела так подумать, как тут же пожалела об этом, но мальчик услышал этот вопрос и сказал просто и грустно:

– Я не могу отсюда уйти. Я люблю этот сад, эти цветы. Я не знаю дороги отсюда. Это – мой дом.

– А твой брат, почему он ушёл, почему захотел уйти? Для чего? – снова спрашивала я.

– Приходит время, и все уходят, – ответил он, как будто, каким-то своим мыслям, – люди не могут здесь жить (я не уверена, сказал ли он «не могут» или «не хотят»).

Не знаю почему, но от этих его слов я заплакала ещё сильнее. А он, как бы желая меня утешить, дотронулся до моей руки и сказал:

– Пойдём, я покажу тебе что-то. Ты ещё не всё здесь увидела.

От такой радости мои слезы мгновенно высохли. Мы встали и пошли вглубь сада, и в самом глухом его месте мы увидели небольшой белый домик с красной крышей. Он выплыл навстречу нам, как белый корабль, из самой глубины сада и остановился со всей атмосферой нашего сада (я уже стала называть его для себя «нашим»). Трава вокруг дома была невысокая, густая, ярко-зелёная. Жёлтая дорожка вела к самой двери домика, от которой её отделяли только две ступеньки. Домик оставлял впечатление одновременно и скромное, и величественное. Я подумала, как, должно быть, хорошо в этом доме внутри и уютно, и уже порадовалась за мальчика, который в нём живёт, но он неожиданно ответил на мои мысли, и я этому уже не удивилась:

– Нет, я здесь не живу. Здесь никто не живёт. – Он говорил, и казалось, что ему было приятно говорить об этом домике.

– А что там внутри? Как там? – спрашивала я его.

– Я не могу этого описать. Могу сказать только, что там прекрасно, но как только ухожу оттуда, забываю, что именно там прекрасно.

– А туда можно войти?

– Да, только при одном условии, если откроется дверь, а в двери – удивительный замок, никто не знает его устройства. Он открывается сам по себе.

– Но зачем тогда здесь стоит этот домик?

– Этого я не знаю, – ответил мальчик очень твёрдо, как бы давая понять, что этого и спрашивать не надо.

…Мы постояли так ещё какое-то время. Было тихо-тихо. Падали капли дождя с листьев деревьев. Грустное счастье было разлито кругом. Я забыла, что я здесь – гостья. Об этом напомнил мне вопросительный взгляд мальчика, в котором я прочла (я уже научилась читать его мысли в глазах):

– Ты уже уходишь?

Мне стало грустно от того, что какое-то чувство мешает ему увидеть, как он стал дорог, как не хочется его покидать, и я спросила его также без слов:

– Хочешь, я навсегда останусь здесь? Я никогда не покину тебя!? Веришь мне?

И эти вопросы, как три огромных капли повисли на ветках деревьев…

Взошло солнце, осветило всё вокруг, и капли засверкали в его лучах.

г. Орёл, 1987 год.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. ТРАГЕДИЯ ДУШИ

Вчера мне опять приснился Владимир Высоцкий. Подумала: «Зачем, почему?». Посмотрела в Интернете информацию и поняла, что два дня назад был день его рождения. Послушала его песни, интервью, и снова память вернула меня к моим размышлениям о нём более, чем 20-летней давности. И снова сердце сжалось от боли и сострадания к этому человеку такой трагичной судьбы...

Тогда, в конце 80-х годов, для меня впервые представилась возможность услышать его песни, узнать о его жизни и артистической деятельности. Это стало для меня потрясающим открытием. Захотелось понять его, человека, жившего где-то совсем рядом со мной, можно сказать, человека одного со мной поколения, не похожего на меня, совершенно другой индивидуальности. Общее было то, что мы жили в одно время и в одной и той же стране. Но понять было непросто. Как можно было охватить единым взглядом такую огромную разностороннюю личность: поэт, музы-

кант, исполнитель, актер, который коснулся в своём творчестве в той или иной форме практически всех важных сторон нашей жизни? Что в нём – самое главное, и как оно объединяет всё остальное в единое целое гениальной неповторимой личности?

Понимание возникло не сразу. Однажды, читая Библию, книгу пророка Ионы, всматриваясь в образ этого пророка, я увидела через него и личность, и призвание Владимира Высоцкого. Посмотрим вместе эту книгу.

Пророк Иона был послан Богом в Ниневию для проповеди. Он должен был призвать народ Ниневии к покаянию за их нечестивую жизнь. Но пророк Иона решил сделать по-другому: он сел на корабль и поплыл в город Фарсис. Во время плавания поднялась сильная буря, грозившая потопить корабль. Все путешествующие на нём, сильно испугались и стали молиться своим богам, чтобы спастись от гибели, но буря не утихала. Тогда спавший в трюме и разбуженный Иона понял, что буря произошла из-за него, и попросил путешественников выбросить его в море, иначе оно не успокоится. Так они и сделали и благополучно продолжили своё плавание, а Иона не утонул, а был проглочен китом. Находясь внутри кита, он стал молиться Богу и просить Его о милости и спасении. После этого пророк Иона был извержен китом на берег и пошёл в Ниневию, чтобы исполнить возложенную на него пророческую миссию. Народ и властители Ниневии вняли его призыву к покаянию и обратились к Богу за прощением. И Бог смилостивился и отвёл от них гибель.

После всего происшедшего пророк Иона, сидя у стен спасенного города Ниневии, с горечью размышляет о своей жизни, молится и жалуется Богу: «Зачем нужно было взять мою жизнь и подчинить её всю только одному – обличению и проповеди покаяния? Ведь ты – милосердный Бог, и я знал, что ты всё равно помилуешь этот народ. Так и случилось. Только в моей жизни ничего не было и нет, и она мне даже не нужна теперь?!»

Чтобы объяснить ему свои чувства, Бог произрастил рядом с кущей Ионы растение, которое дало ему тень, прохладу и утешение. Но вскоре растение завяло, чем очень сильно, прямо до смерти огорчило Иону. И, обращаясь к нему, Бог говорит: « Ты очень огорчился, лишившись приятного для тебя растения, которое ты не сажал, не растил, так и Мне было невыносимо больно видеть народ, создание Моё, гибнущее в грехах своих»….

Владимир Высоцкий был пророком в древнем, библейском понимании этого слова, то есть учителем и обличителем народа. Как Иона, он пришёл, чтобы свидетельствовать о гибельном положении общества, чтобы сказать: «Всё не так, ребята, всё не так». Острое сознание этого приносило ему самому нестерпимую боль. Трудно сказать, когда возникло в нём это осознание своей особой миссии в жизни, но он это точно знал *(«Мне есть что спеть, представ перед Всевышним…»)*. Он знал, зачем пришёл на Землю – не за тем, чтобы сказать слово в поэзии или в актёрском искусстве, и даже не в бардовском песенном жанре. Хотя он – настоящий поэт, у него много прекрасных вдохновенных стихов, искренних и глубоких с потрясающими образами (например, «Микрофон», стихи о войне, любовная лирика). Но его мироощущение – более сложное, чем просто поэтическое…

Он оставил также запоминающиеся образы в кино и театре. Но для меня лично не один из них не убедителен. Его собственная личность, гораздо более значительная, чем какая бы то ни было из сыгранных им ролей, его индивидуальность, наполненная огромной необычной жизненной энергией, проступает сильнее, чем создаваемые им образы, поэтому они и не убедительны.

Мне кажется, это было просто интересной для него работой.

Конечно, он создал особый стиль в жанре бардовской песни. Но и это было только инструментом для его особой миссии. Он сам не идентифицировал своё

музыкальное творчество с бардовской песней. Он предпочитал говорить, что его произведения – авторская песня. И признавался, что это творчество, работа над песней, занимает гораздо большую часть его времени и творческой энергии, чем всё остальное. В нём постоянно (как он говорил, «и днём и ночью») шёл процесс обуздания этой обличительной энергии, преображения её в музыкально-поэтические образы. Все таланты даны ему были, чтобы выразить невыносимую душевную боль из-за гибельного положения общества, в котором невозможно дышать, как в тонущей подводной лодке, чтобы разбудить правителей и народ для покаяния. Своё отрицательное кредо (а вернее, кредо отрицания) он выразил в своей песне «Я не люблю». Хоть его миссия и была обличительной, но она была исполнена сострадательной любви и тесно связана с Россией и русской судьбой, навечно соединившейся с его собственной.

И, как Иона, он тоже хотел жить, как обыкновенный человек. Он любил жизнь, несмотря на свои страдания («Я не люблю фатального исхода, от жизни никогда не устаю»), имел огромное сердце, способное на преданную дружбу и великую любовь. И, как обычный человек, любил красивые вещи, роскошь… Как и Иона, он хотел «уплыть в Фарсис»…

Если возможно здесь такое сравнение, то можно сказать, что в жизни каждого из этих пророков был похожий эпизод, когда Бог спас их от смерти для того, чтобы они могли завершить свою миссию. Для Ионы – это история во чреве кита, а для Владимира Высоцкого – это клиническая смерть, которая произошла за год до его кончины. Жизнь была им продлена для чего-то. И именно в этот последний период каждый из них совершил самое главное в своей жизни. Для Высоцкого очевидность такой «жизни взаймы», была ясна: он даже знал год и день своей смерти. Возможно ли представить, что испытывал человек с таким мироощущением? Какую боль, какое страдание? Особенно потому, что Высоцкий не увидел результата своей проповеди, в отличии от Ионы: перестройка, которая по смыслу своему была и покаянием, и обновлением, наступила через пять лет после смерти Высоцкого… В этом и состоит душевная трагедия его жизни.

Тогда, более 20 лет назад после всех моих размышлений о Высоцком мне приснился сон: я вижу его в чёрном свитере и, желая его утешить, хочу подойти, чтобы сказать: «Вы знаете, я думала о Вас и поняла, как Вы страдали», но он останавливает меня жестом, говоря: «Теперь это – не так важно, теперь – твоя жизнь».

И вот в этой моей жизни, пока она длится, мне рассудилось необходимым изложить мои мысли на бумаге, потому что для нас, живущих сейчас на земле, движение вперёд заключается в осмыслении тех явлений духовной жизни, которые по каким-либо причинам стали важными для нас.

Таким явлением и был Высоцкий. Я говорю «был», потому что цель, задача восприятия и понимания его жизни и творчества состоит в том, чтобы он стал для нас прошлым и только прошлым, чтобы общество наше не превратилось, подобно жене Лотовой, в соляной столб, заворожённое образами своего прошлого, но, осознав их значение и преображенное, шло вперёд.

Орёл, 12.06.2014 год.

Для детей

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

ДЯТЕЛ И АЗБУКА МОРЗЕ

Летом, после школы, я со своими родителями приехал в деревню, на нашу дачу. Как рад был я видеть снова лес на высоком берегу речки Алёшни, рядом, возле деревни. В поле по обеим сторонам дороги цвели ромашки, одуванчики, васильки, колокольчики. И тут же в роще берёзы и липы укрывали меня от палящего солнца. Днём мы все вместе прибирали дом, я подметал, мама мыла полы. Потом мы сгребали во дворе скошенную траву. А после обеда я принялся читать повести и рассказы Льва Николаевича Толстого, который когда-то бывал в этих местах.

Когда наступил вечер, я подхватил бидон и побежал к роднику за водой. Ключ бил под бугром, на самом берегу. Вода была студёная, вкусная, гораздо лучше той, что в колонке у нас во дворе.

Солнце почти закатилось. Птицы пели всё реже, отпели своё, укладывались спать. Завтра им рано вставать: и самим надо поесть, и накормить свою детвору.

Каждое лето к нам в сад прилетал дятел, садился на дерево и долбил в ствол, словно выстукивал азбуку Морзе. Потом перелетал к соседям на высокое, отдельно стоящее дерево и уже на нём выискивал жуков и личинок. Однажды мне показалось, что дятел настолько привык, что совсем меня не боится. Я сидел вечером в саду за столом и наблюдал за закатом солнца.

Река была ниже откоса, от неё веяло прохладой. Я перешёл на крыльцо. Где-то далеко в лесу ухала сова. Совсем стемнело. В распахнутое окно слышно было, как по радио передавали оперу Чайковского «Евгений Онегин» в постановке Мариинского театра. Едва мы успели послушать арию Ленского, как радио отключили. Под впечатлением классической музыки, птичьих голосов, встречи с лесом, под впечатлением от прочитанных страниц я лёг спать. Однако никак не мог заснуть. Но свежий лесной воздух усыпил меня, и я спал в эту ночь хорошо.

Утром я проснулся от стука в окно. Сначала подумал, что это сосед пришёл к нам зачем-то, потом что дятел выстукивает по стеклу азбуку Морзе. Какой у него острый, настойчивый клюв! Однако дятел стучал бы сильнее. Прошлым летом дятел выстукивал каждое утро в соседнем дворе на большой груше, а то, бывало, и на берёзе в лесу, через дорогу. Причём стучит дятел обычно долго, настойчиво, не боясь никого. А тут стук в стекло не такой уж и сильный, не такой смелый, мелкое такое постукиванье.

Не хотелось подниматься с постели, чтобы взглянуть на окно. Боялся спугнуть того, кто стучал. Конечно, это не человек, а какая-то птица. Не такая большая, как дятел, а поменьше, но все-таки птица. Чёрная, таинственная.

В самом деле, это была какая-то птичка, пичужка. Она клевала на окне бесчисленных мошек и комаров. Вот тебе и дятел! Вот тебе и азбука Морзе! Я вскочил, поскорее умылся и, прежде чем позавтракать, взялся за определитель зверей и птиц. Во втором томе было про птиц. Цветные вкладки. Оказалось, это мухоловки. Это они прилетают сюда к нам за кормом. Они по утрам принимаются склёвывать со стекла мошкару, выбивая, подобно дятлу, клювом своим азбуку Морзе.

Вот что открыл я для себя эти летом на даче, в нашей лесной деревеньке.

ГНЕЗДО В КРЫЖОВНИКЕ

Утром отец сказал: «Что ж наш сад-то не убран? Особенно где малина, смородина, крыжовник». И я живо ответил: «Сейчас побегу, повыдергиваю сорняк». И тут же ринулся к кустам возле бани, где совсем всё сплелось. Сплошь бурьян, сплошная крапива. Воевать я взялся сначала с лопухами возле железной койки под навесом, за баней.

С малиной ещё ничего, можно легко обломать сушняк. Кусты чёрной смородины я окапывал лопатой. Но крыжовник такой колючий! Побежал я домой за перчатками: ну и колюч! Просто невозможно к крыжовнику подступиться.

Шевельнул я ветку, и тут откуда ни возьмись птица. Вылетела изнутри и упала в траву поблизости. Я к ней, чтобы хоть глазком одним взглянуть: что за птица? А она от меня порх и в траву. Я за ней, а она за загородку и на протоптанную дорожку. А там дети деревенские подъявились – Андрюха и Никита. Кинулись они к ней, чтобы поймать её. Хвать руками за траву, где она села, а она порх – перепорх и за липы, к околице. С одного места на другое, на третье. Вспорхнула на дерево и сидит, глядит оттуда.

Потом взмыла в небо и полетела вверх к тучам, к собирающейся грозе.

Вернулся я к кусту крыжовника, заглянул поглубже. И что там вижу: гнездо, а в нём сидят тихо-тихо птенцы. Вот это да! Вот это мама! И умна – свила гнездо себе в самом колючем крыжовнике, чтобы соседские коты не могли подобраться, бродят тут по деревне. И отважна – вот куда увела всех нас от гнезда своего, аж за липы, за сад, до околицы. Восхищаюсь я ей, этой птицей. Вот что такое в природе забота о потомстве! Вот что это в мире животных и птиц! Коты думают о себе, о своей охоте, а птица – о своих птенцах, ребятишках. Не стал я после этого трогать ни траву возле крыжовника, ни, тем более, этот куст. И когда отец спросил меня: «А что же ты траву-то оставил возле крыжовника? Пойдут от неё сорняки,» — я ответил:

– Пойди, глянь, почему я даже крапиву оставил?

Отец пошёл взглянуть на куст и вскоре вернулся.

– Молодец, – сказал он и крепко, по-мужски, пожал мне руку.

Когда птенцы оперились и улетели, птица не раз прилетала к нам сюда в сад, к гнезду своему.

Не трогаю я этот крыжовник уже целое лето. Смотрю на небо, где птицы сбиваются в стаи, готовят птенцов к перелёту.

К концу лета я увидел в нашем саду много, много птиц. Столько птичьего пения, столько молодых голосов. И оттого веселее и радостнее. Вся территория сада, двора теперь во власти этой птицы с её выросшими, вставшими на крыло детьми.

К осени сад опустел. Улетели караваны на юг. Скоро начнутся дожди. Собраны яблоки, попадал крыжовник. Но я не трогаю это гнездо, храню его в память о птице, которая, когда вернётся, снова окажется в нашем саду, в нашем крыжовнике. Она выберет снова, я знаю, это своё родное гнездо.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

Наш кот Васька слонялся по деревне и охотился на мышей. По дороге из леса я решил зайти к Лене. Кот Васька увидел меня и по тянулся следом, нырнул в открытую калитку и вместе со мной вошёл в дом.

В комнате на столбе висела клетка с попугаем. Увидев попугая, Васька весь собрался в комок, подпрыгнул, пытаясь дотянуться до птицы своей когтистой лапой. Но клетка была высоко, Ваське она была не по зубам, сколько он ни тянулся к ней. Почувствовав себя в безопасности, попугай закричал коту Ваське: «Дурррак! Дурррак! Зачем пришёл? Дурррак, дурррак!»

Лена рассмеялась. А кот Васька покрутился, покрутился возле столба и ушёл, обиженный, во двор.

Попугай был небольшой, белый с зелёными крыльями, зелёной головкой и красной полоской вокруг шеи. Это был необычный попугай. Говорящий. Наш кот Васька тоже умеет разговаривать, но по-своему, по-кошачьи. Васька мяукает, но я его понимаю. А попугай говорит, как человек. У него человеческая речь, самые настоящие человеческие слова.

– Кто ж его научил-то? – говорю я Лене. – Да ещё таким обидным словам.

– Не знаю, — отвечает Лена. — Давно так говорит. Попугаи по двести лет живут. У моих подружек в Москве — у кого колибри, у кого канарейка.

– И все говорящие? – спрашиваю я Лену.

– Да ну, нет! — отвечает мне Лена. — Зато канарейки поют заслушаешься. Райские птицы, с Канарских островов.

– Вот у твоего попугая, Лена, — говорю, – и, правда, райская жизнь. Кормишь его, чистишь клетку, а он у тебя не поёт. Говорит только всякие пакости.

Отправился я от Лены-москвички домой. Иду посёлком, а по всем садам гремят соловьи. Трёх насчитал: тут – возле Лены, на груше – посреди посёлка, и ещё один в нашем саду. Вот из себя выходят друг перед другом. Двенадцать колен я насчитал, дальше сбился со счёту. Настоящее райское гнездо – наш посёлок! Куда там Африке, туда улетают из наших мест соловьи на зимовку. Там они помалкивают, а тут радуются возвращению. Родина у соловьев тут, а у попугаев там где-то – в Южной Америке, что ли, далековато? Вот попугай и ругается, говорит такие пакостные слова.

Между прочим, за двести лет мог бы научиться говорить не только по-русски, но и по-английски. Не только плохие слова, но и хорошие. Не только говорить, но и петь, как, например, канарейки. А то говорит резко и очень громко. Аж у нашего дома слышен, долетает клёкот попугая с другого края деревни.

Красив попугай опереньем, а соловей с виду вроде невзрачен, зато голос! Десять попугаев не дам за одного соловья.

Сижу дома, а по радио говорят, что на Коренской ярмарке, бывало, в Курском соловьином крае, продавали в клетках не только канареек, но даже и соловьёв. Канареек-то ладно, дело привычное, а вот соловьёв продавать – это что же такое? Канарейка в неволе и размножается, и поёт. А вот соловей петь из Египта сюда прилетает. Он же в клетке помрёт.

Когда я слушаю соловьёв в деревне, мне хватает музыки его – моего собеседника. Я наслаждаюсь всеми двенадцатью коленами пения соловья. Соловьи и есть настоящие райские птицы. И потому места наши самые голосистые, раз живут и поют тут у нас соловьи.

«ТРЯСОГУЗКА – ТРЯСОГУЗОЧКА, БАЛЕРИНА С ПЕРЕУЛОЧКА»

Первого мая отец объявил за завтраком:

– Страна сегодня отмечает праздник труда. Все втроём айда на огород!

Мы взяли лопаты и пошли копать землю рядом тут за сараем. Отец копал и считал, сколько раз копнул вдоль, а сколько раз поперёк.

– В один ряд тридцать раз, – приговаривал он вслух сам себе. – А рядов пятьдесят. Тридцать на пятьдесят получится тысяча пятьсот. Полторы тыщи раз на всех троих, это столько придётся копнуть лопатой.

Земля грубая, жёсткая, даже лопата не лезет. Ишь, как погнулась. Хорошо, хоть не сломалась, осталась цела.

Земля была почти вскопана, когда к нам сюда, на этот конец огорода, прилетела птичка. Стала ходить по вспаханному туда-сюда изящно, красиво, как балерина какая.

– Глядите, как ходит она, помахивает своим длинным хвостом! – восхищённо закричали мы с мамой. – А зовут её как?

– Трясогузка, – ответил папа.

– Трясогу-узка? – протянула мама разочарованно.

– Трясогузка – трясогузочка, – сказал папа нараспев, как стихи свои на французский манер. – Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка.

«Такая красивая птичка, – подумалось мне, – и такое название неблагозвучное».

Мама ушла домой готовить обед, а в это время по дороге проходила мимо нас девочка с другого края деревни. Девочка эта по имени Люба приехала сюда из Москвы вчера. Уже после нас. Москвичка вышагивала по деревенской дороге так легко, грациозно, как птичка, что ходила тут у нас по огороду. И я запел, подражая папе, туда ей на дорогу:

– Эй ты! Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка.

Птичка перепархивала с грядки на грядку, с кочки на кочку, с места на место. И красиво же ходила эта самая птица! От ходьбы тёмный хвостик её вздёргивался, светлые крылья трепетали, как бальное платье, что надела бы девочка Любочка. Это был балет, настоящее представление. И отец перестал копать грядку, принялся считать, сколько раз балерина прошлась туда-сюда по вскопанному и несколько раз при этом дёрнула своим грациозным хвостом. Трясогузка при этом, наклоняясь, с удовольствием подбирала червяков своим маленьким клювиком.

Было тепло. Девочка Люба, эта москвичка, опять прошла по дороге мимо нашего дома в своем синем-синем, как небо, платочке. И я пошёл домой, взял карандаш, лист бумаги, сел на пенёк вблизи огорода и тихо, чтобы не вспугнуть трясогузку, стал её рисовать. Сначала я нарисовал туловище, но никак не удавалось мне пририсовать к нему с синеватым отливом головку. Получалось синее-синее небо, как платочек у Любы. Тогда я стёр резинкой туловище и начал рисовать птицу с головы, а уж потом пририсовал и туловище, хвост и всё остальное. Вот какой вышел у меня рисунок! Ничего себе, птичка – живая, с чёрными бусинками глаз, отливающая синим под лучами весёлого майского солнца.

Тут же я побежал показывать свой рисунок родителям, и они пошутили, что мне, может, надо учиться на художника, как друг отца дядя Валя Чухаркин в Суриковском институте. Отец предложил мне назвать птицу, дать ей человеческое имя. И я назвал её Любой.

Потом я взял бумажный лист и приписал к рисунку такие слова: «Москвичка Люба. Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка».

Может, мне и не удалось передать на листе грациозность, живость той самой птички, что помогала нам копать огород в день Первого мая. Конечно, на бумаге трясогузка не была точно такой, как на грядке. Но это не так уж и важно. Главное, я запечатлел её, чтобы всё это запомнить, никогда не забыть.

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА,
ЕЛЕНА МАШУКОВА

ИЗ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ, ИЛИ ТАЙНА ДЕРЕВЯННОЙ ЛОШАДКИ»

(Посвящается детям войны)

ПРОЛОГ

Где-то не очень близко и не слишком далеко встретились трое: Время, Память и Ветер войны. Друзьями они не были.

Время чувствовало себя важным и солидным, потому не замедлило ход, – летело над землёй с обычным поспешанием. Правда, людям казалось, что оно то спешит, то запаздывает; то играет на них, то работает против. Ничего такого Время делать не собиралось.

Память тоже не стремилась угодить людям: помнила то, что хотелось скорее забыть, а иногда исчезала в неподходящий момент. Но самое важное держала при себе и потому часто оказывалась сильнее Времени.

Лишь Ветер войны жаждал ссор. Время разрушало медленно, а он хотел быстро. Он желал, чтоб Память хранила страх, а она помнила победы. Так что от этой встречи трудно было ожидать чего-то хорошего.

Ветер войны начал разговор первым:

– Куда летим?

– Спрашивать нас об этом глупо, – отозвалось Время. – Это ты летишь, куда знаешь, нигде тебе места нет, никто тебя не ждёт.

– Зато вы для людей стараетесь, а те и знать вас не хотят. Думаете, кто меня породил? Они. Посмотрите на землю, сколь всего нагромоздили. Сами себя скоро похоронят. Ждут, небось, кто им пространство расчистить поможет. Ты, Время, долго с этим справляться будешь, а я размету в два счёта.

– Я не спешу, – спокойно ответило Время.

– С лица земли всё можно смести, а из памяти – попробуй, – улыбнулась Память. – Я всё сохраню.

– К чему? – удивился Ветер войны. – Тяжело ведь.

– Надо, – коротко ответила Память.

– Кому? Людям? Они сами, поди, не рады: создают, создают, а зачем? Домики-кроватки, игрушки-погремушки бесполезные. Всё размету, всё сломаю, – завыл Ветер войны.

А Время возразило:

– Даже самая маленькая вещь способна изменить судьбу, спасти, соединить поколения.

– Невзирая на меня?

– Вопреки тебе, – тихо заметила Память.

– Ого, да вы объединились? – прошипел Ветер войны. – Я в долгу не останусь, – докажу, что над страхом не властны ни время, ни добрая память.

– Уймись, безумный, ничего у тебя не выйдет.

Но Ветер войны не слушал, помчался прочь.

– Стой, – окликнуло Время. – Память знает, о чём говорит. Из нас троих она самая сильная, особенно детская.

Но Ветру войны её слова были не нужны.

Время вздохнуло и спросило у Памяти:

– Почему ты сильнее меня?

– Потому что только от меня зависит, оставаться ли человеку человеком.

Память отправилась к людям, а Время подумало, что, вероятно, плохо знает род человеческий. Оно замедлилось немного и приблизилось к поверхности планеты, чтобы внимательнее присмотреться к жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С МАЛЬЧИКОМ САШЕЙ, А САША ЗНАКОМИТСЯ С ЛОШАДКОЙ

Санёк мечтал о лошади, сколько себя помнил. Кажется, с рождения. Он хоть уездный житель, коней близко не видел, не то что в бабушкины времена: каурых и гнедых в селе невидалью не считали. Ныне каждый ребёнок у нас на лошадь глаза таращит, словно на верблюда.

Санька родные любили, души не чаяли, особенно мама с дедом, даже ссорились из-за него иногда. У мамы хлопотная работа: зоотехник, так что она только по вечерам дома, да и то нечасто. Папа летом дома бывает редко. Он геолог. А у деда-пенсионера вся жизнь – внук. Мама хмурится, считая, что сын к старику больше тянется.

Во время разлада взрослых мальчик убегал куда-нибудь, где мог побыть наедине со своими мечтами, закрывал глаза. Его внутреннему взору представлялся гнедой скакун с гривой на одну сторону, с блестящими мудрыми глазами. И Санёк успокаивался.

Сегодня он тоже ушёл, сидел теперь под окном на лавочке, щурился на солнце, в лучах которого уже проступили черты воображаемого копытного друга, как вдруг в доме снова затеялся шумный разговор.

– Не думай, он ценит твои усилия, гордится. Да все тебя уважают за трудолюбие, – смущённо говорил дед.

– Красивые слова. Мальчику нужна мать, которая рядом, а не умозрительная, – с досадой откликалась мама.

– Мой отец нас с сестрой почти не воспитывал. Лиде было четыре, а мне и того меньше, когда он ушёл на фронт. Мы выросли порядочными людьми и гордились папой.

– Сейчас не война. И потом, разве вам не хотелось уткнуться в его рубашку, почувствовать, быть может, запах его табака, услышать голос, забраться к нему на колени?

– М-да... – раздумчиво протянул дед. – Перед уходом он подарил нам лошадку. Одну на двоих, но мы никогда не ссорились из-за неё. Она, казалось, обладала понемножку всем, чем и отец, будто он оставил нам частичку себя. Мы относились к ней с благоговением. Чудесным образом через неё чувствовали отца, знали, когда он думает о нас...

– Что же дальше? – поинтересовалась мама уже спокойным голосом.

– Лошадка исчезла. Гм... Будто ушла на поиски отца. Дорого бы я дал, чтобы на старости лет снова подержать её в руках...

Воцарилось молчание.

– Смешно, скажешь? – с горечью спросил старик.

– Нет, что вы, – поспешила ответить мама. – У меня в детстве было много игрушек, а вот такого друга – нет. Жаль...

Санёк, хоть и маленький, понял: нельзя показывать взрослым, что слышал их разговор. Судьба потерянного скакуна его заинтересовала.

– Дед, – позвал он, заходя в дом, когда мама ушла на работу. – Можно посмотреть твои фотокарточки, где ты – мальчик?

Дед глянул на внука поверх очков.

– Можно.

Он вытащил из шкафа коробку, присел на диван. Санёк устроился рядышком.

Они долго рассматривали жёлтые ломкие снимки. Старик скупо пояснял, кто на них и что. А Санёк всё ждал фотографии, где будет лошадка. Вот и она – тусклая от времени карточка.

– Можно подержать?

– Осторожно, не порви, эти фото сохранились у меня чудом, – попросил дед.

На фото – маленький мальчик и девочка постарше. Она смотрит серьёзно, покровительственно и всё-таки по-детски, обняв братика, чем-то напомнившего Саньку его самого. Малыш сидит на большой деревянной лошадке-качалке и счастливо улыбается.

– Где сейчас твоя сестра?

Старик ответил не сразу.

– Мы потерялись во время войны. Я не получил от неё ни письма, но чувствую, уверен даже, что она жива. Надеюсь по сию пору, что встретимся.

Санёк не очень понимал, почему так бывает. Взял со стола два куска пирога и отправился на школьный двор. У мальчика там был друг – Евсеич. Санёк иногда помогал одинокому дворнику-сторожу в хлопотах. Когда мама пекла пироги, мальчик относил угощенье и Евсеичу. Стариково лицо лучилось благодарностью за то, что его, одинокого человека, не забывают. У Евсеича жил служебный пёс – огромный, лохматый чёрный терьер Граф. Второй кусок предназначался ему.

Сегодня Евсеич собирался подкапывать разросшуюся сирень. Санёк надеялся, что тот позволит и ему сделать что-нибудь серьёзное, может, тоже покопать.

Завидев Санька, сторож-дворник в самом деле послал его в бытовку за лопатой, но, к сожалению, только за одной. Мальчик понял, что копать ему сегодня не дадут. В бытовке среди орудий и инструментов он заметил необычного жильца – деревянную лошадку.

– Привет, как ты здесь оказалась? – осторожно спросил мальчик.

– Привет, – отозвалась лошадка. – Здесь я появилась недавно, но это долгая история.

– Почему ты говорящая?

– Судьба такая. Научилась. Всему учишься, когда у тебя нелёгкая, разнообразная жизнь.

– Расскажи, расскажи, – заторопил её Санёк.

Голос мальчика, весь его вид напомнили деревянной лошадке о далёком прошлом, и она рассказала новому другу о своих приключениях. Рассказ получился длинным, наполненным опасностями и случайностями, чудесными совпадениями. Мальчик пришёл к ней назавтра, стал заходить каждый день. Так началась дружба, совершенно необычная, можно сказать, волшебная.

А узнал Санёк от лошадки вот что...

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ,
литературный критик,
зам. главного редактора журнала «Подъём», г. Воронеж

ВЫВЕСТИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Круглый стол Совета по критике СП РФ

Почему ни критиков, ни филологов не заботит такая проблема, как умирание изящной словесности, деградация художественного языка?

Пожалуй, филологи увлечены задачами совершенно противоположного толка: как угнаться за волной «новой литературы»; что подразумевал автор, предложивший непривычный излом поведения героев; как персонажи проявляют себя в слове – амбивалентные, они, как правило, и говорят на языке улицы. Причём не улицы, мучающейся от собственной немоты, когда необходимо сказать правду о происходящем со всеми нами. А уличной шпаны, которая узнала вкус скандальной известности и стремится вывалить своё душевное содержание и языковой запас на человека, ещё не изведавшего волшебную речь классики. Замечу: классики давней, XIX века, и классики новой, отошедшей от нас всего лишь на несколько десятилетий. Эти филологические «шахтёры», опускаясь вглубь вздыбленной семантической породы, рады, когда слово вдруг соответствует художественному облику героя произведения. Но соотношение этого результата с нравственным правилом и традицией человеческих взаимоотношений их не то чтобы не занимает – они попросту не понимают такое сопоставление как аналитическую и творческую задачу. Я как-то случайно увидел по ТВ, как скандинавская дама-искусствовед, вполне приличного вида, не европейский сноб, честно пыталась охватить «духовные» бездны инсталляции Кулика, скандальной и элементарно бездарной: корова – Россия – заглянуть вглубь коровы... Бедняжка, она старалась найти искусствоведческий аппарат для того, чтобы охарактеризовать увиденное, не осознавая, что перед ней – пошлость и низость.

Примерно такая же история и с нашими филологами: они готовы погрузиться в словесные пласты текстов Сорокина, но забывают о сатирическом правиле для рыцаря, упавшего с коня: прежде всего – встать и почиститься («Янки при дворе короля Артура»). И здесь стоит сказать о сбитом целеполагании нашей филологической науки, которая сегодня во многом стала обслуживать разговорный обиход: вот уже и «кофе» в словаре позиционируется как слово среднего рода. Однако в корпоративном кругу почему-то филологи стараются говорить в нормативном отношении правильно, а революционеры, изучающие арготические способы выражения душевного состояния, отчего-то в разговоре с начальством и не думают применять фигуры девиантной речи.

Всё это происходит по одной простой причине: государство не определило своего отношения к литературе. Почему-то президент получает в подарок при посещении выставки собрание томов Акунина, но, видимо, хочет, чтобы защищали родину молодые ребята, читавшие прозу, скажем, Константина Воробьёва. В итоге в общественном сознании – или, скажем точнее, в обывательском ценностном ряду – вальяжный и циничный Дмитрий Быков стоит на почётном месте, а книги, к примеру, Василия Килякова, редкие по искренности интонации, отсутствуют

вообще: в списке публикаций этого автора обозначены только толстые журналы. И тут – дополнительный упрёк нашему Союзу писателей.

Филологи, изучающие литературу последних десятилетий, почему-то отказались от сопоставления текста, которому уделено пристальное внимание, с его литературными предшественниками. Видимо, разлом русской истории по линии 1991 года отпечатался и на собственно филологической практике...

Иное дело критики. Тут уже дело в востребованности этой профессии: с одной стороны, издательским бизнесом, с другой – ангажированной и буржуазной прессой. Критика «с полотенцем через руку» совершенно забыла о драгоценных традициях русской литературной аналитики. Даже у Писарева, порицавшего А.Н. Островского за смерть Катерины в «Грозе» (дескать, поругала свекровь, так теперь уж и топиться...) в иных статьях можно найти очень точные наблюдения и замечания по существу разбираемого сюжета. Сегодня мякину, которую пишут о свежеиспечённой литературе, порой и читать не хочется – из-за сервильности суждений или из-за ментальной подлости доводов.

Таким образом, филология и литературная критика, хотя и полагают себя в авангарде культурного продвижения в неизвестное, как будто забыли о собственной своего рода охранительной функции. Можно смеяться, вспомнив анекдоты Хармса о Толстом, но нельзя всерьёз подходить к творчеству Толстого с подобными амикошонскими мерками.

Для кого пишет современный писатель, и может ли Союз писателей способствовать тому, чтобы до читателя доходила альтернативная «раскрученной» литература?

Чтобы понять, для кого пишет современный писатель, прежде нужно так или иначе обозначить, что этому писателю нравится в окружающем пространстве, как он относится к себе, что для него отечественная история, жалко ли ему людей или он любит человечество в целом. В самом общем смысле речь идёт о степени эгоизма пишущего человека. Писательское сообщество – квинтэссенция амбиций, уважения к собственному занятию, ревности к иным литераторам. И ещё – чуткое вслушивание в пространство: где издать созданное произведение, быть может, даже оттеснив кого-то из коллег. Всё это есть, но существует и кое-что иное: внутренняя уверенность в том, что помимо тебя живёт и не иссякает огромный смысл, включающий в себя понятие отчей земли и родной истории, святых могил и невинного детства. Если у писателя в душе присутствуют подобные координаты, то вопрос об адресации литературного произведения становится условным. Пишется такая вещь по внутреннему наитию, но совпадает ли она с привычками и ожиданиями читательского общества, сказать сразу невозможно. При всём весьма сложном личностном отношении к Павлу Лунгину, его фильм «Остров» неожиданно для муравейника либералов посмотрела вся страна. А позже страна плевалась, познакомившись с его же «Царём» и устными комментариями режиссёра по поводу этого сюжета. Можно округлить адресацию до понятия единомышленников и людей сходного с автором возраста, однако эти категории – в пользу бедных завсегдатаев ТВ-шоу на канале «Россия» или «Культура». Для кого писал свои картины гениальный Павел Рыженко – картины исторические, пейзажные, портретные, духовные? Ведь телевидение осталось слепоглухонемым по отношению к этому огромному явлению изобразительного искусства. Но всякий человек с чувством прекрасного, с ощущением русской чести воспринимает живопись Рыженко с волнением. Поэтому настоящий художник работает для зрителя и читателя, которому он внутренне может доверять. Это – своя душа, только в некоторых вопросах неосведомлённая. И только тогда возникает взаимный заочный диалог.

Первичная адресация автора, практически, всегда ущербна. Впрочем, можно обозначить категории читателей, которым углубляться в текст не стоит. Положим, лесбиянкам не понравится повесть о любви и мужестве так же, как и гомосексуалистам с щетинкой на лице. И далее – по тому же апофатическому правилу. Эта не адресация подразумевает в числе читателей нравственно здоровых людей. Всё иное – в духовных координатах общества.

Десятилетия нам забивали уши глупостями об общечеловеческих ценностях и свободе слова, а теперь встрепенулись и заговорили о понятиях настоящих, традиционных. Вот президент сказал добрые слова о творчестве Шукшина – спасибо ему за это. А параллельно премия «Большая книга» была присуждена Владимиру Сорокину, хотя стыдливо дали ему второе место. А надо было бы первое, сообразно составу жюри: дескать, президент здешним «колорадам» негромко нахваливает «лапотника», а мы – поверху да с шумом – покроем кремлёвские благоглупости каким-нибудь любителем фекалий!

Пусть же это разделение по линии духовного и нравственного чувства будет видно каждому, дабы он выбрал, глядя на своих детей и семью, с кем он хочет прожить последующую жизнь.

Союз писателей России – организация противоречивая по определению: творческое объединение не может провести в жизнь принцип объективной оценки художественного произведения. Но чутьём такая организация обладать должна, а также ощущением собственной широты и значимости. Когда провинция по творческому весу не легче столицы, а та, в свою очередь, не выпячивает привычно челюсть: я, мол, главная, но понимает себя реальной заботницей обо всех русских землях. Впрочем, это в полной мере идеалистическое упование.

Для того чтобы продвигать альтернативные «мусорным» опусам произведения отечественной литературы, Союз должен нарастить свои мускулы – организационные, административные, финансовые. Но это отдельная задача, огромная и тяжёлая, связь её с продвижением выдающихся литературных вещей опосредованная. Если власть будет повторять либеральные заклинания и трепать за ушко казнокрадов, чьи подобия в Китае расстреляли бы в одночасье, наши упования на продвижение русской литературы в рыночном обществе будут эфемерны. Потому что сегодня идёт война: духовная, экономическая, административная, геополитическая. И отечественная словесность должна понимать необходимую строгость своего внутреннего состояния, а также ответственность за художественную и интеллектуальную строку, обращённую, конечно же, к Богу – но и к читателю.

Какова роль критика в современном литературном процессе, что должен делать критик, где искать жемчужные зёрна?

Понимание роли критика сегодня, на мой взгляд, двоится. Несомненно, есть необходимость в обзоре литературных событий, произведений и позиций. С другой стороны, критик должен войти в художественный мир стихотворения или рассказа (повести, романа) и понять его устройство, его движение во времени и пространстве, его привязку к реальности и идее. Мне ближе вторая роль, хотя поиск новых имён и творческих вех, так или иначе, с этой задачей соприкасается. Тут проблема в другом: критика сегодня более занята «опознаванием» творческих объектов, но отнюдь не их исследованием. Так было со стихами Марины Струковой на рубеже 2000-х и со многими другими авторами и произведениями. То есть привязка критики к литературному процессу провоцирует определённую поспешность: вглубь предмета критик не заглядывает, а удовлетворяется внешними констатациями. Помимо того, есть ещё и филологический подход к решению критической задачи: набросать перед читателем чертёж произведения, рассказать о его фор-

мальной конструкции и коннотациях текста, пропитать это рассуждение грустью или радостью – и счесть поставленную перед собой задачу решённой. Забыв при этом о связях сюжета с историей и судьбой, с этическим выбором и смыслом поступков, с реальной жизнью и исторической традицией. Критик должен выделить в произведении самое главное и прояснить взаимоотношения всей плоти текста – с его сердцем, с тем существенным, ради которого автор и приступал к воплощению своего изначального замысла. Бывает так, что результат не совпадает с акцентами, которые писатель определял для себя заранее – ведь литературное произведение живёт по собственным законам, авторское своеволие, как известно, имеет пределы. Понять сколь можно точнее происходящее на страницах романа или в строках стихотворения критика и может, и должна – потому что иначе ей суждено быть служанкой, а не самостоятельным участником литературного процесса. Но есть у критики и искушения: назначать и рушить имена, определять лучшее по своекорыстным соображениям, управлять литературным процессом в соответствии с некоей необъявленной задачей и быть властительницей творческих судеб. И это есть в сегодняшней литературе.

Просто критик должен читать журналы и книги, любить хорошие стихи и неожиданные переливы авторского голоса и стремиться разгадать тайну художественного воздействия поэтической строки или прозаического высказывания, – это двигатель его литературной работы, источник его вдохновения. В противном случае критика становится ремеслом и, как следствие, способом устройства личной жизни.

Та же проблема у читателя – как найти хорошую литературу среди современного массива. В магазине – джентльменский набор, читателю сложно ориентироваться. Проще отказаться от современной литературы и классику читать – как русскую, так и зарубежную.

Чтение классики позволит читателю сохранить собственную душу и достоинство, но всё-таки он живёт в начале нового века, и современность требует своего воплощения в художественных образах и характерах героев. Читателю же всё это необходимо для того, чтобы «опознать» реальность в её наиболее выразительных и важных чертах.

Положение читательское сегодня, действительно, чрезвычайно уязвимое. Кликушество либеральных СМИ, назойливое предложение ознакомиться с текстами очередных «голых королей» от литературы предстает в виде некоей чёрной энергетической стены, которой подлинная литература отделена от русского человека. Эти бойкие авторы могут показать нам «сложного» героя, который воюет с либеральной номенклатурой, но не прочь при случае и поучаствовать в групповом сексе. Или что-то подобное – смесь нечистот и стремления побороться с несправедливостью.

Однако нам сегодня как никогда нужна чистая душа, в которой нет лукавства и способности мелко сподличать в непростых обстоятельствах. Мы вспоминаем пушкинскую Татьяну как идеальный женский образ, но отчего-то не стремимся достичь этих высот, останавливаясь на полдороге и оправдывая себя близостью к осязаемой действительности. Но на самом-то деле литература истосковалась по большим характерам и ясным душам, а читатель именно потому и тянет руку к классическому тому прозы, поскольку давние страницы отвечают его внутренней жажде. Эти позиции важно всячески поддерживать в критике и в литературных газетах по всей стране. Толстые журналы должны уяснить, что только здесь сосредоточен потенциал русского развития и светлого завтрашнего дня. Библиотеки, проводя встречи с читателями по поводу литературных новинок, вполне в состо-

янии взять на себя функцию нравственной навигации в океане современных текстов. Можно назвать ещё несколько важнейших пунктов, влияющих на сближение настоящей литературы и настоящего читателя. Однако все они нуждаются в объединяющем начале, которым, несомненно, обязан быть Союз писателей России.

Но сегодня ему остро не хватает последовательной наступательной политики и действий. Власть почему-то полагает, что русские писатели будут скрежетать зубами, но не замахнутся на её реальные основы. Эта иллюзия должна быть развеяна. Так называемая элита нашего государства должна знать, что писатели её не любят и после некоей «точки невозврата» могут такую свою нелюбовь любыми средствами транслировать российскому читателю. Разумеется, не с позиций либеральных любителей осетрины и публичных соитий перед объективом камеры, не с позиций «баррикадного» решения всех идеологических и социальных вопросов. Но глухой ропот народа и отчётливое слово писателя должны нарастать и приобретать оттенки бури в тисках терпения.

Здесь есть ещё одно очень важное уточнение. Как-то принято у нас сегодня говорить честные слова, а жить порой – с завидной ловкостью. Это обстоятельство в очень большой степени снижает доверие к современной русской литературе. И важно понимать, что во многом ещё и поэтому читательское доверие к писателю может иссякать – так вода уходит из колодца.

Между тем, сокращаются на радио литературные передачи или выбрасываются из штата квалифицированные специалисты, для которых литература – не род заработка, а душевная потребность. Иные региональные организации Союза писателей находятся в униженном состоянии – где-то из-за нравственной чёрствости администрации, где-то – по собственной инертности, подчас почти предательской. Подобная картина в преддверии продекларированного президентом Года литературы весьма распространена. В этой связи стоит понять: если писатели не будут делать шаги навстречу русскому читателю в самых низовых звеньях нашей творческой организации – ничего не выйдет, потому что сегодняшняя власть понимает только волю к действию и опасается её.

Поэтому я придерживаюсь крайне пессимистической точки зрения на проблему читателя: где найти хорошую книгу? Нет сейчас непосредственных инструментов, которые помогли бы решить положительно эту задачу. Она может решиться только в виде следствия: станет Союз писателей России наращивать свои мускулы – последуют волны и в других направлениях. Будет организация съёживаться, а либералы ползти изо всех щелей, словно тараканы – литература в России вполне может превратиться в поле, на котором собирают свой урожай бесчисленные клоны Улицкой-Сорокина-Быкова-Рубиной-Акунина-Донцовой…

Премия – идея хорошая как система поощрения и ориентир для читателя. Но сегодня премии себя изжили, превратившись, с одной стороны, в коммерцию, с другой – в «лохотрон». Нужны ли вообще премии или некие конкурсы?

Говоря о нынешних литературных премиях как о явлении структурно изменённом, мне кажется, мы не должны отказываться от самой идеи награждать лучшие произведения литературы и выделять достойные имена. В противном случае мы принципиально лишаем читателя возможности ориентироваться не только в море словесности, но и в дремучих зарослях современной жизни.

Жюри состоит из ангажированных либералов или же это некий «междусобойчик»... Может быть, стоит обратить внимание на этот конкурс и разобрать его на составные части, чтобы все действующие лица стали неотделимы от собственного позора?

С другой стороны, возможно ли принципиальное решение в обстановке, когда один автор талантливый, а другой – нужный, тогда как третий – потомок громкой

литературной фамилии? Если появится в составе судей человек-кремень, тогда и будет результат. А если нет, то, может быть, нужно назвать истинную цену сочинениям лауреатов-почвенников, а потом обратить внимание на тех, кто отдал свой голос в их пользу?

Помню, года четыре тому назад я посоветовал молодому воронежскому поэту и прозаику послать цикл своих сказок (не только по моему мнению, просто отличный!) на конкурс соответствующего профиля. Его там приняли как бедного родственника, а потом и концов конкурсного произведения не нашлось. При этом Лидия Сычёва представила одну из сказок его на Рождественских чтениях, чрезвычайно высоко оценив эту вещь. Не позорные либералы, которым сладко представить, скажем, Бабу-Ягу в качестве престарелой лесбиянки и мужененавистницы, сидели в том оргкомитете и жюри. Вроде – все приличные люди, да и конкурс существует поныне. Однако осадок остался крайне неприятный: как будто с одной стороны – столичный снобизм, с другой – «не по чину парень высунулся»

В целом система премий – это авгиевы конюшни. Но их важно вычистить, а не развалить до основания. При этом вспомню ещё раз слова президента о замечательном таланте Василия Шукшина. А почему бы не подкрепить тихие эмоции конкретным предложением: сделать существующую премию имени Шукшина одной из главных государственных литературных наград современной России? Ничего подобного мы не услышали. Но ведь и вопроса такого не прозвучало.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

КОНЦЕПЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В ПОВЕСТИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО «ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ БЕТХОВЕНА»

В повести «Последний квартет Бетховена» В.Ф.Одоевский показывает композитора-романтика, стремящегося реализовать свои идеалы. Автор фантастической повести изображает невероятно сложный, противоречивый мир художника с даром предвидения гармонии. Эта способность возвышает его над обывательской средой. Однако душа его как у романтика противоречива. Идеал в прагматическом мире неосуществим, что характерно для романтической эстетики. По мнению Одоевского, талант и гений различаются качественно и количественно. Талантом обладает человек, который способен творить, гениальностью – кто не может не творить. Будучи новатором, Одоевский является одним из создателей фантастического в отечественной литературе.

В 20–40-е годы XIX века В. Ф. Одоевский находился в самом центре литературной и культурной жизни России. Он дружил с Гоголем, Кюхельбекером и Веневитиновым, с большим сочувствием к его творчеству относился Пушкин, существовала тесная взаимосвязь между Одоевским и Лермонтовым. В.Ф. Одоевский оказался в литературе новатором, открывателем новых путей и создателем новых жанров. Он был автором первого в русской литературе философского романа и философских новелл. В.Г. Белинский писал: «Что же касается его лучших произ-

ведений, – они обнаруживают в нём не только писателя с большим талантом, но и человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевным убеждением, – человека, которого волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли».

Актуальность темы нашего исследования состоит в том, что фантастическое в творчестве русского писателя В.Ф.Одоевского востребовано временем. Став важной разновидностью литературы XIX века, фантастика укрепляет свои позиции в XX, XXI веках. Обновление романтизма с применением фантастического наиболее адекватно передаёт изменившееся состояние личности и социума, человека и общества.

Современное литературоведение требует дальнейшего обобщения трудов по исследованию фантастического в произведениях романтика Одоевского. Изучение творчества писателя началось в 70-х – 80-х годах XX века, продолжается до настоящего времени.

Основная сложность исследования фантастического в произведениях В.Ф.Одоевского заключается в недостаточно глубоком их осмыслении в теоретическом плане. Следует продолжить и развить то, что начато М.М.Бахтиным, И.Г.Неупокоевой, В.Ю.Троицким, А.М.Немзером, О.С.Карандашовой. Много ценных суждений о романтическом искусстве, обогащённом романтической фантастикой, высказано самим Одоевским. Тем не менее, до сих пор не актуализированы категории природы «фантастического», «фантастических героев» в произведениях Одоевского. Много неясного в понимании самой фантастики, типологии фантастического. Сказанное объясняет необходимость написания статьи, предметом исследования которой является фантастическое произведение Одоевского «Последний квартет Бетховена». Романтические повести В.Ф.Одоевского невероятны по своему замыслу и исполнению. «Содержащие столкновение философской мечты с земной действительностью, они построены на необычном художественном сочетании воображаемых происшествий и обнаженно зримых бытовых деталей и контрастных характеров».

Выбор для сравнительно-исторического анализа этого произведения русского писателя мотивирован тем, что в нём воплощены итоги идейно-творческих исканий Одоевского. Целью работы является стремление показать актуальность обогащённого фантастикой творчества писателя. Основная цель исследования включается в круг проблем и методов исторической поэтики, её направления, занимающегося эволюцией отдельных приёмов и способов изображения в области фантастики. Автор статьи формирует теоретические положения, ставит задачи: определить тип фантастического в произведении В.Ф.Одоевского; обосновать значение фантастики для развития романтизма.

Изучение теории фантастики служит методологическим основанием для осмысления конкретного произведения, помогает его более глубокому пониманию. Методология предполагает рассмотрение в историко-литературном процессе произведения с помощью сравнительно-типологического анализа. Это позволяет соотнести функционирование фантастического в творчестве автора данного периода с предшествующими традициями.

Новизна исследования в том, что в статье реализован многоаспектный подход к изучению фантастического в произведении, чтобы определить особенности его фантастики, показать изменение структуры в связи с использованием нового средства изображения. Всё это приводит к выводу, что писатель, применяя фантастический элемент, углубляет художественный метод, делает произведение многозначнее.

Невероятные происшествия, «таинственный колорит» присущи фантастике писателя. Одоевский остается верен себе, создавая художественные произведения,

которым предшествует духовный опыт предыдущих поколений. Главная книга, задумана им в начале 1830-х годов, завершена в 1844 году, в неё включен цикл повестей, в том числе «Последний квартет Бетховена». Как считает исследователь В.Ю. Троицкий, произведение создаётся из философских умозрений Одоевского на национальной почве. Герои повести таинственны и фантастичны. «На них оказывают известное влияние произведения Э.-Т.-А. Гофмана» с характерными для немецкого романтика образами-олицетворениями, гротеском, включающим противопоставление мира вымышленной мечты объективной действительности. Принцип построения характера у Одоевского соответствует всеобщей мысли о непостижимости человека. Откровения музыки, обманчивая логика бездушных экономических концепций, загадки психологии, парадоксы художественного творчества чередуются в повести, не давая ответы на вечные вопросы. Чем более явно в конкретной личности обнаруживается всеобщая непостижимость феномена человека, тем зримее, конкретнее его поступки.

«Странность» в душе героев Одоевского заключает в себе космизм идеи, страдание от непонимания всего, что находится за пределами условности. Фантастические картины Одоевского отражают символическое и образное философское осмысление мироздания. «Условно фантастические картины Одоевского многим напоминают образы гоголевских «Вечеров…». Однако в особенностях сюжета и способах обрисовки характеров у этих писателей есть и существенные различия. Сюжеты гоголевских повестей восходят прежде всего к образному воспроизведению философски осмысленного мира».

Если у Гоголя «вторая» реальность (А.И. Журавлёва) мотивируется переживаниями героя, что говорит о реалистическом методе, применении мифологической фантастики, то у Одоевского как романтика, по мнению Ю.В. Манна, за сновидениями скрывается ирреальное.

Характеры Одоевского – это идеальные представления об интуитивном познании человека. Параллелизм миров – реального и ирреального – характерная черта художественного метода романтика Одоевского. Через поведение человека проявляется его загадочный внутренний мир. Антитеза воображаемых исключительных происшествий зримым бытовым деталям, конкретным характерам, изображение конфликта философской мечты с несправедливой реальностью свойственны поздним произведениям Одоевского. В музыкальных повестях Одоевский стремится поставить новую художественную задачу: создать единое произведение из связанных друг с другом повестей, которые должны выразить идею человека и Вселенной. Эта художественная задача была реализована в романе «Русские ночи».

По мнению Одоевского, сущность романтического художественного творчества заключается не в копировании жизни, а в её «воссоздании», что является признаком идеальной поэзии, романтической фантастики. Художник-романтик в процессе творчества воспроизводит особую, «вторую» реальность. «Поэт, согласно убеждениям В.Одоевского, волен создавать художественный мир по собственным законам, которые должны отвечать правде идеальной, и совсем не обязательно – реальной. Законы художественные могут не только прямо не соответствовать, но и быть внешне противоположными законам повседневного мира. В этом В.Одоевский находит оправдание романтической, свободной поэтике, с её тягой к таинственному и фантастическому».

Музыкальные повести Одоевского начинаются произведением – шедевром «Последний квартет Бетховена», являющимся вступлением к циклу повестей «Русские ночи». Вот что пишет об этом цикле исследователь И.Г. Неупокоева: «Недостаточно учитывается в общеевропейском контексте и философско-повествовательная линия романтической прозы – это может быть отнесено и к «Русским ночам» В.Ф. Одоевского».

Повесть «Последний квартет Бетховена» (1831) о великом композиторе – произведение без стереотипов, готовых схем. В нём мы видим непризнанного гения, переросшего современников. Одержимость музыкой одухотворяет и в то же время губит Бетховена. Творческая мощь, безмерность и физическая глухота контрастируют и дополняют друг друга. Романтик Одоевский проводит мысль о том, что цель должна быть достигнута несмотря ни на что, в том числе на непонимание толпы. «Ты думаешь, что все эти господа, которые разыгрывают мою музыку, понимают меня: ничуть не бывало! Ни один из здешних господ капельмейстеров не умеет даже управлять ею; им только бы оркестр играл в меру, а до музыки им какое дело!».

Человек должен преобразовывать действительность своей активностью, о чём сказано в эпиграфе «Воплощение мысли – действие». В таком случае Бетховен предстает романтиком, новатором, ощущающим дисгармоничность объективной действительности. Вот что пишет Е.Р. Боровская в статье «Портретирование музыкальной темы с вариациями в повести Л.Н. Толстого «Альберт»: «<…есть все основания говорить о новаторстве Л.Н. Толстого в произведении, где разработан прием передачи одного вида искусства средствами другого».

Герой пытается проникнуть в таинственный мир гармонии с помощью воображения и художественного творчества, но несовершенство мира разрушает его стремление. «Так пропала мелодия оттого, что низкий ремесленник не придумал поставить лишнего клапана; так несносный фаготист заставляет меня переделывать целую симфонию оттого, что его фагот не выделывает пары басовых нот; скрипач убавляет необходимый звук в аккорде оттого, что ему трудно брать двойные ноты. <…> В моем воображении носятся целые ряды гармонических созвучий; оригинальные мелодии пересекают одна другую, сливаясь в таинственном единстве; хочу выразить – всё исчезло <…> О! что может быть ужаснее этого раздора души с чувством, души с душою!».

Романтик – автор повести Одоевский и романтик Бетховен в музыке, оба ищут гармонию, но романтическая мечта у них превращается в ад. Характерный признак романтизма – трагедия неосуществлённой мечты, неосуществлённого действия. Терзания композитора, одухотворенные силой гения, вознаграждают героя произведения победой. Оглохший от музыки, он слышит мысленно созданную им симфонию.

«Я слышу! – воскликнул Бетховен, бросившись на колени, и с умилением протянул руки к раскрытому окну. – Это симфония Эгмонта, – так, я узнаю её, вот дикие битвы, вот буря страстей, она разгорается; вот её полное развитие – и все утихло, остаётся лишь лампада, которая гаснет, потухает, но не навеки».

Контрастный этому финалу небольшой эпилог с чьим-то голосом в толпе, сказавшем о смерти Бетховена, не лишает повесть романтически возвышенной направленности, в которой слиты величие творений гения и его победы над конечным временем. В этом выражены романтическая трагедия вечного стремления к идеалу и несовершенство мира. В интеллектуальной активности личности заключена одна из существеннейших прогрессивных сторон романтического творчества В.Ф.Одоевского.

В повести «Последний квартет Бетховена» романтическая трактовка явлений сказывается на сущности объяснения творчества Одоевского. В этом его произведении преобладает идеальное над материальным. Одоевский показывает искусство Бетховена как созидание, преобразование жизни. По мнению писателя-романтика, реальное сочетается с идеальным, материальное – с духовным. Творчество Бетховена всегда устремлялось в небесный мир, что и показывает писатель. Однако своими звуками музыка Бетховена уходит в земную действительность. Изобра-

женная Одоевским как искусство с духовным началом, музыка утверждает себя в объективной реальности. Фантастический герой говорит о рождении в его душе странных созвучий. Идеальное реализуется в нём, в его невероятно сложном внутреннем мире. Одоевский, как и другие романтики, придерживается принципа двоякой сущности искусства: его герой Бетховен изображён как человек, в котором или таится дух, или дух этот находится за завесой видимого мира. Герой Одоевского Бетховен придерживается мнения о единстве в искусстве «небесного» и «земного», типичного для композиторов-романтиков того времени. Создание новой симфонии вдохновляет Бетховена. Трудность осуществления замысла объясняется противоречиями в эстетике романтизма. Идеальное преобладает над реальным, что свойственно романтическому искусству.

Композитор мучительно думает о том, что дух не может вечно парить, когда мысли уже на нотной бумаге. В своём воображении композитор мечтает об изменении мира, в котором царила бы гармония. Силы природы помогают ему создавать шедевр. Музыка для героя повести является искусством, отражающим мир противоречивой действительности, где герой видит невозможность осуществления своих замыслов. Такие противоречия характеризуют героя повести как представителя эстетики романтизма.

Творчество Бетховена – это торжество духа. Оно устремлено в будущее, развивая творческие силы, побуждая композитора к осуществлению своих идеалов, созданию новых музыкальных произведений. Как писатель-романтик Одоевский изображает Бетховена исключительным человеком, обладающим гениальным даром предвидеть гармонию мира, такая способность возвышает его над людьми. По мнению Одоевского, это налагает на него огромную моральную ответственность. Будучи человеком бескорыстным и честным, преданным красоте и истине, Бетховен в повести не стремится угодить публике, не думает о личной славе. Цель его деятельности – только музыка. Он велик, потому что его душа сливается с идеалом. Однако душа его противоречива, идеал в реальном, прагматичном мире неосуществим.

Аналогично его музыке, индивидуальное в Бетховене сочетается с общим. Первая причина связана с тенденциями интроспективного углубления, погружения во внутренний мир, вторая – со стремлением охватить душой всю жизнь во всей её полноте. Бессилие Бетховена в процессе вдохновения оказывается следствием нереальности романтического идеала, который становится реальным, превращается в свою противоположность. С этим в искусстве связано представление о зависимости художника от ирреальных сил, которые находятся за пределами его личности.

В.Ф. Одоевский как писатель-романтик передает таинственную, фантастическую атмосферу, в которой герой, не принадлежа себе, целиком отдаётся идеальному в отличие от людей, склоняющих свою деятельность к бытовой реальности личных интересов. Бетховен в повести сознаёт и не сознаёт себя, подчиняясь выражению всеобщего субстанционального содержания. Одновременно он принадлежит и не принадлежит себе: он гений или обычный человек?

Бетховен по степени таланта качественно отличается от других людей. Люди в силу своей минимальной художественной одарённости могут лишь воспринимать искусство, художник может создавать его. Если люди способны эстетически относиться к миру, то композитор способен воплощать это отношение в объективных формах, делать его предметом искусства для других. Бетховен отличается от остальных не только степенью, но и качеством художественной одарённости. Эти, казалось бы, антиномичные, несовместимые утверждения выражают у Одоевского разные стороны диалектически понимаемой романтиками природы художественной одарённости.

Одоевский творит фантастическую атмосферу, а герой его повести живёт в ней. Бетховен как гений не похож на других людей, но он и не оторван от них. По мнению композитора, его одарённость относительна, но одарённость эта доминирует в его личности. Она выделяет его среди людей и в то же время сближает с ними. Благодаря этим качествам Бетховен может выражать человечество, осуществлять и передавать ему идеальное содержание своей души. Основой такого противоречия является оппозиционность Бетховена обывателям, не имеющим в своём внутреннем содержании возвышенного идеала, общечеловеческих ценностей. Говоря об исключительности Бетховена и имея в виду значение его гуманистического идеала, Одоевский показывает неприятие героем обывательской жизни. Бетховен в повести родственен всему человечеству. Эта способность таланта композитора – романтика выделяет его из всех, одновременно одарённость делает его художественное творчество нужным людям, роднит его с ними.

Романтический художественный метод Одоевского создаёт возможность изображать Бетховена как творца музыкальной энергии, диалектики бытия в мире антагонизмов. Как романтик Одоевский абсолютизировал одну сторону противоречия. В.В.Ванслов считает, что «талант, по мнению романтиков, в большей мере основан на техническом умении, навыке, гений – на непосредственном творческом самовыражении. Талант создает отдельные новые явления в пределах данного рода; гений – творит новые роды явлений. Талантом обладает человек, который может творить, гениальностью – тот, кто не может не творить. Понятие таланта прежде всего характеризует профессиональную принадлежность художника к своей деятельности, гения – универсальность его творческой способности. Талант Бетховена – это и есть гений. Следовательно, таланты также различаются между собой не только количественно, но и качественно. Гений – высшая мера художественной одаренности».

Следствие гениальности Бетховена – его одиночество, результат его непризнания обществом. По мнению Ж.Малиньона, он был художником-романтиком, опередившем своё время. Таинственная область в сознании композитора выявляет в творческом процессе несоответствия идеала и действительности. Методология исследования позволяет нам опереться на мнение Т.С.Карпачёвой, «примеры подобных несоответствий, нелогичных поворотов сюжетов в принципе характерны для русской классики». Это характерно для фантастических произведений, каким является повесть В.Ф.Одоевского «Последний квартет Бетховена». Противоречия творческой души композитора, взаимоисключающие тенденции во внутреннем мире гения являются стимулом формирования его музыкальных творений.

Искусство для Бетховена – чувственное созидание, подвижнический труд, в то же время это духовное состояние, слияние с идеалом, то есть вдохновение, которое романтик Бетховен у романтика Одоевского в его романтическом произведении считается откровением ирреальных сил. Идеалы Бетховена, находясь в воображаемом мире, реализуются в музыке, в его романтическом, фантастическом искусстве.

С помощью фантастики В.Ф.Одоевский показывает взаимосвязь труда и вдохновения в творческом процессе, рассматривает проблему сознательного и интуитивного начала в борьбе с рационализмом в эстетике искусства на новом актуальном для своего времени уровне. Фантастическое начало в творчестве выводит В.Ф. Одоевского к новым достижениям в литературе.

Библиографический список

1. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: Худож. лит. 1988. 382 с.
2. Белинский В.Г. Полн.собр.соч. в 9 т.т. М.: Худ.лит., 1978. 8 т.783 с.
3. Боровская Е.К. Портретирование музыкальной темы с вариациями в повести

Л.Н.Толстого «Альберт» //Вестник МГПУ. Серия: Филологическое образование. М.: 2014. №1(12). С.29-36.

4. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 403 с.

5. Карпачёва Т.С. Как Дарья Онисимовна стала Натальей Егоровной в романе В.Ф.Достоевского «Подросток» // Вестник МГПУ. Серия: Филологическое образование. М.: 2014. №1(12) С.37-45.

6. Маймин Е.А. О русском романтизме. М.: Просвещение, 1973. 232 с.

7. Неупокоева И.Г. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей //Европейский романтизм. М.: Наука, 1973. 495 с.

8. Троицкий В. Ю. История романтизма в русской литературе: в 2-х тт. М.: Наука, 1979. 2 т. 328 с.

СОВРЕМЕННОСТЬ И «РЕВИЗОР» Н. В. ГОГОЛЯ

Настоящая статья посвящается знаменитой комедии «Ревизор» великого русского писателя Н.В. Гоголя. В комедии писатель создаёт карнавальную атмосферу, в которой человек чувствует себя более свободным и раскованным. Амбивалентный смех гоголевской комедии освобождает человека от страха. Писатель высмеивает пороки общества, абсурдность мира. Гротеск в комедии акцентирует эту абсурдность. И пока этот мир существует, в нём всегда будет место абсурду. Комедия «Ревизор» актуальна и востребована, носит универсальный характер, потому что показывает панораму русской жизни.

Н.В. Гоголь опубликовал в 1836 году комедию «Ревизор», ставшую бессмертной.

Предмет нашего исследования – гротескное произведение Н. В. Гоголя «Ревизор», определение типологии гротеска в нём, специфика в разработке гротеска как средства углублённого постижения и изображения реальной действительности.

Целью работы является анализ типологических разновидностей в историческом развитии условных способов изображения, применяемых в русской литературе XIX века в связи с утверждением творческих принципов реализма. Изменения в функциях и поэтике гротеска определяются при сопоставлении с предшествующими культурными тенденциями развития.

Цель исследования включается в круг проблем и методов исторической поэтики, её направления, занимающейся эволюцией отдельных приёмов и способов в области гротеска.

Перед исследователем ставятся следующие задачи, формируются теоретические положения:

- определить тип гротеска в комедии «Ревизор»;
- обосновать значение гротеска для обновления реализма, служащего ещё более углублённому исследованию и изображению действительности;
- значение гоголевской комедии «Ревизор» в нашей современности.

Методология статьи предполагает рассмотрение в историко – литературном процессе гротескного произведения, исследуемого с помощью литературно- типологического и других видов сравнительно – исторического анализа. Это позволяет соотнести функционирование гротеска в произведении Н. В. Гоголя с предшествующими и последующими традициями.

Новизна статьи заключается в том, что в ней реализован многоаспектный подход к изучению гротескного произведения. При этом прослеживаются изменения его структуры на протяжении данного периода. В таком аспекте проблема ещё не изучалась.

В 2009 году мировая литературная общественность отмечала 200-летие Н.В. Гоголя, его знаменитая комедия «Ревизор» идёт с успехом в России и за её пределами. Что делает эту бессмертную комедию актуальной и востребованной? Каждое поколение читает комедию по-своему, открывая в ней новые, современные ценности. Главным достоинством комедии является смех. Каков он: демонический, ментальный, бытовой? Гоголь выводит на сцену типично русские характеры. Герои «Ревизора» живут косной, бедной на события провинциальной жизнью. И вот в уездном городе русской глубинки появляется Хлестаков – мелкий столичный чиновник, однако невольно крупный мошенник, доводящий окружающее своей активной позицией до гротеска. Самой фамилией главного персонажа автор нацеливает на его идентификацию, собираясь «отхлестать» общество с его пороками. Выделяется традиционное свойство русской жизни с её взяточничеством и воровством, доведёнными до абсурда невероятного вселенского масштаба. Главный персонаж Хлестаков, принятый в городке за высокую птицу из Петербурга, вводится в комедию для создания интриги, вымысла, основанного на ожидании ревизора.

В раболепной среде вымысел сразу же становится коллективным. Поскольку обыватели живут под воздействием подавляющих законов с их запретами и ограничениями, иерархический строй создаёт всевозможные формы произвола, страха, унижения, всего, что определяется социальным неравенством. Почуяв родственную атмосферу, Хлестаков уже в самом начале заявляет городничему, что он-де найдёт на них управу, что в Петербурге министры ходят у него по струнке. Сообщение Добчинского и Бобчинского о появлении в гостинице ревизора, которого ждали, поселяет тревогу в городке. Хлестаков, тип героя с сильной энергетикой, как из космоса, освещает всю эту затхлую, засиженную «мухами» атмосферу уездного городка, все стороны его обустройства и управления, переводя ситуацию в мир неправдоподобия.

Комедия населена персонажами со значащими фамилиями. Это и сам городничий Сквозник-Дмухановский, как бы призванный «просквозить» ветерком эту затхлость. Ляпкин-Тяпкин представляет судопроизводство (где как бы судья Тяпкин, а Ляпкин – подсудимый). Просвещение предстаёт в облике Хлопова (ассоциируется со словом «холоп», и сам холоп, и готовит холопов). Лекарь Гибнер отсылает к слову «гибнуть» от лечения. Почтмейстеру Шпекину напрашивается слово «шпик» – «шпион»; вынюхивает, подсматривает, читает чужие письма, доносит чужие секреты. «Силовые структуры» – четверо полицейских во главе с Держимордой, чьё имя не требует комментариев.

Такой необычной, странной расстановки персонажей не было до Гоголя ни в одной комедии. Гоголь отражает эту чиновничью «машину» без лишней детализации, допуская отступления от реальной структуры (например, не было в российском уезде богоугодных заведений). Для Гоголя важна функция структуры, фамилия акцентирует суть функционирования структуры.

Изображение городка не гротескно, обобщения в комедии изначально не аллегоричны. Однако абсурдность среды, возникающая под давлением злоупотреблений, провоцируемых как бы сверхъестественными силами, где-то над сценой, создаёт атмосферу невероятной, гротескной бюрократической системы. Приезд Хлестакова в патриархальную среду обитания воспринимается не просто как появление романтического героя, способного тут что-то изменить. От ревизора ждут возможности кардинальных перемен. Хлестаков, словно тень, сразу же дьявольски ложится на весь городок, на всех его «доблестных» обитателей.

В замкнутом пространстве городка возникает особая, вымышленная, нереальная атмосфера. В такой наэлектризованной обстановке не только Хлестаков становится удивительным, «странным», но также доведены до состояния аффекта и

обитатели городка. Все начинают вести себя неадекватно, жить и действовать, как под гипнозом, в их поступки вмешивается что-то чужое, нечто свыше, заставляя делать то, чего они, возможно, не делали бы в другой ситуации. Например, дать взятку и принять её не составляет проблем. Все становятся другими до неузнаваемости: верхние слои и нижние; те, которые обирают, и другие, с которых дерут три шкуры. Со всеми вместе куда-то несёт и самого Хлестакова. Его хвастовство – это совершенно не контролируемая болтовня о супе из Парижа, о его авторстве романа «Юрий Милославский» Загоскина. От неестественности, абсурдности создаваемого положения смеха так много, что, забираясь в подкорку, он самостоятельно воздействует на человека уже изнутри.

Особенностью пьесы представляется и амбивалентность, наличие «двойников». Таковы пара городских болтунов Добчинский и Бобчинский, в одном лице тоже как бы двое Тяпкин-Ляпкин, два ревизора – мнимый и настоящий; появление двух огромных чёрных крыс во сне городничему; взятка как подношение должностному лицу, представляемая как жертвоприношение языческим богам, также работает на «двойничество», усиливая ощущение странности происходящего.

Сдвоен в комедии и сюжет – реальный и мнимый, в основе которого Хлестаков – двойник реального ревизора. Как ревизор он придуман, вымышлен, плод всеобщей фантазии, игра воображения. Чиновники, купцы, граждане – все обыватели городка, давая взятки, подыгрывают Хлестакову, и он с удовольствием играет навязанную ему роль. Экзальтация Хлестакова растёт от акта к акту. Состояние аффекта, проявляясь в его монологе, способствует всеобщему возбуждению. Достаточно искры, чтобы всё это вспыхнуло. Тишина в немой сцене звенит от ожидания настоящего ревизора – чиновника из Петербурга.

Зрелище в «Ревизоре» настолько зримо, участники так прониклись мыслью о ревизоре, что их карнавальная жизнь оказывается выведенной из обычного состояния и ритма. Поведение, жест и слово человека «как носителя карнавального начала» расковываются, выходя из-под власти сословия, сана, возраста, имущественного ценза; все становятся эксцентричными, «странными». Хотя Хлестаков вполне реальный персонаж, заряженный ситуацией как бы свыше, он становится необычным, живущим по законам природы, интуитивно стремясь использовать момент, возникший по воле случая. Гоголь «не идеологичен», он ироничен, готов смеяться над абсурдом и тем расковывает человека, создавая в обществе своим юмором, смехом особую атмосферу.

Как видим, «русская, всероссийская пьеса» (Н.И. Надеждин) Гоголя «земная», реалистичная. По воле автора, случай придаёт всему космическую универсальность. В гоголевском «Ревизоре» словно спрятан «секрет», который мы пытаемся раскрыть через своё восприятие. Благодаря мастерству Гоголя реалии, такие обычные и будничные, приобретают невероятный смысл. Ординарное становится событием, образуя новые возможности развития в обывательской среде.

Городок как целостная, относительно замкнутая единица подобен крупным образованиям: губернии или даже столице. Писатель в своих претензиях на более высокие уровни власти, не нуждается в обращении к аллегории, как и на показ более серьёзных злоупотреблений: он поглощён жизнью данного городка, данных не великого ранга чиновников, оставляя иное за кадром на суд читателей. Воспринимая атмосферу «Ревизора» как «двуплановую», мы относим к первому, подлинному плану жизнь обывателей городка. Второй, обманный план выражает атмосфера страха, ожидание ревизора из столицы; как Дамоклов меч, это висит над головой у всех чиновников, в душах, потрясённых фактом появления сначала мнимого ревизора из Петербурга, а затем и настоящего ревизора – грозы глухих российских глубинок.

Сила комедии не в том, насколько административно высок в изображении писателя этот уездный городок, а в том, что этот уездный городок – живой организм, остро реагирующий на реальное и нереальное, возможное и невероятное. Гоголь создал такую модель, которая без единого положительного персонажа оказывается способной к порождению «гротескного» реализма, карнавального мироощущения.

Вторжение Хлестакова в патриархальную жизнь, используя могучие силы случая, формирует у каждого персонажа новый комплекс в виде обещания перемен. Таков смысл воздействия на все слои и сословия в комедии этого возмутителя спокойствия, «страшного», как рок, а с виду милейшего человека Ивана Александровича Хлестакова.

Сознание жителей городка не отторгает новую, необычную силу. Оно воспринимает её как линию на развенчание старого мира, олицетворяет её с переменами к лучшему. Божественное у Гоголя – это мир, который развивается естественно, по законам бытия. Сверхъестественное проявляется там, где мир выходит за рамки естественности. Хлестаков вмешивается в уклад городка, нарушая обжитое, привычное, демонстрируя вмешательство со стороны, что и приводит к абсурдности и гротеску.

Как уже говорилось, драматизация атмосферы придаёт комедии Гоголя «Ревизор» гротескный характер. Приезд Хлестакова в патриархальную глушь воспринимается не просто как появление героя, способного высветить затхлую атмосферу, но в глобальногм смысле как явление инобытийное, иррациональных сил в лице героя, заявляющего о возможности кардинально изменить обстановку. Как проводник вселенского инобытия Хлестаков масштабно воздействует сразу на весь этот комплекс, на город, на всех его жителей. Родовой тип сознания обывателей базируется на опыте предков, что не отторгает иррациональные силы, воспринимая мнимо, как венец старого мира этого чиновника из Петербурга. Такую ситуацию М. М. Бахтин сравнивает с карнавальным мироощущением: « Таковы все карнавальные символы: они всегда включают в себя перспективу отрицания (смерти) или наоборот. Рождение чревато смертью, смерть – новым рождением».

Символические моменты церемониала развенчания имеют пафос смен и обновления. Образ смерти становится базовым, зиждущим. Персонажи чувствуют в конце разоблачения собственное развенчание, не желая от страха комической сути, за которой к горлу чиновников подступает трагическое. Природа ощущения инобытийности проходит на уровне подсознания, создавая тревогу, даже страх перед абсурдом бытия. Исследователь В. В. Гиппиус считает комедию чисто реалистической, в которой вместе с психологической мотивировкой характеров существует и простое стечение обстоятельств. «Апелляция же к индивидуальным злым волям и соответственные моралистические выводы – в динамике недоразумений естественно исключены».

Установлено, что пьеса проникнута гротескным, карнавальным ощущением. Вот что пишет о карнавале М. М. Бахтин: «Карнавал не созерцают, – в нём живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него никуда не уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны».

По своему конкретно-чувственному характеру и по наличию игрового элемента карнавальные формы близки к зрелищным, театральным формам. То есть – это сама жизнь, оформленная игровым образом, когда человек перерождается для новых отношений. Осуждение на время исчезает, и человек среди людей возвраща-

ется к самому себе. Все формы страха, благоговения, пиетета, связанные с иерархическим построением, оттесняются, всякая дистанция между людьми упраздняется, устанавливая между людьми вольный контакт. Конкретно-чувственная форма новых взаимоотношений человека как представителя народа – это игра не только с ревизором, но и с иррациональными, абсурдными силами, она захватывает чиновников и обывателей провинциального города. С точки зрения многомерности и многозначности таких сфер, образ Хлестакова, по признанию самого Гоголя, представляет самый сложный образ в комедии, ибо в него одного автором вложена идея абсурдности бытия, воздействующая на персонажи. « Гротескный отсвет» (Ю.В. Манн) ложится от образа Хлестакова на всю комедию Гоголя. Однако движение по спирали не приостанавливается, когда после развенчания Хлестакова звучит амбивалентный смех. Одновременно зрители высмеивают и абсурд бытия с его алогичностью из-за иррациональных сил.

Гоголь написал свою комедию как весёлую, смехотворную, в которой мнимый сюжет доводит реальность до абсурда, где акцент сущностей переносится на невероятное, гротескное. В истинном сюжете конфликт между двумя противостояниями – Хлестаковым и остальным миром – остаётся в силе. Комедия содержит психологическую мотивацию характеров властителей и жертв, оттенённых воздействием возможных обстоятельств в объективной действительности. Предвиденные контуры мнимого сюжета выявляют истинного и неистинного ревизора. Встречая мнимого ревизора, чиновники пускаются во все тяжкие, чтобы прикрыть пороки не только свои собственные, но и всей системы погрязшего в пороках городка. Однако всё самое «страшное» произойдёт потом, после «немой сцены», отделяющей этот мир от того, в котором силы небесные ещё неизвестно чем заменят Хлестакова. Подлинный и мнимый сюжеты не существуют порознь, а представляют амбивалентное единство, систему взаимодействия.

Как же Хлестаков выглядит со стороны зрителя? Обычен портрет этого «простого елистратишки» из Петербурга, который порой доиграется в карты до того, что платить за обеды, как и за комнату, разу нечем. Пришлёт батюшка денежки, а тот пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь – и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит».

Ситуация недоразумения, ирония, смех длятся до самого занавеса. Правда, за занавесом зрителю уже не до смеха, есть над чем задуматься.

По мнению Ю.В. Манна, «Гоголь возводил этот тип комедии к Аристофану».

Вячеслав Иванов в статье ««Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана» выделяет мысль о том, что гоголевская комедия изображает коллективную жизнь в виде социального космоса, когда изображение бытийного приобретает универсальный характер, вселенский масштаб, делая комедию современной, актуальной, востребованной временем с новой силой.

В наше время «Ревизор» Гоголя по-прежнему привлекает к себе людей, которые искренне смеются над неискоренимыми пороками. У Гоголя с его фольклорно-мифологическим сознанием всё живёт надежда на «чудо»: на справедливого начальника, настоящего ревизора. Однако главное «чудо» состоит в том, что люди всё глубже понимают себя, выделяют свои приоритеты, признавая необходимость включения внутреннего ресурса – обновления самосознания, изменения менталитета при сохранении традиций, общечеловеческих ценностей. На первый план выдвигается тип креативного, современного человека, пытающегося искать выходы путём принятия нестандартных, неординарных решений. Гоголь со своим «Ревизором» по-прежнему участвует в постановке самых актуальных проблем, позволяющих смотреть на себя как бы со стороны, с надеждой и оптимизмом.

Итак, мы приходим к выводу, что высмеиваемые явления, существовавшие в XIX веке во времена гоголевского « Ревизора», живы и сейчас. Гротеск и амбивалентный смех Гоголя как средство борьбы с косностью, пошлостью, консерватизмом можно использовать в литературном процессе и ныне. Благодаря гротеску смех остаётся средством обновления художественного метода. Гротеск продолжает служить экспрессивности в изображении персонажей в необычных обстоятельствах, приобретая реалистический характер.

Своей «русской, всероссийской пьесой» писатель показывает героя в реальной обстановке, где парадоксальная ситуация окрашивает действие в гротескные тона. И пока жив человек, этот мир без логики, вне смысла не исчезнет. Время Гоголя не кончено, он всегда будет с нами.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 541с.

2. Бахтин М.М. Проблемы эстетики Достоевского. – М.: Сов.Россия, 1972. – 317 с.

3. Гиппиус В.В. Проблематика и композиция «Ревизора»// Н.В.Гоголь. Материалы исследования: В 2-х Т. – М.-Л.:АНСССР, 1936. – Т.2. – С.22-189.

4. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми т. – М., 1966. – Т.4. – 493 с.

5.Манн Ю.В. Вступительная статья //Надеждин Н.И.Литературная критика. Эстетика. – М.: Худож. лит.,1972. –572 с.

6. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. – М., 1972. – 572 с.

ЗОЯ ТАРБРИНА,
журналист

ПОЛОТНО ЖИЗНИ

Недавно коллеги, друзья, единомышленники Леонарда Михайловича Золотарёва собрались вместе по поводу его 80-летия. Хотя он ещё совсем молод, энергичен, подвижен. Говорили о том, что за эти годы им сделано многое. А у него в заделе уже новые книги, новые задумки и планы.

Читать книги Леонарда Михайловича легко, интересно.

Он не только глубоко постигает духовный мир встречающихся ему людей. Кажется, до мелочей изучил он свой край и знает все ручьи и речки, их повороты и излучины, бугры и кочки, дороги и тропки, умирающие деревни и процветающие сёла, старые строения, доживающие свой век и современные новоделы с высокими заборами и самозакрывающимися воротами. И все они имеют свои имена.

К сожалению, до глубины узнать автора и его творения пока не было возможности. Вот, наконец, выдалось свободное время. На столе новая книга Леонарда Михайловича «Орловская лавра». С ней я ещё не знакома. Открываю. Читаю: «Очерки и рассказы разных лет». Смотрю оглавление. Что бы почитать? Глаза выделили «Пятый океан». «Это точно о небе», – подумала я и не ошиблась. И, конечно, о человеке, влюблённом в небо, о Мишке Гусеве. Мне, как и Мишке, тоже нравится, оторвавшись от земли на даче, смотреть в голубое бездонное небо с кисейно-перистыми и особенно с кучевыми белыми облаками. Только Мишка видит там замки

с зубчатыми стенами, волшебную бороду Черномора, на которой через леса, через моря колдун несёт богатыря, а я вижу снежные вершины гор, вороха белого хлопка, массу мороженого. Доехал Мишка с Орловщины до Казахстана, а небо там, в Казахстане, и шире, и глубже, куполом опрокинутое над ровной, как стол, степью, так привлекательно. Небо, действительно, рождает в нас необыкновенные, новые чувства и ощущения.

Сюжет рассказа увлекает. И вот уже вместе с Мишкой ты испытываешь необыкновенный восторг при полёте над Атлантикой. «Океан сделался синим, а справа, насколько хватало взгляда, мощная его синева переходила в голубоватую мягкость неба. И спорили в красоте величия два океана, два исполина: вода и воздух». И замирает сердце, и волнует мысль: а что же человек, песчинка, перед этими стихиями, какова его сила?

Мишка из орловской деревни, с детства мечтавший о небе, добился своего: работает в спецавиации, летает, не смог порвать связи с землёй, удобряет хлебные поля с высокого неба.

Рассказ лёгкий, с юмором. Это и восприятие Мишкой предложения поехать в Гвинею опылять там бананы, и его прилёт в Конакри, где их встречают ослепительно белые улыбки, голые чёрные ноги, чёрные лица, а они, прилетевшие в зимних пальто и заячьих малахайчиках, тут же переходят на обслуживание носовыми платками в синюю клеточку, купленными в Орле на Театральной площади. А потом они получают из России посылку, где среди прочей снеди банки сгущённого молока производства Верховского молокозавода. Поистине тесен мир, мала Земля, плавающая по своей орбите в пятом океане.

И на этой Земле в маленькой её точке – в посёлке Синяевском, этом столыпинском «отрубе», состоящим из семи дворов, живёт героиня рассказа «Нюра – это по-нашенски, по-деревенски». Простая крестьянка, при живом муже Иване – глава семьи, человек разумный, щедрый, разносторонний, «умно смотрящий в разные стороны». Один из её круга знакомых, ветеран войны, метко определил роль её: «начальник штаба». Нюра и Иван после женитьбы построили дом, сараи всякие, вырастили сад, огород сажают, купили коня, корову, развели уток, кур, вырастили двоих детей. Нюре всё интересно. Новые люди из Орла, из Москвы, появляющиеся в посёлке, становятся её друзьями. Она помогает им продуктами питания, за стол приглашает, пока новосёлы обживаются на новом месте.

Но идёт время. Дети подросли и поселились во Мценске, дачники уехали, соседи-старики вымерли. И у неё здоровье никуда. И что теперь со всем этим добром своим делать? Чтобы решить этот вопрос, Нюра собрала к себе в дом родичей, рассадила всех по предназначенным им местам, «ну прямо-таки военный совет в Филях, а она, Нюра – Кутузов». И вся родня единодушно решила: переезжать Нюре во Мценск внуков няньчить. А как же живность? Решили: с живностью на зиму Иван останется. Но услышали от него заявление, что без Нюры он через два месяца умрёт. Последнее слово за Нюрой. Как настоящий начальник штаба, она рассудила:»Не оставлю же я Ивана одного, будем вместе здесь доживать».

Чтение оказывается захватывающим. Один, второй, третий рассказ... Состояние улыбчивости не покидает тебя как читателя. И удивляешься способности автора пристально всматриваться в текущую жизнь, многое видеть и умению передать своё восприятие. Жизнь для писателя – праздник. Его рассказы как узлы, стягивающиеся в единое полотно. Перед читателем предстаёт череда людей с разными характерами, каждый со своеобразным душевным миром, чем-то увлечённый, что-то ищущий и открывающий. Это учителя, библиотекари, музыканты, простые люди. В рассказах нет назидания, поучений, но читатель обязательно откроет для себя что-то интересное, разумное и обязательно улыбнётся.

В рассказе «Имя твоё – симфоническая личность» упоминается имя мэра города Малоархангельска Александра Сергеевича Трунова. Из окна его кабинета на противоположной стороне улицы виден памятник великому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. И между тёзками иногда происходит разговор. После забот трудового дня посмотрит мэр на поэта и спросит:

– Ну как, Пушкин, живётся тебе?

– Да, так как-то. Как во времена Гоголя и «Ревизора», – будто слышит он и в ответ подмигнёт мэр Пушкину и потянется к его томику, к «всероссийской» комедии. И начнёт читать то Пушкина, то Гоголя и его «Ревизора». И видит в его героях иных своих современников, его окружающих.

«Ещё многое надо корчевать в нашей жизни, – думает мэр. – И прямо сейчас, не откладывая, решительно…»

Книга Леонарда Золотарёва побуждает внимательнее всматриваться в жизнь, замечать в ней что-то мало заметное, но очень важное, заглянуть в себя, постараться стать лучше. Вот какой замечательный автор живёт у нас в Орле, ходит по тем же улицам, встречает тех же людей, что и мы, его преданные читатели, и эти люди становятся героями его книг.

ЮРИЙ ФИЛЬЧАКОВ

СЛОВО, ОБЛЕЧЁННОЕ В СТРОКУ

Леонард (а для друзей просто Лёня) в молодости работал в «Орловской правде», был заметным очеркистом. Потом, полностью посвятив себя литературе, от газетной науки не отказался, по – прежнему сохраняет журналистскую тягу к документальной точности, образному факту и выпуклости подачи текста.

На счету писателя десятки книг, сотни выступлений перед читателями. Он говорит и пишет о фронтовиках, о своём трудном послевоенном детстве в Малоархангельском районе, с которым до сих пор держит крепкую связь, живёт там и работает месяцами, считает Малоархангельск своей малой родиной. Прозаик и очеркист, поэт и драматург летом 2015 года отмечал свой юбилей в библиотеке имени Бунина в Орле. Сюда пришли читатели и почитатели таланта Леонарда Михайловича Золотарёва – автора более полусотни книг, вышедших в московских и провинциальных издательствах.

Вела вечер поэт и заместитель ответственного секретаря областной писательской организации Елена Машукова, дочь известного орловского поэта Анатолия Шиляева, с которым Леонард дружил, о котором помнит. В своём выступлении заслуженный прозаик и поэт упомянул немало своих коллег по перу, ушедших из жизни, но оставшихся в литературе.

Леонарда Михайловича тепло поздравили многие читатели, издатели, библиотекари, от нашей газеты тоже прозвучало доброе слово. Было немало подарков писателю и от писателя. Ветеран по возрасту, Леонард Золотарёв сберёг в душе чистую, совершенно детскую восторженность перед жизнью с её солнечными дарами и продолжает нести эту восторженность всем любящим литературу.

Из «Орловской правды»

ОЛЬГА СОКОВА

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ МАСТЕРА

Спасибо за подаренную книгу прозы и поэзии «Мастер Леонардо». На мой взгляд, выбраны три замечательных вещи. «У Толстовского родника»- внимательность автора к героям рассказа, к месту, связанному с великим человеком, приучает и читателей к вниманию ко всему вокруг. Это я ощутила тут же в себе. Людские слова, события, раньше проскальзывающие мимо души, начали складываться в единое значимое целое. Простые вещи – вода, родник, а когда смотришь в неё, именно «в», а не «на», возникает ощущение глубины. Задумаешься – обольёт она душу. Ощущаешь связь души, глубины и журчания, текучести происходящего.

Философичность Леонарда Михайловича верно подметил на вечере по поводу презентации его книги очерков в Бунинке Валерий Протасов, ведь рассказ «В парке старинном» по образу мышления, исходящего из глубины души, созвучен некоторым его произведениям. «В парке старинном» – шедевр. Уже начало – крик мальчугана, защищающего неизвестное животное – не просто крик, а крик в глубину, тайну, где ищется всеми и миром любовь. Тайна в туманности: не важно, какое животное защищал мальчик в уходе автора – главного героя из акации. Не к девушке он вышел, а побрёл куда-то, где тоже ценность, красота – сопереживание живой природе: пули изъязвили тело горы.

Вот она – настоящая романтика, где героев ожидает реальная встреча. И пусть реальные беседы отличаются от глубинных, высших переживаний в душе – это тоже красота и ценность. А в конце – выход к будущему – новому дню. Всё стилистически построено на мягких, живых контрастах. Словно художник пишет влажные листья деревьев в парке с натуры, словно только что прошёл дождь, природа и душа очистились от пыли обыденного, того, что мешает истинному людскому счастью, от пыли невнимания к себе, к душе, к окружающему – вот что несёт Леонард Золотарёв читателям.

Из стихов особенно запомнились «Бабкина медаль» – опять же контрастом – ждёт бабка хлебца, а принесли медаль. «На тургеневском бережке» – интересное четверостишие – единый динамический образ. «Деревянные кружева» – какой образ в конце – детский стул, как заноза в ладони!

Книга по объёму небольшая, но серьёзная, крупная по содержанию и смыслу.

Наши юбиляры

ВИКТОР САДОВСКИЙ

МАСТЕРУ ЛЕОНАРДУ

Мастера узнаешь по делам,
Будь он хоть Бояном, хоть Вергилием,
Золотил, видать, твой предок купола,
Коль оставил звучную фамилию.

Высшей пробы золотом она
Быть должна грядущим поколениям.
А иначе встанет тёмная стена,
За которой пропасти забвения.

Ты несёшь достойно, Леонард,
Знамя, что несли когда- то прадеды.
Если выстроить все книги на парад,
Будет тот парад на диво праведным.

Жизнь пройти – не поле перейти!
Полю твоему не видно краюшка.
И вспахал немало, но ещё в пути.
Сам под стать былинному ратаюшке.

Ты взвалил на плечи тяжкий крест.
Но по Сеньке шапка для писателя.
Всей твоей натурой правит божий перст.
Не жалей молитвы для Создателя.

У тебя сегодня – Юбилей!
Повод есть для бесшабашной праздности.
Мастер Леонардо, друг мой, пью по всей.
Будь здоров к великой нашей радости!

Ода юбиляру

Если бабе сорок пять,
Говорят в народе:
«Баба – ягодка опять!»
Значит, – снова в моде.

Ну, а если казаку
Юбилей случится,
Тут уж ягодкою звать
Как – то не годится.

Подберёшь крупнее плод,
Вроде мандарина,
Но каков у нас народ?!
Враз полслова оторвёт
И, конечно, обзовёт
Первой половиной.

Кавуном не назовёшь –
Дюже лысый овощ.
Вот вопрос, едрёна вошь,
Хоть зови на помощь.

Долго думал я, друзья.
Всё выходит криво.

Оскорблять никак нельзя
Абрикосом, сливой…казака.
Они к нему не подходят вовсе.
Ранг не тот. А посему,
Вспомнил я про осень.

Деревенский огород,
Где в земле – как шкворень –
До седой зимы растёт
Милый сердцу корень.

Белокож.
Бугрист.
Упруг.
Острый, как перчина.
Он не то, что ваш урюк –
Азиат в морщинах.

С ним застолье веселей.
Все недуги – к чёрту!
Хочешь, с квасом его пей,
Хочешь, ешь натёртым.

Словом, – корень всем корням!
Далеко женьшеню.
Как ни глянь, подходит нам
Лучше всех растений.

Казака за сорок пять,
Предложу, отныне
Только хреном величать,
На руках его качать,
Бабоньки родные!

Лёня, чарочку налей
До краёв, по-братски.
Или тут не юбилей,
Хрен ты наш казацкий!

РУДОЛЬФ КОТЛЕР

Юбиляру

Мужам приятны юбилеи,
Что женщин возраст выдают.
Мужи чем старше, тем мудрее,
Наоборот, взросленья ждут.

Премило с возрастом почтенье,
Вокруг любезна молодёжь,
В восторге все от удивленья,
Что много обществу несёшь.
По десять восемь раз немало.
Но по-земному рассудить:
Похоже – сердце не устало,
Дай БОГ ещё до ста творить.
Будь плодовитым, как и прежде.
Трудоусердием горазд.
Подруги вера и надежда
С тобой в упряжке, Леонард!

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

* * *

«Что ж ты всё о погостах, плетнях да ракитках? –
Говорят мне, – о важном, о главном пиши».
Ну, а я вот опять – о просёлках, дождями размытых,
О прогорклой судьбе земляков из глуши,

О ветрах на подворьях, заброшенных, страшных,
О полях, где ордою встаёт борщевик.
Всё – о русской деревне, а значит, о самом, о важном.
Так же важном, как Русь, как родимый язык.

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

БАЛЛАДА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В музее немцы пировали.
Вином и дымом зал пропах.
И вдруг она в дверном провале
Предстала с яростью в глазах.
Сказала гневно: «Уходите!
У вас ни чести, ни стыда!
Вы дом Тургенева скверните.
Он – гордость мира, господа!»
Рванулись руки к пистолетам.

Но офицер сказал: «Мадам,
Мы в знаменитом доме этом
Хозяйкой быть позволим вам».
Отмыли зал и нарядили,
Опять портреты на стенах.
Отсюда люди выходили
С весенней радостью в глазах.
И бить поклоны не хотели,
И на «господ» смотрели зло.
Вскричал фельдфебель: «В самом деле
Да что же там произошло?»
Вошёл, прочёл и стал угрюмей –
Стреляли строки пуль верней:
«Во дни сомнений и раздумий
О судьбах Родины моей…»
Три дня ту девушку искали.
Была легенда рождена,
Что партизанам на привале
Читала Пушкина она.
И что дорогою отваги
Прошла с винтовкою в руке
И расписалась на рейхстаге
На нашем русском языке.

Память о них жива

АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ

ЖЕНЩИНА РАСЧЁСЫВАЕТ ВОЛОСЫ

Прощание с летом

Лето русское, прости,
Что люблю я больше осень.
Мне по осени нести
Снежность зим и нежность вёсен.

Мне по осени гореть
Околдованно и долго,
Словно клёну на горе
За Окой или за Волгой.

Мне в прохладе золотой
Слушать шорохи и звуки…
Но куда же ты? Постой! –
Я протягиваю руки.

Слышишь, лето, погоди,
Не спеши по бездорожью.
Ночь немая впереди
Пахнет влагою и рожью.

По оврагам бродит жуть,
Дико прячется от солнца…
Хочешь, лето, провожу
Я тебя
до горизонта?

Память

Его друзья вернулись по домам,
Или в земле лежат на веки вечные.
А он ещё шагает по холмам,
Ему ещё глотать туманы млечные.

Никто не скажет – жив или убит,
Ему такая участь в жизни выпала.
А женщина усталая скорбит –
Ещё не всё большое горе выпила.

На голове мерцает седина,
Но нет его, в боях полмира спасшего,
Всё ждёт солдата женщина одна,
Всё ждёт солдата,
Без вести пропавшего.

Качели

Я в детстве любил качели,
Их гордую маяту,
Качели меня качали,
Раскачивая мечту.
Они меня возносили
На синюю высоту
И опускали сильно
В бездонную пустоту,
И снова взлетали размеренно
Над милым мирком двора.
Качались внизу неуверенно
Неколотые дрова…
Качели сулили многое
И, глядя на мой полёт,
Мне
мальчиком тонконогим
Завидовал тополёк.
А я всё взлетал и падал
До замиранья в груди,
Как будто уже над садом,

Над городом –
впереди,
И словно шумели крылья
Над миром полей и берёз…
Но годы шагали и плыли,
А я незаметно подрос.
А сердце моё не в печали.
О давнем оно не скорбит.
Ведь жизнь –
это тоже качели
С путаницей орбит.

Лебеди

…Над лебедою
Лебеди летят,
Над летним лесом
Лебеди белеют.
Что в этом мире
Лебеди хотят,
За что они, свободные,
Болеют?
Внизу –
Земля в рассвете и росе.
Внизу –
Зелёный зов берёз и сосен.
В низинах
На траву туман осел:
А лебедей
Уносит и уносит.

И высота открытая стоит,
Как на ветру –
Тесовые ворота.
Она в себе
Взволнованно таит
Величие спокойного полёта.

А дальше
Просыпается село,
В зевоте
Рты дверей распахивают избы.
Ах, лебеди,
Куда вас понесло!
Сейчас вам стаей
Опуститься вниз бы,
На старый пруд,
Где синяя вода
Ещё ночной прохладой
Сонно дышит,
Где тихо голубеет лебеда.

Но вы летите
Выше,
выше,
выше,
Крылами
Жадно рассекая свет
Над лёгкими,
Как утро, облаками.
И машет вам
Сама Россия вслед
Берёзовыми белыми руками.

* * *

Женщина
Расчёсывает волосы,
В зеркало блескучее глядит.
Света перепутанные полосы
На её волнуются груди.
Отчего же полосы волнуются?
Вся она в стекле отражена,
И стеной закрытая от улицы,
Грудь её почти обнажена…
Тишина.
Ни звука и ни голоса,
В неширокой комнате одна
Влажные расчёсывает волосы
Женщина у белого окна.
Почему же так неосторожно?
Даже занавесок не свела,
Словно так сегодня и положено,
Если красотою расцвела.
И ложатся волосы богатством
На живую обнажённость плеч
Для кого-то золотистым царством,
Для кого-то,
Как по сердцу плеть.
Красоты
Нечаянный свидетель
Отрываю грешные глаза.
Так уходят от соблазна дети
И глядят с надеждою назад.
Но теперь, не сожалея вовсе,
Что тогда в окно не постучал,
По плечам распущенные волосы
Вижу в свете белого луча.
Сквозь метели белые и ливни
Я её поныне узнаю –
Полуобнажённую, без имени,
Незнакомку давнюю свою.
Чья она жена или невеста?

Кто её ласкает по ночам?
Почему глядит во тьму невесело,
Волосы рассыпав по плечам?
А возможно, даже не печалясь,
В той же узкой комнате одна
Синими глазами излучает
Нежность беспокойную она.
Женщина расчёсывает волосы,
Словно пряжу медленно прядёт.
Тишина.
Ни звука и ни голоса.
И никто, наверно, не придёт.

Яблоки

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко…
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
- Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»…
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.

Белое бессмертие берёз

Я был давно.
Ещё я долго буду,
Пока стоит единственная Русь,
Готовая к величию, как к бунту,
Заученная сердцем наизусть.
Я русый пахарь,
Сеятель и воин.
В глазах моих –
Синь неба и воды,
Да бешенно-немая жажда воли
С пророчеством неведомой беды.
По мне идут столетия и бури,
Их боль ложится солью на виски.
Татарами изрубленный в куски,
Я поднимаюсь вновь,
От горя бурый.
Меня чужие дико топчут кони,
И вороны клюют мои глаза,
Но я встаю уверенно-спокойный,
Иных столетий слыша голоса.
Я – Русь.
Встаю и падаю,
И снова
Встаю!
И на губах горит полынь.
Я – Русь. Её начало и основа,
Её полей опора и теплынь.
Я был убит на поле Куликовом,
Но вновь восстал.
И в Бородинский бой
По старым и неписаным законам
Закрыл Россию горькую собой.
Я – Русь.
И отступают вражьи орды.
И так всегда
В пожарах новых гроз
Не гибну я,
А прорастаю гордо,
Как белое бессмертие берёз.

ВЛАДИМИР ПЕРКИН

БЕССМЕРТИЕ

Сижу за столом, за которым
Когда-то сидел и отец.
На стуле сижу, на котором
Когда -то сидел и отец.

Со временем стал я похожий,
Стал сильно похож на отца,
Настолько, что каждый прохожий
Во мне вспоминает отца.

Я в зеркало гляну случайно
И сам удивлюсь, до чего ж
Глазами, губами, плечами –
Во всём на отца я похож!

Отец, подрастает сынишка,
Мой сын подрастает, и что ж –
Листает тетради и книжки –
О, как на меня он похож!

Порою, как будто с размаху,
Ударюсь и дух затаю:
До дрожи сердечной, до страха –
Не я ли мальчишкой стою?

Исполнится силы и света,
Пойдёт в высоту, в синеву
Мой сын ясноглазый, и это
Бессмертием я назову.

Родство

Алексею Шитикову

Глубиною, печалинкой глаз
Ты отраду в душе моей сеешь.
Ах, как судьбы похожи у нас,
Дорогой Алексей Федосеич!

О себе говоришь – узнаю
Я себя, это я же, Алёша,
С детских лет трудовую свою
Нёс дорогою жизненной ношу.

Я не хныкал – не смей, не моги,
Ведь такого у нас не водилось, -

Что на детские плечи мои
Столько взрослых забот навалилось.

И не я ли душой обмирал,
Когда мама моя молодою
Запевала, и голос мерцал,
Точно ниткою был золотою.

Ну, а что на Урале я рос,
А на Курщине ты – всё едино.
Там и там свет один у берёз –
Как у мамы России седины.

Весна

А в воздухе весна.
А в воздухе любовь.
Клокочет у виска
Встревоженная кровь.

И хочется в поля,
Туда, за горизонт,
Где слышно, как земля,
Вращаясь, нас везёт.

И – кругом голова,
И – ожил старый дуб,
И лучшие слова
Слететь боятся с губ.

Совесть

Звезда упала, шорохом задета,
Летит, сверкая, в бездне голубой.
За всё платить
должны мы в жизни этой
Призванием,
характером,
судьбой.
Вчера ты, скажем, был не в лучшем виде
И словом, точно топором, рубил,
Кого-то нежелаючи обидел,
Кого-то ненароком оскорбил.

А нынче вот бесчестному поступку
Потрафил: это всё, мол, трын – трава,
Но совесть даже малую уступку
Нам не прощает, тем-то и жива.

Она отплатит поздно или рано
Огнём, который душу опалит,

За нанесённую тобой кому-то рану,
Пусть рана та уже и не болит.

Ответ критику

– Открытья нет, – твердит мне критик строгий, -
Во всех стихах должна быть новизна.
А тут вот нет, и, стало быть, в итоге
Поэзия такая не нужна.

Наверно, я и впрямь набедокурил –
Пора признаться мне в моих грехах, -
Что, как мальчишка, радуюсь лазури,
О чём уж столько писано в стихах!

Что нежности – увы, не новы, и в этом…
Всегда я полон к травам и цветам
И что печалюсь материнским летам
Куда сильней, чем собственным летам.

Ах, критик милый, строгостью не мучай,
Готов принять удары стрел твоих,
Но согласись и ты, что небо в тучах
Гораздо чаще, нежели без них.

А разноцветье трав, а дали, шири,
А мать, что провожает сыновей…
Согласен, ничего старей нет в мире
И, согласись, нет ничего новей.

Сердце поэта

На протянутых миру ладонях
Сердце вынес поэт молодое.
О, как к людям оно торопилось,
Трепетало, горело и билось!
Но летели в него, как каменья,
То хула,
то хвала,
то презренье.
И умолкло оно безутешно,
А народ разошёлся поспешно.
Ночь настала, и всё замолчало,
Слышно было, как только стучало,
Как стучало одно до рассвета
Беззащитное сердце поэта.

АЛЕКСЕЙ ПАХОМОВ

ПОБЕДИТЕЛЬ

На Синявинских кручах

На Синявинских кручах
Уж давно тишина.
Бродят мирные тучи,
Тихо светит луна.

Чуть заметны окопы,
След воронок и рвов.
Всё болотные топи
Под зелёным ковром.

Там вон лес подрастает,
Тут бушует лоза…
Память книгу листает,
Возвращает назад.

Много вижу растений,
Больше – павших солдат.
Их безмолвные тени
Вечно рядом лежат.

Медальоны

Медальончик солдатский я тоже носил
И страничку его не спешил заполнять…
– Огради меня, господи! – часто просил.
Когда тучи смертей окружали меня.

Вы от имени павших ведёте рассказ
И стараетесь мысли солдат угадать.
Это нужно особенно делать сейчас:
В нашей памяти – боль и живая вода.

Миллионы потерь… Как их все сосчитать?
Все погибшие только умеют молчать…
И пропавшие без вести – павшим чета,
Но на каждом из них – подозрений печать.

А любой ветеран что – то может сказать
Даже если он свой потерял медальон:
Ведь он помнит, как смерти глядели в глаза,
Как редел под огнём и его батальон.

Торопитесь! Уходят из жизни они
И, как павшие те, их друзья, замолчат…
Торопитесь узнать (их сосчитаны дни)
Всё, о чём ветерановы раны кричат.

Поварёнок

В. П. Барановской

Пропахший гарью и живой могилой,
Приедешь с передовой, уткнёшься спать.
И вдруг сквозь сон: « Ах, сыроежка милый,
Подвинься, ну!» – и вклинилась опять.

Нормально всё, и снится сон хороший…
Проснёшься – а её давно уж нет.
Сосед баском: «А где ж она, Алёша?» -
«На кухне, где ж,» – товарищу в ответ.

Мы берегли блокадную сестрёнку
И все улыбки отдавали ей.
В ответ летело: «Взрослые ребёнки,
Обед горячий получать скорей!»

В ушанке, ватных брюках, сапогах,
Огромными глазами меря дали,
Шла с нами всюду, на одних правах.
И, кажется, мы лучше воевали.

Обелиски

С. С. Куприну

Где теперь на маленькой высотке
Обелиски смотрят в синеву,
Жизнь была до ужаса короткой,
Смерть людей косила, как траву.

Обелиски,
Наши обелиски…
Нелегко стоять и вспоминать.
Павших братьев мраморные списки
Не могу без слёз перечитать.

Здесь мои друзья – однополчане
Навсегда – навеки улеглись…
Мы в минуты
Скорбного молчагья
Жить за них достойно
Поклялись.

Психическая атака

Такого наглого парада
Никто из нас не ожидал.
Свинец – дождём, осколки – градом
И огненный за валом вал.

Я перешагивал убитых,
Где только что кипел парад,
Через простых и знаменитых,
С наградами и без наград.

Такое чувство, что фашисты
Бросали цепи на убой…
День умирал – тревожный, мглистый,
До тошноты пороховой.

Лосёнок

Ты посмотри: перед машиной
Стоит лосёнок на шоссе…
Водитель вышел из кабины,
Его завидуя красе.

Как на ребёнка, со слезами
Гляжу на чудо из чудес.
Его умильными глазами
На нас глядит осенний лес.

ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ

ВЫСОТА БЕЗЫМЯННАЯ

Повесть

Третий день гремит канонада над Безымянной. По-прежнему она недосягаема, по-прежнему над ней клубятся пыль и дым. Я вновь в своём взводе. Разведывать нам нечего – вот-вот фашисты оставят высоту. Их уже теснят слева и справа... Полк медленно – за метром метр – продвигается вперёд.

В нагрудном кармане моей гимнастерки лежит тёмно-коричневая книжка. Над фотокарточкой – алые цифры: 6346139. Разбуди меня ночью – и я наизусть скажу этот номер.

Уфимцев добился своего – Ларисе приказано покинуть батальон. Она теперь в санчасти полка. Я видел её лишь мельком.

Кронин почти не выходит из блиндажа КП. Неужели он обладает тем, что называется шестым чувством? Несмотря на моё желание, я не могу поговорить с ним наедине. Не появлялся он и в батальоне Уфимцева.

Батурин стал несколько навязчивым – я всегда слышу за собой его твёрдые шаги.

Берёзка получил лёгкую царапину и страшно доволен. Каждый день он отправляется в санчасть на перевязку и возвращается оттуда с сияющими глазами. Я знаю причину радости Берёзки – это Лариса.

Чёрт возьми, что в ней такого, отчего к ней так все тянутся?

Сейчас мы расположены в надёжном глубоком блиндаже, в шутку названном «Асторией». Сюда к ночи собираются все, кто не имеет постоянного пристанища на передовой – офицеры связи, артиллеристы-наблюдатели, интенданты...

Здесь и встретил я Кронина.

Он дремал над столом, сняв каску и уронив голову на скрещенные руки. Блиндаж был пустынен. Впервые увидел я, что капитан небрит и устал.

– Здравствуй, Дружина! – сказал он, очнувшись и протягивая мне руку.

Я спрятал руки назад и кивнул.

Я смотрел на него и представлял, как он будет выкручиваться.

– Вот что, – сказал я, – мне непонятно, почему капитан Кронин так трогательно заботился о взаимоотношениях между мной и военфельдшером Пановой. Мне непонятно, при каких обстоятельствах комбат Уфимцев оказался трусом. Мне также непонятно, почему в сражении под Ельней офицер связи лейтенант Кронин не передал роте прикрытия боевой приказ. Может быть, расшифруете, товарищ капитан?

С лица Кронина исчезла усмешка.

– Так... – Кронин расстегнул воротничок гимнастерки. – Так... Вопросы заданы... Что ж, час назад я уже отвечал на них. Точнее – на два последних вопроса. Младший лейтенант, виноват, уже лейтенант Дружина, может осведомиться насчёт ответов у парторга Кожина. Но вопросы заданы вновь и... Начну с первого. Знаете ли, лейтенант Дружина, вы мне просто понравились. Пришлись по душе, как говорится. Это иногда бывает. Есть в вас качества, располагающие к вам. Далее. Особа, известная вам, однажды выразила желание поближе познакомиться с разведчиком Дружиной. Поскольку желание женщины – закон, я это сделал. – Кронин вдруг оттолкнул каску в сторону.– Вся беда в том, что я встретил её. Роковая женщина – это звучит более чем банально, но иначе я её не назвал бы. Именно такой Лариса оказалась для меня. Чего бы я не сделал ради неё! И делал. Но всё было напрасно. Она ждала Уфимцева. И я – будем называть вещи своими именами – я сделал Костю трусом. Подлость? Да. Но кто бы мог думать, что пропавшие без вести воскресают?

Я поднялся, но Кронин мотнул головой.

– Сиди! Слушай до конца, завтра говорить не придётся. Так вот, я солгал Ларисе, я думал, что она не уйдёт от меня. Я убедил её в истине своих слов настолько, что, когда вдруг в полк возвратился Уфимцев, между ними всё было кончено. Но... и я оставался на том же расстоянии от Ларисы. Друг, Яго... И вот тогда появился Дружина. Я познакомил вас. Почему? Чтобы... да не все ли равно? И вот ещё раз просчитался. – Кронин желчно рассмеялся, и вдруг горькая складка перерезала его лоб. Новые, искренние нотки зазвучали в его голосе.

– С Иваном у меня неладно, с Уфимцевым, с тобой... Добавить к этому Ельню, где я единственный раз в жизни не выполнил приказ... Векселя получились просроченными, и теперь их надо оплачивать. – Кронин медленно застегнул воротничок и надел каску.

– Завтра я расплачусь за всё. – Он замолчал и, круто повернувшись, вышел.

Так вот он каков, капитан Кронин! Теперь мне многое стало понятным. Ну что ж, завтра мы наступаем. У моряков есть обычай – перед боем, сулящим гибель, они надевают чистые тельняшки. Не так ли поступил и капитан?

По порожкам загромыхали сапоги, и в блиндаже появился Ратманов в сопровождении Берёзки и Батурина.

– Поздравляю, Дружина, дай лапу! Меняй погоны, ты теперь лейтенант. Растёшь, брат! – Ратманов потряс мою руку. – Самолично приказ о твоем производстве видел у Суганьяка. Да что ты такой хмурый?– удивился он.

Я пожал плечами. Ну о чём бы я ему сказал? Завтра бой, и не следует мешать солдату воевать. Кто знает, кто завтра уйдёт из жизни и кто останется? Я забрался на нары и закрыл глаза.

Опять гремели пушки, танки, грохотали авиабомбы, вздыбливавшие опалённую землю. Грохотало и визжало железо, раздирая розовый воздух, грохотало само небо...

Полк обтекал Безымянную с двух сторон. Она ещё яростно огрызалась, выплескивая языки пламени в атакующие роты. Ещё скрещивались синие и красные трассы пулемётных струй, с треском лопались мины, расшвыривая лохмотья гимнастёрок, оружие и то, что секунду назад называлось людьми. Ещё на рваные сети ржавой колючки грудью налетали атакующие и замирали, вцепившись последним усилием пальцев в жесткую траву. Но судьба Безымянной уже была решена.

Батальон Уфимцева штурмовал высоту в лоб. Его роты теснили обороняющихся. Мы вскарабкались в нашу старую траншею. И там, где когда-то была Промежуточная, вновь расположился наш узел связи.

В одиннадцать часов тридцать минут взлетела красная ракета – сигнал решительного штурма. По этому сигналу наш взвод – последний резерв полка – поднялся на Безымянную, поддерживая пехотинцев Уфимцева.

Только теперь я оценил эту, ничем особым не приметную высоту. С её плоской вершины мы отчетливо видели и движение пехотных колонн, и сосредоточение танковых и артиллерийских подразделений противника. Даже немцы, судя по захваченным документам, называли эту высоту Шлиссель, что значит ключ. Потеснённые с флангов фашисты не хотели отдавать Безымянную. Два батальона гренадёров вцепились в западную часть высоты и упорно отражали атаки Уфимцева. К полудню они даже контратаковали, и комбат запросил срочной помощи. Туда, где вскипали рукопашные схватки, ушел с полувзводом Ратманов.

Мы заняли блиндаж, где на стене, рядом с нахальными безгрудыми красавицами в неглиже, висел портрет Гитлера. В блиндаже стоял противный, тяжёлый запах – запах врага.

Батурин дотянулся до портрета фюрера и сорвал его.

– Мерзкая рожа! Эти шлюхи и то приятнее, хотя порода-то одна!

Вездесущий артиллерист Колобашкин гмыкнул и пинком выбросил портрет из блиндажа.

Кто-то ворвался в блиндаж и заорал:

– Артиллерист где тут? К капитану, срочно!

Колобашкин, а вслед за ним связист, выскочили из блиндажа.

– Опять в контратаку поднялись, гады. Ошалели!– Батурин покачал головой и подал мне бутылку. – Шнапс, да?

Я понюхал бутылку. Да ведь это героин!

– Знаешь, Батурин, отчего они такие храбрые? Героинчиком их поили. Вот они и держатся на нём.

Батурин нюхнул и сплюнул:

– Клопомор. Вот ведь что...– Он не договорил. Пожилой солдат, вошедший в блиндаж, оборвал его:

– Разведчики, ребят своих заберите.

Мы выскочили наверх.

У входа, на подстеленной окровавленной плащ-палатке лежали два наших бойца и Ратманов. Санитар, присевший на корточки, кивнул:

– Вот, троих сразу «ванюша» положил. Офицер ещё жив был, да пока несли – кончился...

Что-то оборвалось во мне. Я не верил глазам. Ратманов убит?.. Это невозможно!

Осколок пробил висок Ратманову. Ранка казалась пустячной – легкой ссадиной с запёкшейся сверху кровяной корочкой.

– Как лежали трое в воронке, так и не поднялись. Храбрый мужик был офицер-то, – продолжал говорить санитар. – Мы его в деле видели. Комбат, когда узнал, аж почернел. Артиллериста вызвал, чтобы, значит, по «ванюше» дать...

Батурин молча снял пилотку и положил руку на моё плечо. Горло вдруг перехватил спазм, и я задохнулся, ничего более не слыша. Рядом с траншеей упали мины, чем-то ударило меня в плечо, но я продолжал стоять, забыв обо всём.

– Лейтенант, начальник идёт!

По траншее к нам приблизился капитан Кронин. Он, видимо, уже слышал о смерти Ратманова и шёл, словно нес на плечах тяжёлый груз.

– Иван... Ваня, как же ты, а? – Голос Кронина перешёл в шёпот. Затем он рванул ремешок каски, и она со звоном упала у ног. С минуту Кронин стоял, чуть покачиваясь и шевеля губами. Потом повернулся ко мне.

– Так мы и не поговорили... Эх, Иван!..

Капитан наклонился и поднял каску.

– Дружина! Остаёшься с полувзводом в распоряжении капитана Суганьяка. Я иду к Уфимцеву. – Он вытащил пистолет и, сгорбившись, зашагал назад по траншее.

Так из моей жизни ушёл ещё один человек, с которым свела меня солдатская судьба.

Я наклонился и поцеловал Ратманова в ещё теплые губы. Кто-то – кажется, Берёзка – отвел меня в сторону. Словно сквозь мутное стекло, я видел, как сначала унесли солдат, а затем подняли тело старшего лейтенанта.

Я безучастно стоял до тех пор, пока его не положили в глубокую воронку. Тогда я очнулся. В моих руках очутилась лопатка. Я опустился на колени и не поднимался с земли, пока над Ратмановым не вырос холмик.

Батурин помог мне подняться и, пряча лицо, сказал коротко:

– Всё...

Всё... Почему? Как это – всё?

Разрывы мин осыпали нас пылью. С трудом пересилив оцепенение, я приказал всем уйти в укрытия. Но кто-то упрямо продолжал стоять над могилой. Я хотел было прикрикнуть – и осёкся. Это была Тоня. Ах, Иван, Иван!

В блиндаж пришёл Уфимцев. Резкие черты лица заострились, под глазами синева. Прислонясь к стене, он опустил голову и прикрыл глаза ладонью.

Неужели и ему придёт черёд?

Я вспомнил Ларису. Где ты, Лара, и увидимся ли мы завтра? Просто так, как друзья, как солдаты. Иначе нам нельзя. Мы просто вспомним – и забудем то, что так мешает воевать. Солдатское дело многотрудно. Зачем же делать его ещё трудней? Ведь я понял Уфимцева. Сейчас нужно драться. Это главное. Драться за всех, кто не вернётся, кто ждёт и не дождётся маленьких треугольников со штемпелем полевой почты.

Через четверть часа после того, как я оставил нашу «Асторию», в неё упала бомба. Она вышвырнула пятерых – врача, трёх санитаров и медсестру перевязочного пункта.

Медсестрой была Лариса.

По-прежнему часто вздрагивает Безымянная. Чёрные тени лежат в развороченных траншеях и воронках. Густобагровый свет льётся потоками с западного края неба. Или там где-то горит подожжённая земля?

Я смотрю на Уфимцева, на его чёрный профиль с выдающимся подбородком и орлиным носом. Когда я пришёл к нему с недоброй вестью, комбат не произнёс

ни слова. Большие, сильные руки его вцепились в поясной ремень и, казалось, одеревенели.

Я тоже замолчал, ибо слов больше не было. О чём говорить!.. Утешать? Кого?!... Будь ты трижды проклята, война!

Снаряды рвутся на Безымянной. Они вспахали всё, что можно было вспахать, сожгли все, что могло гореть, убили всё, что могло жить... Всё? Нет! Мы ещё живые, мы ещё дерёмся и будем драться. Мы – это Уфимцев, я и те, кто лежит в окопах, обжигая руки о накалившееся оружие. Нас немного и с каждым всплеском огня становится всё меньше и меньше. Ну, что ж, всё равно нас не выковырнуть с этого изодранного клока русской земли. Мы останемся на ней – живыми или мёртвыми.

Впереди, за бруствером, лежат другие холмы, другие высоты. Другие люди будут их штурмовать, такие же Уфимцевы, Ларисы, Батурины и Ратмановы. И что бы там ни случилось – они будут снова наши, эти высоты.

– Крепче держись, Дружина. Может быть, медицина и отобьёт Ларису. Она сильная, выносливая. – Это говорит Уфимцев. Я поворачиваюсь в недоумении. Что он сказал? Отобьёт... Так, значит...

Сквозь гул выстрелов я слышу голос комбата:

– Ранение и контузия, конечно, тяжёлые. Но надо надеяться. Она крепкая, – вновь повторяет Уфимцев. И я вскакиваю на ноги. Значит, она жива!

– Жива! – кричу я и вскидываю автомат. – Жива!– ору я, нажимая на спуск и целясь в чёрные фигуры, бегущие к траншее. Жива! – Рвутся наши гранаты. Жива!– Подхватывают наши пушки за высотой...

– За Родину, ура-а!..

Мы трижды поднимались в атаку и на третий раз вышвырнули их из предпоследней траншеи. И на этот раз нам помогли пушки Колобашкина. Когда это произошло, в низине уже был вечер. А у нас ещё умирал день. Высота, казалось, освещалась изнутри, и немецкие артиллеристы продолжали долбить Безымянную.

Мы не знали, что происходит позади нас, справа и слева. Мы смотрели только вперёд. Там, за горбами и складками перевёрнутой земли, лежала последняя траншея, а в ней сидел враг. Он готовился к новой контратаке. Там – десятки наших мёртвых друзей... И среди них – Кронин.

Да, Кронин остался на том же рубеже, где пал Ратманов. Он шёл впереди атакующих солдат Уфимцева и умер как солдат.

Уфимцев смотрит на часы и небо. Когда же наступит ночь? Я вижу, как сбитые руки комбата подтягивают тренчик каски. Я понимаю намерение капитана и утвердительно киваю.

– Сейчас мы их атакуем, – говорит Уфимцев. – И больше они не полезут. Главное – достать их, ворваться в траншею.

Я взвожу затвор автомата и, стараясь не потревожить левое плечо, в котором сидит осколок, шагаю за капитаном. Однако он останавливает меня властным движением руки.

– Сколько у тебя людей? Восемь? Оставайся здесь.

Когда надо будет – дам знать. И вот что: отправь связного на КП с сообщением – Уфимцев пошел в атаку. Всё!

Я зову Берёзку и передаю ему приказание комбата. Берёзка волнуется. Неужто он не желает вырваться из этого пекла? Берёзка стоит и пытается что-то сказать. Я его резко обрываю:

– Выполняйте приказ!

Берёзка подхватывает автомат и, пригнувшись, выбегает из укрытия. Комбат дозарядил пистолет и сунул в карман гранаты. Уже выходя, он берёт из рук Ковшовой флягу и в несколько глотков опустошает её.

– Жжёт! Всё горит. Ну, пошли?

Я дёргаю Батурина и шепчу ему:

– За комбатом... Ясно?

Батурин понимающе кивает и выскакивает наружу. И здесь я замечаю, что ураганный огонь утих. Значит, Уфимцев рассчитал точно. Во время этой паузы наши успеют подойти к траншее и...

– Товарищ лейтенант, это вам, наверно? – В дверь протиснулся белобрысенький ефрейтор Паншин – один из новеньких, тех, кто уцелел от нашего взвода. Он протянул мне туго набитую полевую сумку.

Я узнал её сразу – сумка парторга Кожина.

– Где?

– Там, в конце траншеи... Осколком... Вот я и взял.

Я отстегнул крышку. Сверху, над пачкой партийных билетов, лежал листок из блокнота, наспех надписанный карандашом: «В случае моей смерти передать старшему командиру. Партбилетов – 28, кандидатских карточек – 17. Ведомостей заполненных – 9, чистых – 5. Парторг полка Кожин».

Паншин расстегнул нагрудный карман и подал аккуратно обёрнутый целлофаном партбилет.

– Это – его...

Я положил партбилет сверху – двадцать девятый по счёту.

Кожин не вписал лишь одной цифры – количества бумажных клочков, исписанных вкось и вкривь различными почерками. Это – заявления. Вот одно из них: «Вступая в решительное сражение с фашистскими бандитами, я прошу принять меня в ряды большевиков. Клянусь: буду драться, как коммунист. Сержант В. Берёзка».

А это что? Знакомый округлый почерк – почерк Ларисы... Вот ты что делаешь, высота Безымянная! Сколько же ступивших на твою землю стали коммунистами!.. Да какая ты Безымянная?.. Коммунистическая!

Я вновь застегнул сумку и перекинул её через плечо. Оттуда, куда ушёл Уфимцев, донеслись дробь выстрелов и разрывы гранат. Итак, они у траншеи!

Я собрал людей. Мне нечего было объяснять. Бойцы вставляли запалы в гранаты. Последний багровый луч угас. Наконец-то! Теперь бинокли немецких артнабов станут слепыми.

А впереди всё стихло. Я ждал, вглядываясь в дымящийся мрак. Вот-вот из него вынырнет фигура Батурина... На его плечах будет лежать тяжёлое тело комбата...

Мне показалось, что я начал галлюцинировать – я впрямь увидел Батурина. Я привстал. Да, это был он. Сержант торжествующе закричал:

– Лейтенант!.. Вперёд, братцы! – И по тому, как звучал его голос во внезапно наступившей тишине, я понял – высота Безымянная стала нашей. Нашей!

ЕВГЕНИЙ ГОРБОВ

КОМЕНДАНТ ЗЕЛЁНОГО ПЕРЕУЛКА

Из рассказа

Ночью стало известно, что к городу подходят гитлеровцы, и горожане с рассветом начали торопливо покидать свои дома.

Они уходили целыми семьями, обвешанные сумками и узлами, гоня перед собою домашний скот. Было тихое нежаркое утро с круглыми облачками и лиловыми полосками дождя у горизонта. Город, когда на него смотрели издали, казался удивительно спокойным и благополучным, его сады весело зеленели. По обе стороны полевой дороги мелькали задумчивые ромашки, клевер, дикий горошек, нескошенные травы одуряюще пахли. Люди останавливались у края дороги, садились, слушая, как далеко-далеко, на железнодорожном узле, едва различимо гудят тревожные гудки и хлопают зенитки, затем вставали и шли дальше. Дорога на протяжении десяти километров превратилась в пёструю шевелящуюся ленту. Плакали дети, блеяли козы; вялый ветер временами задирал тяжёлую бурую пыль и тотчас затихал.

Людей было так много, что пока задние выбирались из крайних переулков слободы, передние уже миновали попутную деревушку и затерялись где-то среди однообразных холмов.

Фашисты в город не вошли — их отбросили назад. Но в городе каждый день было по нескольку воздушных тревог, и весь он — изрытый, развороченный — выглядел так странно и одичало, что горожане не спешили возвращаться обратно. Они остановились в соседнем районе и разбрелись по его селам и деревням.

Опустевшие улицы и площади жили почти фантастической жизнью. В некоторых кварталах осталось не больше чем по пяти человек. Тротуары, по которым никто не ходил, зарастали мелкой травой. Под окнами лежали кучи битого стекла, и некому было их убрать. Прохожие, если они встречались на безлюдной улице, внимательно осматривали друг друга и, уже разойдясь, по нескольку раз оглядывались назад. В городе оставалось немало работников милиции, горкома партии, горсовета, но их как-то не было заметно. Если где-нибудь на мёртвой, залитой солнцем улице среди развалин медленно двигался человек в форменной гимнастёрке, в сапогах и с кобурой у пояса — его появление казалось таким же неправдоподобным, как все эти сплюснутые, без крыш дома, распахнутые двери и окна без стёкол. Только одна природа жила по-прежнему. Стояли чудесные дни — перепархивали лёгкие дожди, облака блестели, как серебро, и сады гнулись под тяжестью густой, свежей листвы,

Больше всего опустел городской квартал, носивший название Зелёного переулка. Он был довольно велик — четырнадцать домов, и в нём осталась только одна старуха. Эту старуху звали Павлихой. Её сын был на фронте, а вдовая дочь с двумя детьми ушла из города сразу после бомбежки. Дочь звала с собой Павлиху, но несговорчивая старуха, покачав головой, объявила, что ей идти некуда и незачем, и никуда не пошла.

Павлихе перевалило за шестьдесят. Это была высокая женщина с сухим бронзовым лицом, похожая на индианку. Она отличалась хмурым, необщительным характером и обычно весь день молча возилась около печки. В свободное время она выходила за ворота стеречь кур и поросенка. Это было её любимое занятие. Павлиха сидела на траве, вытянув жилистые ноги, напустив на лоб чёрный с белыми горошинками платок, и что-то древнее было в её суровой, прямой фигуре. Внучата

кувыркались на траве — старуха глядела на них, не разжимая губ, и лишь изредка шевелила острым подбородком. О чём она думала в эти минуты? Скорее всего ни о чём: её время проходило в бездумносозерцательном оцепенении. Но стоило кому-либо из ребят, своих или чужих, вспугнуть петуха, обидеть поросёнка — Павлиха вскакивала на ноги и, схватив виновного, жёсткой рукой отвешивала ему несколько шлепков. После этого она молча возвращалась на своё место и, не обращая внимания на ребячий плач, снова погружалась в оцепенение. Дети и взрослые жители переулка не любили старуху.

В первые месяцы войны в переулке появилась новая обитательница — беженка с Украины — молодая женщина с трёхлетней девочкой. Она поселилась в домике, стоявшем рядом с Павлихиным жильем.

Это было нервное, подвижное существо с быстрыми чёрными глазами и порывистыми движениями. Украинка каждую свободную минуту проводила в болтовне с соседками. Смеясь и всхлипывая, она рассказывала им о своём муже — лейтенанте, о родной станице, о том, что там "о-о-т яки вишни"; её голос был певуч, речь стремительна, и, рассказывая, она одновременно поправляла выбившиеся из-под платка волосы, сбрасывала слезинку и крепко встряхивала на руках свою хныкающую дочь. Павлиха с первых дней почувствовала к новой соседке глухую неприязнь. Украинка тоже, видимо, недолюбливала старуху, — это чувствовалось по её косым взглядам исподлобья. Вскоре пришла и настоящая ссора. Однажды украинка, увлёкшись разговорами, спустила свою дочь с рук, и девочка погналась за Павлихиными курами. На её пути сразу появилась Павлиха. Старуха по привычке вытянула костлявую руку, но украинка, прянув вперёд, стала перед ней, взволнованная и растрёпанная.

— Не смеешь бить дитю! — крикнула она, хватая Павлиху за руку. — Вот, говорю, не смеешь!

Старуха молча смотрела на неё бесцветными глазами.

— Бей своих! — кричала украинка. — Ты имеешь право бить? Чьё это дитё? Где отец? Ты подумала, где её отец? Может, нет его теперь, может, лежит он, порубанный, и не видят его глазыньки билого свита. Ты что?.. А ты была под пулями, а ты слыхала, как бомбы свистят?.. Шепчешь всё... Богу молишься... На травке сидишь...

Она кричала, кричала, сбиваясь на родной говор, и рвалась вперёд и дёргала себя за ворот. Её косы распустились, на губах пузырилась слюна. Старуха смотрела на неё высокомерно, сверху вниз, словно видела перед собой облачко пыли, поднятое вздорным ветром.

— Ты следи за девчонкой, — сказала она. — Нельзя баловать.

Украинка с силой дёрнула дочь за руку.

— А вот не смеешь! Не будет по-твоему! Плохо тебе — уйди... Молись Богу...

Павлиха повернулась к ней спиной. Отходя, она сказала только одно слово. В этом слове слилось все её презрение к этой скороговорке, непонятной взволнованности и всей чуждой манере украинки:

— Сорока!

И вот теперь не стало ни украинки, ни её дочери; весь переулок опустел, и Павлиха осталась его единственной обитательницей.

Проводив дочь, она долго сидела перед столом, задумчиво выковыривая из его трещин хлебные крошки. Где-то жужжала муха, тень оконной рамы медленно передвигалась по столу. Павлиха машинально убрала грязную посуду и опустила руки: что делать дальше? Ничего не надумав, она вышла на улицу. Солнце стояло на полдне, было жарко и тихо. Все окна в переулке были прикрыты ставнями или забиты листьями железа. На углу, где упала бомба, громоздилась куча обгорелых брёвен и досок, среди них виднелась придавленная утварь — комод,

кровать с периной, смятые ведра. Откуда-то вывернулась тощая собака, волокущая огромную кость с клочьями свежего мяса. Павлиха цыкнула на неё, и собака шмыгнула за угол. Старуха посмотрела ей вслед: откуда же кость? Ага, у хозяина разбомбленного дома на дворе часто стояла лошадь. Павлиха подошла к развалинам, набрала мелких дощечек и поплелась обратно. Дома она очистила несколько картофелин, сварила похлёбку и, поевши, снова принялась выковыривать из стола хлебные крошки.

Перед вечером Павлиха вышла за калитку и села на траву. Тихо-тихо было в переулке — ни ребятишек, ни кур, ни поросёнка. Старуха просидела в окаменении два или три часа. Когда солнце стало прятаться за крыши, она вернулась домой и легла на сундук. Но ей не спалось. Ночью была страшная духота, сверкали зарницы, глухо прокатывался гром. Перед рассветом началась воздушная тревога. На станции тоскливо выли паровозы, люто били зенитки. Старуха из дома не пошла. Она сидела на сундуке и упорно смотрела на светлеющее небо. Когда кончилась тревога и совсем рассвело, она ещё раз сходила к развалинам и набрала в подол новый запас дощечек и щепок.

Так прошло несколько дней. Переулок всё ещё пустовал. Жара усиливалась — она наполняла воздух вязкой, давящей тяжестью. Павлиха ещё более высохла и загорела, её бронзовое лицо стало коричневым, как глина. Старуха постепенно привыкла к тишине и одиночеству. Она ежедневно варила свою похлёбку, сидела возле калитки или ходила к развалинам за дровами. Её тусклые, ушедшие внутрь глаза медленно скользили по знакомым домам, заборам, воротам, а подбородок слегка шевелился. За последнее время старуха привыкла бормотать себе под нос. Казалось, что она молится. Но вряд ли это была молитва: Павлиха мало думала о Боге и о божественном и всегда довольствовалась несколькими торопливыми, почти машинальными крестиками, которыми она обмахивала себя рано утром и по вечерам. Скорее всего, она бормотала о том, что видела вокруг себя, — о заброшенных домах, о покинутом, погибающем добре. Однажды, подойдя к разбитому дому, она увидела, что из перины, зажатой между рухнувшими бревнами, лезут мелкие перья. Лицо старухи жалостно сморщилось, она покачала головой и негромко, скрипуче произнесла:

— Вот горе-то, какое горе!

Раз в два-три дня приходилось ходить за водой. Колонки не работали, и старуха спускалась к ручью, который протекал в конце переулка. Здесь бил светлый родничок, окруженный высокими и острыми травами. Старуха наполняла ведро и стояла некоторое время, щурясь на солнечные блестки, слушая, как лепечет спокойная вода. Как-то раз, стоя у ручья, она заметила какой-то странный предмет, лежавший в траве. Она нагнулась, посмотрела. Это была маленькая куколка, глиняный человечек, одетый в пёстрые лоскутья. Старуха сразу узнала куколку. Этой игрушкой забавлялась дочь украинки. Наверное, она ходила вместе с матерью к ручью и забыла здесь свою забаву. Старуха хотела было поднять куклу, но раздумала и выпрямилась, поджав губы. “Что мне до чужого дела”, — подумала она сердито.

Подняв ведро, Павлиха пошла прочь от ручья. Вернувшись домой, она всё время думала о куколке. Девчонка всегда возилась с этой игрушкой. Бывало, возьмёт её на руки, закутает в тряпочки и начнёт качать. Качает и тянет: “а-а-а, а — а — а!” Лицо у девчонки круглое, глаза чёрные и лукавые, она косится на мать и точно спрашивает: видишь, как я тебя передразниваю? Мать заметит это, сперва нахмурится, а потом обхватит дочь и повалится вместе с нею на траву. Валяются, хохочут. Вдруг вскочит украинка, посадит девочку на колени и начнёт приговаривать: “Галя ты, моя Г алюся, глупая Галинка, одни мы с тобой на свете, нет нашего папки.

Ну, погоди, вот кончится война, вернётся папа". Девочка притихнет, обнимет мать за шею. "Когда вернётся папа?" Так сидят они, качают друг дружку, то всплакнут, то засмеются, а у их ног валяется забытый куклёнок.

"Господи, твоя воля..." — вздыхала старуха. Странные, беспокойные мысли приходили ей в голову — мысли об украинке, о её маленькой дочке. Вздорная эта украинка, чистая сорока, но зато и досталось ей — дальше некуда. Всем теперь достаётся — и вздорным, и толковым, и плохим, и хорошим. Бог с ней, с украинкой! Вот девчонка-то, девчонка за что мается? Где теперь она странствует, по каким местам? Небось, хватилась своего куклёнка, плачет, глупая...

Старуха побрела к ручью и подняла куклу. С недоумением посмотрела она на игрушку. Что с нею делать? Видно, надо куда-то спрятать, чтобы не нашли чужие люди. Пусть порадуется девчонка, если вернётся. Старуха медленно прошла мимо домика, в котором жила украинка, посмотрела на калитку. Нет, здесь класть нельзя, могут унести. Подобрав юбки, она перебралась через расщеплённый забор и очутилась на соседском дворе. Возле порога росли густые лопухи. Старуха сунула куколку под самый большой лопух и уж собралась уходить, как вдруг случайно взглянула на дверь. Перекладина, прибитая поперёк двери, отстала с одной стороны и едва висела на ржавых, погнутых гвоздях. Верно, прибивали её второпях, неумелыми руками, а когда прибили, то не попробовали — держится ли. Старуха неодобрительно шевельнула подбородком. Чудаки хозяева! А если придёт недобрый человек? Он не спросит, кто здесь живёт, — очистит дом до последней нитки. Старуха пожевала губами, подумала: "Что мне до чужого дела", — и, не оглядываясь, пошла восвояси.

Приближалось время обеда. Старуха очистила одну картофелину, взялась за другую и вдруг положила нож. Медлительно, точно раздумывая над каждым своим движением, она сняла с полки молоток и вышла из дома. Подойдя к разрушенному зданию, она повозилась в мусоре и выбрала несколько больших, крепких гвоздей. После этого она направилась к жилью украинки. Она поправила перекладину и принялась прибивать отставший конец. Руки её были достаточно крепки, сноровки хватало. Закончив свою работу, Павлиха потянула за перекладину. Нет, не отскочит. Старуха внимательно осмотрела дверь и побрела обратно.

После обеда Павлиха вздумала подремать. Но ей не спалось. Она поворочалась с боку на бок на сундуке. Нудно жужжала муха, капало из подтекавшего ведра. Старуха подумала несколько минут, взяла молоток, оставшиеся гвозди и вышла на улицу. Она неторопливо шла по переулку, осматривала двери и окна, трогала ставни. В одном месте отставал плохо прибитый железный лист, в другом приоткрылась ставня, в третьем упала подворотня. Старуха останавливалась и устраняла все эти непорядки. В конце переулка ей встретилась незамкнутая калитка. Павлиха вошла во двор. На тропинке, ведущей к дому, валялись разбросанные вещи — чья-то майка, носки, детский башмак. Как видно, хозяева обронили их, торопясь уйти из города. Старуха собрала вещи и спрятала их под деревянный порог.

Обойдя переулок, Павлиха свернула за угол и пошла вокруг всего квартала. Она зорко осматривалась по сторонам, и ей всё время смутно представлялось, что квартал — одно общее хозяйство, а она — его главная хозяйка. Это была очень странная, но навязчивая мысль, и старуха, сама не замечая, мало-помалу проникалась сознанием того, что она так же отвечает за целость и сохранность этого хозяйства, как до сих пор отвечала за свои чугунки и ложки. Ей так нравилось это новое сознание, что она не удовлетворилась дневным обходом и ночью, когда её мучила бессонница, поднялась с постели и ещё раз обошла весь квартал.

С той поры так и повелось. Павлиха и днём и ночью проверяла своё хозяйство. Ночи были тихие и тёплые, старуха брела босиком, опираясь на большую сукова-

тую палку. Спешить было некуда, и она останавливалась около каждого дома. Всё молчало, лишь иногда откуда-то доносился собачий лай. Старухе казалось, что она одна на целом свете. Она опиралась подбородком о палку и начинала думать о бывших хозяевах квартала, о его больших и малых обитателях. Где они теперь? "Вот, жили, думали, что умней их нет, — размышляла Павлиха, — ан нет, брат... Умны-умны, а без старухи не обошлось. Ну, ладно, странствуйте пока, а старуха покараулит. У старухи ничего не пропадет, не-ет!" И ей начинало казаться, что обитатели переулка неразумны, как маленькие дети, и все до одного нуждаются в её опеке. Так когда-то были глупы и беспомощны её собственные ребятишки. Старуха скорбно улыбалась: эти мысли были ей и приятны и горьки.

Однажды Павлиха попала под ночную бомбежку. Плотные тучи окутывали небо, и гитлеровцы сбросили светящиеся ракеты. Над улицей висела гирлянда ослепительно ярких фонарей; дома, заборы, деревья были залиты мертвенным, красноватым светом. Старуха остановилась у закрытой калитки, где её захватили тревожные гудки, и замерла, как изваяние. Её освещало со всех сторон, но она даже не пыталась уйти в тень. Когда взрывы раздавались совсем близко, она раскрывала рот, ловя воздух; когда наступало затишье — опускала глаза и задумывались о жителях переулка и о том, что за последнее время почему-то часто приходило ей в голову, — о своей ранней молодости.

Как-то раз во время дневного обхода Павлиха встретила двух милиционеров. Они с удивлением посмотрели на старуху.

— Здорово, бабка! — крикнул один из них. — Ты что здесь делаешь?

Павлиха, не отвечая, шла прямо на них. Милиционеры недоумевающе рассматривали её чёрные ноги, подоткнутую юбку, палку, размеренно постукивающую о пыльную дорожку.

— Ты откуда, бабушка?

— Живу здесь, — ответила старуха останавливаясь.

— Живёшь? Одна?

— Одна.

— А что ты здесь делаешь?

— Караулю.

— Вот дело!.. А как тебя звать?

— Павлихой зовут, — сдержанно ответила старуха.

Милиционеры переглянулись. Они были крепкие, коренастые, и старуха стояла перед ними, как высохшая, закопчённая жердь. Один милиционер улыбнулся.

— Ишь ты... А как ты караулишь? Не страшно тебе?

— Я не боюсь, — ответила Павлиха.

— И всё цело?

— Пропаж не было.

— Ну, молодец бабка. Помогай нам. Скоро народ начнет возвращаться. Вот только снасть у тебя... — милиционер покосился на Павлихину палку, — снасть у тебя неважная. Что с тобой делать? Наган, что ли, дать?

Шутка показалась Павлихе неуместной. Она промолчала.

— Ну, прощай, бабушка, — сказали милиционеры. — Мы ещё наведаемся. Поглядывай тут...

Они ушли, покачивая головами, разговаривая на ходу.

— Вот каляная старуха!

— Настоящий комендант...

Милиционеры приходили ещё несколько раз. Они расспрашивали старуху о том, не скучает ли она в одиночестве, не хворает ли. Весть о старухе мало-помалу стала распространяться по соседним переулкам и улицам.

Павлиха ничего этого не знала. Ей было не до пустяков. За последнее время её голова была занята новыми мыслями и соображениями. Ей казалось, что приближается главный, важнейший час её служения, что скоро придёт он — недобрый, злоумышленный человек. Она не задумывалась над тем, откуда взялась эта мысль, — просто верила и ждала.

И Павлиха не ошиблась — «он» действительно пришёл. Это было ранним утром, вскоре после восхода солнца. Старуха шла мимо разбитого дома и вдруг увидела, что среди развалин возится незнакомый человек. Приподняв бревна, он с усилием тащил к себе пару новых мужских сапог. Оборванный и лохматый, с небритым, опухшим лицом, он был похож на чудовище, которое родилось где-то во мгле засыпанного погреба. Старуха остановилась перед развалинами.

— Эй, как тебя! — крикнула она резко и скрипуче. — Тебе чего там надо?

Незнакомец вздрогнул, поднял голову. Увидев старуху, он оправился от смущения, однако бросил сапоги и медленно вышел на дорогу.

— Ты что там делаешь? — спросила старуха.

Незнакомец заискивающе и примирительно улыбался.

— Ты откуда, бабушка, здешняя, что ли?

У него были маленькие, красные глаза и толстые губы.

Старуха посмотрела на него минуту и подошла к развалинам.

— Уйди отсюда! — сказала она.

Незнакомец всё ещё улыбался.

— Зачем мне уходить?

— Уйди! — повторила старуха громче. — Ну?

В глазах у незнакомца появилась угроза.

— Ты не шебурши, старая, а то как толкану тебя...

Ярость охватила Павлиху. Подбородок её запрыгал, и вся она затряслась с головы до ног. Замахнувшись палкой, она двинулась на незнакомца.

— Ты уйдёшь отсюда, анчихрист? Ворюга!.. Сейчас людей кликну.

Незнакомец пугливо оглянулся.

— Чего ты шумишь, бабка? Что я тебе, мешаю?

— Уйди! — кричала старуха. — Сейчас позову народ... Уходи, чтобы духу твоего здесь не было!..

Он попятился перед нею, отступил на несколько шагов. Старуха шла за ним, размахивая палкой.

— Анчихрист проклятый! — кричала она на весь переулок. — Дерьмо несчастное! Люди мучаются, а ты по дворам шаришь, падали ищешь... Гитлеряка поганая!..

Он отступал и отступал. Когда они оказались посередине переулка, незнакомец метнул глазами направо и налево и вдруг, изогнувшись, кинулся на старуху. Павлиха попыталась его оттолкнуть, но мужчина был сильнее её. Его пальцы охватили сухую старушечью шею. Что-то хрустнуло у Павлихи в горле, и старуха, обессилев, откинулась назад.

Она молча свалилась на землю, и вслед за нею тяжело рухнул мужчина. Они бились и ворочались в пыли, а на углу уже слышались тревожные окрики, свистки и торопливый топот чьих-то ног. Старуха стала задыхаться, как вдруг пальцы, сжимавшие её горло, ослабели и разжались.

— Бабка, ты жива? — проговорил кто-то.

Павлиха через силу открыла глаза. Возле неё на коленях стоял знакомый милиционер. Его товарищ, навалясь на незнакомца, быстро связывал ему руки.

— Ну, вовремя поспели, — говорил милиционер, тяжело дыша и взглядывая то на старуху, то на незнакомца. — Хорошо, что крик услыхали, а то бы... Кости-то

целы, бабушка? А это, значит, мародёр? Ну, хорошо, голубчик, хорошо, мы с тобой погово-ри-им...

Павлиха оперлась на локоть, с трудом села, а потом кое-как поднялась на ноги. Она потёрла горло, затем отряхнула запылённую юбку. Милиционеры скрутили и повели мародёра — она даже не взглянула ему вслед.

...После первой бомбежки прошло восемнадцать дней. Жители начали возвращаться в город. Однажды, сидя в кухоньке, Павлиха услышала на улице стук колёс. Она выскочила за калитку. По переулку, толкая перед собою ручную тележку с домашним имуществом, шёл её сосед — старый сапожник. Его сопровождала семья. Сосед едва заметил Павлиху. Озабоченный, с нахмуренным лицом, он быстро подкатил к своему домику и начал отрывать перекладины от забитой калитки. Домашние помогали ему. Павлиха издали наблюдала за ними. Теперь соседи уже не казались ей беспомощными, неразумными детьми, как несколько дней тому назад, — в каждом их движении чувствовались настоящие хозяева. Они действовали ловко и уверенно. Старуха видела, как открылась калитка, распахнулись ворота и тележка, поскрипывая, въехала на заросший травою двор. Когда ворота снова захлопнулись, старуха повернулась и пошла домой. У неё было такое чувство, будто она сейчас с рук на руки сдала часть большого хозяйства, которым ей было доверено управлять. Ей было приятно, что это хозяйство уцелело, и в то же время было чего-то жаль.

На другой день вернулись ещё два обитателя переулка с семьями, на третий — четыре. Они, как и сапожник, мимоходом здоровались со старухой и тотчас брались за свои дела. Старуха видела, как оживают дом за домом, как в переулке начинают рыться куры, бродить козы, и ей всё время казалось, что она по частям сдаёт своё большое хозяйство.

Вернулась и украинка. Улучив удобную минуту, Павлиха поманила к себе маленькую Галю.

— Ступай поищи в лопухах сбоку порога, — сказала она девочке. — Там твой куклёнок лежит.

Девочка отыскала куклу и, обрадованная, кинулась к матери.

— Мама, мама!.. — кричала она. — Смотри, вот...

Украинка пронзительно взглянула на Павлиху, но старуха, как ни в чём не бывало, смотрела в противоположную сторону.

После всех вернулась Павлихина дочь. Старуха равнодушно расцеловалась с нею и тотчас занялась курами.

— Ну, как тут жили, мамаша? — спросила дочь.

— Ничего... — ответила старуха.

Дочь знала свою мать и уже не возобновляла расспросов.

Переулок ожил. Возле раскрытых калиток разговаривали женщины, ребятишки кувыркались на зелёном пригорке. Павлиха вышла на улицу, гоня перед собою кур и поросёнка. Она села на траву, напустила на лоб платок и погрузилась в оцепенение — сухая, с бесстрастным бронзовым лицом, более, чем когда-либо, похожая на индианку.

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ

Рассказ в сокращении

Весна сорок пятого застала нас в маленьком подмосковном городке Серпухове.

Наш эшелон, собранный из товарных теплушек, проплутав около недели по заснеженным пространствам России, наконец февральской вьюжной ночью нашёл себе пристанище в серпуховском тупике. В последний раз вдоль состава пробежал морозный звон буферов, будто в поезде везли битую стеклянную посуду, эшелон замер, и стало слышно, как в дощатую стенку вагона секло сухой снежной крупой. Вслед за нетерпеливым озябшим путейским свистком сразу же началась разгрузка. Нас выносили прямо в нижнем белье, накрыв сверху одеялами, складывали в грузовики, гулко хлопавшие на ветру промёрзлым брезентом, и увозили куда-то по тёмным ночным улицам.

Два окна второго этажа, из которых нам, лежащим, были видны одни только макушки голых деревьев да временами белое мельтешенье снега, двенадцать белых коек и шесть белых тумбочек, белые гипсы, белые бинты, белые халаты сестёр и врачей и этот белый, постоянно висевший над головой потолок, изученный до последней трещинки. Белое, белое, белое…

Впрочем, гипсы, в которые мы были закованы всяк на свой манер, уже давно утратили свою белизну. Они замызгались, залоснились от долгой лёжки, насквозь пропитались жёлто-зелёной жижей тлеющих под ними ран. От них неистребимо тянуло сладковатым духом тления, воздух в палате стоял густ и тяжек, и, чтобы хоть как-то его уснастить, мы поливали гипсы одеколоном.

Медленно заживающие раны зудели, и это было нестерпимой пыткой, не дававшей покоя ни днём, ни ночью. Вопреки строгим запретам врачей мы просверливали в гипсах дыры вокруг ран, чтобы добраться до тела карандашом или прутиком от веника. Когда же в городе зацвела черёмуха и серпуховские ткачихи и школьники начали приносить в палату обрызганные росой благоухающие букеты, они не знали, что по ночам мы безжалостно раздёргивали их цветы, чтобы выломать себе палочки, которые каждый запасал и тайно хранил под матрасом как драгоценный инструмент.

В том, что на освободившиеся места не клали новеньких, чувствовалась близость конца войны. Конечно, там, на Западе, кто-то и теперь ещё падал, подкошенный пулей или осколком, и в глубь страны по-прежнему мчались лазаретные теплушки, но в наш госпиталь раненых больше не поступало. Их не привозили к нам, наверно, потому, что здание надо было привести в порядок и к сентябрю вернуть школьникам.

После того как пал Будапешт и была взята Вена, палатное радио не выключалось даже ночью.

Было видно, что теперь всё кончится без нас.

А оперировали меня в сосновой рощице, куда долетала канонада близкого фронта. Роща была начинена повозками и грузовиками, беспрерывно подвозившими раненых. Наспех забинтованные солдаты – обросшие, осунувшиеся, в заляпанных распутицей шинелях и гимнастёрках – ожидали под соснами врачебного осмотра и перевязок. В первую очередь пропускали тяжелораненых, сложенных у медсанбата на подстилках из соснового лапника.

Под пологом просторной палатки, с окнами и жестяной трубой над брезентовой крышей, стояли сдвинутые в один ряд столы, накрытые клеёнками. Раздетые

до нижнего белья раненые лежали поперёк столов с интервалом железнодорожных шпал. Это была внутренняя очередь – непосредственно к хирургическому ножу. Сам же хирург – сухой, сутулый, с жёлтым морщинистым лицом и закатанными выше костлявых локтей рукавами халата – в окружении сестёр орудовал за отдельным столом.

Очередного раненого переносили на отдельный стол, лицо его накрывали толсто сложенной марлей, чем-то брызгали на неё, и по палате расползался незнакомый вкрадчивый запах. Стол обступали сёстры, что-то там придерживали, оттягивали, прижимали, подавали шприцы и инструменты. Среди толпы сестёр горбилась высокая фигура хирурга, начинали мелькать его оголённые острые локти, слышались отрывисто-резкие слова каких-то его команд, которые нельзя было разобрать за шумом примуса, непрестанно кипятившего воду. Время от времени раздавался звонкий металлический шлепок: это хирург выбрасывал в цинковый тазик извлечённый осколок или пулю к подножию стола. А где-то за лазаретной рощей, прорываясь сквозь ватную глухоту сосновой хвои, грохотали разрывы, и стены палатки вздрагивали туго натянутым брезентом.

Наконец, хирург выпрямился и, как-то мученически, неприязненно, красноватыми от бессонницы глазами взглянув на остальных, дожидавшихся своей очереди, отходил в угол мыть руки. Он шлёпал соском рукомойника, и я видел, как острилась его узкая спина с завязками на халате и как устало обвисали плечи.

Пока он приводил руки в порядок, одна из сестёр подхватывала и уносила таз, где среди красной каши из мокрых бинтов и ваты иногда пронзительно-восково, по-куриному желтела чья-то кисть, чья-то стопа…

Обработанный солдат какие-то минуты ещё остается в одиночестве на своём столе, но вот уже сестра подходит к нему, начинает тормошить, приговаривая:

– Солдат, а солдат… Солдат, а солдат…

Она произносила это с механической однотонностью, как, наверное, уже сотни раз прежде и как будет скоро говорить мне, а после меня – тем, что длинной вереницей лежат за палаткой на сосновых лапах. И тем, которых ещё только везли сюда, и многим другим, которые в этот час находятся к западу от сосновой рощи, ещё целы и невредимы, но падут вечером или ночью, завтра, через неделю…

– Солдат, а солдат…

Оперированный не подает признаков жизни, и тогда сестра принимается шлёпать ладонью по его небритым, запавшим щекам, чтобы он поскорее пришёл в себя и уступил место другому. Если нет тяжёлого шока, солдат постепенно очухивается, начинает крутить головой, и тотчас раздается нетерпеливый приказ хирурга:

– Унести!

Раненого подхватывают на носилки и уносят. Сестра поливает стол горячей водой из голубого домашнего чайника, другая вытирает тряпкой, тогда как старшая хирургическая сворачивает марлю для очередной наркозной маски.

– Следующий! – выкрикивает хирург и воздевает кверху обтёртые спиртом длиннопалые ладони…

В Россию въехали со стороны Орши, и хотя в узкие продолговатые оконца могли смотреть только те, кому достались верхние нары, мы, нижние и средние, и без того догадывались, что едем по России: исчезала едкая сырость Балтики, в щелястый пол начало подбивать сухим снежком, морозно, остро пахло близким зимним лесом, а на безвестных станциях вдоль эшелона хрустели торопливые шаги, и было щемяще-радостно узнавать родную сторону по бабьим и детским голосам, по их просительным выкрикам: «Картошка! Картошка! Кому варёной картошки?!», «Есть горячие шти! Шти горячие!»

Но всё это было ещё в январе.

Теперь же шла весна, и мы находились в глубоком тылу, вдалеке от войны.

– Интересно, где теперь наши? – спрашивал, ни к кому не обращаясь, лежавший в дальнем углу Саша Селиванов, смуглый волгарь с татарской раскосиной.

Войска восточно-прусского направления шли уже где-то по полям Померании, и мы, вслушиваясь в сводки Совинформбюро, пытались напасть на след своих подразделений. Но по радио не назывались номера дивизий и полков, все они были энскими частями.

Сашина толсто загипсованная нога торчала над щитком кровати наподобие пушки, за что Сашу в палате прозвали Самоходкой. К ноге с помощью кронштейна и блока был подвязан мешочек с песком, отчего Саша вынужден был всё время лежать на спине, а если и садился, то в неудобной позе, с высоко задранной ногой.

Бородухов заметно напирал на «о», отчего речь его звучала весомо и основательно. Был он из мезенских мужиков-лесовиков, уже в летах, кряжист и матёр телом, под которым тугая панцирная сетка провисала, как верёвочный гамак. Минные осколки угодили ему в тазовую кость, но лежал он легко, ни разу не закряхтев, не поморщившись. С начала войны это четвёртое его ранение, и потому, должно быть, Бородухов отлёживал свой очередной лазарет как-то по-домашнему, с несуетной обстоятельностью, словно пребывал в доме отдыха по профсоюзной путёвке.

Я слушал разговоры в палате, потихоньку температурил, задрёмывал, снова открывал глаза и подолгу глядел в весеннее небо. Мой нагрудный гипсовый жилет походил на рачью скорлупу с одной клешнёй. Под скорлупой тупо мозжила раздробленная лопатка, внутри клешни безвольно пролегала плеть правой руки, перебитой в предплечье и заклиненной в локтевом суставе.

Сам факт моего ранения я пытался приспособить к моей наивной теории бессмертия: ведь я только ранен, а не убит! А раны – это всего лишь испытание. Мне шёл тогда двадцать первый. Пули врага долгое время облетали меня, и я думал, верил, что это так и должно быть. За несколько минут до того, как меня изрешетило осколками, мы прямой наводкой расстреливали выскочивших из горящего танка троих немцев. В своих чёрных коротеньких френчах похожие на тараканов, немцы, быстро перебирая руками и ногами, карабкались на четвереньках по крутому склону приозёрной дюны. Песок осыпался, они беспомощно съезжали вниз и начинали снова карабкаться в своём насекомьем безумии. Мы били по ним болванками с трёхсот метров, и снаряды без следа исчезали в толще песка.

Слева от меня лежал солдат Копёшкин. У Копёшкина перебиты обе руки, повреждены шейные позвонки, имелись и ещё какие-то увечья. Его замуровали в сплошной нагрудный гипс, а голову прибинтовали к лубку, подведённому под затылок. Копёшкин лежал только навзничь, и обе его руки, согнутые в локтях навстречу друг другу, торчали над грудью, тоже загипсованные до самых пальцев. Эта конструкция со всеми её подпорками и расчалками на обиходном госпитальном языке именовалась «самолётом». Копёшкин, как нам удалось у него дознаться, числился в обозе, справляя и на войне свою нехитрую крестьянскую работу: запрягал, распрягал, кормил-поил обозных лошадей; летом, если позволяли фронтовые условия, гонял их в ночное, чинил сбрую, возил за батальоном всякую солдатскую поклажу: мешки с сухарями, концентраты, каптёрское имущество, патронные цинки.

– Медалей много навоевал? – интересовался Самоходка.

– Дак какие медали… – слабым сдавленным голосом отзывался из своего склепа Копёшкин. – За езду рази дают…

В последние дни Копёшкину стало худо. Говорил он всё реже, да и то безголосо, одними только губами, и надо было напрягаться, чтобы что-то разобрать в его невнятном шёпоте. Несколько раз ему вливали свежую кровь, но всё равно что-то

ломало его, жгло под гипсовым скафандром, он и вовсе усох лицом, резко проступили заросшие ржавой щетиной скулы, сбрить которые мешали бинты. Иной раз было трудно сказать, жив ли он ещё в своей скорлупе или уже затих навечно. Лишь когда дежурная сестра Таня подсаживалась к нему и начинала кормить с ложки, было видно, что в нём ещё теплится какая-то живинка.

– Ты давай ешь, – наставлял его Бородухов. – Перемогайся, парень. Вон скоро и война кончится. Пошто уж теперь зазря гибнуть-то.

Копёшкин, будто внемля совету, чуть приоткрывал сухие губы, но зубов не разнимал, крепко держал ими свою боль.

Как-то раз на имя Копёшкина пришло письмо – голубенький косячок из тетрадочной обёртки. Сестра поднесла конверт к его глазам, показала адрес.

– Из дому? – спросил Бородухов.

Подёрнутые температурным нагаром губы Копёшкина в ответ разошлись в тихой медленной улыбке.

– Вот и хорошо, вот и ладно. Пацаны-то есть?

Копёшкин с трудом пригнул два непослушных жёлто-сизых пальца с приставшими крупинками гипса на волосках, показывая остальные три.

Трое, выходит? Тогда держись, держись, парень. Теперь домой недалеко.

Косячок развернули и вставили ему в руки.

Весь остаток дня листок проторчал в недвижных руках Копёшкина, будто вложенный в станок. С ним он и спал ночью. А может быть, и не спал… Лишь на следующее утро попросил перевернуть другой стороной и долго разглядывал обратный адрес, где крупными неловкими буквами, надписанными послюнявленным чернильным карандашом, было выведено: «Пензенская область, Ломовской район, деревня Сухой Житень».

Перед маем из нашей палаты ушли сразу трое. Им выдали новенькие костыли, довольствие на дорогу и отправили по домам. Это тоже означало конец войне.

Ушёл к окну сапёр Михай, родом из-под загадочного бессарабского городка Флаешты. Я представлял себе молдаван непременно черноволосыми, поджарыми и проворными, а это был молчаливо-медлительный увалень с широченной спиной и с детским выражением округлого лица. Этот большой тихий тридцатилетний ребенок вызывал у нас молчаливое сострадание. Он единственный в палате не носил гипсов: обе его руки были ампутированы выше локтей, и пустые рукава исподней рубахи ему подвязывали узлами.

Тётя Зина вспоминала, как она однажды, ещё зимой, убирая в туалете, застала там беспомощно стоявшего Михая.

– Гляжу, – рассказывала нянька, – а у него слёзы по щекам. До того, стало быть, расстроился. Ты что ж это, сынок, стоишь, говорю я ему, давай, милай, помогну. Так-таки не дал пуговицу отстегнуть, застеснялся… Всё, бывало, стоит ждёт, пока какой-нибудь раненый заглянет.

В один из вечеров, когда Михай вот так же сидел на подоконнике и его огненная голова полыхала от закатного солнца, Копёшкин зашевелил пальцами, прося о чём-то.

– Чего ему? – поднял голову Бородухов.

Мы прислушались к слабому голосу Копёшкина.

– Спрашивает у Михая, что видно за окном, – разобрал я, поскольку моя койка стояла ближе всех к его кровати.

– Солнце вижу… Поле вижу… – не оборачиваясь, ответил Михай.

– Далеко? – спрашивает, – переводил я шёпот Копёшкина.

– Поле? А там… За рекой.

– Какое оно? – говорит. – Что посеяно?

– Зелёное. Хлеб будет.

Копёшкин вздохнул, закрыл глаза и больше не спрашивал.

– Эх, братья-славяне! – с горькой весёлостью воскликнул Самоходка. – Мне бы девчоночку! Дошкандыбаю до своей матушки-Волги – такие страдания разведу, ёлки-шишки посыпятся!

Но шутить у нас было некому. Двое наших шутников, двое счастливчиков – Саенко и Бугаев, – почти не обитали в палате. В отличие от нас, белокальсонников, они щеголяли в полосатых госпитальных халатах, которые позволяли им разгуливать по двору. Чуть только дождавшись обхода, они рассовывали по карманам курево, спички, домино и, выставив вперёд по гипсовому сапогу – Саенко правую ногу, Бугаев левую, – упрыгивали из палаты. Остальные поглядывали на них с завистью.

Возвращались они только к обеду. От них вкусно, опьяняюще пахло солнцем, ветреной свежестью воли, а иногда и винцом.

А за окном было, действительно, невообразимо хорошо. Саенко, уходя, открывал для нас окно, которое в общем-то открывать не разрешалось, мы пьянели от пряной тополевой горечи ворвавшегося воздуха. А тут ещё повадился под окно зяблик. Каждый вечер на закате он садился на самую последнюю ветку, выше которой уже ничего не было, и начинал выворачивать нам души своей развесёлой цыганистой трелью.

Рухнул, капитулировал наконец и сам Берлин! Но этому как-то даже не верилось.

Мы жадно разглядывали газетные фотографии, на которых были отсняты бои на улицах фашистской столицы. Мрачные руины, развёрстые утробы подвалов, толпы оборванных, чумазых, перепуганных гитлеровцев с задранными руками, белые флаги и простыни на балконах и в окнах домов… Но всё-таки не верилось, что это и есть конец.

И действительно, война все ещё продолжалась и третьего мая, и пятого, и седьмого… Сколько же ещё?! Это ежеминутное ожидание конца взвинчивало всех до крайности. Даже раны в последние дни почему-то особенно донимали, будто на изломе погоды.

Так прошел восьмой день мая и томительно-тихий вечер.

А ночью, отчего-то вдруг пробудившись, я увидел, как в лунных столбах света, цепляясь за спинки кроватей, промелькнул в исподнем белье Саенко, подсел к Бородухову.

– Спишь?

– Да нет…

– Кажется, Дед приехал.

– Похоже – он.

– Чего бы ему ночью…

По госпитальному коридору хрустко хрумкали сапоги. В гулкой коридорной пустоте всё отчетливей слышался сдержанный голос начальника госпиталя полковника Туранцева, или Деда, как называли его за узкую ассирийскую лопаточку бороды. Туранцева все побаивались, но и уважали: был он строг и даже суров, но считался хорошим хирургом и в тяжёлых операциях нередко сам брался за скальпель.

И вот этот самый Дед шёл по ночному госпитальному коридору. Мы слышали, как он вполголоса разговаривал со своим заместителем по хозяйственной части Звонарчуком. Его жёсткий сухой бас, казалось, просверливал стены:

– …Выдать всё чистое – постель, бельё.

– Мы ж тильки змэнилы.

– Всё равно сменить, сменить.

– Слухаюсь, Анатоль Сергеич.

– Заколите кабана. Сделайте к обеду что-нибудь поинтереснее. Не жмитесь, не жалейте продуктов.

– Та я ж, Анатоль Сергеич, зо всий душою. Всэ, що трэба…

– Потом вот что… Хорошо бы к обеду вина. Как думаете?

– Цэ можно. У мэни рэктификату йе трохы.

– Нет, спирт не то. Крепковато. Да и буднично как-то… День! День-то какой, голубчик вы мой!

– Та ж яснэ дило…

Шаги и голоса отдалились.

Бу-бу-бу-бу…

Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время… Что-то враз обожгло меня изнутри, гулкими толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на моём виске.

Внезапно Саенко вскинул руки, потряс в пучке лунного света синими от татуировки кулаками.

– Всё! Конец! Конец, ребята! – завопил он. – Это, братцы, конец! – И, не находя больше слов, круто, яростно, счастливо выматерился на всю палату.

– Бросьте вы, дьяволы, – окликнул Бородухов. – Гипсы поломаете.

– А, хрен с ними! – тряхнул головой Саенко. Он дурашливо заплясал в проходе между койками, нарочно притопывая гипсовой ногой-колотушкой по паркету:

Эх, милка моя,
Юбка лыковая!

Бугаёв, бросив Самоходку, принялся подыгрывать, тряся, будто бубнами, шахматной доской с громыхающими внутри фигурами.

У меня теперь нога
Тоже липовая…

За окном в светлой лунной ночи сочно расцвела малиновая ракета, переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась зелёная. Где-то резко рыкнула автоматная очередь. Потом слаженно забасили гудки: должно быть, трубили буксиры на недалекой Оке.

– Братцы! – Саенко застучал кулаком в стену соседней палаты. – Эй, ребята! Слышите!

Там тоже не спали и в ответ забухали чем-то глухим и тяжёлым, скорее всего резиновым набалдашником костыля.

Меж тем за окном всё чаще, всё гуще взлетали в небо пёстрые, ликующие ракеты, и от них по стенам и лицам ходили цветные всполохи и причудливые тени деревьев.

Город тоже не спал.

Едва только дождались рассвета, все, кто был способен хоть как-то передвигаться, кто сумел раздобыть более или менее нестыдную одежку – пижамные штаны или какой-нибудь халатишко, а иные и просто в одном исподнем белье – повалили на улицу. Саенко и Бугаёв, распахнув для нас оба окна, тоже поскакали из палаты. Коридор гудел от стука и скрипа костылей. Нам было слышно, как госпитальный садик наполнялся бурливым гомоном людей, высыпавших из соседних домов и переулков.

– Что там, Михай?

– Аяй-яй… – качал головой молдаванин.

– Что?

– Цветы несут… Обнимаются, вижу… Целуются, вижу…

И вдруг грянул неизвестно откуда взявшийся оркестр:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой…

Музыка звучала торжественно и сурово. Ухавший барабан будто отсчитывал чью-то тяжёлую поступь.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна…

Но вот сквозь чёткий выговор труб пробились отдельные людские голоса, потом мелодию подхватили другие, сначала неуверенно и нестройно, но постепенно приладились, и, будто обрадовавшись, что песня настроилась, пошла, запели дружно, мощно, истово, выплёскивая ещё оставшиеся запасы святой ярости и гнева. Высокий женский голос где-то на грани крика и плача, как острие, пронизывал хор:

Идёт война народна-ая-я…

От этой песни всегда что-то закипало в груди, а сейчас, когда нервы у всех были на пределе, она хватала за горло, и я видел, как стоявший перед окном Михай судорожно двигал челюстями и вытирал рукавом глаза. Саша Самоходка первый не выдержал. Он запел, ударяя кулаком по щитку кровати, сотрясая и койку, и самого себя. Запел, раскачиваясь туловищем, молдаванин. Небритым кадыком задвигал Бородухов. Вслед за нами песню подхватили в соседней палате, потом наверху, на третьем этаже.

Оркестр смолк, и сразу же без роздыха, лихо, весело трубы ударили «яблочко». Дробно застучали каблуки.

Эх, Гитлер-фашист,
Куда топаешь?
До Москвы не дойдешь –
Пулю слопаешь…

Между тем начался митинг. Было слышно, как что-то выкрикивал наш замполит. Голос его, и без того не шибко речистый, простудно-сиплый, теперь дрожал и поминутно рвался: видно, замполит и сам порядочно волновался. Когда он неожиданно замолкал, мучительно подбирая нужные слова, неловкую паузу заполняли дружеские всплески аплодисментов. Да и не особенно было важно, что он сейчас говорил.

Часу в девятом в нашу дверь несмело постучали.

– Давай, кто там?! – отозвался Саша Самоходка.

– Разрешите?

В палату вошёл ветхий старичок с фанерным баулом и каким-то зачехлённым предметом под мышкой. На старичке поверх чёрного сюртука был наброшен госпитальный халат, волочившийся по полу.

– С праздником вас, товарищи воины! – Старичок снял суконную зимнюю кепку, показал в поклоне восковую плешь. – Кто желает иметь фотографию в День Победы?

– Это ничего, друзья мои. Уверяю вас… Доверьтесь старому мастеру.

Старичок присел перед баулом на корточки, извлёк новую шерстяную гимнастёрку, встряхнул ею, как фокусник, перекинул через плечо, после чего достал чёрную кубанку с золочёным перекрестием по красному верху.

После Михая фотограф прямо в койке обмундировал в ту же гимнастёрку Сашу Самоходку. Саша, хохоча, пожелал сняться с орденами.

– «Отечественная», папаша, найдётся? – спросил он, подмигивая Бородухову.

– Пожалуйста, пожалуйста.

– И Славу повесь.

– Можно и Славу. Можно и полного кавалера, – нимало не смутившись, предложил старичок, видимо, поняв, что Саша всё обращает в шутку.

– Ну и даёт старикан! – реготал Самоходка.

– В каждом деле, молодой человек, имеется своё искусство.

– Весёлый вы человек! – жиденько засмеялся старичок и погрозил Самоходке коричневым от проявителя пальцем.

На меня гимнастёрка не налезла: помешала загипсованная оттопыренная рука.

– Хотите манишку? – вышел из положения старичок, который, видимо, уже давно специализировался на съёмках калек и предусмотрел все возможные варианты увечья. – Не беспокойтесь, я уже таких, как вы, фотографировал. Уверяю вас: всё будет хорошо.

Но манишки, а попросту говоря, нагрудника с пуговицами, я устыдился и не стал сниматься. Отказался и Бородухов, проворчавший сердито:

– Обойдусь. Скоро сам домой приеду.

– Тогда давайте вы. – Старичок цепким взглядом окинул Копёшкина, должно быть прикидывая, какую можно к нему применить декорацию и бутафорский реквизит, чтобы и этому недвижному солдату придать бравый вид.

– К нему, дед, не лезь, – сказал строго Бородухов.

– Но, может, он желает?

– Ничего он не желает… Не видишь, что ли?

– Понимаю, понимаю, – старичок приложил палец к губам и на цыпочках отошёл от койки.

– Тогда счастливо выздоравливать. Фотографии только через десять дней. Много другой работы. Тула… Владимир… Это всё моя зона.

Госпитальный садик все ещё гудел народом. Играла музыка – всё больше вальсы, от которых щемило сердце. Саенко и Бугаев вернулись в палату с красными бантами на пижамах и с охапками черемухи.

Перед обедом нам сменили бельё, побрили, потом зарёванная по случаю праздника, с распухшим носом тётя Зина разносила янтарно-жёлтый суп из кабана.

– Кушайте, сыночки, кушайте, родненькие. – Концом косынки она утирала мокрые морщинистые щёки. – Суп-то нынче добрый… Ох ты господи! А я как услышала, так и села. Сколько по этим-то итажам выбегала, сколь носилок перетаскала и – ничего. А тут хочу, хочу встать, а ноги как не мои…

Слёзы опять выступили на её глазах, она торопливо утёрлась и тут же улыбнулась, просветлела лицом.

– Кушайте, кушайте, а я пойду котлеток принесу. Поправляйтесь на здоровье, уж теперь недолго осталося…

Дверь распахнулась от толчка сапогом, в палату грузно протиснулся начхоз Звонарчук с неузнаваемо обвисшими усами на широком потном лице.

– Погодьте, погодьте исты!

На вытянутых руках он нёс медный самоварный поднос с несколькими тёмно-красными стаканами.

– З победою вас, товаришчи, – поздравил он усталым, по-детски тонким голоском. – Скильки вас у палати?

– Семеро осталось.

– Ага, точно… Тут вам вид имени администрации… Саенко, распорядысь.

Саенко медленно, чтобы не пролить, не прыгая, как всегда, а волоча раненую ногу по полу, при полном молчании всех присутствующих разнёс стаканы по тумбочкам. Лицо его при этом было озабоченным и строгим, а нижняя губа аскетически поджата, словно у ксендза при свершении исповеди. Да и правда, эти рубиново-красные, наполненные до краёв стаканы воспринимались в нашей бесцветно-белой палате как нечто небывало-торжественное.

Минуту-другую каждый молча созерцал свой стакан.

– Ну что, солдаты… Давайте колыхнём, что ли… – предложил Саенко.

Михай послушно сел на край койки, запрокинул голову.

– Ну, браток… За Победу?

– Ага.

– Жаль, нельзя с тобой чокнуться…

По лицу Михая скользнула виноватая улыбка.

– Ну ничего… поехали.

Мы смотрели, как Бугаев, осторожно наклоняя стакан, вылил вино в птенцово раскрытый рот молдаванина.

– Во, парень, – удовлетворенно сказал он. – Это дело. Ничего, наловчишься… – Бугаев вытер пижамным рукавом Михаев подбородок, по которому скользнула алая струйка, и, зачерпнув из супа картофелину, дал ему закусить. – Я знал одного такого, как ты, так он приспособился зубами брать стакан за край и высасывал всё до донышка.

– Вино пить можно. А как теперь его делать будешь! – Михай тряхнул узлами рукавов. – Вину руки нужны.

– Аяй-ай-ай… – Михай покачал головой.

– Ну будет, будет про это… – прервал Бородухов и степенно провозгласил: – Давайте, робяты, за дальнейшую нашу жисть выпьем… Как она дальше пойдёт… Что было – то было, будь оно неладно! Живым жить, живое загадывать.

Мы выпили.

Прибежала Таня, поздравила с праздником, поставила на нашу с Копёшкиным тумбочку букет подснежников, принялась кормить его с ложки. Копёшкин, глотая жижу, морщился, пускал пузыри.

– Ты ему винца всплесни, – посоветовал Саенко.

– А что? Пусть солдат разговеется.

– Ему же нельзя.

– Дай, дай ему. Отпусти ты его душу на волю. Вот увидишь, полегчает с вина-то.

– Не говорите глупостей.

– Всё, славяне! Завтра буду проситься на выписку, – решительным тоном сказал Саша Самоходка.

Таня посмотрела в его сторону, укоризненно покачала головой.

– Не выпишут – убегу. Тань, поехали со мной, а? На Волгу. Красота!

– По дороге потеряешь, – усмехнулась Таня.

– Честное гвардейское, не потеряю! Я ведь к тебе, можно сказать, привык. Осталось только расписаться.

– Не-е, я домой.

– Что у тебя там?

– Как что? – Михай вскинул рыжие брови. – Как что? Не был – не говори.

– Нет, брат, – Самоходка мечтательно уставился в потолок. – Где Волга не течёт, там не жизнь.

– Зачем зря говоришь? Зачем? А виноград у вас есть? А вино наше пил? Не пил.

– Квас, знаю.

– Что Волга? Что Волга? Мы воду не пьём, мы вино пьём. Молдова, понял?

– А у нас на Мезени пиво теперь варят. – Бородухов, только что побритый, в свежей рубахе, чинно прихлёбывал наваристый суп, всякий раз подпирая донышко ложки куском хлеба.

– Сегодня везде празднуют, – сказал Саенко.

– Празднуют, да не так. У нас, на Мезени-то, бабы старинное надевают. Хороводы водят, песни поют. А потом сядут в лодки да по Мезени. А пиво я люблю, чтоб с брусникою. – Бородухов выразительно покрякал, провёл ладонью по рту, будто обтёр пивную пену. – Давно не пивал. – И добавил, задумавшись: – Поди, теперь не из чего варить.

Вино разбередило, ребята зашумели, заспорили, где жить лучше. Вмешались Саенко с Бугаевым, стали рассказывать о Сибири. Оба были родом из-за Урала, только Саенко происходил из степных алтайских хохлов, а Бугаев – енисейский чалдон.

«Сколько разных мест на земле, – думал я, слушая разговоры. – Лежали раненые и в других палатах, и у них тоже были где-то свои единственные родные города и деревни. Были они и у тех, кто уже никогда не вернётся домой… Каждый воевал, думая о своем обжитом уголке, привычном с детства, и выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника. Потому и похоронные так широко разлетались по русской земле…»

– Тише, ребята… – Бородухов первый заметил, как Копёшкин зашевелил пальцами. – Чего тебе, браток?

Мы насторожились.

– Пить?

Копёшкин отрицательно пошевелил кистью руки.

– Утку?

Припрыгал Саенко, наклонился над ним.

– Ты чего, друг?

Копёшкин что-то шепелявил сухими, ломкими губами.

Мы помолчали, ожидая, что он отдышится, но Копёшкин так больше и не заговорил.

В палате воцарилась тишина.

Я пытался представить себе родину Копёшкина. Оказалось, никто из нас ничего не знал об этой самой пензенской земле. Ни какие там реки, ни какие вообще места: лесистые ли, открытые… И даже где они находятся, как туда добираться. Знал я только, что Пенза эта где-то не то возле мордвы, не то по соседству с чувашами. Ну, а где эта самая мордва?… Я и прежде почти никогда не вспоминал, что есть такая территория в России, хотя когда-то сдавал экзамены по географии. Сдал да тут же и позабыл… Где-то там в неведомом краю стоит и копёшкинская деревенька с загадочным названием – Сухой Житень, вполне реальная, зримая, и для самого Копёшкина являет она собой центр мироздания.

Я уже вторую неделю тренировал левую руку и, размышляя о копёшкинской земле, машинально чиркал карандашом по клочку бумаги. Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевёрнутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картину в руки Копёшкина. Тот почувствовал прикосновение к пальцам, разлепил веки и долго с осмысленным вниманием разглядывал рисунок. Потом прошептал:

– Домок прибавь… У меня домок тут… На дереве…

Я понял, забрал листок, пририсовал над деревом скворечник и вернул картину.

Копёшкин, одобряя, еле заметно закивал восковым, заострившимся носом.

Ребята снова о чём-то заспорили, потом, пристроив стул между Сашиной и Бородуховой койками, шумно рубились в домино, заставляя проигравшего кукарекать.

Прислонённая к рукам Копёшкина, до самых сумерек простояла моя картинка, и я про себя радовался, что угодил ему, нарисовал нечто похожее на его родную избу. Мне казалось, что Копёшкин тихо разглядывал рисунок, вспоминая все, что было одному ему дорого в том далёком и неизвестном для остальных Сухом Житне.

Но Копёшкина уже не было…

Ушёл он незаметно, одиноко, должно быть, в тот час, когда садилось солнце и мы слушали негромкие Михаевы песни. А может быть, и раньше, когда ребята стучали костяшками домино.

В сущности, человек всегда умирает в одиночестве, даже если его изголовье участливо окружают друзья: отключает слух, чтобы не слушать ненужные сожаления, гасит зрение, как гасят свет, уходя из квартиры, и, какое-то время оставшись наедине сам с собой, в немой тишине и мраке, последним усилием отталкивает чёлн от этих берегов…

Пришли санитары, с трудом подняли с кровати тяжёлую промокшую гипсовую скорлупу, из которой торчали, уже одеревенев, иссохшие ноги Копёшкина, уложили всё это на носилки, накрыли простыней и унесли.

Вскоре неслышно вошла тётя Зина со строгим отрешённым лицом, заново застелила койку и, сменив наволочку, ещё свежую, накрахмаленную, выданную сегодня перед обедом, принялась взбивать кулаками подушку.

Я онемело смотрел на взбитую подушку, на её равнодушную праздную белизну и вдруг с пронзительной очевидностью понял: что подушка эта уже ничья, потому что её хозяин уже ничто… Его не просто вынесли из палаты – его нет вовсе. Нет!.. Можно было догнать носилки, найти Копёшкина где-то внизу, во дворе, в полутёмном каменном сарае. Но это уже будет не он, а то самое непостижимое ничто, именуемое прахом… «И это всё? – спрашивал я себя, покрываясь холодной испариной. – Больше для него ничего не будет? Тогда зачем же он был? Для чего столь долго ожидал своей очереди родиться на земле?» Завтра снимут с него теперь уже не нужную гипсовую оболочку, высвободят тело, вскроют, установят причину смерти и составят акт. Потом его останки свезут на серпуховское кладбище, где для таких, как он, госпиталь арендует угол, и там закопают – без речей, без почётного караула, без прощальных залпов.

– Ох ты, грехи наши тяжкие… – проговорила нянька, подняла с пола обронённую санитарами картинку с копёшкиной избой и прислонила её к нетронутому стакану с вином.

Мы промолчали: разговаривать ни о чем не хотелось.

Картинка была моей вольной фантазией, но теперь нарисованная изба обратилась в единственную реальность, оставшуюся после Копёшкина. Я теперь и сам верил, что такая вот – серая, бревенчатая, с тремя окнами по фасаду, с деревом и скворечником перед калиткой, – такая и стоит она где-то там на пензенской земле. В это самое время, в час сумерек, когда санитары укладывают Копёшкина в госпитальном морге, в окнах его избы, должно быть, уже затеплился жидкий огонёк керосиновой лампы, завиднелись головенки ребятишек, обступивших стол с вечерней похлёбкой. Топчется у стола жена Копёшкина (какая она? как зовут?), что-то подкладывает, подливает… Она теперь тоже знает о победе, и все в доме – в молчаливом ожидании хозяина, который не убит, а только ранен, и, даст бог, всё обойдётся…

Странно и грустно представлять себе людей, которых никогда не видел и наверняка никогда не увидишь, которые для тебя как бы не существуют, как не существуешь и ты для них.

Тишину нарушил Саенко. Он встал, допрыгал до нашей с Копёшкиным тумбочки и взял стакан.

– Зря-таки солдат не выпил напоследок, – сказал он раздумчиво, разглядывая стакан против сумеречного света в окне. – Что ж… Давайте помянем. Как хоть его звали?

– Иваном, кажется, – сказал Саша.

– Ну… Прости-прощай, брат Иван. – Саенко плеснул немного из стакана на изголовье, на котором ещё только что лежал Копёшкин. Вино густо окрасило белую накрахмаленную наволочку. – Вечная тебе память.

Оставшееся в стакане вино он разнёс по койкам, и мы выпили по глотку. Теперь оно показалось таинственно-тёмным, как кровь.

В вечернем небе снова вспыхивали праздничные ракеты.

Россия, Русь! Спаси себя, спаси.
Не дай иссякнуть людям на Руси,
Не дай погибнуть слову в наши дни.
Россия, Русь! Храни себя, храни
Во имя отца и сына
И святаго духа.
Аминь.

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ
О, Русская земля!.....9

ВЛАДИМИР ТОЛСТОЙ
Река народная в Ясную поляну 11

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Анна Каренина.....16

ИВАН ТУРГЕНЕВ
Малиновая вода 22

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ
Левша.....27

АФАНАСИЙ ФЕТ
Свеж и душист твой роскошный венок.....37

ФЁДОР ТЮТЧЕВ
Умом Россию не понять.....38

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН
День ли царит, тишина ли ночная.....38

ИВАН БУНИН
Одиночество.....38
В лесу, в горе, родник, живой и звонкий 39
На высоте, на снеговой вершине.....39

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

Праздник хлеба в Орле.....40

АНДРЕЙ ФРОЛОВ
Пироги.....41

КОРОТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
Озимые. Реалии и перспективы 42

КНЯЗЕВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
Импортозамещение по яблокам. Садам цвести.....45

ПОНИТКИН ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
Импортозамещение по молоку.
«Молочные реки, кисельные берега».....48

ВЕРШИНИН ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ
Импортозамещение по технике.
Митюшкин ломает традиции 50

ДОРОФЕЕВ МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ
Возрождение и преображение.....54

ТРУНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
Каким хочется видеть наш малый город 57

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки. Краеведение

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ
У Толстовского родника 62
Утро туманное 67
Малоархангельск. Глубинка русская моя 71

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН
Читатели и писатели 75
Лесковские места 80

ЗОЯ ТАРАБРИНА
Орёл, восставший из руин 84
Царь слова Пушкин 89

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН
«Мы уходим в пространство»… 93

Поэзия

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА
«По силе духа виден крест» 97

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
В гостях у Льва Толстого 101

ВИКТОР САДОВСКИЙ
Осенние мотивы 116

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН
Стихи из книги «Ветер времени» 121

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА
Лирика 125

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ
Тайные смыслы жизни 131

ЛЕВ КОТЮКОВ
В сумерках небожителя 137

АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА
Труба из Божьего органа 141

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ
Стихи о русской природе 145

МАРИНА КАРЛОВА
Колпна, на Тихой Сосне 147

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Переводы с французского 150

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Мои октябрьские стихи **155**

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ
«Учитель» **157**

Проза

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Не рыдай меня, мати... ..... **159**

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ
Свидание в ресторане **164**

МИХАИЛ ТУРБИН
Голавли **166**

ВЛАДИМИР САМАРИН
Тени после ночи **176**

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН
Наводнение **184**

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА
Мальва **188**

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН
Украденная любовь **196**

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО
Непокорённая тропа **201**

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА
Как у друидов: Я и деревья **207**

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ
Прощание с подругой **208**

Письма из Италии

ГИ ПОРСЕДДА
Ностальгия **209**

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА
Эскиз портрета **211**
Владимир Высоцкий. Трагедия души **213**

Для детей

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ
Дятел и азбука Морзе **216**
Гнездо в крыжовнике **217**
Райские птицы **217**
«Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка» **218**

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА,
ЕЛЕНА МАШУКОВА
Из сказочной повести «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» **220**

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ
Вывести русскую литературу из подполья 223

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ
Концепция фантастического в повести В.Ф. Одоевского «Последний квартет Бетховена» 228
Современность и «Ревизор» Н.В. Гоголя 234

ЗОЯ ТАРБРИНА
Полотно жизни 239

ЮРИЙ ФИЛЬЧАКОВ
Слово, облечённое в строку 241

ОЛЬГА СОКОВА
Заметки о книге мастера 242

Наши юбиляры

ВИКТОР САДОВСКИЙ
Мастеру Леонарду 242

РУДОЛЬФ КОТЛЕР
Юбиляру 245

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА
«Что ж ты всё о погостах, плетнях да ракитках? 245

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ
Баллада о русском языке 245

Память о них жива

АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ
Женщина расчёсывает волосы 246

ВЛАДИМИР ПЕРКИН
Бессмертие 252

АЛЕКСЕЙ ПАХОМОВ
Победитель 255

ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ
Высота Безымянная 257

ЕВГЕНИЙ ГОРБОВ
Комендант Зелёного переулка 263

ЕВГЕНИЙ НОСОВ
Красное вино Победы 270

РУССКОЕ ПОЛЕ

**РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№3

Год литературы 2015

Корректура Леонарда Золотарёва

Подписано в печать 10.11.2015 г.
Формат 84х108 1/16. Усл. п. л. 18,25.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23